This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

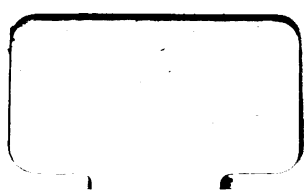
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



АННУЛИРОВАНО

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенштирнъ.

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1826.

A
PSI 2v 467.26 (1826 21÷24)

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 2го дня, 1826 года. *Экстраординарный Профессоръ Дмитрій Перевощиковъ.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 7 SEP 1966

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XII.

Отдѣленіе первое.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.
II. КРИТИКА.
III. БИБЛІОГРАФІЯ.
IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О торговлѣ и сношеніяхъ древнихъ народовъ Средней Азіи (*).

Можно почитать неожиданнымъ явленіемъ сей ярій свѣтъ, являющій какъ передъ глазами нашими страны и народы отдаленной Азіи во время Персидскаго періода; но вмѣстѣ съ симъ онъ чрезвычайно увеличиваетъ обзоръ ранняго знакомства и сношеній народовъ. Здѣсь являются историку новые виды и великая картина народныхъ сношеній въ первыхъ основаніяхъ обогащается новою группою, которая сдѣлается еще привлекательнѣе.

(*) Помѣстивъ въ No 19 Тел. извѣстія о торговлѣ новѣйшихъ народовъ Средней Азіи, мы почли любопытнымъ для читателей изображеніе торговыхъ сношеній древнихъ обитателей сихъ странъ, почему и переводимъ статью изъ книги Г. Геерена: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. (четвертое изданіе. Геттингенъ. 1824—1826 гг. 5 Томовъ). *Изд.*

и поучительнѣе своею противоположностію съ другими.

Къ счастію, здѣсь намъ не нужно оставаться при однихъ, простыхъ предположеніяхъ; Исторія сохранила для насъ точныя свѣдѣнія, съ помощію которыхъ можно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣрный очеркъ, хотя отдѣльныя подробности при немъ и не возможны.

Греческіе торговые города, при берегахъ Чернаго моря, собственно дали жизнь и дѣятельность жителямъ Сѣвера; ибо жители ихъ, одушевляемые своимъ смѣлымъ духомъ предпріимчивости, сдѣлали связи съ отдаленнымъ Востокомъ и даже, можетъ быть, получали Индійскіе товары черезъ обширныя Азіятскія степи.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что всѣ сіи города были колоніи Милета: *Ольвія*, при устьѣ Борисѳена, гдѣ нынѣ новый Херсонъ (*), занимала между ними первое мѣсто. За нею слѣдовали: *Пантикапея*, на Таврическомъ полуостровѣ; находившаяся напротивъ сего города *Фанагорія* и *Танаисъ*, во внутреннемъ углу Азовскаго моря; при устьѣ Фазиса *Діоскурія* и при сѣверныхъ берегахъ Малой Азіи или южныхъ берегахъ Понта Эвксинскаго великіе торговые города: *Синопъ*,

(*) Здѣсь явная ошибка: Ольвія находилась не на Днѣпрѣ, гдѣ Херсонъ, а на Бугѣ, тамъ гдѣ нынѣ такъ называемое урочище Сто могилъ, близъ села Ильинскаго или Порушина. *Пер.*

Гераклея и *Амизія*. Сіи города, большею частію основанные въ *седьмомъ вѣкѣ* до Рожд. Христова, слѣдовательно до начала Персидскаго владычества, овладѣли судоходствомъ и торговлею Чернаго моря. Ихъ промышленная дѣятельность произвела постепенно увеличивавшійся приливъ произведеній обширныхъ и отдаленныхъ окружныхъ странъ, ибо здѣсь былъ вѣрный и выгодный сбытъ товаровъ, до того, что наконецъ даже произведенія отдаленнаго Востока и Сѣвера получались симъ путемъ. Да позволятъ мнѣ сію обширную торговлю изслѣдовать въ отдѣльныхъ ея частяхъ.

Всѣ сіи города, особенно-же Діоскурія, *Пантикапея* и Фанагорія, были въ древнемъ мірѣ главными мѣстами для торговли рабами. Земли, ближайшія къ Черному морю, и всего болѣе сѣверныя и восточныя страны, были главными магазинами для сего безчеловѣчнаго торга, и отъ того самое названіе: *Скиѳъ*, употреблялось вмѣсто слова: рабъ.

Безпрерывныя малыя войны между Кавказскими народами были причиною множества военноплѣнныхъ, которые были продаваемы какъ рабы; да и между Скиѳскими народами, какъ вездѣ въ ордахъ, рабство было въ обычаѣ (*). Обширныя

(*) Herod. IV. 2, 3.

торжища для продажи рабовъ, въ Пантикапеѣ и Діоскуріи, даже во время Страбона были сборными мѣстами народовъ (*).

Гораздо полезнѣйшею вѣтвію торговли былъ торгъ хлѣбомъ въ зернѣ. Выше приведенныя мною извѣстія Геродота о Скиѳахъ показываютъ уже, что большая часть сихъ народовъ успѣла въ земледѣліи и что именно вся полоса Украйны, по обоимъ берегамъ Днѣпра, производила много хлѣба. До нынѣшняго Кіева простиралась обработанная земля, и какое замѣчательное прибавленіе Историка, который говоритъ о живущихъ тамъ Скиѳахъ, что они занимались земледѣліемъ не для себя, но *для торговли* (**) Ясно, что Украйна и во время Геродотскаго періода была, также какъ и нынѣ, страна богатая хлѣбомъ, для котораго великимъ складочнымъ мѣстомъ былъ городъ Ольвія. Съ нимъ въ особенно-важныхъ связяхъ были Аѳины(***), которыхъ владѣніе совсѣмъ не могло производить столько хлѣба, сколько его нужно было для жителей.

Гораздо далѣе, нежели для хлѣбной торговли, Греки проникли по сей землѣ для торговли мѣхами. Прежде замѣчено

(*) Strab. p. 755, 761. На обширныхъ торжищахъ Пантикапеи бывало, какъ говоритъ онъ, болѣе 70 разныхъ народовъ.

(**) Herod. IV, 17.

(***) Demosth. въ *Lept.* p. 254. ed. Wolf.

уже много, что торговля мѣхами была не такъ обширна въ древности, какъ нынѣ (*), однакожъ была великою и важною вѣтвію торговли. По всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, въ странахъ близъ Чернаго моря и въ другихъ, лежащихъ въ одной съ ними широтѣ, климатъ былъ несравненно холоднѣе (**) и, слѣдовательно, употребленіе теплой одежды гораздо необходимѣе, нежели нынѣ. Потому у Ѳракійскихъ и Азіятскихъ народовъ, жившихъ около 40° С. ш., какъ видно изъ Геродотова расписанія, употребленіе мѣховъ было почти всеобщимъ. Такъ, напримѣръ, Ѳракійцы носили шапки изъ лисьяго мѣха и мѣховые сапоги (***); такъ Скиѳскіе народы и жившіе сѣвернѣе ихъ, Меланхлены, обыкновенно одѣвались въ шубы. То же было въ употребленіи и у многихъ народовъ, обитавшихъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря. Далѣе мы увидимъ, что лучшіе мѣха требовались и въ Южной Азіи.

Но предпріимчивый духъ Понтійскихъ Грековъ не былъ доволенъ одною сѣверною торговлею. Они пробѣснились на Востокъ и открыли себѣ путь къ главнымъ наро-

---

(*) Heeren's Ideen, I. 114.

(**) Можно справиться съ извѣстіями Геродота, IV. 28, если и станемъ почитать жалобы Овидія увеличенными.

(***) Herod. VII. 75.

дамъ Великой Монголіи. И здѣсь Геродоту обязаны мы извѣстіями.

»До Агриппеевъ« говоритъ онъ (*) (или Калмыковъ), »земля очень извѣстна, также какъ и земли прежде упомянутыхъ народовъ, ибо частію къ нимъ ходили Скиѳы, отъ которыхъ не трудно получать извѣстія, частію Греки изъ города Ольвіи и Греческихъ торговыхъ городовъ. Но Скиѳы, ходившіе къ нимъ, объяснялись черезъ семерыхъ толмачей и на семи различныхъ языкахъ.«

Сіе достопримѣчательное извѣстіе Геродота явно содержитъ описаніе караванной торговли, которая производилась черезъ Уральскія горы, на Сѣверъ, вокругъ Каспійскаго моря, даже до средины Великой Монголіи. Понтійскіе Греки и Скиѳы принимали общее участіе въ сей торговлѣ, и отъ того, если извѣстенъ путь караванной торговли, то извѣстно и направленіе оной. Изъ кочующихъ народовъ, Скиѳы, съ своими многочисленными стадами, были лучшими перевощиками товаровъ, ибо у нихъ былъ для этого вьючный скотъ, и собственно они составляли караваны, ходившіе въ Восточную Азію.

Такимъ образомъ, начало и цѣль дороги не подвержены никакому сомнѣнію. Она начиналась въ Ольвіи, при устьѣ Борис-

(*) Herod. IV. 24.

сена; цѣлію ея были жилища Агриппеевъ или Калмыковъ, по ту сторону Уральскаго хребта. Сей народъ принадлежалъ къ великому Монгольскому племени и его можно почитать самою западною отраслію онаго. Что они были Калмыки или Монголы, это видно даже по ихъ войлочнымъ шалашамъ; напротивъ Скиѳы, которые, по сказанію Геродота, жили въ повозкахъ или шѣлегахъ, ясно обличаютъ свое Татарское происхожденіе (*). О мѣстопребываніи Агриппеевъ, по крайней мѣрѣ извѣстно опредѣлительно, что они жили въ западной половинѣ Великой Монголіи и, вѣроятно, ихъ должно искать въ нынѣшней землѣ Киргизовъ (**). О народахъ, на востокъ отъ нихъ обитавшихъ, будетъ упомянуто ниже. Но ихъ владѣнія могли занимать большое пространство и простираться на югъ до Яксарта, гдѣ они граничили съ народами Великой Татаріи и Бухаріи. Границъ ихъ къ востоку не льзя опредѣлить подробнѣе, какъ сказавъ, что они были сосѣдами Исседоновъ. Но это замѣчаніе важно, ибо послѣ сего выходитъ, что сношенія съ ними могли открывать сношенія съ Восточною и Южною Азіею. Но по какимъ *путямъ* производились они?

(*) Herod. IV. 46.

(**) Киргизы откочевали сюда изъ Сибири, гораздо позднѣе.

Одна часть пути (послѣдняя половина), которая шла черезъ степи, по ту сторону Урала, соединялась съ дорогою, гдѣ въ наше время ходятъ караваны изъ Оренбурга въ Бухару или Хиву и оттуда въ Оренбургъ. Русскія торговыя экспедиціи, и особенно поѣздка въ 1820 году, распространили на сіи страны и дороги яркій свѣтъ. Я сей часъ представлю читателямъ сообщенныя мнѣ письменныя о томъ извѣстія (*).

Слѣдуя имъ, между Оренбургомъ и Бухарою нѣтъ никакого постояннаго пути. Отъ Оренбурга до Сиръ-Даріи нѣтъ проложенной дороги: туда и сюда, подлѣ ручьевъ, однѣ тропины, вибитыя широкими копытами верблюдовъ. Русскій караванъ, находившійся подъ сильнымъ прикрытіемъ, могъ идти по опаснѣйшей до-

(*) Ideen, I т. 321 стр., гдѣ, говоря о постепенномъ убываніи Аральскаго моря, Г. Геерен пишетъ въ замѣчаніи: „Это не подвержено сомнѣнію послѣ ходившаго въ Бухару большаго каравана, въ 1820 году, при которомъ Медикомъ былъ Г. Д. Эверсманнъ и въ свитѣ находился мой почтенный другъ, Г. Полковникъ Баронъ фонъ Мейендорфъ. Первый уже сообщилъ публикѣ: *Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухару*. Берлинъ, 1823. Послѣднему обязанъ я многими рукописными извѣстіями, на которыя буду ссылаться въ сей части, но еще болѣе въ изысканіяхъ о Скиѳахъ.“ Это писано до появленія книги Г. Мейендорфа. *Прим. Перев.*

рогъ и шелъ вокругъ сѣверо-восточной оконечности Аральскаго моря (*), переправился черезъ оба рукава Сиръ-Даріи, Сѣверный и Южный, или Куванъ, и послѣ сего направилъ путь черезъ песчаную степь Кизилькаумъ, по Сѣверной Бухаріи, въ городъ Бухару. Но различныя причины препятствуютъ всякому каравану идти по сей-же дорогѣ. Первое потому, что она не безопасенъ отъ разбойничествующихъ ордъ и, второе, что не льзя взять воды и занять пастбищъ для верблюдовъ, которыхъ можно пасти только на дружественной землѣ. У Хивинцовъ четыре пути для торговли съ Россіею. Первый идетъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, прямо черезъ Киргизскую степь, въ Оренбургъ. Сія дорога предполагаетъ спокойствіе въ степяхъ и связи съ Киргизами, чего съ нѣсколькихъ годовъ нѣтъ. Вторая идетъ черезъ Сарайчикъ и вдоль Русскихъ границъ, въ Оренбургъ. По сей окольной дорогѣ Хивинцы стараются избѣжать нападеній Киргизовъ. Третья идетъ изъ Сарайчика въ Астрахань, отъ куда товары отправляются по Волгѣ,

(*) Ихъ назначеніе было въ Бухару, а не въ Хиву, и только въ послѣднемъ случаѣ дорога между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ моремъ была-бы ближайшею.

въ Нижній-Новгородъ (*). Четвертая идетъ изъ Хивы въ Караганъ (**) и оттуда черезъ Каспійское море, въ Астрахань. Изъ сихъ дорогъ всего болѣе ѣздятъ по второй и третьей.

До какой степени сіи извѣстія могутъ быть примѣнены къ Скиѳской торговлѣ, будетъ яснѣе изъ слѣдующаго; когда мы прежде всего изслѣдуемъ торговый путь отъ береговъ Чернаго моря и тамошнихъ Греческихъ городовъ до Урала.

Хотя Геродотъ и не опредѣляетъ подробно дороги, по которой имѣли направленіе сіи торговыя общества, но ее можно назначить съ удовлетворительною достовѣрностью по его сказаніямъ Черезъ *семь разноязычныхъ народовъ* проходили Скиѳскіе и Греческіе торговцы и имъ нужно было столько-же толмачей для разговора. Сіи народы не могутъ быть иные, какъ тѣ-же, которыхъ описалъ самъ Геродотъ: *Тавры*, *Сарматы*, *Будины*, *Гелоны*, *Ѳиссагеты*, *Ирки* и наконецъ *Агриппеи* (***).

(*). Здѣсь, вѣрно по ошибкѣ, у Автора поставлено: Neu-Nowgorod. Въ Россіи нѣтъ такого города. *Прим. Перев.*

(**) Караганъ, есть самый западный мысъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря, подъ 44 С. ш. Переѣздъ оттуда въ Астрахань есть кратчайшій.

(***) Я не упоминаю о Скиѳахъ *изгнанныхъ* или *откочевавшихъ*, у которыхъ, хотя они и удержали свой языкъ, толмачи были не нужны. Если хо-

Такимъ образомъ, если, слѣдуя Геродоту, принять Ольвію торговымъ мѣстомъ, вблизости котораго образовывались караваны, то проведется линія, сначала, черезъ лѣсистую сторону или землю Гилею, вдоль береговъ Азовскаго моря, до береговъ Танаиса или Дона. Это были жилища Тавровъ (*), которые не ограничивались на одномъ названномъ по имени ихъ полуостровѣ. Переходя сію рѣку, вступали въ великую Астраханскую степь; потомъ шли въ направленіи къ Сѣверу, черезъ землю Сарматовъ, до жилищъ Будиновъ и Гелоновъ, и достигали до деревяннаго города сихъ послѣднихъ. Отсюда караванъ шелъ на Сѣверо-Востокъ; дорога простиралась черезъ семидневную степь, до жилищъ Оиссагетовъ и Ирковъ, на Сибирской границѣ. Тутъ переходили черезъ Уральскій хребетъ и достигали до степей Киргизовъ и Калмыковъ, послѣдней цѣли своего путешествія.

шатъ поставить ихъ вмѣсто Тавровъ, это будетъ все равно. Геродотъ подробно не опредѣляетъ мѣста жительства ихъ, но говоритъ только: они жили на Востокъ отъ Ирковъ — и не упоминаетъ о причинѣ ихъ удаленія. Вирочемъ, кажется, они сдѣлали это добровольно (такъ выходитъ по выраженію: ἀποστάντας), и единственною цѣлію ихъ было основать жилища свои на большой торговой дорогѣ.

(*) Herod. IV, 99.

При первомъ взглядѣ видно, что сія дорога была не самая краткая и прямая для пріѣзда изъ Ольвіи въ землю Агриппеевъ. Она склонялась влѣво, шла на Сѣверъ, въ объѣздъ, и почти доходила до границъ Сибири, если и не входила въ нихъ, потому что по всѣмъ приведеннымъ мною извѣстіямъ Геродота, южнѣе не льзя помѣстить народы, черезъ земли которыхъ шла сія дорога. Положимъ, что не безопасность дороги дѣлала сей объѣздъ необходимымъ, но въ самомъ Геродотѣ находятся столь ясныя доказательства, что не это, а болѣе нужды по торговлѣ были здѣсь причиной, что въ томъ трудно сомнѣваться. Уже одно, что Греки имѣли надобность въ толмачахъ, показываетъ это, ибо къ чему иному могли они служить имъ, какъ не для сношеній съ другими народами? И въ чемъ состояли сіи сношенія; Геродотъ говоритъ ясно: *это была древнѣйшая дорога для торговли мѣхами.*

Сѣверные и Сѣверовосточные народы, отъ Будиновъ, какъ-то сей самый народъ, Оиссагеты и Ирики, суть, по выразительному извѣстію Геродота, народы, занимавшіеся охотою. Они живутъ въ дремучихъ лѣсахъ; взлѣзая на деревья, подстерегаютъ звѣрей, убиваютъ ихъ стрѣлами и гоняются за ними на лошадяхъ и съ собаками. Между сими народами обыкновенно находится степь на нѣ-

сколько дней пути. Чѣмъ можетъ быть она иначе, какъ не мѣстомъ ихъ охотничьихъ разгуловъ? Можетъ-ли имѣть сія охота иную цѣль, кромѣ добычи дорогихъ шкуръ сихъ звѣрей, что мы и теперь видимъ еще въ Сибири? Между тѣмъ и Геродотъ говоритъ такъ выразительно: »Въ землѣ Будиновъ есть море и болото съ тростникомъ; въ немъ есть выдры и бобры и другіе съ четырехъ-угольною головою звѣри, которыхъ шкуры употребляются на мѣховыя одѣянія (*).« Нужны-ли дальнѣйшія свидѣтельства?

Тамъ, гдѣ начиналась земля сихъ звѣроловныхъ народовъ, въ землѣ Будиновъ, находился большой деревянный городъ, окруженный деревянною оградою, который съ каждой стороны простирался на 30 стадій или на три четверти мили. Это было Греческое поселеніе, не только съ Греческими жилищами, но и съ предметами обожанія ихъ, основанное Греками

(*) Herod. IV. 109. Сомнительная впрочемъ достовѣрность сего мѣста справедливо принята Швейггейзеромъ. Звѣрей съ четырехъ-угольною головою пусть опредѣляютъ естествоиспытатели. Основаніемъ сему сказанію могло послужить то, что остающіяся при шкурахъ головы, съ которыхъ содранная кожа (безъ рыла) бываетъ тутъ-же, получаютъ четырехъ-угольную фигуру. Это я знаю по находящейся передо мной шкуркѣ куницы; то-же случается у соболя.

Понтійскихъ торговыхъ городовъ (*). Можно-ли сомнѣваться о назначеніи сей слободы (Slobode)? Могло-ли быть иное, какъ не главная складка мѣховой торговли? Теперь довольно ясно, почему торговыя общества Понтійскихъ Грековъ и Скиѳовъ ѣздили не по прямой дорогѣ, но вдавались далеко на Сѣверъ. Здѣсь вымѣнивали они товары, которые увозили далѣе, и естественно въ тоже время находили здѣсь торжище для произведеній собственной своей промышленности.

Какъ недавно одинъ Ученый, къ несчастію, слишкомъ рано умершій (**), распространилъ яркій свѣтъ на сіи страны. Онъ доказалъ самыми источниками, что земля, которую прежде искали подъ именемъ Югріи въ Сѣверо-Западной Россіи, есть не иная, какъ та, въ которую водилъ насъ Геродотъ, ибо она находилась по обѣимъ сторонамъ Урала, обнимала Пермскую Губернію и западную часть

(*) Herod. IV. 108.

(**) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, А. К. Лерберга, изданныя отъ Академіи Наукъ, Ф. Кругомъ, Спб. 1816 г., съ присовокупленіемъ при началѣ чрезвычайно любопытной Біографіи. Благородный мужъ и послѣ смерти (рѣдкость въ наше время!) нашелъ благороднаго друга, который издалъ его сочиненія. Принадлежащее сюда Разсужденіе есть первое: *О Географическомъ положеніи и Исторіи Югорской земли.*

отъ Тобольска до Оби. Жители ея, Югры, суть тѣже, которые извѣстны нынѣ подъ именемъ Вогуловъ и Остяковъ, около Оби. Эта страна четвертою частію болѣе Германіи, въ 16,000 кв. миль пространствомъ и простирается отъ 56 до 67° широты. И такъ въ ней, особенно-же въ восточной части ея, по ту сторону Урала, гдѣ было три дороги, находилась земля съ пушными звѣрями. Почва въ ней большею частію болотиста и чѣмъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ болотистѣе. Вотъ объясненіе большаго озера, или лучше сказать болота съ тростникомъ, о которомъ говоритъ Геродотъ. Отъ того находятся тамъ лучшіе бобры, которые строятся только на водѣ, и вообще другіе пушные звѣри, лучшіе соболи, бѣлки и лисицы всѣхъ родовъ (*). Во всѣ средніе вѣки Югрія была торговая и промышленная земля. Уже въ одиннадцатомъ вѣкѣ вторглись въ нее Новгородцы и вскорѣ сдѣлали ее даже своею областію. Что она процвѣтала и послѣ паденія Новгорода, это также доказано Авторомъ (**). Самые караваны Бухарцовъ ходили туда еще въ шестнадцатомъ столѣтіи и привозили свои и Индійскіе товары (***). По-

(*) Лербергъ, стран. 31 (на Нѣм.).
(**) Тамъ-же, с. 32 и слѣд.
(***) Тамъ-же, с. 37, 38.

слѣ всего, что мы уже знаемъ и еще услышимъ, могло-ли это быть иначе въ древности?

Я мало основываю что-либо на имени Ирковъ, также какъ и всегда на простомъ сходствѣ именъ. Но если доказано, что Ирки жили въ той-же странѣ, гдѣ прежде находили мы Югровъ? Да, что ихъ жилища простирались до Урала (*). — можно-ли удержаться отъ предположенія, что Ирки и Югры одинъ и тотъ же народъ, и даже торговля, которая существовала черезъ пятнадцать столѣтій послѣ Р. Х., процвѣтала уже за двѣ тысячи лѣтъ прежде? И такой-же городъ, какъ въ землѣ Будиновъ, находимъ мы здѣсь, и Пѣгую орду (**), такъ названную отъ пѣгихъ, дорогихъ лошадей для Индійцовъ, съ которыми жители мѣнялись на Индійскіе товары. Даже самый звукъ баснословныхъ сказаній Геродота здѣсь предупреждаетъ насъ. Сказаніе о людяхъ, которые спятъ шесть мѣсяцовъ, есть настоящее Сибирское сказаніе (***), которое составилось очень естественно тамъ, гдѣ, кромѣ человѣка, вся остальная неоживленная и оживленная природа находится во снѣ зимы.

(*) Ideen, II, 281.
(**) Тамъ-же, 41.
(***) Тамъ-же, 44.

Когда караваны переходили сіи страны мѣховой торговли и звѣроловства, отъ Оиссагетовъ они поворачивали на Востокъ и шли черезъ Уралъ, котораго самая южная отрасль, подъ именемъ *Аура-Урука*, нисходитъ почти до Аральскаго моря. Мѣсто, гдѣ они переходили черезъ сей хребетъ, конечно не можетъ быть назначено съ точностью; но поелику они заходили такъ далеко на Сѣверъ, то конечно не могли производить сего южнѣе нынѣшняго Оренбурга (52° С. ш.) и дальнѣйшая дорога ихъ должна быть конечно одна изъ описанныхъ выше, отъ Оренбурга. Такимъ образомъ она шла черезъ Киргизскія степи и по Геродотову извѣстію, еще была дальняя дорога, покуда доходили до Агриппеевъ: слѣдовательно ее должно искать въ восточной части сихъ степей; но владѣнія Киргизовъ, также какъ и нынѣ, могли простираться на Югъ до самаго Яксарта, или Сиръ-Дарія, который былъ небезъизвѣстенъ Геродоту.

Но могли-ли они находить здѣсь хорошее торжище для сбыта своихъ главныхъ товаровъ — мѣховъ? Для отвѣта на сей вопросъ прежде всего я долженъ напомнить о сдѣланномъ уже мною во Введеніи замѣчаніи (*), что мѣха суть не только предметы нужды, но, еще гораздо болѣе, и роскоши; ибо высокіе сорты

(*) Ideen, I. 114.

оныхъ служатъ для обшивки или обкладки платья и потому находятъ сбытъ не только въ однѣхъ сѣверныхъ, но и въ южныхъ странахъ Азіи. Это и въ наше время существуетъ во всей Персіи, и развѣ Кукъ не нашелъ въ Кантонѣ, на Югѣ Китая, торжища для продажи выдренныхъ шкуръ изъ пролива Нутки? Въ древности было то-же. Многихъ изъ народовъ, обитавшихъ при Каспійскомъ морѣ, Геродотъ называетъ одѣвающимися въ мѣха. На большомъ Персепольисскомъ рельефѣ, между принесенными подарками, находятся и мѣха (*). Въ Вавилонѣ шубы почитаемы были роскошнымъ одѣяніемъ; а что въ древнѣйшія времена онѣ были также почитаемы и въ самой Индіи, это будетъ показано въ моихъ изысканіяхъ о сей странѣ. Слѣдовательно, Скиѳамъ и Грекамъ можно было у Агриппеевъ находить сбытъ своимъ пушнымъ товарамъ точно также, какъ нынѣ Рускіе промѣниваютъ ихъ въ Кяхтѣ на Китайскіе товары. Но все это будетъ еще гораздо яснѣе, если мы приложимъ къ этому слѣдующія обстоятельства.

Хотя Геродотъ говоритъ опредѣлительно, что путешествія Скиѳовъ и Понтійскихъ Грековъ простирались не далѣе, какъ до Агриппеевъ; но изъ его разсказа также ясно обнаруживается, что

(*) Тамъ-же, 224.

жилища Агриппеевъ въ слѣдствіе этого со всѣмъ не были предѣлами сей торговли. Гораздо болѣе нежели вѣроятно, что ихъ жилища были только мѣстами, гдѣ сходились Восточные и Западные караваны и гдѣ производилась мѣна товарами, ибо хотя путешествія Скиѳовъ здѣсь оканчивались, но они были очень знакомы съ отдаленными народами, Исседонами и Массагетами. И то, что Авторъ говоритъ намъ о сихъ народахъ, показываетъ, что онъ зналъ путь древней торговли и, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ также, какой магнитъ болѣе всего привлекалъ Грековъ въ тѣ отдаленныя страны; ибо, какъ-бы ни была важна торговля мѣхами, но конечно они ѣздили не для нея одной. Почти не нужно доказывать, что у сихъ пастушествовавшихъ народовъ естественно долженствовало быть торжище для вьючныхъ животныхъ, лошадей и верблюдовъ, и не менѣе того для благородныхъ и неблагородныхъ металловъ. Геродотъ пишетъ, что руды было у нихъ множество. И тѣ и другіе были очень богаты золотомъ (*). Они жили подлѣ самыхъ предѣловъ богатыхъ горныхъ странъ Азіи и были въ связяхъ

(*) Такое-же богатство въ золотѣ приписывали народамъ, которые въ средніе вѣки посѣщали торжища Югріи. Лербергъ, стр. 42 (на Нѣм.).

съ жителями оныхъ. Отсюда, далѣе, до Бактры и Мараканды, первыхъ складочныхъ мѣстъ Индійскихъ товаровъ, простиралась цѣпь народовъ, одинъ подлѣ другаго. И откуда могъ взять Геродотъ, къ удивленію, свѣдѣнія о народахъ, жившихъ подлѣ восточной стороны Каспійскаго моря, о которыхъ мы упоминали выше, если-бы черезъ ихъ землю не было никакой торговой дороги? Золото-ли было главнымъ предметомъ сей торговли, или произведенія Индіи, какъ то было въ позднѣйшія времена, промѣнивались здѣсь, въ обоихъ случаяхъ испытателю Исторіи человѣчества открываются виды, которые стоятъ всего вниманія его. Удивленіе сіе еще болѣе увеличится, если увидимъ изъ Геродота, что въ то-же самое время по Каспійскому морю производилось уже судоходство. Геродотъ очень далекъ отъ заблужденія позднѣйшихъ временъ, что сіе море есть заливъ Сѣвернаго Океана; онъ знаетъ не только, что онъ есть запертое берегами озеро, но даже опредѣляетъ длину и широту его временемъ пути корабельнаго (*). Откуда дошли-бы сіи извѣстія, если-бы дѣйствительно не плавали по сему морю? Въ Македонскій періодъ Индійскіе и Бактрійскіе товары шли внизъ по Оксу и черезъ него, къ устью Аракса и

(*) Herod., I. 203.

Кируса; отъ ихъ береговъ они проходили по землѣ въ Фазисъ; и потомъ, по сей рѣкѣ, въ Греческіе прибрежные Черному морю города (*); и если Исторія даже не представляетъ намъ о томъ никакого яснаго свидѣтельства, то не уже-ли по этому не льзя предположить, что сей торговый путь существовалъ уже гораздо въ большей древности?

Наконецъ извѣстія Геродота о характерѣ сихъ главныхъ народовъ Средней Азіи подтверждаютъ предположеніе наше. Онъ изображаетъ намъ одинъ изъ нихъ, Массагетовъ, народомъ воинственнымъ; другіе два, Агриппеевъ и Исседоновъ, народами прилежащими къ мирнымъ занятіямъ; а изъ этого почти можно угадать, по предположенію, что они составляли особенныя касты. »Агриппеи« говоритъ онъ намъ (**) »они съ кѣмъ не были въ соединеніи, ибо ихъ почитали святымъ народомъ. У нихъ не было никакихъ оружій и они усмиряли возникавшія между сосѣдями своими раздоры. Если-же кто нибудь, въ бѣгствѣ, находилъ у нихъ убѣжище, того никто не смѣлъ оскорблять.« Слѣдовательно ихъ страна была убѣжищемъ, естественнымъ свободнымъ государствомъ для торговли. Но они называ-

(*) Объ этомъ см. мое Разсужденіе de Graecorum cum Indis commerciis, въ Commentat. Soc. Goett. XI, 76.

(**) Herod. IV, 23.

лись святымъ народомъ — ясно, что съ ними соединялись религіозныя идеи, и такимъ образомъ между Монгольскими народами они кажутся тѣмъ-же, что у другихъ народовъ были духовныя касты. И выше приведенное извѣстіе Геродота, что они были совершенно безъ волосъ, получаетъ новое подтвержденіе, ибо у Калмыковъ Ламы или священники и нынѣ совершенно безъ волосъ. Когда-же говорятъ о нихъ, что они усмиряли споры между сосѣдственными народами, что можетъ быть, это другое, какъ не то, что они были посредниками въ спорахъ, которые не могутъ не существовать въ такой землѣ, гдѣ между разными народами производится мѣна товаровъ? И такъ, здѣсь опять находимъ мы союзъ торговли и религіи, который такъ часто уже встрѣчался намъ, и еще чаще будетъ встрѣчаться; но, чего и должно ожидать въ такой странѣ, въ которой не возвышался ни одинъ храмъ и ни одна поставленная святыня — здѣсь былъ только какой нибудь освященный шатеръ, что и нынѣ видимъ мы въ таборахъ Калмыковъ. Массагеты, ихъ соплеменники и сѣверные сосѣди, напротивъ описаны у Геродота какъ народъ воинственный, привычный къ оружію — и мы справедливо можемъ почитать ихъ воинственною кастою. Совсѣмъ другое находимъ у Исседоновъ, восточныхъ сосѣдовъ и соплеменниковъ Аг-

риппеевъ. Война не была ихъ занятіемъ; напротивъ, они назывались справедливымъ народомъ, то есть, образованнымъ и не враждебнымъ противъ чужестранцовъ (*). Еще болѣе: отъ нихъ получались всѣ извѣстія, какія можно было получать о самой Восточной и Сѣверной Азіи, ибо къ Скиѳамъ доходили они отъ Исседоновъ, а къ Грекамъ отъ Скиѳовъ (**). Такимъ образомъ они являются торговымъ народомъ, который такъ далеко простиралъ свои связи. Если, какъ выше замѣчено, сами Серики суть ихъ отрасль, то будетъ еще гораздо яснѣе, какимъ образомъ распространеніе тканей сего народа было ихъ главнымъ занятіемъ, и здѣсь является также древнѣйшій путь шелковой торговли.

Здѣсь объясняется также само собою, почему границы ихъ жилищъ были главными мѣстами торговли и могли быть цѣлію каравановъ, которые шли туда отъ береговъ Чернаго моря, для вымѣна произведеній, которыя вывозимы были для нихъ Исседонами изъ Восточной Азіи. Но свѣтъ Исторіи теряется здѣсь въ туманѣ. Однакожъ мы не хотимъ

(*) Herod. IV, 26. Сравните первое разсужденіе Гаттерера de Hunnis, въ Commentat. Soc. Goett. Vol. XIV p. 19, etc. Во второмъ, совершенно противъ мнѣнія Геродота, онъ полагаетъ Будиновъ и сосѣдовъ ихъ на Востокъ отъ Сарматовъ, а не на Сѣверъ.

(**) Herod. IV, 27.

терять надежды, нѣсколько освѣтитъ сей туманъ — и лучи сего свѣта упадутъ даже на самую Восточную Азію, ибо, въ слѣдующей части сего сочиненія, мы представимъ изысканія объ Индійцахъ.

II. КРИТИКА.

A practical Treatise on rail-roads, etc. Практическое изслѣдованіе о желѣзныхъ дорогахъ и о внутреннихъ сообщеніяхъ вообще, съ новыми опытами и сравнительными таблицами цѣнности каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Соч. Н. Вуда. Лондонъ. 1825 г. in 8 съ рисунками.

A practical Treatise on rail-roads and carriages, etc. Практическое изслѣдованіе о желѣзныхъ дорогахъ и тѣлегахъ, въ которомъ изложены главнѣйшія основанія для расчисленія издержекъ на ихъ построеніе, ихъ прочность, и проч. Соч. Ѳ. Тредгольда. Лондонъ. 1825 г. in 8, съ рисунками.

Observations on a general iron-rail-way, etc. Замѣчанія о желѣзныхъ дорогахъ вообще и о средствахъ производить перевозы по сухому пути, съ помощію пара. Соч. Ѳ. Грея. 5 *е изданіе*. Лондонъ. 1825 г. in 8.

Сія три сочиненія содержатъ въ себѣ *полное изложеніе основаній, принятыхъ нынѣ въ Англіи для учрежденія желѣзныхъ дорогъ*, новаго рода сообщеній, коего распространеніе, вызываемое возрастающими потребностями образованности, кажется, въ скоромъ времени должно произвесть вели-

кія измѣненія во внутренней торговлѣ всѣхъ народовъ. Сочинители исчисленныхъ нами книгъ разсматривали сей предметъ со сторонъ совершенно различныхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что изысканія ихъ представляютъ намъ почти все, что можно желать имѣть для узнанія, какъ нынѣшняго состоянія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, такъ и исторіи ихъ успѣховъ и усовершенствованій, постепенно введенныхъ дѣятельною и постоянною промышленностію.

Потому, вмѣсто отдѣльнаго разбора каждаго изъ сихъ сочиненій, намъ кажется лучше и удобнѣе, изъ всѣхъ трехъ извлечь сокращенія общихъ результатовъ и важнѣйшія извѣстія, которыя могутъ обратить на себя особенное вниманіе публики, вниманіе тѣмъ живѣе возбуждаемое, что нынѣ, кажется, все предзнаменуетъ во Франціи скорое введеніе желѣзныхъ дорогъ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ извѣстныхъ намъ только по имени, хотя въ Англіи уже болѣе полу-вѣка они въ употребленіи (*).

Дабы составить себѣ ясное понятіе о цѣли построеній такого рода, должно здѣсь, равно какъ и во всѣхъ практическихъ приложеніяхъ наукъ, начать съ извѣстнаго числа простыхъ основаній, и еще болѣе, простыхъ фактовъ, которыми зрѣніе наше поражается ежедневно, и которые по сему самому не возбуждаютъ нашего вниманія, хотя, разбирая

(*) А сія-же самая причина и желаніе представлять читателямъ Телеграфа извѣстія о всѣхъ нажнѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, обѣщающихъ улучшеніе благоденствія общественнаго, заставила насъ помѣстить сей разборъ въ Телеграфѣ. Онъ сочиненъ Эдуардомъ Біотомъ, сыномъ знаменитаго Физика и извѣстнымъ уже во Франціи отличными познаніями и талантами. *Изд. Т.*

ихъ; находимъ въ нихъ часто богатый зародышъ полезнѣйшихъ результатовъ, иногда, даже величайшихъ развитій, до которыхъ можетъ достигнуть промышленность.

Лошадь, везя тѣлегу по горизонтальной дорогѣ, должна на ней преодолѣть многія препятствія, прежде нежели приведетъ въ движеніе тѣлегу. Во первыхъ, чтобы привесть колесы въ движеніе, должно преодолѣть треніе ихъ ступицъ о проходящую сквозь нихъ ось; потомъ должно преодолѣть ей неровности дороги, которыя, иногда возвышаясь, иногда опускаясь, составляютъ, такъ сказать, небольшія горы, на которыя тѣлегу должно поднимать, или углубленія, изъ которыхъ должно ее вытаскивать; сверхъ того, когда тѣлега должна подниматься по чувствительному скату, то къ симъ препятствіямъ должно присоединить относительное тяготѣніе, которое всякую минуту влечетъ ее назадъ. Дабы заставить тѣлегу подвигаться впередъ, лошадь, упоромъ ногъ своихъ въ землю, отталкиваетъ назадъ и противодѣйствуетъ всѣмъ препятствіямъ, замедлявшимъ ходъ тѣлеги. Если разсмотрѣть отдѣльно свойство сихъ различныхъ препятствій, то во первыхъ видно, что напряженіе трения на круговращеніе оси зависитъ отъ двухъ основаній, изъ коихъ одно есть общее, цѣлое давленіе на сію ось, а другое есть степень шлифовки, болѣе или менѣе совершенная, данная, какъ оси, такъ равно и внутренней поверхности ступицы колеса. И такъ треніе сіе можетъ быть весьма много уменьшено стараніемъ работника, дѣлающаго сіи трущія другъ друга поверхности. Равно и со-

препятствіе неровностей земли къ окружности колеса, уже менѣе замѣтное на хорошо содержимой дорогѣ, сдѣлается слабѣе или даже незначительно, если колесо будетъ двигаться по поверхности гладкой и правильной, какъ на примѣръ, по поверхности мраморнаго, деревяннаго или металлическаго помоста. Такъ, по улицамъ Милана и Флоренціи колеса каретъ катятся по дорожкамъ изъ мраморныхъ плитъ, между тѣмъ какъ лошадь, везущая ихъ, идетъ по обыкновенной мостовой, сдѣланной въ промежуткахъ сихъ дорожекъ. Италіянское изобрѣтеніе подало Англичанамъ поводъ завесть свои *rail-ways* или дороги изъ слитковъ (полосныя дороги). Онѣ суть ничто иное какъ обыкновенныя дороги, на которыхъ положены два параллельные ряда деревянныхъ или желѣзныхъ связокъ, прежде назначенныхъ для хода колесъ.

Въ окрестностяхъ Нью-Кастля, около 1630 года, сдѣлали первый опытъ такихъ искуственныхъ дорогъ. Въ то время желѣзо было еще весьма дорого, и потому не могли употреблять его для такихъ устроеній: на дорогахъ, идущихъ отъ рудниковъ каменнаго уголья до рѣки Тайнъ, положили два ряда толстыхъ брусьевъ, связанныхъ между собою поперечными бревнами и на сихъ-то брусьяхъ катились тѣлеги, у коихъ колеса, выдавшимися на внѣшней ихъ окружности закраинами были удерживаемы съ обѣихъ сторонъ на дорогѣ. Изобрѣтатель сихъ грубыхъ построеній былъ Инженеръ Бомонъ, который около того времени сталъ въ Нью-Кастлѣ возбуждать духъ промышленности, едва еще вышедшій изъ младенчества. Послѣ него придумали подражанія деревяннымъ его дорогамъ, но ни мало не

старались усовершенствовать ихъ. Въ теченіи болѣе нежели ста лѣтъ, изобрѣтеніе Бомона едва было измѣнено медленнымъ опытомъ долговременной практики. Вспомнимъ, что паровая машина, вышедъ изъ мастерской Ньюкоммена, также ожидала, почти около шестидесяти лѣтъ, того человѣка, который, придумавши оборачивать ея рукоятку, сдѣлалъ ее общимъ двигателемъ машинъ въ Англіи. Вообще, исторія изобрѣтеній представляетъ намъ изобрѣтенія почти всегда остановленными въ успѣхахъ своихъ, вскорѣ послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, какъ-бы имѣющими нужду въ нѣкоторомъ отдохновеніи, прежде нежели могутъ они достигнуть до развитія и доставить приложенія, къ коимъ они способны. Безъ сомнѣнія, это зависитъ отъ того, что геній изобрѣтающій во многомъ отличенъ отъ таланта совершенствующаго, и очень часто совсѣмъ отъ него отдѣленъ.

Наконецъ придумали покрывать брусья дорогъ тонкими слоями желѣза, дабы сія покрышка, сдѣланная изъ тѣла болѣе твердаго, могла защищать поверхность оныхъ отъ разрушительнаго дѣйствія, производимаго на нее въ продолженіе времени окружностью колесъ. Опытъ удостовѣрилъ, что сохраняемые такимъ образомъ брусья служатъ гораздо долѣе, а когда возрастающее усовершенствованіе выдѣлки желѣза позволило во многихъ общественныхъ строеніяхъ замѣнять дерево чугуномъ, тогда придумали деревянные брусья, покрытые желѣзомъ, замѣнить простыми чугунными слитками, которыя при меньшей толстотѣ могли доставить равную твердость. Для сего употребленія на горныхъ заводахъ Нью-Кастля сдѣланы были слитки

формы, названные *edge - rails* (слитки съ закраинами); на заводахъ Шеффильдскихъ сдѣланы плоскіе слитки или *plate - rails*. Въ 1770 году начали покрывать нѣкоторыя дороги сими двумя родами слитковъ или полосъ; въ 1780 году преимущество ихъ вездѣ было признано и съ сего времени старыя деревянныя дороги уступили мѣсто свое желѣзнымъ дорогамъ.

Расположеніе сихъ новыхъ дорогъ подобно расположенію выше описанному: большіе камни утверждены по обѣимъ сторонамъ дороги, въ разстояніи четырехъ футовъ одинъ отъ другаго; на каждомъ изъ нихъ утверждена чугунная подпорка, въ желобоватую средину коей вкладываютъ концы двухъ полосъ, одна за другою слѣдующихъ. Въ системѣ *edge-rails* или полосъ съ закраинами, колесо тѣлеги, одѣланное съ закрайкою, обращается на плоской поверхности полосы, а въ системѣ *plate-rails* или плоскихъ, закрайка сія, вмѣсто того чтобы находиться на внѣшней окружности колеса, составляетъ часть самихъ полосъ, которыя такимъ образомъ суть истинныя желѣзныя колеи, коихъ одна только сторона уничтожена. Общія выгоды желѣзныхъ дорогъ, въ сравненіи съ обыкновенными дорогами, заставили сначала употреблять обѣ системы безъ различія; но многочисленные практическіе опыты, которымъ онѣ были подвержены, вскорѣ доказали явнымъ образомъ превосходство *edge - rails* (полосъ съ закрайнами). *Plate - rail* (плоская полоса) скорѣе наполняется грязью, набивающеюся въ полу-борозду, изъ которой она составлена; тогда желѣзная дорога не выполняетъ особенной цѣли своего построенія, но движенію колеса представляетъ по-

верхность почти столь-же неправильную, какъ поверхность обыкновенной дороги. Неудобство сіе думали отвратить употребленіемъ маленькихъ колесъ, которымъ, по причинѣ небольшой толщины ихъ, встрѣчалось-бы немного препятствій, разсѣянныхъ на всей широтѣ полосы. Но узкія и тонкія колеса пилятъ нѣкоторымъ образомъ полосу и простираютъ въ ней неровную бороздку, по которой могутъ только съ трудомъ двигаться; сверхъ того малость ихъ размѣра даетъ имъ другую невыгоду, состоящую въ короткости рычажной рукоятки, которую онѣ представляютъ силѣ соприкасательной для преодолѣнія тренія на оси круговращенія.

Труднѣйшая задача для разрѣшенія при построеніи желѣзной дороги состоитъ въ томъ, чтобы соединить всѣ полосы, ее составляющія, совершенно ровно, дабы тѣлега не претерпѣвала никакихъ толчковъ, переходя съ одной полосы на другую. Неудобство сіе частію можно отклонить, давая полосамъ возможно-длинное протяженіе, дабы уменьшить число точекъ соединенія. Сверхъ того, каждая изъ сихъ длинныхъ полосъ, опираясь на камни, поддерживающіе частныя полосы, можетъ представить сопротивленіе, по крайней мѣрѣ равное тому, какое могутъ представить сіи послѣднія вмѣстѣ; но часто случается, что одинъ изъ камней углубляется въ землю болѣе другихъ, и тогда сія часть длинной полосы, не имѣя опоры на слишкомъ большомъ пространствѣ, должна будетъ слегка сгибаться въ ту минуту, когда тяжесть тѣлеги будетъ давить ее. Чугунъ, не имѣя совершенно сей гибкости, сопротивляется единственно своею

хрупкостію; и потому на чугунныхъ дорогахъ можно употреблять полосы только отъ четырехъ до пяти футовъ длиною. Напротивъ того коване желѣзо, имѣя больше эластическаго противодѣйствія, только гнется подъ тяжестію, отъ которой переломилась-бы чугунная полоса равной длины. Это родило внѣшнему полосъ отъ 12 до 15 футовъ длиною, дѣлаемыхъ изъ кованаго желѣза. Она предложена была въ 1815 году Г-мъ Бирикшау. Ее въ послѣдствіи принялъ Г. Стефенсонъ, и приложилъ къ одной изъ величайшихъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, именно, дорогѣ отъ Дарлингтона до Стоктона. Можетъ быть, должно разсмотрѣть еще нѣкоторыя выгоды, приписываемыя сему образу построенія; можетъ быть, оспаются нѣкоторыя сомнѣнія о дѣйствительной прочности желѣзныхъ полосъ, подверженныхъ такимъ образомъ прикосновенію воздуха. Хотя уже наблюденія, которыя можно сдѣлать надъ желѣзными дорогами давно усовершенными, показываютъ, что оно должно быть очень значительно; но положительно можемъ мы утверждать, что теперь въ Англіи дорога изъ кованаго желѣза надъ старою системою чугунныхъ дорогъ имѣетъ рѣшительное преимущество по уменьшенію издержекъ при построеніи: сіе важное дѣло, которое можетъ быть изъяснено только чрезвычайнымъ усовершенствованіемъ Англійскихъ горныхъ заводовъ, безмѣрными капиталами, обращенными на сей родъ спекуляцій и совершенствованіемъ машинъ, употребленныхъ на всѣ подробности выдѣлки желѣза.

Изъ всего сказаннаго видно, какимъ образомъ нынѣшнее расположеніе желѣзныхъ дорогъ въ Англіи

способно уменьшить, ослабить и наконецъ почти уничтожить въ движеніи карет ту часть сопротивленія, которая происходитъ отъ неровностей пробѣгаемой ими дороги. Всѣ сопротивленія, могущія остаться еще на хорошо-содержимой желѣзной дорогѣ, ограничатся только прилипаніемъ, которому могутъ подвергаться колеса: отъ сцѣпленія взаимныхъ шероховатостей, ихъ собственно, и дорожныхъ полбевъ. Но сіе прилипаніе должно быть очень слабо; ибо колеса отливаются изъ чугуна, къ тому-же, изобрѣтенъ очень искусный способъ шлифованія ихъ окружности и придачи ей твердости закалкою, приводящею ихъ, при высокой температурѣ, быстрымъ круговращеніемъ въ соприкосновеніе съ цилиндрическою массою холоднаго металла. Треніе объ ось представляетъ, какъ мы уже сказали, другой родъ препятствія, не менѣе важный для преодолѣнія; но тотъ-же духъ совершенствованія, который изслѣдовалъ столь старательно всѣ мелочныя подробности въ работахъ желѣзныхъ полосъ, обратилъ равномѣрно вниманіе свое на форму осей, на ихъ подушки и на свойства матеріяловъ, способнѣйшихъ для ихъ приготовленія. По полученіи всѣхъ сихъ послѣдованныхъ улучшеній, желѣзныя дороги (коихъ употребленіе ограничено было недавно только на разстояніе, простирающееся между нѣкоторыми угольными рудниками) могли нынѣ быть представлены, какъ способъ быстраго сообщенія, самый экономическій, даже на величайшихъ разстояніяхъ. Но мысль: дать имъ обширное протяженіе, должна была имѣть основаніемъ строгую, ариѳметическую оцѣнку выгодъ, которыя онѣ должны представить, и потому должно было,

съ помощію положительныхъ опытовъ и вѣрныхъ исчисленій, опредѣлишь что, что могло еще оставаться отъ двухъ главныхъ причинъ треніе, нами означеннаго и такимъ образомъ открыть еще то, что укрылось отъ стараній искуснѣйшихъ строителей. Таково важное дополненіе, которое Гг. Тредгольдъ и Вудъ намѣрены были приложить къ теоріи желѣзныхъ дорогъ, въ своихъ сочиненіяхъ.

Кулонбъ, въ теоріи своей простыхъ машинъ, первый открылъ точные законы треніе и опредѣлилъ треніе, дѣлаемое на ось блоковъ, употребляемыхъ въ круговращныхъ машинахъ. Методу, употребленную имъ для рѣшенія сей задачи, должно употребить, если хотимъ опредѣлить для желѣзной дороги силу треній, производимыхъ, какъ на окружность, такъ и на ось тѣлежныхъ колесъ. Въ исчисленіи треніе на ось Кулонбъ попеременно употреблялъ два способа, которые можно назвать, одинъ статическимъ, а другой динамическимъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, что онъ въ желобокъ блока, движущагося на своей оси, накладывалъ веревку, на концахъ коей привѣшены двѣ равныя тяжести; онъ давалъ крутость сей веревки по опытамъ надъ нею, или выбиралъ довольно гибкую, дабы не класть въ исчисленіе дѣйствіе ея крутости; потомъ старался онъ уничтожить устроенное такимъ образомъ равновѣсіе, прибавляя съ одной стороны небольшую тяжесть и повторялъ сіи опыты до тѣхъ поръ, пока находилъ средство сообщить блоку и системѣ подвижныхъ тяжестей движеніе медленное и неправильное, коего самая неровность означала треніе попеременно преодолѣваемое и непреодолѣваемое, и потому онъ полагалъ,

что тогда статическій моментъ сей маленькой тяжести, дѣйствуя рычажною рукоятью, равною лучу блока, производилъ равновѣсіе съ статическій моментъ трѣнія на окружность оси. Уравнивая сіи два количества, онъ получалъ точную мѣру трѣнія. Другая метода его состояла въ томъ, чтобы на одну изъ сторонъ блока, съ равными тяжестями, прибавлять тяжесть довольно значительную для сообщенія всей системѣ движенія медленнаго, но продолжительнаго и правильнаго. Онъ замѣчалъ потомъ число секундъ, въ которыя тяжести проходили извѣстное разстояніе. Можно видѣть, что сей опытъ совершенно походитъ на испытаніе машины Атвуда. Уничтоженіе равновѣсія, развертывая веревку окружающую блокъ и преніемъ своимъ удерживающуюся въ желобкѣ, принуждаетъ блокъ къ оборачиванію около оси; но чтобы принудить его къ сему, подвижныя массы теряютъ часть того движенія, которое одна тяжесть придала-бы имъ при свободномъ паденіи; сіе количество потерянаго движенія въ точности выражаетъ то количество, которое употреблено для обращенія блока и для преодолѣнія трѣнія оси. И такъ, когда посредствомъ извѣстныхъ формулъ движенія твердаго тѣла около неподвижной оси, получено общее уравненіе движенія сей системы тѣлъ и когда, посредствомъ опыта, извѣстно время паденія, пройденное разстояніе, тяжесть блока, его размѣры и тяжесть каждой массы, тогда въ уравненіи неизвѣстной остается только трѣніе на ось, которое изъ всего предыдущаго легко можно вывесть. Такимъ образомъ, Куломбъ, въ каждомъ изъ сихъ опытовъ, нашелъ ариѳметическое отношеніе трѣнія къ давленію,

сходство результатовъ, полученныхъ имъ отъ сихъ двухъ различныхъ методъ, изъ коихъ одна дѣйствуетъ на тѣла, выходящія изъ покоя, а другая, на тѣла находящіяся въ движеніи, показала ему, что треніе осей подвержено тѣмъ-же законамъ, какимъ подвержено треніе тѣла, скользящаго по другому. Онъ нашелъ, что сіи два рода треній приблизительно независимы отъ скоростей пропорціональныхъ къ давленію, производимому на соприкосновенныя поверхности, и наконецъ, относительно напряженности своей, зависятъ отъ существа сихъ поверхностей, равно какъ и отъ степени ихъ шлифовки. Результаты сіи въ послѣдствіи времени приняты были всѣми физиками.

Главная метода, употребленная Гг. Тредголдомъ и Вудомъ, сходна со второю методою Кулона. Представляя опыты ихъ только въ формѣ совершенно сходной съ его опытами, можно подвергнуть ихъ строгому исчисленію. Оба испытателя видѣли, что сумму треній тѣлегъ должно искать только въ движеніи правильномъ, продолжительномъ, и что движеніе такого рода трудно получить посредствомъ обыкновенныхъ двигателей (силъ). Дабы замѣнить сихъ двигателей (или сіи силы), они поставили тѣлеги на покатостяхъ желѣзныхъ дорогъ извѣстнаго наклоненія, довольно крутаго, дабы, однажды преодолѣвъ начальное треніе, одного дѣйствія тяжести достаточно было скатить ихъ внизъ; потомъ они замѣчали нѣсколько разъ время, въ которое тѣлеги пробѣгали всю длину покатостей, предварительно ими вымѣренныхъ. Можно замѣтить, что сіи опыты, равно какъ и опытъ съ блокомъ, представляютъ движеніе перенесенія

системы, въ соединеніи съ движеніемъ круговращенія совершаемаго на колесахъ и въ слѣдствіе сего, часть усилія, дѣйствовавшаго тяжестію на всю систему, должна почитаться какъ-бы употребленною на приведеніе въ дѣйство сего круговращенія и на преодолѣніе треній. Дабы свести задачу сію на ту, которою Кулонбъ разрѣшилъ движеніе блоковъ, довольно вообразить, что цѣлега остающаяся неподвижна, а дорога, по коей она пробѣгаетъ, дѣлается веревкою безъ тяжести, которая тянется силою, равною относительной тяжести цѣлеги и которая, прилегая къ окружности колесъ, какъ веревка Кулонбова на желобки блоковъ, употребленныхъ для сего опыта, должна вмѣстѣ и оборачивать колеса и преодолѣвать треніе. Замѣтишь можно, что съ симъ новымъ предложеніемъ, вопросъ сей дѣлается совершенно похожимъ на вопросъ Кулонба и что, приложа къ нему тѣже формулы движенія цѣла, оборачивающагося около неподвижной оси, можно получить рѣшительное уравненіе, изъ котораго можно вывесть сумму всего треніе колеса, когда уже всѣ другія количества, входящія въ опытъ, опредѣлены были наблюденіями.

Гг. Тредгольдъ и Вудъ совершенно выключили количество движенія, употребленное для оборачиванія колесъ, коихъ массу они почитали какъ-бы соединенною съ массою цѣлегъ, такъ, что вычисленія ихъ сдѣланы для системы твердаго цѣла, катящагося безъ круговращенія по наклонной плоскости. Сіе упрощиваніе можетъ быть допущено только въ такомъ случаѣ, когда тяжесть колесъ почитаютъ дробью весьма малою и такъ сказать,

нечувствительною, всей тяжести: предположеніе, каженся, подходящее близко къ истинѣ, по обыкновеннымъ размѣрамъ колесъ сихъ цѣлегъ. При всемъ томъ было-бы любопытно вычислить опыты Англинскихъ инженеровъ, не позволяя себѣ сего сближенія, дабы судить, какое вліяніе могутъ имѣть непринимаемыя сими сближеніемъ въ исчисленіе количества, на практическіе результаты. Въ сочиненіи Г. Вуда мы не нашли исчисленія подробнаго тяжести колесъ имъ употребленныхъ; а Г. Тредгольдъ, вмѣсто обыкновенныхъ цѣлегъ, употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ, употребилъ модель, построеніе коей могло быть очень произвольно, и потому, не возможно сдѣлать приложеній сихъ опытовъ къ цѣлегамъ, находящимся въ дѣйствительномъ употребленіи.

Какъ-бы то ни было, сумма треній, которую Г. Вудъ находитъ своими исчисленіями, выражаетъ съ очевиднымъ сходствомъ всю сумму треній, производимыхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, какъ на ось, шинъ и на окружность колеса, и хотя онъ не представилъ отдѣльныхъ размѣровъ каждаго изъ сихъ элементовъ, но легко заключить изъ его опытовъ, что треніе объ ось, какъ мы уже сказали, есть единственное количество, которое можно оцѣнить въ сей суммѣ, выражающей цѣлое сопротивленіе: для сего достаточно соединить его опыты съ опытами Куломба на блокахъ. Дѣйствительно, если взять количества, данныя Кулombомъ одному треню осей, и сравнить ихъ съ количествомъ всего треня, найденнымъ Англинскимъ инженеромъ, сводя его равномѣрно на ось колесъ, то можно видѣть, что все сіе цѣлое коли-

чество даже нѣсколько слабѣе, нежели отдѣльное количество трения на ось, которое Кулонъ означилъ; изъ чего должно заключить, что въ опытахъ Г. Вуда трение прилипанія, производимое окружностью колесъ, должно быть совсѣмъ нечувствительно. Это безъ сомнѣнія, зависитъ отъ хорошей обработки окружности колеса, равно и отъ нѣкотораго рода закалки, которую умѣли придать ему. Малое количество происходящее отъ того и для другаго трения, показываетъ чрезвычайное совершенство въ приготовленіи осей и отпицъ, въ которыя онѣ проходятъ, равно какъ и выборъ мазей, полагаемыхъ между трущихъ одна другую поверхностей.

Приложивъ такимъ образомъ къ желѣзнымъ дорогамъ всѣ возможныя условія для облегченія движенія перевозовъ, должно было постараться употребить для нихъ двигателей (силы), одушевленныхъ или механическихъ, которые могли-бы съ большею выгодою привесть въ дѣйство сіи перевозы. Это представляетъ предметъ разсмотрѣній важныхъ, и совершенно другаго рода, нежели тѣ, которыя насъ занимали. Потому мы оставляемъ ихъ для другой статьи, въ которой намѣрены представить удивительныя дѣйствія двигающихся машинъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ, глядя на которыя одинъ Англинскій писатель сказалъ, что *желѣзная дорога безъ двигательной машины подобна каретѣ безъ лошадей, торговлѣ безъ выгоды и каналу безъ воды* (*).

(*) Вторая половина статьи Г. Біота, гдѣ объясняетъ онъ теорію движущихся по желѣзнымъ дорогамъ машинъ или

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1825.

186. *Краткое изъясненіе на литургію.* Собранное изъ разныхъ писателей, Придворнаго Собора Протоіереемъ Григоріемъ Мансветовымъ. *Изданіе второе.* Спб. 1825 г. in 8. IV и 172 стр.

187. *О причащеніи Святымъ тайнамъ.* Соч. Блера. Пер. съ Англин. Спб. 1826 г. in 8. 40 стр.

188. *Слово о утѣшеніи, какое доставляетъ Евангеліе несчастнымъ*, соч. Блеромъ. Пер. съ Англин. яз. Протоіер. І. Воскресенскій. Спб. 1825 г. in 8. 29 стр.

189. *Слово о силѣ вѣры въ злополучіи.* Соч. Блеромъ. Пер. съ Англ. яз. Протоіер. І. Воскресенскій. Спб. 1825 г. in 8. 35 стр.

Не льзя не порадоваться, что полезное и хорошо-изложенное сочиненіе отца Протоіерея Григорія Мансветова, извѣстнаго по другимъ столь же полезнымъ духовнымъ книгамъ, достигло втораго изданія и что другая духовная особа знакомитъ Русскихъ читателей съ избранными рѣчами знаменитаго Англинскаго проповѣдника. Въ 1825 г. были изданы еще слѣдующія духовныя книги:

мѣлегъ и тяжестей, не получена еще нами, почему мы принуждены оставить ее до слѣд. года. Въ статьѣ сей предлагаемой читатели видятъ полную теорію желѣзныхъ дорогъ и приложеніе ея къ практическому устройству дорогъ вообще. *Перс.*

190. *Пастырскія наставленія, какъ простолюдинамъ молиться Богу*, въ краткихъ бесѣдахъ предложенныя. *Изд. второе.* Спб. 1825 г in 8. X и 157 стр. — Это послѣднее сочиненіе покойнаго Митрополита Новогородск. и С. п. бургскаго, Михаила.

191. *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души.* Соч. Евстафія Спаневича. Изд. 2. Спб. 1825 г. in 8. 322 стр.

192. *Черты дѣятельнаго ученія вѣры.* Изъ уроковъ Царскосельскаго Лицея (соч. Прошоіерея Іоакима Кочетова). Изд. 2. Спб. 1825 г in 8. VIII и 276 стр.

193. *Наставленія о смиреніи, необходимо нужномъ для всѣхъ вообще христіанъ*, съ присовокупленіемъ духовныхъ и благочестивыхъ мыслей, переведено съ *иностраннаго* (?) М. Т. П. Н. Другговымъ. М. 1825 г. in 8. 66 стр.

194. *О молитвѣ за умершихъ.* Разсужденіе Свящ. Тимофея Никольскаго. Спб. 1825 г. in 8. VI и 224 стр.

195. *Нѣкоторыя упражненія студентовъ С. П. бургской Духовной Академіи шестаго учебнаго курса.* 4 части. Спб. 1825 г. in 8. VI и 382, VI и 336, V и 397, V и 421 стр.

---

196. *Положеніе о количествѣ матеріаловъ, какое назначать должно при составленіи смѣтъ на постройку домовъ.* Разсмотрѣно въ Комитетѣ Гг. Министровъ, въ засѣданіе 13 Декабря, 1824 г., и *ВЫСОЧАЙШЕ* утверждено 15 Генваря 1825 г. Спб. 1825 г. in 4. VI и 103 стр., съ 3 рисунками.

197. *Подробное наставленіе о изготовленіи, употребленіи и сбереженіи огнестрѣльнаго и бѣлаго солдатскаго оружія.* Съ *ВЫСОЧАЙШАГО* соизволенія изданное бывшимъ Инспекторомъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, Артиллеріи Генералъ-Лейтенантомъ Гогелемъ. Спб. 1825 г. in 8. VI и 580 стр., съ 6-ю чертежами.

198. *О досчатыхъ стропилахъ или досчатой стропильныхъ кровляхъ*, извлечено изъ сочиненія Жилли, Инженеръ-Капитаномъ Ломновскимъ. Спб. 1825 г. in 8. 32 стр., съ рисункомъ.

---

199. *Всеобщая практическая Медицина*, изд. Іосифомъ Франкомъ, Сш. Сов. и проч. Пер. съ Латинск. языка студ. Михайломъ Мацѣевскимъ. Ч. I, кн. I. М. 1825 г. in 8. XX, LXXVIII и 327 стр.

200. *Phil. Carol. Hartmann*, M. D. Pathologiae generalis et Pharmacologiae Professoris P. O. in Universitate Vindobonensis, *Pharmacologia dynamica* usui academico adcommodata. T. I. M. 1825 г. in 8. VI, 341 и XXII стр.

201. *Общая Патологическая Семіотика*, или ученіе о признакахъ болѣзней вообще. Прохора Чаруковскаго, Докт. Мед. и Ад. Проф. Мед. Хир. Ак. въ Спб. 1825 г. in 8. XX и 229 стр.

202. *Руководство къ физическому и нравственному воспитанію женскаго пола.* По Е. Дарвину обработанное и дополненное К. В. Гуфеландомъ. Перевелъ съ Нѣмецк. Докт. Мед. Иванъ Зацѣпинъ. М. 1825 г. in 8. XII и 184 стр.

203. *О леченіи болѣзней, происходящихъ отъ сильнодѣйствующихъ средствъ и о судебно-врачеб-*

номъ осмотрѣ потерпѣвшихъ вредъ отъ опыхъ. Соч. П. І. Шнейдера. Перев. съ Нѣм. яз. со второго изд. Докт. Мед. Иванъ Зацѣпинъ. М. 1825 г. in 8. IV и 554 стр.

204. *Карманный лекарственникъ* содержащій употребительнѣйшіе въ Медицинской практикѣ для составленія лекарствъ образцы и проч. Составленный по новому Парижск. кодексу Ахилломъ Ришардомъ Перевелъ съ Франц., прибавилъ и проч. Гавріилъ Медвѣдевъ. М. 1825 г. in 12. 212 стр.

205. *О весеннемъ леченіи болѣзней*, или наставленіе, какъ весною лечишься травами, травяными соками, молокомъ, сыворотками, холодными и теплыми ваннами. Изд. Штабъ-Лекаремъ Александ. Никитинымъ. Спб. 1825 г. in 8. 124 стр.

206. *Начертаніе осторожностей*, служащихъ къ здоровому и благополучному продолженію жизни, для всякаго состоянія людей. Соч. Штабъ-Лекаря, Над. Сов. и Кав. Прокофія Кушелевича. М. 1825 г. in 8. XII и 171 стр.

207. *О подагрѣ* (сосцаволомъ), съ показаніемъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ и методовъ врачеванія разныхъ видовъ сей болѣзни. Соч. Докт. Джонсона. Съ Нѣм. Блохова изданія, на Росс. языкъ перевед. Шт.-Лекаремъ Александ. Крейсти. Спб. 1825 г. in 8. XIV и 218 стр.

Здѣсь собрали мы *всѣ* изданныя въ 1825 г. Медицинскія книги. Хотя въ Телеграфѣ не могутъ быть помѣщаемы большія рецензіи на книги Медицинскія; но мы съ большимъ удовольствіемъ помѣстимъ общее обозрѣніе сихъ книгъ, равно какъ и изданныхъ въ 1826 г., если кому изъ врачей или имѣющихъ Медицинскія познанія угодно будетъ про-

проводить къ намъ полное обозрѣніе. *Кажется*, къ Медицинскимъ книгамъ должно отнесть также:

208. *О продолженіи человѣческой жизни* или домашній лѣчебникъ, заключающій въ себѣ: средства, какъ достигать здоровой, веселой и глубокой старости и проч. и проч., составленн. изъ лучшихъ отечественн. и иностран. писателей Княз. Пареніемъ Енгалычевымъ. 5 частей. Спб. 1825 г. in 8.

209. *Правила, руководствующія къ лучшей нравственности.* Перев. съ Французск. Князь Пареній Енгалычевъ. Спб. 1825 г. in 12. 35 стр.

Къ театральнымъ сочиненіямъ должно причислить одно, вновь напечатанное, переведенное, старинное; другое новое, *оригинальное* Русское, до котораго никакая критика *не должна* прикасаться. Вотъ названія сихъ литературныхъ привидѣній:

210. *Октавія* или непреодолимая вѣрность. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Г. Коцебу. Орелъ. 1825 г. in 8. 164 стр.

211. *Слабомыслов*, драмма (?) въ 4 дѣйствіяхъ. Егора Ганина. Спб. 1825 г. in 8. 72 стр.

Стихотворенія Графа Д. И. Хвостова, изданныя въ 1825 году.

212. *Русскіе мореходцы на Ледовитомъ Океанѣ*, съ Нѣмецкимъ переводомъ. *Второе изданіе.* Спб. in 8. 79 стр.

213. *Посланіе М. П. О.* Спб. in 4. 8 стр.

214 *На сооруженіе памятника Ломоносову въ Архангельскѣ.* Спб. in 8. (Сей книги было, въ 1825 году, *два изданія.*)

Замѣчая особенно учебныя, для дѣтей издаваемыя книги, представляемъ читателямъ названія тѣхъ книгъ, о которыхъ не было еще упомянуто въ Телеграфѣ.

215. *Безцѣнный подарокъ дѣтямъ, или новѣйшая Россійская азбука*, содержащая въ себѣ *всѣ нужныя и полезныя познанія для дѣтей.* Изданіе 4. М. 1825 г. in 8. 101 стр.

216. *Первоначальное наставленіе во Французскомъ языкѣ*, въ пользу дѣтей, изданное А. Лангѐнымъ. Спб. 1825 г. in 8. 115 стр.

217. *Новѣйшая Латинская азбука*, съ присовокупленіемъ начальныхъ правилъ Грамматики, таблицъ склоненій именъ, спряженія всѣхъ глаголовъ и краткаго Словаря. Изданіе 2. М. 1825 г. in 8. 78 стр.

218. *Новая Нѣмецкая азбука*, содержащая въ себѣ собраніе употребительнѣйшихъ словъ, разговоры, примѣры для чтенія и краткую Этимологію. Изданіе 2. М. 1825 г. in 8. 72 стр.

219 *Краткая Ариѳметика*, служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ вопросахъ и отвѣтахъ состоящая. Вновь изданная Меморскимъ. Ч. 1. Орелъ. 1825 г. in 8. 167 стр.

220. *Сокращеніе всеобщей Исторіи для дѣвицъ*, начинающихъ учиться сей наукѣ, изданное А. Преображенскимъ. 2 ч. 1825 г. in 8. 84 и 72 стр.

221. *Священная Исторія для дѣтей*, съ вопросами и отвѣтами. Спб. 1825 г. in 8. 40 стр.

222. *Сто четыре Священныя Исторіи*, выбранныя изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, въ пользу юношества, Іоанномъ Гибнеромъ, съ присовокупленіемъ благочестивыхъ размышленій. 6-е, исправленное изданіе. М. 1825 г. in 8. 2 Части. VIII и 248, VI и 186 стр.

Нѣсколько разъ говорили уже мы о неудобствахъ старыхъ системъ, по которымъ донынѣ издаются Русскія учебныя книги, и о тѣхъ улучшеніяхъ, которыхъ необходимо требуютъ онѣ; упоминали и объ усовершенствованіяхъ учебныхъ книгъ въ другихъ земляхъ Европы. Ограничимся теперь краткимъ извѣстіемъ объ исчисленныхъ здѣсь восьми учебныхъ книгахъ, предоставляя себѣ на предбудущее время дальнѣйшія развитія нашихъ мнѣній. Изъ книгъ здѣсь означенныхъ, *четыре* относятся къ языкоученію, *двѣ* къ изученію Священной Исторіи, *одна* Ариѳметики и *одна* всеобщей Исторіи. Нѣкоторыя, какъ въ заглавіяхъ означено, достигли *втораго*, четвертаго и одна изъ сихъ книгъ даже *шестаго* изданія; другія, *кажется*, бывали напечатаны, хотя и не означено, что онѣ не-новыя, а только издаются. Это одна изъ уловокъ издателей для хорошаго сбыта. Мы упоминали о привычкѣ нѣкоторыхъ учителей: *учить по старымъ книгамъ*; но есть учители, которые непремѣнно *требуютъ новыхъ книгъ*, хороши-ли, худы-ли онѣ будутъ, только *были-бы новыя*. Потому, мы видали примѣры, что одну и ту-же учебную книжку, издатели печатали въ двухъ изданіяхъ, поставя на одномъ: *изданіе шестое*, а на другомъ заманчивое словечко: *но-*

вал. Чего хочешь, того и просишь, а подаютъ все одно и тоже!

Не разбирая, старыя-ли, новыя-ли, восемь книгъ, о которыхъ говоримъ, должно сказать, что *ни одна изъ нихъ не достигаетъ своего назначенія.*

Заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ уже доказываютъ степень познаній сочинителей сихъ книгъ. Можно-ли сказать: *изданная въ пользу дѣтей*, если прибыль отъ продажи книги не отдается дѣтямъ? Не забавно-ли азбуку называть *безцѣннымъ подаркомъ* и увѣрять, что она содержитъ въ себѣ *всѣ нужныя для дѣтей познанія?* Не странно-ли, сказавъ, что въ книгѣ излагаются *основанія Грамматики*, прибавлять, что *сверхъ того* присовокуплены тутъ *склоненія именъ* и *спряженія глаголовъ?* Это похоже на путешествія Иванушки, въ *Бригадирѣ* Фонъ-Визина: онъ былъ во Франціи и заѣзжалъ въ Европу! Какимъ образомъ, *этимологія*, могла зайдти въ азбуку? Какихъ *юношей* разумѣлъ Г. Меморскій, называя ихъ *малолѣтными?*

Для чего вздумалось Г-ну Издателю составлять азбуку во *сто страницъ?* Къ чему было наколачивать въ нее всякой всячины, изъ Исторіи, Зоологіи, Ботаники, печатать въ ней дубовые стишки, основанія Грамматики и проч. и проч.? Азбука не энциклопедія и дѣтей слишкомъ рано было-бы учить Энциклопедіи. Краткость и простота, признаки хорошей учебной книги. Составьте азбуку въ *два печатные листа*, не болѣе, напечатайте въ ней *крупными буквами* (N. B. это важно для учащихся азбукѣ!) алфавиты заглавныхъ, строчныхъ, косыхъ, курсивныхъ и скорописныхъ буквъ, да-

двѣ склады, рѣченія, а потомъ вселенныя молитвы, маленькія, въ нѣсколько строчекъ, басенки, краткія правила вѣжливости и — довольно! Вы обрадуете дѣтей даже самою краткостію азбуки и удалите отъ затрудненій, въ какія можетъ завлечь того, кто заставитъ ихъ читать огромную азбуку и отобьетъ охоту учиться, чего, особливо при началѣ, тщательно остерегаться должно. Но объ этомъ мало думаютъ Русскіе издатели азбукъ, и между тѣмъ, какъ смотря на ихъ изданія можно подумать, что они на вѣсъ продаютъ книги, въ рѣдкой азбукѣ найдете печать ясную и крупную.

Книга Г. Ланґена есть также азбука, съ присовокупленіемъ тридцати шести уроковъ, которые онъ совѣтуетъ заставлять дѣтей вытверживать наизусть, а по окончаніи вытверживанія *начинать снова*. Мы напротивъ посовѣтуемъ отнюдь этого не дѣлать. Уроки, предложенные Г. Л., ничто иное, какъ собранія словъ и заставлять дитя затверживать просто слова, самая плохая метода учиться языкамъ.

Если дитя учится Французскому, Нѣмецкому или другому какому языку *изъ употребленія* (par routine), то онъ выучиваетъ слова и фразы безразсудно. Когда онъ можетъ уже начать азбуку, то выучите его только читать и дайте ему потомъ маленькія сказочки, небольшую Исторію, описаніе путешествія, къ его понятіямъ приноровленное (дѣти особенно любятъ путешествія), читайте ихъ съ нимъ вмѣстѣ; пусть онъ ищетъ слова въ словарихъ, записываетъ ихъ, но старайтесь, чтобы упражнялись его умъ и понятія, а не заставляйте механически, какъ попугая, *заучивать*

слова. Между тѣмъ говорите съ нимъ; изъ словъ уже ему извѣстныхъ заставляйте его составлять фразы, писать ихъ. Если-жь не лѣзя учить языку изъ употребленія, то надобно, выучивъ дитя азбукѣ, дать ему легкую для понятія книгу и поступать также, какъ мы объяснили. Можно показать ему склоненія и спряженія, но не заставлять ихъ твердить на память, а болѣе анализировать ихъ съ нимъ, составивъ таблицы, показать аналогію окончаній и даже, если дитя учится вдругъ двумъ языкамъ, аналогію обоихъ языковъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и словахъ. Главное: избѣгать должно сухихъ *схоластическихъ вытверживаній*, притупляющихъ воображеніе и не дающихъ работы уму учащагося.

Въ книгѣ Г-на Лангена Русскій языкъ во многихъ мѣстахъ принесенъ въ жертву Французскому. Годятся-ли для ученія слѣдующія фразы: »*Мы имѣемъ голодъ* — *Не имѣетъ-ли она моего пера* — *Солнечные часы разнствуютъ* (ne s'accordent) « и проч.

Объ Ариѳметикѣ Г-на Меморскаго говорить нѣчего: она похожа на Грамматику сего Сочинителя, о которой мы уже говорили. Сокращеніе всеобщей Исторіи для дѣвицъ (?) должно-бы назвать не-сокращеніемъ Исторіи, а кое-какъ сдѣланными замѣтками о важнѣйшихъ происшествіяхъ Исторіи (и то *не-всеобщей*, а только нѣсколькихъ государствъ). Вовсе не понимаемъ, какъ можно *выучиться Исторіи* по этимъ замѣткамъ! Средняя Исторія занимаетъ всю вторую часть книги. И что-же? Исторія Монголовъ описана на 20 строч-

как, Исторія Турковъ на одной страничкѣ. Системы и плана вовсе нѣтъ.

Сто четыре Священныя Исторіи есть выборъ изъ Библейскихъ книгъ, сдѣланный на Латинскомъ языкѣ I. Гибнеромъ, въ началѣ прошлаго вѣка. Онъ переведенъ былъ на Русскій языкъ въ 1770 году и послѣ того было еще два другіе перевода: всѣ они выдержали по нѣсколько изданій. Но метода Гибнера носитъ на себѣ признаки самой сухой схоластики; его книга въ свое время назначаема была для духовныхъ школъ Нѣмецкихъ. Судите: годится-ли она для дѣтей? Послѣ каждой исторіи слѣдуютъ вопросы, на которые, выучивъ Исторію наизусть, ученикъ долженъ отвѣчать. Благочестивыя размышленія, также послѣ каждой исторіи слѣдующія, совсѣмъ не приноровлены къ понятіямъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ Русскихъ изданіяхъ сей книги присовокуплены бывали еще картинки. Мы порадовались, что въ изданіи 1825 г. ихъ нѣтъ: онѣ безобразны.

---

223. *Полная сказка о славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ* (и проч.). Спб. 1825 г. in 8. 45 стр.

224. *Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Еруланѣ Лазаревичѣ* (и проч.). Спб. 1825 г. in 8. 65 стр.

225. *Сказка о славномъ и храбромъ богатырѣ Александрѣ Индѣйскомъ* (и проч.). Спб. 1825 г. in 12. 35 стр.

226. *Лѣтній вечеръ* или таинственная пещера въ дремучемъ лѣсу. Старинная повѣсть, соч. Левиса.

Пер. съ Франц. Орелъ, 1826 г. in 12. 3 части. 222 стр.

227. *Новѣйшій полный Пѣсенникъ*, для особъ обоего пола, съ объясненіемъ содержаній и голосовъ оныхъ и съ присовокупленіемъ приличныхъ каждой пѣсни девизовъ, въ стихахъ. Изд 3 Въ 3-хъ частяхъ. М. 1825 г. VIII и 228, IX и 227, X и 227 стр.

228. *Избранный новѣйшій Пѣсенникъ* (и проч.) Съ присовокупленіемъ новыхъ произведеній сего рода Россійскихъ Литераторовъ, съ объясненіемъ голоса и содержаніемъ каждой пѣсни. Изд. 4. М. 1825 г. 2 части. in 8 IV и 138, VI и 141 стр.

229. *Парижскій поваръ* или поваренная книга, содержащая въ себѣ все относящееся къ городской кухнѣ, какъ по . . . (слѣдуетъ огромное изчисленіе). Сочиненіе Альберта, главнаго повара Кардинала Феша. Перев. съ Фр. М. 1825 г. 2 части. in 8. VIII, 214 и 186 стр.

230. *Новый и полный Россійскій хозяйственный винокуръ, пивоваръ, медоваръ, водочный мастеръ, квасникъ, уксусникъ и погребщикъ*, нынѣ вновь пересмотрѣнный и дополненный, иждивеніемъ М. К. Матвѣя Глазунова. М. 1825 г. 2 части. in 8. IV и 232, XIV и 235 стр.

231. *Астрологъ древній и новый или оракулъ*, гадательный полный. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 4. М. 1825 г. in 8. 496 стр.

Мы полагаемъ, что всѣ сіи книги издаются для простолюдиновъ, которые любятъ читать въ пользу и удовольствіе и право стоило-бы любителямъ просвѣщенія заняться книгами, издаваемыми для простаго народа! Какихъ нелѣпостей не найдемъ въ девяти означенныхъ здѣсь книгахъ!

Въ Германіи, Франціи, Англіи составлены цѣлыя общества, которыя издаютъ книги курсы и даже отдѣльные журналы, назначаемые для чтенія простолюдиновъ, ибо для нихъ, какъ для дѣтей, надобны особенныя книги. Имъ нѣкогда, они не приготовлены къ чтенію книгъ ученыхъ, не поймутъ романовъ В. Скотта и что-же осталось имъ читать? Для увеселенія — Астролога, Сонника, Пѣсенника, сказку о Бовѣ Королевичѣ; для пріобрѣтенія свѣдѣній — Повара, Винокура — собраніе старья изъ обветшалыхъ книгъ, вздоръ сто разъ повторенный и при каждомъ повтореніи называемый *новымъ*, *новѣйшимъ*, *самымъ новѣйшимъ*, *полнымъ и подробнымъ*, *съ присовокупленіемъ и прибавленіемъ!*

Прискорбно смотрѣть на слугу, служанку какого нибудь сидѣльца или ремесленника, которые въ часы досуга хотятъ *почитать* что нибудь и вмѣсто того, чтобы это чтеніе могло научить ихъ чему нибудь, дать имъ понятія о важнѣйшихъ, необходимыхъ истинахъ, въ простой сказкѣ, незащѣйливой повѣсти, легкомъ изложеніи науки — оно дѣлается для нихъ занятіемъ безполезнымъ, если не болѣе. . . .

Что простолюдины наши читаютъ, что они даже любятъ читать, это замѣтно по расходу книгъ, для нихъ печатаемыхъ: рѣдкая не была издана два, три, пять, десять разъ. Какъ легко-бы можно было обратить во благо эту наклонность Русскаго народа!

Мы говорили объ этомъ съ нѣкоторыми благонамѣренными книгопродавцами и слышали отъ нихъ единогласные отзывы, что они охотно желали-бы замѣнить безполезныя книги и нелѣпыя сказ-

ки и романы, для простаго народа издаваемые, сочиненіями хорошо написанными и истинно полезными, но какъ это имъ сдѣлать? Кто изъ литтераторовъ захочетъ посвятить себя полезному, но не славному труду: сочиненію для простаго народа книгъ, сообразныхъ цѣли ихъ изданія? Пора-бы однакожь подумать объ этомъ! Каждый истинный сынъ отечества конечно съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы появленіе полезной для простаго народа книжки, нежели десяти стихотвореній къ Лидѣ, къ Лизѣ, къ Машѣ, къ Сашѣ — этой воды, которая пошопляетъ наши Альманахи и Журналы!

Здѣсь оканчиваемъ мы *Библіографію Русской Литтературы, за 1825 годъ*. Еще будутъ помѣщены извѣстія, можетъ быть, о двухъ десяткахъ книгъ (которыя мы имѣемъ въ виду, но еще не получили); такъ, что все число Русскихъ книгъ 1825 года, о которыхъ мы извѣстимъ читателей, можно положить до 250.

Мы обѣщали библіографію *всѣхъ* вновь выходящихъ Русскихъ книгъ и старались исполнять это обѣщаніе, сколько было намъ возможно. *Библіографія Телеграфа не-полна* — могутъ сказать намъ читатели. Соглашаемся: въ *Библіографическихъ Листахъ*, изданныхъ П. И. Кеппеномъ, за прошлый 1825 годъ, число всѣхъ книгъ напечатанныхъ въ Россіи положено *около шести сотъ* (584). Надобно знать, что въ семъ числѣ Г-нъ Кеппенъ полагаетъ Россійскихъ книгъ только 323, а 262 на иностранныхъ языкахъ. Въ нашу библіографію помѣщено книгъ на иностранныхъ языкахъ около 15,

слѣдовательно изъ числа книгъ Русскихъ не достаетъ у насъ 88, а изъ числа иностранныхъ 247. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть почти ни одной изъ книгъ, изданныхъ въ Вильнѣ, Гродно, Лемзалѣ, Либавѣ, Митавѣ, Перновѣ, Полоцкѣ, Ревелѣ, Ригѣ. Касательно Русскихъ, надобно замѣтить, что въ роспись Г-на Кеппена вошло 45 изданій повременныхъ, нами не включенныхъ въ роспись. Мы включили также въ свою роспись весьма немного книжныхъ реэстровъ, отдѣльно напечатанныхъ статей изъ журналовъ, рѣчей, диссертацій, сочиненныхъ для полученія ученыхъ степеней, конспектовъ, программъ, объявленій, разныхъ отчетовъ и календарей: сіе дополнило-бы недостающее у насъ число 88-ми книгъ.

Отдаемъ совершенную справедливость трудамъ Г-на Кеппена. Онъ выполнилъ свою обязанность съ рѣдкою, примѣрною исправностію. Но цѣль нашей библіографіи состояла не въ томъ, чтобъ показать *все что печатается въ Россіи*. Мы хотѣли не столько исчислять все что напечатано, сколько стараться дать полное понятіе о ходѣ, духѣ, направленіи Русской *Литтературы*. Если мы успѣли сказать нѣсколько полезныхъ истинъ, замѣтить то, что вредитъ, что споспѣшествуетъ ея успѣхамъ, если наконецъ, нѣкоторыя замѣчанія наши внушили кому нибудь новыя для него идеи, а другимъ стараніе совершенствовать труды свои, мы почитаемъ цѣль свою достигнутою.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Путешествіе Ведделя къ Южному полюсу. Въ то время, какъ славный Парри, при всѣхъ пособіяхъ искусства, мужествѣ и безстрашіи не могъ проникнуть въ сѣверномъ полушаріи далѣе 73°, Веддель, начальствуя надъ двумя простыми купеческими кораблями, безъ всякихъ особенныхъ приготовленій, достигъ въ южномъ полушаріи 74°, т. е 3° *далѣе*, нежели славный Кукъ, и 4° далѣе нашего мореплавателя Боллингсгаузена. Въ Англіи издано описаніе путешествія Ведделя (A Voyage towards the south pole, etc. Лондонъ. 1825 г.), въ которомъ заключаются многіе важные предметы для Географіи. Веддель открылъ, что чѣмъ ближе къ южному полюсу, тѣмъ менѣе встрѣчается льдовъ. Подъ 61° корабль его едва не защерло льдами, а подъ 74° 15′ море было свободно для плаванія. Веддель согласенъ съ мнѣніемъ Кука, что плавающіе морскіе льды составляются при земляхъ, а не въ самомъ морѣ и что льды окружающіе южный полюсъ происходятъ отъ множества острововъ Южнаго Океана и особенно холодныхъ и дикихъ острововъ, близкихъ къ полюсу, изъ которыхъ Веддель посѣтилъ Новую Георгію, землю, обитаемую только амфибіями и птицами. Онъ зимовалъ потомъ на Фалкландскихъ островахъ и весною былъ въ Южной Шешландіи. Онъ подробно описываетъ мало извѣстныхъ обитателей Огненной Земли, съ которыми видѣлся и старался подружиться. Сіи островитяне, малорослые и некрасивые, живутъ въ совершенномъ невѣжествѣ, склонны къ воровству и

женщины у нихъ находится въ порабощеніи и Ведель вообще не замѣтилъ у сихъ островитянъ никакихъ религіозныхъ понятій. Они дивились всему блестящему и какъ обезьяны кривлялись и прічали отъ радости, видя что нибудь новое для нихъ.

Государство Халдеевъ. Докторъ Вальшъ издалъ описаніе государства весьма замѣчательнаго, которое донынѣ было неизвѣстно. Жители его называютъ себя Халдеями, исповѣдуютъ христіанскую вѣру, слѣдуя однакожъ Несторіевой ереси, хотя нѣкоторые признаютъ владычество Папы. Они живутъ въ горахъ и долинахъ по берегамъ Тигра, считаются подвластными Турціи, но управляются самодержавнымъ Патріархомъ. Ихъ полагаютъ всего до полумилліона. Іолемаркъ, на рѣкѣ Забатъ (Zabat), впадающей въ Тигръ, столица Халдеевъ. Патріархъ живетъ въ Кошарисѣ. Другіе важные города, Амазіа и Джезирасъ, на островѣ рѣки Тигра, близъ границъ Діарбекира, въ 900 миляхъ отъ Багдада. Удаленные отъ всякаго сообщенія съ Европейцами и враждуя съ музульманами, Халдеи оставались чуждыми и безвѣстными для всѣхъ народовъ, въ теченіе многихъ вѣковъ. Просвѣщеніе ихъ весьма ограниченно. Кромѣ церковныхъ книгъ, литтерашура ихъ заключаетъ немногое. Они сами не знаютъ, когда приняли христіанскую вѣру. Ученые люди ждутъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Г. Вальша, который шеперь находится въ Константинополѣ, гдѣ имѣлъ онъ случай познакомиться съ Халдеями.

Путешествіе на Монбланъ. Еще два Англичанина взошли на Монбланъ, 25 Августа, прошлаго

1825 года. Одинъ изъ нихъ Докторъ Эдмондъ Кларкъ, давно уже предполагалъ это путешествіе; товарищъ его Капитанъ Шервилль узналъ о немъ на канунѣ дня, назначеннаго для восхожденія и тотчасъ рѣшился сотовариществовать въ семъ опасномъ путешествіи. Оба испытали чрезвычайную усталость и жестокую головную боль, однакожъ счастливо сошли съ Монблана.

Каналъ для соединенія Атлантическаго моря съ Южнымъ Океаномъ. Мексиканское Правительство заключило наконецъ договоръ съ Обществомъ Англицкихъ капиталистовъ, учредившимся для проведенія канала, который соединитъ Атлантическое море съ Южнымъ Океаномъ, черезъ озеро Никарагуа. Такимъ образомъ, это великое предпріятіе вскорѣ приметъ свое начало. Англинекимъ компаньонамъ предоставлены большія выгоды.

Извѣстія о В. Скоттѣ. Вотъ что еще должно прибавить къ біографіи В. Скотта. У него было принадцать братьевъ и сестеръ: послѣдній братъ его скончался въ Канадѣ, въ 1825 году. Въ числѣ переводовъ В. Скотта на Англинскій языкъ, надобно помѣстить Баллады Бюргера. Въ Парижѣ принятъ былъ нынѣ В. Скоттъ съ отличнымъ уваженіемъ. Дочь сопровождала его въ семъ путешествіи, предпринятомъ, какъ увѣряютъ, для полученія важныхъ матеріяловъ для исторіи Наполеона. В. Скоттъ уже возвратился въ Англію. Исторія Наполеона будетъ составлять шесть или семь томовъ и выйдетъ въ Декабрѣ сего 1826 года. Но это еще слухи, равно какъ и то, что книгопродавцы Лондонскіе купили уже это сочиненіе у Автора, за

11,000 ф. с. (275,000 рублей), и что В. Скоттъ приготовилъ сверхъ того два новыхъ романа, и въ томъ числѣ одинъ изъ Ирландской Исторіи.

Ученыя общества въ Соединенн. Штатахъ. Неоднократно говорили мы о быстрыхъ успѣхахъ просвѣщенія и наукъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ Декабрѣ, 1825 г., считалось въ Соединенныхъ Штатахъ до 30 разныхъ Академій и Ученыхъ Обществъ. Въ Массачузенѣ находится *Морское Общество Восточной Индіи.* Въ члены его избираются только тѣ особы, которые совершали морскія путешествія, по крайней мѣрѣ до южной оконечности Америки. Каждый членъ, отправляясь въ новое путешествіе, получаетъ бѣлую тетрадь, въ которую долженъ записывать все замѣчательное. *Американская Академія Наукъ и Искуствъ*, въ Филадельфіи, основ. съ 1780 года. Она издала уже нѣсколько томовъ своихъ Записокъ, гдѣ много важнаго, особенно въ отношеніи къ Математикѣ, Астрономіи и Естественной Исторіи. *Коннектикутская Академія Наукъ и Искуствъ*, основ. въ 1799 г. въ Нью-Гевенѣ. *Нью Іоркское Литтературное и Философическое Общество*, основ. въ 1815 году. Оно издало уже любопытныя Записки. *Въ Нью-Іоркскомъ Аѳенеѣ* зимою читаютъ публичные курсы Наукъ; *Нью-Джерзейское Литтератур. и Философич. Общество*, основ. въ 1825 г. для распространенія полезныхъ свѣдѣній; *Американское Философическое Общ.* въ Филадельфіи, самое *старшее* изъ всѣхъ другихъ, основано Франклиномъ. Изданныя имъ Записки составляютъ семь томовъ. Замѣчательно что Американцы съ особенною прилежностію зани-

маются практическимъ естествознаніемъ. Въ числѣ *тридцати* ученыхъ обществъ, двѣ трети исключительно посвятили труды свои Химіи, Физикѣ и Естественной Исторіи.

НЕКРОЛОГІЯ. Антоній Александръ Барбье, одинъ изъ славнѣйшихъ библіографовъ нашего времени, скончался въ Парижѣ, 5 Декабря, 1825 года. Онъ родился въ Куломье (Seine-et-Marne), 11 Января, 1765 года; обучался въ Мо и Парижѣ, при началѣ революціи считался викаріемъ въ Даммартенѣ и тогда уже былъ извѣстенъ по своему трудолюбію и страсти къ библіографическимъ изысканіямъ. При учрежденіи *Временной Коммиссіи Искусствъ*, для собранія въ Народные Музеи и Библіотеки всѣхъ памятниковъ Наукъ и Искуствъ, Барбье былъ опредѣленъ членомъ и оказалъ столько заслугъ по своей части, что былъ именованъ начальникомъ въ Библіотеку Директоріи, потомъ Консульскую. Въ 1807 г. Наполеонъ сдѣлалъ его своимъ библіотекаремъ. При восшествіи дома Бурбоновъ на престолъ Франціи, Барбье съ уваженіемъ оставленъ на старомъ мѣстѣ, пожалованъ орденомъ Почетнаго Легіона и званіемъ Библіотекаря отдѣльной Королевской Библіотеки. Но въ 1822 году, при министерствѣ Лористона, онъ вдругъ былъ отставленъ и это такъ поразило почтеннаго старца, привыкшаго къ своимъ обязанностямъ и тридцать лѣтъ безпрерывно занимавшагося изысканіями, для которыхъ почетное мѣсто его давало ему всѣ средства, что онъ впалъ въ уныніе, сдѣлался боленъ и не могъ уже

оправиться. Три года продолжалась его болѣзнь и довела его до гроба. Барбье къ обширнымъ свѣдѣніямъ присоединялъ ласковый, любезный, общежительный характеръ. Дѣятельно всегда старался онъ услужить многочисленнымъ особамъ, искавшимъ у него пособій для ученыхъ разысканій и изслѣдованій. Онъ писалъ весьма много статей по своей части для лучшихъ Французскихъ журналовъ и издалъ нѣсколько важныхъ сочиненій библіографическихъ, изъ коихъ главное, которому посвятилъ онъ всю жизнь свою — Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes (*Словарь сочиненій, которыхъ сочинители скрыли свои имена или назвались не-настоящими своими именами*), I-е изданіе, Парижъ, 1806 и 1809 гг. in 8, 4 тома; второе дополненное и исправленное, Парижъ, 1824 и 1825 гг. четыре огромные тома. Эта книга полагается въ числѣ важнѣйшихъ новыхъ памятниковъ Библіографіи, и можно судить по совершенству ея, какое необыкновенное терпѣніе, знаніе своего дѣла и проницательность должно было имѣть Сочинителю!

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

No XVI. Отдѣл. I.

	Напечатано.	*читать.*
349 — 16 —	Маршалъ —	Маршаль
350 — 14 —	Laedder —	Laender

No XIX. Отдѣл. II.

141 — 16 — Жинлисъ — Жанлисъ.

No XX. Отдѣл. II.

146 — 6 — dipace se non de nel moto et — должно быть — di pace se non se nel moto e (и т. д.)

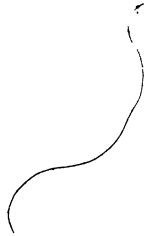
152 — 10 — безвѣстныхъ —, безвѣстный,

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XII.

Отдѣленіе второе.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.
II. СМѢСЬ.



Воззваніе души.

Ахъ! не входи со мною въ судъ
И не смотри мнѣ въ душу, Боже!
Твой свѣтлый взоръ меня тревожитъ,
Твои огни меня сожгутъ!
Кто, смертный, чистъ передъ Тобою?
Но я уже поникъ главою,
Какъ цвѣтъ весенній безъ дождя. . .
Стѣснилась грудь, ослабли руки,
И несмягчаемыя муки
Мнѣ скорбью душу ушрудя,
Меня, быть можетъ, одолѣютъ!
Въ тоскѣ мои всѣ кости млѣютъ! . . .
Гдѣ-жь Ты, мой Вышній? Помоги!
Глухая ночь. . . вездѣ засады. . .
Полны и смѣха и досады
Мои презорные враги. . .
Но мнѣ Твой дивный перстъ укажетъ
Стезю межь пагубныхъ сѣтей
И тайный голосъ сердцу скажетъ:
»Не изнывай, не сироптй!
»Ужь близокъ, близокъ *Онъ*, *Незримый*!«
Какой восторгъ непостижимый,
Какъ ароматъ густой цвѣтовъ,

Меня проникъ прохладой сладкой:
Я побѣжденъ Тобой — Любовь!
Зачѣмъ-же робко и украдкой
Идетъ полпа моихъ враговъ? . . .
Сюда . . . . ко мнѣ . . . . въ мои объятья!
Я васъ въ душѣ благословилъ:
Враги! обнимемся, какъ братья;
Я вашу злобу позабылъ! !

Ѳ. Глинка.

Мой идеалъ.

Уже въ младенческія лѣта
Мнѣ снился милый идеалъ;
Я разлюбилъ утѣхи свѣта,
Уединенія искалъ.
Я упивался созерцаньемъ
Неизъяснимой красоты;
Желалъ горящимъ лобызаньемъ
Слиться съ дѣвою мечты.

Когда въ уборахъ изумрудныхъ
Блистала юная весна,
Моя мечта, явленій чудныхъ,
Летучихъ призраковъ полна,
Стремилась къ *ней*, не въ людяхъ зримой,
Но симпатіею святой
Въ восторгахъ созданной, любимой,
Какъ небо, чистою душой.

Не ты-ль была, моя Анина?
Въ цвѣтущихъ прелестяхъ твоихъ
Изображалася картина
Прелестныхъ горестей моихъ!
Невѣста жизни, другъ, богиня,
О ты, прекраснѣе всего!
Живая страсть къ тебѣ святыня
Во храмѣ сердца моего!

Не ты-ли, утренней порою
Въ туманныхъ плавая зыбяхъ,
Носилась ясно предо мною,
Какъ мать Амура, на волнахъ?
Анина! не твое-ль дыханье
Съ ланитъ моихъ полдневный зной
Свѣвало, въ нѣжномъ состраданьѣ
Лелѣя дремлющій покой?

Не ты-ль, волшебница младая,
Съ вѣнкомъ изъ лилій на челѣ
И вдохновеніемъ сіяя,
Являлась мнѣ въ вечерней мглѣ —
И подъ горящими звѣздами
Бродя таинственно со мной,
Въ меня воздушными устами
Восторгъ вливала не-земной?

Ты, ты, съ любящею душою!
Ты, ты, веселіе мое!
Я предугадывалъ мечтою
Существованіе твое!
Я встрѣтилъ въ праздникъ Терпсихоры
Любви вещественный предметъ;

Въ тебѣ алиющіе взоры
Узнали друга раннихъ лѣтъ!

Мой геній, пламенной душою
Тебя злосчастную любя,
То вянетъ жертвою земною,
То обвиваетъ вкругъ тебя
Съ восторгомъ трепетныя крылы.
О ты, ты жизнь мнѣ въ жизни сей,
И ты, мой Ангелъ вѣчно - милый!
Не можешь въ жизни быть моей!..

За гробомъ всѣ мои надежды,
Души земное бышіе;
Печаль сомкнетъ страдальца вѣжды —
Подъяшо смерти лезвее!
Но будетъ пиръ соединенья
Любящихъ душъ; на нихъ Творецъ,
Подъ громомъ міроразрушенья,
Надѣнетъ нѣрнощи вѣнецъ!

— Баронъ Розенъ

Эпиграмма.

Въ Клеонѣ видишь ты двуличнаго льстеца,
И говоришь: »Спрашись подастся на приманку!«
Гдѣ въ немъ двуличность? Въ немъ и не найдешь лица,
А только съ пятнами изнанку!

Кн. Вяземскій.

Графъ Сенъ-Жерменъ (*).

Г-жу Помпадуръ (**) часто посѣщалъ одинъ человѣкъ, которому надобно было удивляться, какъ волшебнику. Это былъ Графъ Сенъ-Жерменъ, увѣрявшій, что живетъ уже многіе вѣки. Однажды Г-жа Помпадуръ спросила его, при мнѣ: »Каковъ былъ собою Францискъ I (***)? Государь

(*) Въ *Сынѣ Отечества* помѣщены уже были историческія извѣстія о Графѣ Сенъ-Жерменѣ, взятыя изъ Mémoires de M. de Genlis. Помѣщаемъ о семъ-же необыкновенномъ человѣкѣ еще нѣсколько историческихъ извѣстій, взятыхъ изъ *Collection choisie des Mémoires, relatifs à la révolution Française par M. M. Barville et Barrière. Bruxelles, in 18, 1823.* Смотр. Томъ III, содержащій въ себѣ *Mémoires de M. de Campan*, стр. 154 — 57 включительно. *Перев.*

(**) Любимицу Людовика XV.

(***) Царствовавшій въ началѣ XVI столѣтія.

сей мнѣ-бы понравился.« — Да онъ и былъ весьма любезенъ — отвѣчалъ Сенъ-Жерменъ, и потомъ описалъ его видъ, точно такъ, какъ описываютъ человѣка, котораго пристально разсматривали. — Жаль только — прибавилъ Графъ — что онъ былъ слишкомъ пылокъ. Я-бы могъ дать ему весьма хорошій совѣтъ, которому послѣдуя, могъ-бы онъ предохранить себя отъ всѣхъ своихъ бѣдствій; но онъ-бы не послушался. — »А что вы мнѣ скажете о Коннетаблѣ (*)?« спросила Г-жа Помпадуръ. — О немъ я не могу сказать ни много хорошаго, ни мало худаго. — »Дворъ при Францискѣ I-мъ былъ ли блистателенъ?« — Очень блистателенъ; но дворъ, при внукахъ его, несравненно превосходилъ оный блескомъ своимъ. При Маріи Стуартъ (**) и Маргаритѣ-де-Валуа (***), это былъ волшебный замокъ — храмъ удовольствій, къ которымъ присоединялись еще удовольствія разума. Обѣ Королевы были ученыя, писали стихи и слушать ихъ было подлинно удовольствіе. — Г-жа Помпадуръ усмѣхнувшись сказала ему; »Кажется, что буд-

(*) Первомъ Принцѣ крови, Карлѣ, и послѣднемъ Герцогѣ д'Алансонъ.

(**) Супругѣ Франциска II.

(***) Королевѣ Наваррской, сестрѣ Франциска I и супругѣ упомянутаго Коннетабля Франціи.

то вы все это сами видѣли.« — У меня память очень велика — отвѣчалъ онъ — и я читалъ много историческихъ книгъ о Франціи. Мнѣ пріятно иногда — не скажу *увѣрять другихъ*, *а оставлять ихъ при мнѣніи*, что я жилъ уже въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ. — »Вы однакожъ не сказываете намъ настоящихъ лѣтъ своихъ, а только выдаете себя за весьма стараго человѣка. Графиня Жержи, которая, кажется, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была посланницею въ Венеціи, говоритъ, что тамъ еще знала васъ *такимъ-же*, какъ теперь.« — Правда — отвѣчалъ онъ — что я давно уже знакомъ былъ съ Графинею Жержи. — »Но, по словамъ ея, вамъ теперь должно уже быть болѣе ста лѣтъ.« — Это не есть невозможная вещь — отвѣчалъ онъ на то съ улыбкою — но я также согласенъ и съ тѣмъ, что еще возможнѣе говоритъ вздоръ Графинѣ Жержи, которую впрочемъ я уважаю. — »Она сказывала еще, будто вы дали ей какой-то элексиръ, чудесный по его силамъ, и утверждаетъ, что отъ него она долгое время казалась не старѣе 24-хъ лѣтъ. Что-бы вамъ дать такого элексира нашему Королю?« — Ахъ! — прервалъ онъ съ нѣкоторымъ ужасомъ — мнѣ дать Королю неизвѣстное лекарство! Надобно, чтобы я въ умѣ помѣшался.

Послѣ сего я ушла и записала весь этотъ разговоръ.

Спустя несколько дней, у Короля былъ разговоръ съ Г-жею Помпадуръ, нѣкоторыми другими знатными особами и съ самимъ Графомъ Сенъ-Жерменомъ о тайномъ искуствѣ истреблять пятна въ брилліантахъ, которое Графу было извѣстно. Король приказалъ принесть себѣ одинъ изъ своихъ брилліантовъ, средней величины, на которомъ было пятно. Его взвѣсили и Король сказалъ Графу: »Брилліантъ сей оцѣненъ въ шесть тысячъ ливровъ; но онъ-бы стоилъ десять тысячъ, если-бы не имѣлъ пятна. Не возьметесь-ли вы, Графъ, доставить мнѣ эту прибыль четырехъ тысячъ франковъ?« Графъ, разсмотрѣвъ пристально брилліантъ, отвѣчалъ: — Это возможно, Государь! и я черезъ мѣсяцъ принесу обратно брилліантъ сей Вашему Величеству. — Дѣйствительно, Графъ, черезъ мѣсяцъ, принесъ сей камень уже безъ пятна: онъ былъ обвернутъ въ амміантовомъ полотнѣ, изъ котораго Графъ его вынулъ. Король приказалъ опять его взвѣсить, и нашлось, что онъ только немного потерялъ въ вѣсѣ. Король велѣлъ отнесть брилліантъ сей къ придворному брилліантщику, ничего не говоря ему, и Г. де-Гуманъ, относившій его, принесъ вмѣсто онаго девять тысячъ шесть сотъ ливровъ. Однакожъ Король вытребовалъ обратно брилліантъ свой, чтобы изъ любопытства оставить его у себя, и будучи въ великомъ изумленіи, говорилъ,

что Графъ Сенъ-Жерменъ долженъ быть очень богатъ брилліянтами, особливо если ему извѣстно тайное искуство изъ мѣлкихъ брилліянтовъ дѣлать крупные. Графъ не отвѣчалъ на то ни да, ни нѣтъ; говорилъ однакожъ весьма утвердительно, что умѣетъ изъ мѣлкаго жемчугу дѣлать крупный и придавать ему самую чистую воду. Король обращался съ нимъ съ уваженіемъ, равно какъ и Г-жа Помпадуръ, которая сама разсказывала мнѣ сіе происшествіе.

Я много разъ видала Графа С. Жермена. Онъ, казалося, былъ лѣтъ 50 отъ роду; собою ни толстъ, ни худощавъ; видъ его былъ острый, проницательный. Онъ одѣвался просто, но со вкусомъ; на рукахъ у него были брилліянты превосходной красоты, такъ какъ и на табакеркѣ и на часахъ. Однажды, когда при дворѣ былъ великолѣпный праздникъ, онъ пріѣхалъ къ Г-жѣ Помпадуръ съ пряжками на башмакахъ и на подвязкахъ, осыпанными брилліянтами столь высокой и цѣнной доброты, что, какъ говорила Г-жа Помпадуръ, у самого Короля подобныхъ не было. Графъ вышелъ въ переднюю комнату, снялъ пряжки и принесъ показать ихъ вблизи и сличить брилліянты его съ другими. Г. де Гунанъ, который тутъ случился, говорилъ, что брилліянты стоятъ по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ ливровъ. Въ тотъ-же день была у него на-

баєерка несмѣтной цѣны и пуговицы на рукавахъ изъ рубиновъ, которые издавали отъ себя блескъ. Никто не зналъ, откуда явился человѣкъ этотъ, столь богатый и столь необыкновенный.

Г-жа де Маршѐ, потомъ Графиня д' Анживилье, имѣла прекраснѣйшіе волосы, до самой глубокой старости, и утверждала, что знаменитый Графъ Сенъ-Жерменъ, который при дворѣ Людовика XV извѣстенъ былъ за одного изъ славнѣйшихъ алхимистовъ, далъ ей какой-то элексиръ, посредствомъ котораго волосы ея сохранялись и не сѣдѣли съ лѣтами.

Къ симъ извѣстіямъ о Графѣ Сенъ-Жерменѣ, можно присовокупить еще извѣстія, помѣщенныя въ одномъ Нѣмецкомъ Энциклопедическомъ Словарѣ (Лейпцигъ, 1819 г.). Тамъ, между прочимъ, сказано: »Происхожденіе Графа Сенъ-Жермена не извѣстно. Иногда называлъ онъ себя Эмаромъ, иногда-же Маркизомъ Бетмаръ. Онъ безпрестанно путешествовалъ и былъ принятъ при дворахъ владѣтельныхъ особъ. Онъ увѣрялъ, что живетъ уже 350 лѣтъ, и въ памятной книжкѣ своей показывалъ изрѣченіе, вписанное рукою знаменитаго Монтаня (*). Какая-то драгоцѣнная, *жизненная вода*, сохраняла тѣлесныя силы его въ непрерывной бодро-

(*) Жившаго въ XVI столѣтіи.

сти и свѣжести; дѣйствіе воды сей были столь велики, что одной престарѣлой женщинѣ возвратили молодость. Неразрѣшимая задача приготовленія или составленія драгоцѣнныхъ камней удачно разрѣшилась для него, во время вторичнаго путешествія его въ Индію, которое совершилъ онъ въ 1755 году, и въ 1773 году. Находясь у Французскаго Посланника въ Гагѣ, онъ разбилъ въ дребезги одинъ высокой цѣны бриллiантъ своего собственнаго произведенія, а другой своей-же работы продалъ, передъ тѣмъ, за 5500 лундоровъ. Для его зрѣнія не были также сокрыты и таинства будущаго времени: онъ предсказалъ Французамъ смерть Людовика XV. Онъ имѣлъ силу дѣйствовать даже на самыхъ звѣрей и раскрывалъ въ змѣяхъ чувствительность къ Музыкѣ. Къ тѣлеснымъ ловкостямъ, отличавшимъ его, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и то особенное дарованіе, съ помощію котораго онъ, въ одно время на двухъ разныхъ листахъ бумаги, могъ писать обѣими руками, что ему сказывали, при чемъ не возможно было никакъ различить написанное одно отъ другаго. На скрыпкѣ онъ игралъ такъ хорошо, что, казалось, будто играютъ съ нимъ на многихъ инструментахъ.

Ж.

Баккалаврь Саламанкскій (*).

Въ Гренадѣ жилъ нѣкогда молодой Баккалаврь, по имени Антоніо де Каспросъ. Онъ любилъ науки и обыкновенно занимался чтеніемъ въ Университетской Библіотекѣ. Часто находилъ онъ тамъ старика, довольно значительной физіономіи. Лицо его выражало умъ и всегда было печально. Черное платье придавало ему вообще какой-то унылый видъ. Впадшіе глаза, осѣненные густыми бровями, были исполнены огня. Этотъ старикъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ въ Библіотекѣ, разбирая древнія рукописи и перечитывая множество разныхъ старинныхъ писателей.

Антоніо хотѣлось узнать, кто таковъ былъ этотъ старикъ. Ему сказали, что давно видятъ его почти каждый день въ Библіотекѣ и что, по видимому, онъ въ особенности посвятилъ себя познаніямъ Магіи. Но никто не зналъ ни его имени, ни жилища.

Де Каспросъ началъ искать случая съ нимъ познакомиться.

»Позвольте, мил. гос.,« сказалъ онъ однажды незнакомцу, »справиться мнѣ съ книгою, которую вы сей часъ читали.«

(*) Повѣсть Ирв. Вашингтона.

Старикъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Де Каспросъ нѣсколько минутъ переворачивалъ листы въ книгѣ, съ притворнымъ вниманіемъ, и потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

»Осмѣлюсь-ли спросить васъ, о главномъ предметѣ вашихъ изысканій?«

Незнакомецъ поднялъ голову съ видомъ удивленія и бросивъ на юношу быстрый взглядъ, отвѣчалъ холодно:

— Сынъ мой! я ищу мудрости. Столь важный предметъ требуетъ всего моего вниманія — и снова глаза его устремились на книгу.

»Но,« продолжалъ Антоніо, »вступающіе на мрачную стезю наукъ не могутъ-ли получить отъ васъ полезныхъ наставленій и совѣтовъ?«

— Я не могу научать другихъ тому, чего самъ не знаю — отвѣчалъ старикъ.

»Но, мил. гос. . . .

— Молодой человѣкъ! — возразилъ незнакомецъ тихимъ, но твердымъ голосомъ, — я одной ногой спущенъ во гробъ, а еще не достигъ своей цѣли — я не имѣю времени и не хочу терять словъ напрасно. Прошу оставить меня въ покоѣ.

Антоніо пришелъ въ замѣшательство и постыдился своей нескромности; но скоро забылъ неудачу, занимаясь предметами, обращавшими на себя все его вниманіе.

Нѣсколько дней сряду ходилъ онъ къ развалинамъ древняго замка Мавровъ. Его пылкое, поэтическое воображеніе разгорячалось при воспоминаніяхъ объ этомъ народѣ воинственномъ и роскошномъ. Онъ осматривалъ львиный дворъ, достопамятный убіеніемъ Абенсераговъ, и опустѣвшія залы Алгамбры — сего царскаго эдема; разбиралъ надписи, покрывающія колонны, вазы и мраморные бассейны, не смотря на губительное время, вполнѣ сохранившіе свою изящную форму. Великолѣпные дворцы въ развалинахъ — и набожный инокъ молчаливо проходитъ унылые дворы и залы, нѣкогда отражавшіе дикіе звуки пѣсни воинской! Совсѣмъ нечаянно, въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ, Антоніо встрѣтился съ таинственнымъ незнакомцомъ, но не смѣлъ подойдти къ нему.

Однажды вечеромъ пошелъ онъ на Святую гору, откуда видны роскошные берега Дара и плодоносная долина Бага. Здѣсь опять увидя издалека незнакомца, Антоніо рѣшился непремѣнно узнать его жилище и пошелъ по слѣдамъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Спустясь подъ гору, они шли нѣсколько времени по пѣнистому берегу Дара; потомъ незнакомецъ поворотилъ въ сторону, по уединенной тропинкѣ.

Наступила ночь, когда онъ остановился у древняго, огромнаго зданія, полу-

разрушеннаго временемъ. Стѣны чрезвычайной толщины и узкія окны, почти всѣ съ желѣзными рѣшетками, уподобляли его тюрьмѣ. На одномъ краю сего зданія находилась башня восточной архитектуры.

Старикъ постучался въ дверь — свѣтъ мелькнулъ въ замкѣ, и молодая дѣвушка, которой прелестныя черты лица могли бы служить образцомъ для самого Рафаэля, выглянула въ окно.

»Это я, мой другъ!« сказалъ старикъ.

Свѣтъ исчезъ. Черезъ минуту отворилась дверь и незнакомецъ вошелъ въ замокъ.

Все это заключало въ себѣ что-то поэтическое, неожиданное и легко могло воспламенить воображеніе молодаго человѣка, пылкаго и романическаго. Напрасно смотрѣлъ Антоніо на окны — въ замкѣ все было темно. Вдругъ невнятный шумъ голосовъ обратилъ его вниманіе. Невдалекѣ увидѣлъ онъ толпу Цыганъ, которые тогда большими гурьбами кочевали въ Испаніи и жили грабительствомъ. Множество ихъ сидѣло вокругъ огня, прислушиваясь къ дикому и нестройному пѣнію баркаролы.

Антоніо подошелъ къ этой толпѣ, желая узнать, кому принадлежалъ замокъ. Одинъ изъ Цыгановъ, тихимъ голосомъ и съ таинственнымъ видомъ, отвѣчалъ ему, что владѣтель замка посвятилъ себя страшному изученію волшебства; что окрест-

ные жители часто съ ужасомъ видятъ голубое пламя, излетающее изъ оконъ башни, которое доказываетъ присутствіе нечистаго духа; что въ глухую полночь слыхали въ замкѣ чудные звуки и — никто не осмѣливается подойдти къ сему ужасному мѣсту. »А мы, какъ вы видите,« прибавилъ Цыганъ, »не такіе трусы!«

Антоніо, сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые не получилъ удовлетворительнаго отвѣта, бросилъ имъ денегъ и поспѣшно удалился.

Возвратясь въ свой кабинетъ, онъ хотѣлъ заняться по обыкновенію науками; но всякое занятіе казалось ему скучнымъ: онъ ничего не понималъ. Глаза его пробѣгали страницы, а мысли уносились къ уединенной башнѣ, къ тому окну, гдѣ онъ увидѣлъ незнакомую красавицу: ея черты глубоко врѣзались въ памяти Антоніо.

На другой день онъ снова пошелъ къ замку. Это мѣсто показалось ему еще мрачнѣе, нежели наканунѣ. Плющъ и мохъ покрывали почернѣвшія стѣны древняго зданія. На одномъ изъ оконъ, не задѣланномъ рѣшеткою, стояли горшки съ цвѣтами. Окно было задернуто бѣлымъ занавѣсомъ. Между тѣмъ, какъ Антоніо смотрѣлъ на него, прелестная рука, равная бѣлизной лилеямъ, выдвинулась въ окно и стала поливать цвѣты. Вскорѣ занавѣсъ приподнялся. Онъ снова увидѣлъ молодую дѣвушку, которой большіе черные глаза

произвели на него столь сильное впечатлѣніе, но онъ увидѣлъ ее на одну только минуту — и занавѣсъ опять опустился.

Цѣлый день провелъ Антоніо подлѣ замка. Наступилъ вечеръ. Мертвое молчаніе царствовало повсюду; въ замкѣ все было тихо. Черезъ нѣсколько времени услышалъ онъ стукъ у дверей, и опасаясь, чтобы его не замѣтили, спрятался подъ темною аркою. Тутъ онъ увидѣлъ сквозь окно башни голубоватое, яркое пламя, которое, казалось, было слѣдствіемъ какой-нибудь химической операціи — густой дымъ взвивался мрачною полосою въ воздухѣ: Антоніо готовъ былъ въ сію минуту вѣрить волшебству. Эта милая, молодая дѣвушка представилась ему несчастною плѣнницею, подъ адскою властію злаго духа!

Между тѣмъ, какъ Антоніо стоялъ погруженный въ задумчивость, въ окнѣ показался огонь, и онъ увидѣлъ сквозь опущенный занавѣсъ, легкій, полувоздушный станъ; вскорѣ раздались восхитительные звуки голоса, сопровождаемые тихими аккордами гитары. Онъ едва дышалъ, боясь проронить каждое слово. Пѣли балладу, въ которой нѣжныя, страстныя выраженія живописали счастіе юности и восторги любви. Послѣ того поэтъ оплакивалъ въ ней паденіе Абенсераговъ и призывалъ мщеніе на главы ихъ гонителей. Гармонія музыки согласовалась

съ выраженіемъ словъ. Этотъ тихій, унылый звукъ казался отголоскомъ протекшаго времени и какъ будто послѣднимъ вздохомъ Мавританской славы. Антоніо былъ растроганъ до слезъ.

Голосъ замолкъ, огонь исчезъ и по прежнему настала глубокая тишина. »Она спитъ!« сказалъ Антоніо; »да осѣнятъ ее сны мирные и счастливые!« Мѣсяцъ показался изъ за горъ и разсыпалъ серебристые лучи свои на посѣдѣвшія стѣны замка; Антоніо удалился.

Увлекаемый до того времени однимъ любопытствомъ, де-Каспросъ испыталъ съ сей минуты чувство другаго рода. Одна мысль наполнила всю его душу. Ученыя занятія не имѣли для него болѣе никакой прелести. Каждый день бродилъ онъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ незнакомкою; она никуда почти не выходила, кромѣ того, что бывала въ церкви съ своимъ отцемъ: тогда Антоніо становился у дверей и подавалъ ей святую воду — обыкновенная учтивость у Испанцовъ. Но, какъ-бы замѣчая его привязанность, незнакомка не показывалась болѣе у своего окна, и нашъ герой принужденъ былъ довольствоваться рѣдкимъ случаемъ видать ее сквозь опущенный занавѣсъ.

Въ одинъ вечеръ Антоніо находился, по обыкновенію, около замка. Ему послышалось что кто-то идетъ — и при блѣд-

ночь свѣтѣ мѣсяца онъ увидѣлъ человѣка, высокаго роста, который приближался съ великою осторожностію. Широкій Испанскій плащъ закрывалъ его съ ногъ до головы; развѣвающіяся перья на его шляпѣ придерживала алмазная пряжка; подъ плащемъ видно было богатое платье. Онъ подошелъ къ башнѣ, заигралъ на гитарѣ и запѣлъ Испанскій романсъ. Голосъ его былъ чистъ и звученъ, игра свободна и исполнена чувства.

Мысль, что онъ находится передъ своимъ соперникомъ, поразила Антоніо. И такъ, думалъ онъ — вотъ къ чему стремились суетныя мечты мои!.. Но въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣю я на ея сердце? Я не знаю даже, достойна-ли она любви моей! Такъ! Съ новымъ рвеніемъ займусь я науками и, можетъ быть, удалю отъ себя ея образъ, который вѣрно былъ-бы пагубенъ для моего спокойствія. Однако-жъ видъ соперника мало дѣйствовалъ на его сердце; вопреки холодному разсудку, онъ чувствовалъ себя еще болѣе влюбленнымъ и очаровательная красавица приобрѣла какъ-бы новую, большую цѣну въ его глазахъ. Между тѣмъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что на серенаду учтиваго богача не отвѣчали, и безъ сомнѣнія она не была удостоена вниманія. Незнакомецъ пропѣлъ еще нѣсколько романсовъ съ такимъ искусствомъ, которому Антоніо невольно удивлялся.

»Въ послѣдній разъ,« говорилъ онъ, »въ послѣдній разъ смотрю я на тебя, обитель красоты! Прости! я не возвращусь сюда болѣе. Еще одно мгновеніе счастія« — и глаза его неподвижно устремились на окно. . .

Антоніо готовъ былъ удалиться. Вдругъ онъ снова увидѣлъ въ башнѣ голубоватое пламя. Вскорѣ яркій свѣтъ блеснулъ, какъ молнія; за нимъ послѣдовалъ страшный трескъ — и онъ услышалъ пронзительные стоны внутри замка. Внѣ себя, побѣжалъ Антоніо къ дверямъ и началъ стучаться. Стоны не прерывались. Съ силою отчаяннаго выломалъ Антоніо дверь и бросился въ замокъ. Онъ очутился въ маленькой комнатѣ и при слабомъ свѣтѣ луны усмотрѣлъ лѣстницу, которая провела его въ узкій корридоръ. Двѣ женщины, объятыя страхомъ, прибѣжали къ нему на встрѣчу — и одна изъ нихъ, упавъ къ его ногамъ, умоляла спасти ея отца.

Корридоръ оканчивался круглою лѣстницей, примыкавшею къ банѣ. Густый дымъ клубился изъ полурастворенной двери. Антоніо вошелъ въ пространную, темную комнату, которая была такъ наполнена разными инструментами, книгами, дымомъ и остатками горящей бумаги, что онъ едва могъ разсмотрѣть несчастнаго алхимика, распростертаго на

полу, почти безъ жизни. Платье на немъ было изодрано и окровавлено. Антоніо вынесъ его въ ближнюю комнату и положилъ на постель. Въ туже минуту послали старую служанку за лекаремъ — между тѣмъ какъ молодая дѣвушка, почти безъ чувствъ, съ распущенными по плечамъ волосами была въ совершенномъ отчаяніи.

Раны старика оказались весьма сильными, но не опасными. Онъ пришелъ въ себя и, бросивъ на окружающихъ робкій взглядъ, спросилъ слабымъ голосомъ: »Гдѣ я?« Дочь его, услышавъ голосъ отца, закричала отъ радости.

»Милая дочь моя!..« сказалъ старикъ, простирая къ ней руки — но увидѣвъ на нихъ кровь, онъ съ ужасомъ отворотился и произнесъ прерывающимся голосомъ:

»И такъ все конечно! Труды моей жизни навсегда потеряны!«

Напрасно Инеса (такъ звали дочь его) хотѣла успокоить старика; онъ снова впалъ въ забытье, повторялъ безпрестанно имена Ѳеофраста, Гебера, Альберта Великаго, говорилъ о разрушенной пещерѣ льва, о философскомъ камнѣ — предметѣ его долговременныхъ изысканій. Ему перевязали раны, упросили его принять прописанное лекарство, и наконецъ онъ заснулъ. Тогда Антоніо обратился къ Инесѣ, просилъ ее идти успокоиться, обѣщая самъ остаться съ больнымъ. Инеса изъявила

ему свою благодарность однимъ взглядомъ: краснорѣчія его было довольно для Антоніо. Она ушла въ сопровожденіи старой служанки, осыпающей незнакомца своими благословеніями.

Оставшись одинъ, Антоніо дивился страннному случаю, который ввелъ его въ этотъ таинственный домъ. Какъ сильно запрепетало его сердце, когда, осматриваясь вокругъ себя, онъ узналъ комнату Инесы: ея окно, уставленное цвѣтами, полотняный занавѣсъ, висящую на стѣнѣ гитару. Въ углу видно было распятіе и образъ Богоматери; на столѣ лежалъ молитвенникъ. Какая-то пишна страстей царствовала, казалось, въ семъ жилищѣ невинности. Тихое, безмятежное чувство наполнило душу Антоніо.

Съ первымъ лучемъ солнца вошла Инеса въ комнату больнаго. Молодой Бакалавръ, имѣя самъ нужду въ покоѣ, удалился, получивъ позволеніе придти снова.

Возвратясь вечеромъ, онъ нашелъ алхимика очень слабымъ, но, казалось, душа его страдала болѣе, нежели тѣло. Онъ былъ въ памяти и хотя едва могъ говорить, однако-же силился выразить Антоніо свою благодарность. Въ сердцѣ своемъ находилъ юноша достаточную награду и благословлялъ Небо, сблизившее его такъ неожиданно съ предметомъ тайной, пламенной страсти. Онъ провелъ вечеръ съ больнымъ — на другой день пришелъ

снова, ибо его присутствіе сдѣлалось для старика почти необходимымъ. Они долго разговаривали другъ съ другомъ; въ рѣчахъ старика являлось соединеніе энтузіазма съ простотою, учености съ забвеніемъ свѣтскихъ предметовъ. Ему было пріятно найдти въ Антоніо любовь къ таинственнымъ наукамъ и сильное, быстрое воображеніе. Часто, разговаривая, отецъ Инесы забывалъ свою болѣзнь, вставалъ съ постели, какъ привидѣніе, и слова его одушевлялись краснорѣчіемъ, невольно увлекавшимъ Антоніо.

»О сынъ мой!« говорилъ старикъ — »упадокъ человѣка и несчастія, коимъ ежеминутно онъ подвергается, не служатъ ли вѣрнымъ доказательствомъ важности изысканій, насъ занимающихъ? Отъ чего мы терпимъ болѣзни, угнетены годами и муками души, какъ не отъ того, что мы потеряли тайну юности и жизни?.. Правда, труды философовъ не были вовсе безполезны до сей минуты, но жизнь такъ коротка . . . человѣкъ умираетъ, не достигнувъ своей цѣли, а вмѣстѣ съ нимъ умираютъ мудрость и опытъ!«

Вскорѣ Антоніо привлекъ къ себѣ его довѣренность и узналъ исторію его жизни.

Феликсъ де Васкесъ (это было имя старика), урожденецъ Кастиланскій, произошелъ отъ знатной фамиліи. Въ цвѣтущей юности онъ, женился, прогнавъ воли отца своего, на Мавританкѣ, рѣдкой красоты.

Онъ былъ лишенъ наслѣдства и увидѣлъ все свое имѣніе въ рукахъ жадныхъ родственниковъ.

Донъ Феликсъ жилъ долгое время въ неизвѣстности около Валладолида и тутъ возродилась въ немъ страсть къ Алхиміи. Онъ посвятилъ себя изученію сей науки и на терновомъ пути своей жизни встрѣчалъ иногда пріятныя минуты. Но не долго наслаждался онъ счастіемъ. Жестокая болѣзнь лишила его жены и дѣтей: у него осталась одна меньшая дочь. Обязанность отца и любовь къ малюткѣ еще привязывали его къ жизни; но онъ не могъ уже оставаться болѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ все напоминало ему ужасныя потери: онъ уѣхалъ изъ Валладолида съ своею дочерью, нѣсколько времени путешествовалъ по Италіи и Испаніи, желая усовершенствоваться въ своей наукѣ: ходилъ въ библіотеки, отыскивалъ рукописи, которыя могли озарить какимъ нибудь свѣтомъ важный предметъ его занятій — Философскій камень. Инеса была вездѣ вмѣстѣ съ нимъ; милое это дитя замѣняло ему все. Нѣжность дочери уменьшала въ его сердцѣ горесть воспоминаній. Онъ самъ училъ ее — и радовался ея успѣхамъ.

»Теперь,« прибавилъ старикъ, »я потерялъ всю надежду! Труды цѣлой моей жизни въ одинъ мигъ истребленъ пламенемъ. Мое терпѣніе истощилось,

здоровье разстроено, и я — быстрыми шагами приближаюсь къ могилѣ. . . .«

— Не предавайтесь отчаянію, сказалъ ему Антоніо, послѣ нѣкотораго молчанія — вы имѣете глубокія, разнообразныя свѣдѣнія и, сверхъ того, опытность; у меня страсть къ наукамъ: соединимъ наши силы. Трудъ и терпѣніе вѣрные путеводители человѣка.

Васкесъ радостно одушевился словами молодаго Баккалавра. Онъ принялъ его предложеніе и съ того времени они начали заниматься вмѣстѣ.

Во время болѣзни Донъ Васкеса, Антоніо часто видалъ Инесу. Съ каждымъ днемъ находилъ онъ въ ней новыя прелести. Она соединяла съ привлекательною наружностью простоту, кротость въ обращеніи и какую-то благородную гордость, которая всякаго заставляла уважать ее. Но, когда отецъ ея выздоровѣлъ, Антоніо весьма рѣдко встрѣчался съ нею. Она почти никогда съ нимъ не говорила и одна улыбка или наклоненіе головы замѣняли отвѣты.

»Нѣтъ,« думалъ Антоніо, »я чувствую, что мое присутствіе ей въ тягость. Она прочла любовь мою въ моихъ взорахъ и вѣрно богатый Испанецъ предпочтенъ бѣдному Баккалавру — да и что я могу предложить ей, кромѣ сердца, богатаго любовью? Но отъ чего не является этотъ счастливецъ?.. Инеса такъ скром-

на и непорочна — она не можетъ скрывать подобныхъ тайнъ отъ своего отца . . . Антоніо терялся въ догадкахъ. »Если-бы« говорилъ онъ самъ себѣ — »одинъ только разъ, этотъ выразительный взглядъ остановился на мнѣ съ участіемъ, съ любовью — кто когда былъ-бы счастливѣе меня?«

Онъ рѣшился преодолѣть страсть свою, посвятивъ себя единственно новымъ своимъ занятіямъ, но все возражало въ немъ привычныя мысли — и онъ напрасно старался удалять отъ себя этотъ небесный образъ, эту кроткую улыбку. Когда, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, вниманіе его начинало обнимать какой нибудь предметъ, вдругъ раздавались тихіе звуки лютни — и Антоніо забывалъ все на свѣтѣ. Въ другой разъ, посреди занимательнаго опыта, погружался онъ въ мрачную задумчивость — и часто въ одну минуту терялъ плоды своихъ трудовъ. Донъ Феликсъ переносилъ все съ неизмѣняемою кротостію.

»Терпѣніе, сынъ мой!« говорилъ онъ — »терпѣніе! Величайшіе мудрецы въ мірѣ свято хранили сію добродѣтель, необходимую для смертныхъ! Перенесемъ терпѣливо неудачи, которыя такъ часто встрѣчаются въ жизни! Знаменитый Понпонусъ, славный Фламель, по сороку лѣтъ трудились, прежде нежели вывели положительный результатъ! То, что мы счи-

нашемъ случайностями, есть слѣдствіе не-зримыхъ кововъ нашихъ непріятелей. Сокровища природы окружены злыми духами, которые ищутъ какъ-бы вредить намъ! Они стерегутъ насъ и возстаютъ въ ту самую минуту, когда мы хотимъ размышлять! И такъ, освободимъ свою душу отъ земныхъ оковъ, отъ земныхъ впечатлѣній, которыя скрываютъ отъ насъ свѣтъ и воспрещаютъ вознестись къ созерцанію таинствъ природы.«

— Ахъ! думалъ Антоніо — если для успѣха я долженъ забыть мою любовь — никогда не найдти мнѣ философскаго камня!

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, донъ Васкесъ предложилъ Антоніо прогуляться въ саду. Они пошли. Старикъ сѣлъ на обломокъ старой колонны и началъ говорить о важности своей науки. Блѣдный свѣтъ мѣсяца отражался на зеленыхъ листьяхъ деревъ. Антоніо казался внимательнымъ къ его словамъ, но гармоническій голосъ Инесы, тихо раздающійся въ саду, увлекалъ всѣ его мысли. Онъ не могъ противиться желанію видѣть ее — и пошелъ по темной аллеѣ, къ любимой бесѣдкѣ Инесы. Голосъ замолкъ. Тихо подошелъ онъ ко входу бесѣдки — но что-жъ увидѣлъ Антоніо? — Его счастливый соперникъ стоялъ на колѣнахъ передъ Инесою и цѣловалъ ея руку. Испуганный пого-

хомъ шаговъ, онъ поспѣшно вскочилъ и схватился за шпагу — Инеса скрылась. . .

. Антоніо молча удалился, не сомнѣваясь болѣе въ своемъ несчастіи, убитый ревностію и гнѣвомъ. »Такъ вотъ,« вскричалъ онъ, »этотъ идеалъ совершенства! Несчастный отецъ! Какъ ужасно твое заблужденіе! . . . Инеса, Инеса! Гдѣ же искать непорочности, когда и ты виновна въ порокѣ? . . .«

Съ сей минуты онъ рѣшился оставить Гренаду. »Завтра,« говорилъ онъ, »я прощусь съ Донъ Феликсомъ и вѣроломною Инесою. Къ чему мнѣ науки, когда Инеса меня оставляетъ!« Цѣлую ночь сонъ не смыкалъ его глазъ. Поутру пошелъ онъ къ Донъ Феликсу, чтобъ навсегда съ нимъ проститься; но довѣренность и непритворная дружба почтеннаго старика обезоружили его, и онъ отложилъ свое намѣреніе до слѣдующаго дня. Такимъ образомъ прошло еще нѣсколько времени и посѣщенія его не прерывались; но онъ ночти никогда не видалъ Инесы. Инеса не выходила больше къ нему и случайная встрѣча съ Антоніо заставляла ее краснѣть и приводила въ замѣшательство. Это служило для Антоніо новымъ доказательствомъ ея виновнаго заблужденія, и онъ стыдился любви, которая еще владѣла его сердцемъ.

Однажды вечеромъ, возвращаясь въ Гренаду, Антоніо встрѣтилъ на дорогѣ

человѣка, и по его стану и гордой походкѣ узналъ въ немъ своего соперника. Онъ шелъ къ башнѣ. »Вотъ« думалъ Антоніо »единственный случай подтвердить мои догадки . . . если онѣ справедливы . . . я навсегда покину это несчастное мѣсто!« Онъ пошелъ вслѣдъ за незнакомцемъ.

Темная ночь покрывала землю. Незнакомецъ съ осторожностію приближился къ замку; къ нему подошелъ его товарищъ, съ которымъ онъ тихо разговаривалъ нѣсколько минутъ. Въ комнатѣ Инесы видѣнъ былъ огонь; окно было открыто. Кругомъ царствовала мертвая тишина. Вскорѣ огонь погасъ. Незнакомецъ, при тускломъ мерцаніи потаеннаго фонаря, вынулъ лѣстницу, скрытую въ кустахъ, приставилъ ее къ окну и началъ взбираться на верхъ. Антоніо, внѣ себя отъ гнѣва — хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ онъ слышитъ пронзительный крикъ: быстрѣе молніи вырываетъ онъ кинжалъ изъ рукъ остававшагося внизу человѣка, бросается на лѣстницу и взбѣгаетъ въ комнату Инесы. Озлобленный соперникъ его схватилъ шпагу — Антоніо отразилъ ударъ своимъ кинжаломъ и тяжело его ранилъ, но въ туже минуту получилъ самъ глубокую рану въ голову, и безъ чувствъ упалъ на землю. Между тѣмъ незнакомецъ скрылся. Донъ Васкесъ прибѣжалъ на крикъ Инесы. Съ какимъ ужасомъ увидѣлъ онъ своего любезнаго ученика, распростер-

шаго на полу и обагреннаго кровью. Онѣ вынесъ его въ свою комнату, перевязалъ его рану и съ заботливостью нѣжнаго отца смотрѣлъ за нимъ.

Нѣсколько дней Антоніо былъ безъ памяти и находился въ величайшей опасности; но попеченія Донъ Феликса и его дочери исхитили его изъ рукъ смерти. Съ какимъ выраженіемъ благодарности и сожалѣнія устремлялись взоры Инесы на своего благодѣтеля; голосъ ея былъ такъ прерываемъ, когда она называла его своимъ спасителемъ, своимъ другомъ, братомъ! Могли-ль эти чувства не возвратить Антоніо къ жизни? Объясненіе Инесы касательно его соперника не мало способствовало также выздоровленію Антоніо. Въ первый разъ незнакомецъ увидѣлъ ее въ церкви, и съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ ее во всѣхъ прогулкахъ. Напрасно, желая избѣжать непріятной для нея встрѣчи, Инеса перестала выходить изъ дому— онъ не давалъ ей покоя безпрестанными письмами и серенадами. Происшествіе въ саду было для нея вовсе неожиданно. Услышавъ голосъ Инесы, незнакомецъ ворвался въ садъ и осмѣлился объявить ей свою любовь. Она сожалѣла, что не сказала объ этомъ своему отцу, опасаясь быть причиною его безпокойства и горести.

Антоніо тихо спросилъ Инесу, знаетъ-ли она имя незнакомца. Она отвѣчала, что его зовутъ Донъ Амброзіо де-Лаха. Де

Кастросъ слыхалъ о немъ, какъ о богатомъ человѣкѣ развратнаго поведенія, искусномъ въ обманахъ, терпѣливомъ въ преслѣдованіи своихъ жертвъ, жестокомъ и неумолимомъ въ гнѣвѣ. Антоніо трепеталъ, воображая опасности, окружающія Инесу. Донъ Амброзіо былъ знатенъ и могущественъ.

Когда Антоніо сталъ выздоравливать, онъ сошелъ въ залу, нѣкогда служившую для пріема гостей. Мраморный полъ, стѣны, покрытыя отчасти богатыми обоями, позолоченныя, бархатныя кресла, мечъ, единственное наслѣдіе предковъ Донъ Васкеса — все являло тамъ разительную противоположность съ прежнимъ величіемъ и настоящею бѣдностію. Но какъ прелестны были всѣ предметы для взоровъ Антоніо; какъ сладостно было для него время, проведенное тамъ вмѣстѣ съ Инесою! Иногда она пѣла для его развлеченія; самъ Антоніо осмѣливался ей аккомпанировать, и никогда еще съ такою пріятностію, съ такимъ выраженіемъ не звучала гитара въ рукахъ юнаго философа!

Между тѣмъ нашъ добрый Алхимикъ не подозрѣвалъ ничего. Мысли его не переходили за предѣлы таинственнаго эликсира и философскаго камня; а что касается до любви, если онъ испыталъ ее нѣкогда, то давно забылъ. Онъ предполагалъ Антоніо такъ углубленнымъ въ науки, что

ему нѣкогда было думать о своей дочери. Занимая его разговорами о великихъ писателяхъ, старикъ удивлялся однакожъ, что ученикъ равнодушно слушалъ о Парацельсѣ, съ тѣмъ цоръ, какъ былъ раненъ въ голову. Антоніо въ самомъ дѣлѣ существовалъ только для сердца. Еще ни Инеса, ни онъ не выговорили другъ другу признанія, но они такъ хорошо понимали другъ друга....

Здоровье Антоніо совершенно поправилось; онъ не имѣлъ никакого предлога оставаться болѣе въ домѣ Донъ Феликса. Антоніо возвратился въ Гренаду, безпрерывно безпокоясь объ участи Инесы.

Однажды вечеромъ, онъ прогуливался съ нею въ одномъ мѣстѣ, названномъ нѣкогда Маврами дворцомъ радостей, нынѣ посвященномъ унынію и безмолвію, ибо монастырь Капуциновъ замѣнилъ жилище роскоши и нѣги. Печальный, однообразный звукъ колокола, созывающій иноковъ на молитву, раздался въ воздухѣ. Антоніо и Инеса почувствовали грусть, которая казалась какимъ-то ужаснымъ предзнаменованіемъ. Тутъ въ первый разъ Антоніо, увлеченный пылкою страстью, осмѣлился признаться трепещущей Инесѣ въ своей любви. Онъ говорилъ краснорѣчиво и откровенно, не скрывалъ передъ нею своей бѣдности, но сердцу-ли женщины знать разсчеты? Горы золота ничего не значили для Инесы! Воспитанная въ уединеніи, далеко отъ обманчивыхъ наслажденій свѣ-

ша, она находила счастіе въ простомъ состояніи, въ исполненіи простыхъ обязанностей дочери. Нѣсколько словъ удостовѣрили счастливаго Антоніо въ любви Инесы.

Ихъ нѣжный разговоръ былъ прерванъ шумомъ музыки, и они увидѣли неподалеку толпу Андалузскихъ танцовщиковъ.

По окончаніи общаго танца, музыканты окружили Инесу. Одна молодая дѣвушка, которой правильныя черты лица показывали что-то дикое, запѣла печальную пѣсню и унылые звуки тронули Инесу до слезъ. Пѣвица подошла къ ней ближе и, устремивъ на нее свои большіе голубые глаза съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, перемѣнила тонъ и запѣла балладу, въ которой изображалось вѣроломство людей, тайные ковы и неизвѣстныя опасности; взоры и выраженія молодой дѣвушки придавали необыкновенную силу ея словамъ; невольный трепетъ проникъ въ сердце Инесы — она хотѣла говорить съ пѣвицею, но Антоніо, взявъ ее за руку, просилъ какъ можно скорѣе удалиться: онъ замѣтилъ неподалеку толпу людей, шопотомъ разговаривавшихъ между собою, не выпуская изъ виду Инесы. Ихъ скрытность безпокоила Антоніо. Удвоивъ шаги, Антоніо и Инеса скоро возвратились въ замокъ. Печально простился съ нею Антоніо.

Прошло нѣсколько дней; онъ не являлся у Донъ Феликса. Сердце Инесы помилось безпокойствомъ. Она вспомнила слова пѣвицы, и ея воображеніе представляло ей повсюду одно коварство и хитрыя сѣти. Тогда только она почувствовала, какъ сильна ея привязанность къ Антоніо.

Была ночь. Донъ Васкесъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ задумчивость. Онъ вспоминалъ о своемъ ученикѣ и огорчался его долговременнымъ отсутствіемъ, не понимая причины. Все покоилось вокругъ него, лишь одни унылые крики полуночной птицы вторились въ воздухѣ. Вдругъ отворилась дверь. Старикъ, воображая что дочь его пришла по обыкновенію пожелать ему доброй ночи, сказалъ ласково: »Это ты, любезная Инеса?« Кто-то отвѣчалъ ему грубымъ голосомъ и схватилъ его за руку. Донъ-Феликсъ увидѣлъ вокругъ себя трехъ человѣкъ страшнаго вида и вскрикнулъ отъ ужаса.

— Тише! — сказалъ ему одинъ изъ нихъ — мы служители Св. Инквизиціи и намъ дано порученіе отъ лица судилища; твои безполезные крики не приведутъ насъ въ робость!.. Товарищи! приступайте къ дѣлу!..

Захвативъ нѣкоторыя книги и — деньги, они повлекли несчастнаго старика.

Между тѣмъ Инеса сидѣла одна, въ своей комнатѣ. Ея глаза, наполненные слезами, устремлены были къ небу. Шу-

мный звукъ голосовъ привлекъ ея вниманіе. Она услышала на лѣстницѣ стукъ шаговъ, хотѣла отворить дверь, какъ вдругъ старая служанка вбѣжала въ комнату, призывая на помощь Божію Матерь и всѣхъ угодниковъ. Ужасъ былъ написанъ на ея лицѣ — и среди прерывающихся воплей старухи Инеса узнала, что ея отецъ схваченъ разбойниками. Въ туже минуту устремилась она къ отцу своему . . . на лѣстницѣ кто-то остановилъ ее и крѣпко ухватилъ за руку.

(До слѣд. книжки.)

II. СМѢСЬ.

Выдержки изъ записной книжки.

Je jette mes idées sur le papier et elles deviennent ce qu'elles peuvent.

Diderot.

Панкратій Сумароковъ, удачный подражатель Богдановича въ каррикатурныхъ изображеніяхъ, коренной принадлежности Русскаго ума. Гдѣ Французъ улыбнется, Русскій захохочетъ. Французская эпиграмма хороша, когда задѣваетъ стрѣлою; Русская, когда рубитъ топоромъ. Французскіе глаза любятъ цвѣта нѣжные, но съ красивостію переливающіеся; Русскіе радуются краскамъ, хотя и грубымъ, но яркимъ. Посмотрите на наши комедіи: тутъ уму нѣ-

чего догадываться, зрителю дополнять. Все не въ бровь, а въ самый глазъ; все какъ глаза и колетъ; все высказано, выпечатано и перепечатано. То же можно сказать и о комическомъ духѣ Нѣмцовъ, Англичанъ, Испанцовъ, съ тою только разницею, что у насъ одинъ истинный Комикъ, фонъ-Визинъ, и то въ одной Комедіи, а у тѣхъ существуетъ театръ народный.

Покойный Жулковскій, лучшій Комическій актеръ Варшавскаго театра, на обвиненіе, дѣлаемое ему, что онъ иногда слишкомъ плотно шутитъ, отвѣчалъ: »Вы, живописцы образованные, не знаете ремесла театральныхъ маляровъ: я зрителей своихъ знаю. Мои декораціи, слишкомъ грубо писанныя для васъ, глядящихъ на нихъ вблизи, или сквозь искуственное стекло, издали только что въ пору для нихъ.« Многіе изъ читателей нашихъ также читаютъ издали. Излишнія утонченности скользятъ отъ нихъ. Они не любятъ блѣдной, воздушной красоты ни въ тѣлесномъ, ни въ духовномъ: давай имъ красоту дородную, кровь съ молокомъ.

Я увѣренъ, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При такомъ свидѣтелѣ и судьѣ мудрено пуститься на худое дѣло. Солнце для нихъ то же что деревянныя головы, вставленныя въ потолокъ въ Краковскомъ судилищѣ, которыя, какъ разсказываетъ преданіе, взывали къ царю: »Будь справедливъ!« Хорошо и каждому изъ насъ завести-бы у себя хотя по одной такой головѣ. »На то есть совѣсть,« скажете вы. Конечно, тѣмъ болѣе, что у многихъ она одеревянѣла не хуже деревянной башки.

Мало имѣть хорошее ружье, порохъ и свинецъ; нужно еще умѣнье стрѣлять и мѣтко попадать въ цѣль. Мало автору имѣть умъ, свѣдѣнія и охоту писать; нужно еще искуство писать. Писатель безъ слога, стрѣлокъ непопадающій въ цѣль. Сколько умныхъ людей, которыхъ умъ притупляется о перо. У иного зубъ остеръ на словахъ; на бумагѣ онъ беззубый. Иной въ разговорѣ уноситъ васъ въ потокѣ живости своей; тотъ-же на бумагѣ за душу васъ тянетъ. N. N., когда хочетъ укусить, только что замуслитъ.

Слова условленные знаки мыслей. Иныя имѣютъ въ глазахъ нашихъ цѣну существенную, вѣсовую и утвержденную временемъ и употребленіемъ; другія вводятся въ языкъ насильственно и цѣна ихъ мнимая. Государство не имѣетъ довольно звонкой монеты; оно прибѣгаетъ къ ассигнаціямъ. Языкъ не имѣетъ довольно коренныхъ словъ; онъ прибѣгаетъ къ словамъ составнымъ, или мнимымъ. Для монетъ есть монетный дворъ, для словъ есть Академія: но она не выбиваетъ новыхъ словъ, а только свидѣтельствуетъ и клеймитъ старыя. Академія: пробная палатка, но рудники: писатели. Когда годится ассигнація? Тогда, какъ пустившій ее въ ходъ за нее отвѣчаетъ, и силою, или довѣренностію, или другими средствами убѣждаетъ другихъ почитать ее тѣмъ, чѣмъ онъ ее выдаетъ. Или возьмемъ въ примѣръ марки клубныя, или городскихъ кассъ, употребляемыя въ иныхъ клубахъ и городахъ: внѣ общества, внѣ города, онѣ не имѣютъ никакой цѣны; но въ извѣстномъ кругѣ сіи марки почитаются настоящими представительными знаками денегъ и наравнѣ съ ними

въ ходу. Отъ чего-же-бы по этому примѣру не льзя новому поколѣнію дополнить неимущества своего языка условленными звуками, преобразованными въ слова, долженствующія также въ свою очередь образовать глазамъ и ушамъ понятія, еще не имѣющія выраженія на языкѣ? Въ финансовыхъ производствахъ скудость въ представительныхъ знакахъ въ соразмѣрности съ потребностію, вознаграждается удвоеніемъ, утроеніемъ знаменованія представителя: то есть, рубль дѣлается двумя рублями, и такъ далѣе. Въ языкѣ того дѣлать не льзя, или по крайней мѣрѣ не должно. Слово, имѣющее два, три значенія, не годится ни на одно значеніе. Какъ-же помочь? Иностранныхъ словъ брать не велятъ: отъ сего займа терпитъ народная спѣсь. Замѣтимъ однакоже мимоходомъ, что Голландскіе червонцы у насъ въ ходу: кажется, было-бы и слово чистаго золота, то брезговать не къ чему. Хуже отказываться отъ выраженія понятій намъ сродныхъ потому только, что они не приходили въ голову нашимъ предкамъ и чужды были ихъ вѣку. Какъ этимологи ни мучься надъ родословіемъ словъ, но все многія слова — звуки выраженные на удачу, подкидыши на распутіи ума человѣческаго, которые послѣ того сдѣлались пріемышами, а тамъ уже усыновлены и узаконены порядкомъ. Зачѣмъ-же намъ оставаться бездѣтными изъ смѣшнаго уваженія къ выходцамъ, которыхъ ни племени, ни роду не знаемъ? Мы боимся подставочнымъ поколѣніемъ оскорбить наслѣдственныя права старшихъ братьевъ, которые, если разбирать строго, можетъ быть окажутся еще ихъ беззаконнѣе. Въ Дипломатикѣ употребляютъ-же

цыфры вмѣсто буквъ и словъ, не заботяся о томъ, что никакая Граммашика, никакой Словарь Академическій, не дали знакамъ этимъ права гражданства. Дѣло въ томъ, чтобы понимать другъ друга, не должишься словами. Какое-же вывести заключеніе изъ всего сказаннаго? То, чтобы въ случаѣ недосшашка словъ для выраженія понятій, для наименованія вещей намъ равно необходимыхъ, равно свойсшвенныхъ, рѣшились-бы хотя на какомъ нибудь съѣздѣ писашелей выбишь изъ извѣсшныхъ словъ и звуковъ новыя слова и безъ прочихъ околичносшей внесши ихъ въ общій Словарь Русскаго языка. Признаюсь, выведенное заключеніе нѣсколько напугашь можешъ и неробкую душу самаго отчаяннаго неолога! Но какъ-же помочь въ бѣдѣ? Впрочемъ, обращаюсь къ своему эпиграфу и укрываюсь въ его засадѣ; кидаю мысли свои на бумагу, исправляйся онѣ, какъ умѣюшъ.

Я нашелъ у сшарика Сумарокова прекрасное слово: *заблужденники*, кошорое шщешно послѣ того искалъ я въ Словарѣ Академическомъ и въ другихъ писашеляхъ. Подобныя прилагашельно-существишельныя совершенная находка: у насъ въ нихъ недосшашокъ, а они выразишельны и полновѣсны.

Вишійство лишнее природѣ злѣйшій врагъ, сказалъ въ ошвѣшѣ на оду Майкова шошъ-же Сумароковъ, у коего вырывались иногда сшихи не красивые, но правильные и полные смысла, а особливо въ саширахъ. Вошъ примѣры:

Предъ низкими людьми свирѣпствуй ты какъ чортъ,
Простой народъ и чтишъ того, который гордъ.
(Наставленіе сыну.)

Мой предокъ дворянинъ, а я не благороденъ.
(О благородствѣ.)

Но чѣмъ увѣряшъ насъ о прабабкахъ своихъ,
Что не было утѣхъ стороннихъ и у нихъ.

Сторонних утѣх забавное и счастливое выраженіе.

Одинъ разсказывалъ, другой замѣтилъ ложь:
Все мѣлетъ мѣльница; но что молола? Ложь.
(О злословіи.)

Если Издатели Образцовыхъ Сочиненій съ умысломъ перемѣнили стихъ Сумарокова о невѣждахъ, въ Саширѣ: Піита и его другъ:

Ихъ мѣсто никогда въ Саширу не закиснетъ,

въ стихъ:

Ихъ мѣсто никогда въ саширѣ не закиснетъ,

то двойною виною провинились они: противъ истины и Поэзіи. Выраженіе Сумарокова не щеголевато, но забавно и сочно. А *мѣста не закиснетъ* не имѣетъ никакого смысла. Иногда-же онъ въ сатирахъ своихъ просто ругается, и вооружается уже не бичемъ, а дубиною сатиры, на примѣръ:

Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко-ль? можетъ быть людей быку продать?

Князь Вяземскій.

Недомолвки.

Буало нападалъ на *двусмысленность* и старался выжить ее изъ Французскаго языка. Злые люди говорятъ, что многіе послушались Буало и замѣнили ее *безсмысленностью*. Не знаю, извѣстна-ли была во времена Буало *недомолвка?* Нынѣ недомолвка въ большой модѣ, и какъ она кстати при нынѣшней тонкости просвѣщенія, при нынѣшнихъ ласковыхъ страстяхъ, замѣнившихъ старинныя, брюзгливыя и дерзкія страсти! Недомолвка помѣщается въ какой угодно ящичекъ; недомолвка счастливое, новое изобрѣтеніе: не оскорбляетъ, какъ отказъ, не обижаетъ, какъ насмѣшка и не опасна, какъ шутка. Она вездѣ годится. У васъ просятъ помощи? Обѣщайте, да *не домолвьте*: эта соломенка, брошенная на воду, сдѣлается бревномъ, когда вамъ надобно будетъ выплыть изъ вашего обѣщанія. При васъ хвалятъ добраго человѣка; вамъ не хочется согласиться съ общимъ мнѣніемъ? Что вы хотите сдѣлать? Бранить его? Это грубо: лучше хвалите, какъ можно болѣе, да *не домолвьте* и — ручаюсь вамъ за успѣхъ! Примѣры безчисленны, и недомолвки нынѣ такъ усилились, что ихъ встрѣчаемъ вездѣ и во всемъ. *Домолвимъ*, что это *вездѣ*, каждый можетъ распространить и сжать по своему произволу, на примѣръ:

Недомолвки большаго размѣра. Онѣ были любимое дѣло Наполеона. Онъ учреждаетъ бывало республику, королевство, княжество. Ораторы, правители и представители говорятъ много и Наполеонъ съ ними во всемъ соглашается, да *не до-*

молвить! Смотришь бывало: и при первомъ случаѣ, отъ недомолвки Наполеона разлетается новое государство, какъ вспарину, говорятъ, *отъ копѣечной свѣчки Москва горѣла.*

Недомолвки малаго размѣра. Однажды явился ко мнѣ *приказный человѣкъ.* Онъ принесъ выписки, записки и подписки, поздравлялъ меня съ выигрышемъ дѣла, говорилъ много и долго, да *не домолвилъ*, что мнѣ надобно *поблагодарить* Секретаря, и чрезъ нѣсколько дней, благодаря недомолвкѣ его, дѣло мое было проиграно!

Замѣчательно, что въ новѣйшее время усилились недомолвки въ Литтературѣ.

Если вы читаете рецензію, въ которой хвалятъ благородные поступки, доброе расположеніе автора, желаніе его быть полезнымъ и *ничего не говорятъ о его книгѣ*: знайте, что тутъ есть недомолвка! Книга просто вздоръ и объ ней сказать нѣчего. Прежде домолвили-бы, что авторъ очень хорошій человѣкъ, да книга его дурна; но теперь въ модѣ недомолвки.

Часто сами авторы, переводчики и журналисты не хотятъ *домолвить.* Я ни сколько не подозрѣваю ихъ въ какомъ нибудь намѣреніи; совсѣмъ нѣтъ: недомолвки ихъ подражаніе общей модѣ.

Въ Abendzeitung, ежедневной газетѣ, издаваемой въ Дрезденѣ, помѣщена была, въ 1825 году (No 40, 41, 42 и 43), повѣсть Das gebrochene Herz. (*Растерзанное сердце*). Имя сочинительницы, выпечатано было очень четко: *Erzählung von Fanny Tarnow*, но, маленькая недомолвка! это *не сочиненіе* Фанни Тарновъ, а *слово въ слово* отрывокъ изъ Французской повѣсти Г-жи Флао,

которую за семнадцать лѣтъ мы вполнѣ читали, даже въ Русскомъ переводѣ. Загляните въ Вѣстникъ Европы, 1808 г. и въ No 12, 13 и 14 мъ можете прочитать эту повѣсть, подъ названіемъ: *Густавъ Обинье.*

Въ 1821 г., въ С. Пбургѣ, напечатана книга: *Избранныя Оды Горація, съ комментаріями, изданныя Ѳ. Булгаринымъ.* Г. Булгаринъ въ объявленіи (С. О. 1821. No XXXII, стр. 278) сказалъ, что онъ »*въ трудѣ своемъ руководствовался* изданіемъ Польскимъ,« и потомъ вошелъ въ ученыя подробности о комментаторахъ Горація: Кеппенѣ, Мичерлихѣ и Вандербургѣ. Въ предисловіи, Г. Булгаринъ говорилъ увѣрительнѣе: »*Предлагаю* »оды Горація, при изданіи коихъ *я слѣдовалъ Брауншвейгскому изданію Кеппена* . . . Что касается »до истолкованія текста, то вся слава принадлежитъ Вандербургу и Мичерлиху и Іосифу Ежовскому, объяснившему Горац. Оды на Польск. языкѣ: »мнѣ принадлежитъ только трудъ и желаніе быть »полезнымъ.« Говорено много, а темно и — вкралась недомолвка! Не входя въ разсужденія о Мичерлихахъ и Кеппенахъ, надобно было сказать въ заглавіи книги: *Избранныя Оды Горація, съ комментаріями Іосифа Ежовскаго, переведенными Ѳ. Булгаринымъ*, а въ предисловіи должно было сказать, что текстъ, примѣчанія и комментаріи *слово въ слово списаны* съ Польскаго изданія Гораціевыхъ одъ, Іосифа Ежовскаго, изд. въ Вильнѣ. Для чего употреблять имена Вандербурговъ, Кеппеновъ и говорить: *руководствовался* такимъ-то, *слѣдовалъ* такому-то, когда

просто списываете и переводите? Для чего? *Такъ!* недомолвка. . . .

Парижскія моды.

Dans les magasins de modes, le satin bleu et le velours noir s'employent ensemble fréquemment. On double un chapeau de volours noir en satin bleu, et l'on met une doublure de velours noir à un chapeau bleu. Des plumets de ces deux couleurs sont attachés par des rosettes de ruban à raies bleues et noires. Quelquefois, en outre, le chapeau est bordé d'une blonde noire.

On voit sur quelques chapeaux de velours épinglé gris perle, un fichu gris à trois pointes, doublé en satin blanc et bordé de blonde. Une des pointes du fichu tombe par derrière. Les deux autres descendent jusqu'à l'endroit où sont fixées les brides. Sur le devant, au bas de la forme, sont deux queues d'oiseau de paradis.

L'ornement principal de quelques chapeaux de pluche verte, à passe applatie sus les oreilles, consiste en une douzaine de rosettes de ruban rayé de couleurs tranchantes. Ces rosettes sans bouts et contigües, sont disposées sur le devant en demi-cercle.

Pour le spectacle, il y a des chapeaux *à l'espagnole.* en velours noir plain, à très-grand bord et sans bride, que l'on pose de biais, et sous la passe desquels se voit, à gauche, une résille en rouleaux de satin.

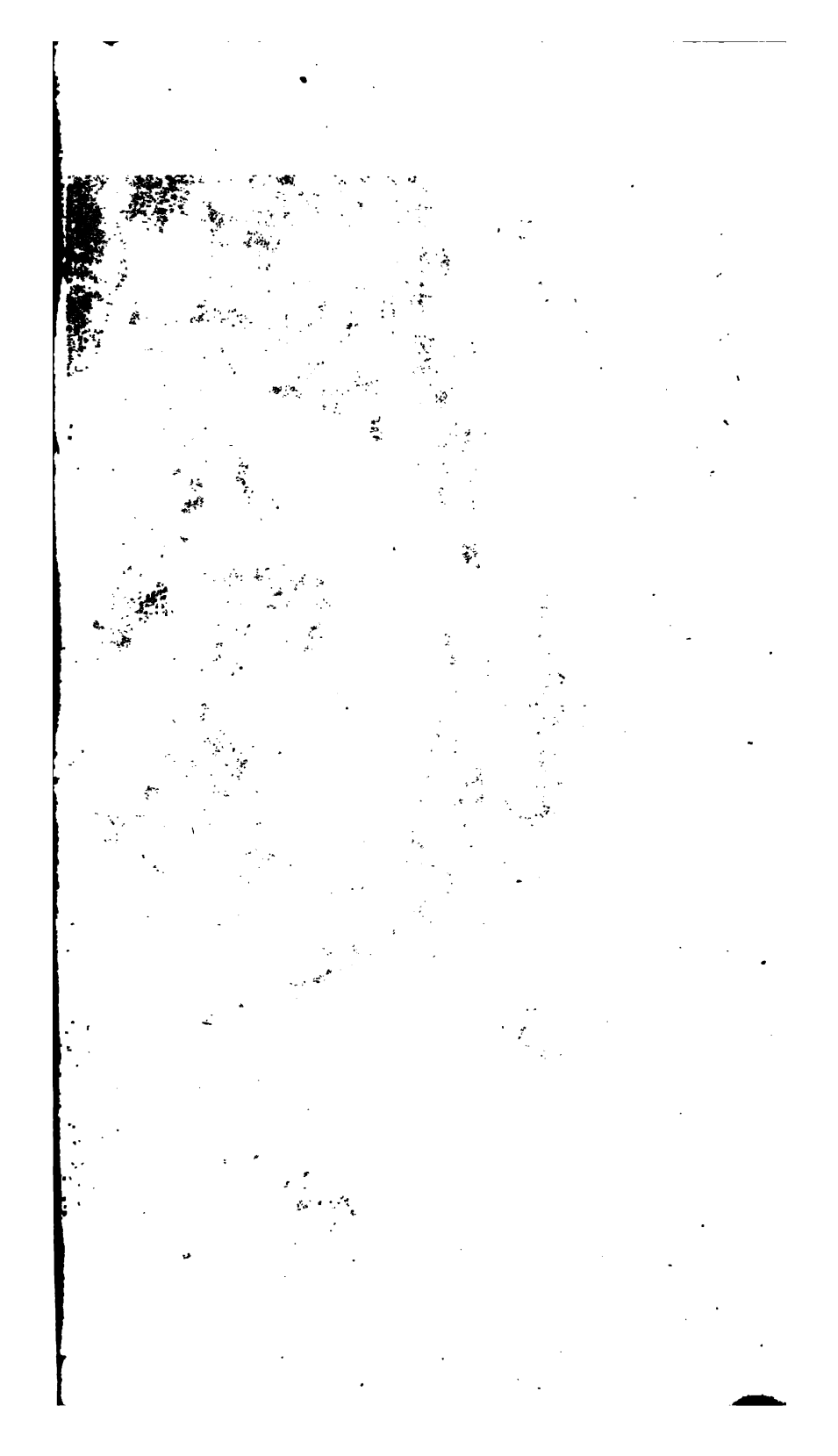
Les bérets et les turbans destinés à la grande toilette, sont la plupart en velours à fleurs de cachemire et à raies. La tête d'un oiseau de paradis fixé sur le devant, touche les cheveux, et sa queue s'élève en arc.

Sur d'autres turbans, ce sont trois esprits blancs, à pied rose ou noir; deux à droite, et le troisième à gauche.

Въ модныхъ магазинахъ голубой атласъ и черный бархатъ часто употребляютъ вмѣстѣ: черную бархатную шляпку подбиваютъ голубымъ атласомъ и шляпку изъ голубаго атласа подбиваютъ чернымъ бархатомъ. Плюмажи обоихъ цвѣтовъ прикрѣпляютъ розетками изъ ленты, съ голубыми и черными полосками. Сверхъ того, иногда по краямъ шляпки бываютъ черныя блонды. — На нѣкоторыхъ шляпкахъ изъ булавчатаго бархата, цвѣта сѣроперловаго, замѣтили уборку, состоящую изъ сѣрой косынки, подбитой бѣлымъ атласомъ, съ блондами по краямъ. Одинъ уголъ косынки падаетъ назадъ шляпки, а два другіе простираются по бокамъ шляпки, до самыхъ завязокъ. Напереди, внизу тульи, бываетъ два хвоста райскихъ пташекъ. — Главная уборка шляпокъ изъ зеленаго плюша, у которыхъ поля надъ ушами плоскія, состоитъ въ дюжинѣ розетокъ, изъ ленты, съ полосками яркихъ цвѣтовъ. Онѣ расположены бываютъ полукругомъ. — Въ театръ надѣваютъ *Испанскія* шляпки, изъ гладкаго чернаго бархата, съ большими полями и безъ завязокъ. Подъ полями такой шляпки, на лѣвой сторонѣ бываетъ сѣточка изъ атласныхъ вишковъ. Нарядные береты и тюрбаны дѣлаютъ большою частію изъ бархата, съ шалевыми цвѣтками и полосками. Райская пташка составляетъ ихъ уборку: головка ея касается волосовъ, а хвостикъ полукругомъ поднятъ кверху. Иногда убираютъ ихъ тремя эспри, бѣлаго цвѣта; одно изъ нихъ на лѣвой, а два на правой сторонѣ.

На приложенной каршинкѣ —

Газовый токъ, убранный атласными лентами. Креповое платье, убранное атласомъ. Плащъ изъ Шотландскаго бархата (такіе-же плащи дѣлаютъ изъ казимира).



ОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Вейскій мостъ (*).

Мостъ, извѣстный подъ именемъ *Вейскаго*, есть произведеніе природы. Онъ находится въ десяти миляхъ, на сѣверъ, отъ Вероны, невдалекѣ отъ развалинъ Крѣстены, гдѣ холмы начинаютъ преобразовываться въ горы. Онъ составляетъ ...шу округа Альфаэдо и раздѣляетъ земгородовъ Фано и Прюна, замѣчательъ по тому, что въ первомъ находится ...ій храмъ, называющійся по имени ..., а по имени другаго называлась вся ...лина, извѣстная нынѣ подъ именемъ ...челлы. Посреди скалъ различной фи... возвышается сей мостъ, поддерживаемый одною эллиптическою аркою, ... которою, съ западной стороны ея, ...нается не очень огромный водоворотъ, ...простираясь къ востоку въ видъ водо..., льетъ свои воды въ ближній ручей.

(*) ...приложенную картинку.

Обѣ стороны моста представляютъ различныя зрѣлища. Сторона лѣвняго востока величественнѣе; она нравится глазамъ своею почти правильною дугою арки и своими огромными, симметрическими формами. Стрѣла арки въ 62 Веронскихъ фута, а хорда болѣе 114 (Веронскій футъ къ Королевскому относится какъ 21 къ 20-ти). По обѣимъ оконечностямъ хорды два толстые пиластра возвышаются, почти оба равно, до 86 футовъ. На этой высотѣ начинается держащаяся на воздухѣ часть дуги, образовавшаяся отъ правильнаго сложенія слоистыхъ камней, футовъ на 20 въ толщину. На камняхъ лежитъ слой земли, футовъ въ 50 толщиною. Слѣдовательно, объемъ сего естественнаго моста гораздо болѣе объема славнаго моста Ріальто въ Венеціи.

Западная сторона моста несравненно болѣе восточной, такъ что вдлину простирается на 154 фута; ея оконечности защищаются скалами, а средина украшена грядою камней, которые, выдавшись въ видѣ фронтона надъ верхушкою дуги, какъ бы увѣнчаваютъ ее.

Между хордами, во 114 футовъ и во 154 фута, средняя простирается на 134 фута; арка, которая должна-бъ была поддерживать хорду во 134 фута, подъ стрѣлою въ 62 фута, была-бы вдлину болѣе 200 футовъ. Сближая съ сими измѣреніями объемъ толщины верхняго слоя въ 50

футовъ, выходитъ, что пустошь подъ аркою составляетъ не менѣе 320,000 кубическихъ футовъ.

Подлѣ пилястровъ моста открываются два темные грота; огромнѣйшій со стороны сѣверной. Онъ простирается, подъ горою, въ видѣ галлереи почти на тысячу шаговъ. Тотчасъ за входомъ въ него потолокъ понижается противъ поверхности земли, такъ что далѣе идти очень трудно, но послѣ сего онъ постепенно возвышается, расширяясь, и оканчивается подъ обширнымъ и превысокимъ сводомъ. Тамъ раждается свѣтлый источникъ: его воды, выходя изъ грота, падаютъ въ пучину, надъ которою стоитъ Веіанскій мостъ. Въ этомъ гротѣ находятъ морскихъ ракушекъ разныхъ родовъ, также другія окаменѣлыя морскія произведенія и тонкій слой охренной земли, яркаго цвѣта.

Одинъ обожатель Данте думаетъ, что Веіанскій мостъ служилъ образцомъ сему великому Поэту при описаніи моста Мальбольджъ, въ восьмомъ кругѣ ада. Дѣло вѣроятное: Данте долго жилъ въ Веронѣ и написалъ часть *Divina Commedia* въ своемъ сельскомъ убѣжищѣ Гуараньяго, въ долинѣ Поличелла, не вдалекѣ отъ Веіи.

Веіанскій мостъ запираетъ выходъ изъ долины, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и пригорками и оканчивающейся ши-

рокимъ бассейномъ, который упирается въ самый мостъ, образующій часть верхней оконечности бассейна, такъ что арка кажется проломомъ въ его боку, тѣмъ болѣе, что она возвышается надъ углубленіемъ, теряющимся въ низменной долинѣ, по которой течетъ небольшой ручей.

Бассейнъ и гора, часть которой онъ составляетъ, образованы изъ правильныхъ и параллельныхъ грудъ камней, слоистыхъ, иногда пересѣкаемыхъ массами настоящихъ скалъ — это замѣтно даже на самомъ мосту. Массы, служащія ему основаніемъ, суть вростшія скалы; напротивъ дуга составлена изъ слоистыхъ камней, которыхъ груды безъ сомнѣнія простирались гораздо ниже, потому что на каждомъ изъ пилястровъ выставляются, въ видѣ модильоновъ, камни, которые тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ дугѣ: отъ одной утвержденной оконечности моста къ другой, они въ совершенной соразмѣрности, продолжаясь по горизонтальнымъ параллелямъ. Такимъ образомъ они показываютъ древнее существованіе и вмѣстѣ положеніе истребившихся грудъ, которыхъ составляютъ послѣдніе остатки.

По симъ свидѣтельствамъ естественно можно заключить, что въ весьма отдаленную эпоху мостъ совсѣмъ не былъ открытымъ: все, составлявшее его, было неподвижно и образовывало плотину, но

торая удерживала въ бассейнѣ всѣ воды, стекавшія съ горъ, пригорковъ и съ долинѣ. Собранная въ сей огромный резервуаръ, вода мало помалу прососала мѣста, составленныя изъ слоистыхъ камней, которые представляли ей менѣе сопротивленія и болѣе проницаемости, нежели гранитные камни.

Наконецъ вода открыла себѣ путь въ нижней части плотины, на которую было главное давленіе и оставила существовать верхнюю часть бассейна, на которую всегда устремлялось небольшое стремленіе ея. Дѣйствіе воды замѣтно въ этомъ глубокомъ прорывѣ, который начинается подъ самою аркою моста и оканчивается открывая вторую долину, которой поверхность гораздо ниже поверхности первой. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что и нынѣ въ извѣстное время случается видать подъ симъ мостомъ большое количество текущей воды и сверхъ того, подъ самою аркою, вода выкопала себѣ подземные переходы, на примѣръ топь, откуда выходитъ водопадъ, нами упомянутый.

Впрочемъ, Авторъ, у котораго мы заимствуемъ сіе описаніе, не согласенъ съ нашимъ предположеніемъ. Онъ думаетъ, что Веіяскій мостъ былъ вначалѣ пространный гротъ, котораго внутренніе бока, на востокъ и на западъ, не могли долго противиться дѣйствію дождей и перемѣ-

намъ воздуха, такъ что наконецъ разрушились совершенно. Онъ подтверждается совершенно произвольными доказательствами, съ которыми мы не согласны; напротивъ, мы раздѣляемъ чувства его, когда онъ съ негодованіемъ упоминаетъ что это прелестное произведеніе природы такъ мало извѣстно, и когда онъ обвиняетъ своихъ соотечественниковъ (Италіянцовъ), что они берегутъ свое вниманіе на чудеса иностранныя, а его должно-бы обращать на красоты своего отечества; когда наконецъ онъ обращаетъ къ нимъ слѣдующій упрекъ младшаго Плинія къ современникамъ своимъ, но который, можетъ быть, всѣхъ болѣе заслуживаютъ Французы: „*Permulta, in urbe nostrâ juxtàque urbem, non oculis* „*modò, sed ne auribus quidem novimus; quae si* „*tulisset Achaia, Aegyptus, aliave quaelibet mira-* „*culorum ferax commendatrixque terra, audita,* „*perlecta, lustrata haberemus.*“ *C. PHN. secund. LIB.* „*VIII. EPIST.* 20.

(*Изъ Nouvelles annales des Voyages.*)

Опыто о происхожденіи законовъ.

»Судъ правды есть судъ Божій!« —

(Второзаконія гл. I. ст. 16.)

»Fiat justicia, pereat mundus!«

Право, пріемлемое въ существенномъ значеніи своемъ, есть собственно принадлежность нравственной природы человѣка. Общія начала его происшекаютъ изъ началъ высшихъ, изъ источника истинъ вѣчныхъ. Оно не есть просто *явленіе* гражданскихъ обществъ и никогда не будучи твореніемъ оныхъ, ни сколько не принадлежитъ къ ломкому порядку вещей въ нашемъ мірѣ, гдѣ всякая существенность не прочна, и всякая *видимость* (форма) удобоизмѣняема.

Право въ высшемъ знаменованіи своемъ самостоятельно и неизмѣнно, ибо, утверждаясь въ самомъ себѣ, пребываетъ оно внѣ круга, гдѣ свирѣпствуютъ порывы силы и бури страстей человѣческихъ; но не будучи принадлежностію вещественнаго міра, оно однакожъ удобно выражается въ ономъ — опредѣленнымъ, видимымъ и для всѣхъ понятнымъ способомъ.

Право проявляется троякимъ образомъ: въ *бытіи*, въ *дѣйствіи* и въ *удержаніи за собою* (въ сохраненіи) *того и*

другаго. Бытіе равно принадлежитъ, какъ вещи, такъ и лицу, съ тою только разницею, что послѣднее можетъ выходить изъ собственнаго бытія по *собственнымъ цѣлямъ*; то есть — *дѣйствовать.* Поясними. Уродливый *кретинъ* (*) сидитъ скорчась, въ углу своей хижины и едва умѣя понимать грубѣйшія потребности, безпечно пребываетъ въ самомъ себѣ. Безспорно, онъ болѣе живая *вещь*, нежели лицо. Ни нужды, ни страсти не выводятъ его изъ собственнаго бытія. Глупыми глазами смотритъ онъ на разумную дѣятельность своихъ ближнихъ, между тѣмъ какъ бодрый юноша, въ его же семьѣ, предавшись сугубому влеченію нуждъ и страстей, поспѣшно выходитъ изъ собственнаго уединеннаго бытія въ кругъ общей дѣятельности.

Что нужды *первому* (то есть *кретину*) до нашихъ гражданскихъ отноше-

(*) Кретинизмъ есть извѣстный недостатокъ въ организмѣ человѣческаго тѣла. Въ сырыхъ долинахъ Швейцаріи, Швабіи, Штиріи и въ другихъ странахъ родятся люди съ огромными *зобами.* Они имѣютъ наружный видъ человѣка, но не оказываютъ почти ни одной изъ способностей существа разумнаго. Скорчась сидятъ они въ глубокомъ молчаніи до тѣхъ поръ, пока почувствуютъ *голодъ* или жажду: тогда начинаютъ мычать жалобно или сердито; по утоленіи нужды погружаются опять въ свое обыкновенное безчувствіе.

вій, до учрежденій общественныхъ? Ему только-бы теплое мѣсто, *гдѣ* пробывать и грубая пища, *чѣмъ* жить. Напротивъ *другой*, быстро развивая свои свѣжія способности, широкими шагами идетъ въ область жизни, кипящую суетой и заботами, съ благороднымъ желаніемъ участвовать въ стройной дѣятельности общества гражданскаго. Къ праву бытія присоединяетъ онъ другое, *право дѣйствія*, а наконецъ и третье, *право охраненія своего бытія* (лица) и своихъ дѣйствій (отношеній личныхъ), ибо, въ сей степени развитія, человѣкъ согласится лучше не-быть, нежели быть и не дѣйствовать или дѣйствовать и не *заступаться* за свои поступки, за свою честь и за все, что посредствомъ дѣйствій и дѣятельности наживается, а слѣдовательно и за свою собственность. Но кипящая дѣятельность юнаго человѣка должна имѣть предѣлъ; иначе, вырвавшись изъ собственнаго круга, она поглотитъ развивающіяся дѣйствія другихъ людей. И такъ, должна-ли быть черта преграды между каждымъ и всѣми и равно для всѣхъ и каждаго? Очевидно! Какъ же назвать ее? Въ коренномъ Русскомъ нарѣчіи находимъ слово *конъ*, означающее черту, предѣлъ или границу. Можетъ быть, отъ сего и произошло у насъ слово *законъ*, воспрещающій переходить за черту установленную.

И такъ черты, въ которыхъ проявляетъ себя подразумѣваемое право видимымъ для насъ образомъ, называются — *законами.* Скажемъ опредѣлительнѣе: законъ есть черта, ограничивающая положеніе каждаго лица въ обществѣ такимъ образомъ, чтобы употребляя бытіе и дѣятельность свою сколько можно свободнѣе и выгоднѣе для себя, ни сколько не вредить развитію бытія и дѣятельности другаго; иначе: не воспрещать дѣлать другому того, что считаешь дозволеннымъ и полезнымъ для себя; или, короче: не дѣлать того другому, чего не желаешь себѣ. И такъ законы суть неосязаемыя черты, суть, такъ сказать, невидимые стражи, *защищающіе* (чтобъ другіе намъ не вредили) *и ограничивающіе* (чтобъ мы другимъ вредить не могли) самостоятельное наше бытіе и нашу видимую дѣятельность. Изъ сего само собою можетъ выйдти подраздѣленіе въ законахъ: на *защитительные*, доставляющіе безопасность (лицу, собственности и проч.) и *воспретительные* (они-же и карательные), удерживающіе волю и поступки каждаго въ предѣлахъ безвредности и воздающіе *возмездіе* за содѣянное. Между волею и своеволіемъ поставленъ страхъ наказанія. »Книга добрыхъ законовъ есть ни что иное, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.« (*Наказъ*, *гл.* 10, *пунктъ* 246.)

Права и законы мѣстные и положительные многочисленны и разновидны; но всѣ они суть ни что иное, какъ непосредственныя слѣдствія одного и того же первообразнаго (абсолютнаго) права, которое, не раздробляясь (ибо истина не дробится), отражается, какъ центръ въ своихъ радіусахъ (какъ единство во множествѣ), и, будучи примѣнено собственно къ человѣку, право сіе пребываетъ въ *совѣсти*, понимаетъ себя въ *умѣ* и выражается *въ дѣлахъ: добрыхъ*, если не превожатъ совѣсти и одобрены умомъ, и *худыхъ*, если тѣмъ и другимъ опровергаются.

И такъ сіе самостоятельное, сіе общее право, проявляясь въ частныхъ отраженіяхъ, сполновится принадлежностію человѣка (какъ существа опличеннаго *по сану*, то есть по предназначенію его) въ слѣдующихъ главныхъ видахъ: 1-е, относительно къ самому себѣ: *Право Существованія.*

Его подраздѣленія суть:

а) Право бытія или *право личное*, означающее: право *быть*, т. е. право занимать своею особою участокъ земнаго пространства безъ стѣсненія другихъ и развивать свои душевныя способности (какъ принадлежности разумнаго бытія) въ извѣстномъ кругу. Кто имѣетъ право жить, тотъ не можетъ быть лишенъ и права пребывать: а пребывая, дѣйствовать по желанію души, по намѣре-

ніямъ ума, т. е. *проявлять* (выказывать на самомъ дѣлѣ) свое бытіе. Какъ тѣлу необходима свободная движимость, такъ уму безпрепятственная мыслимость. Стѣсненіе жилъ можетъ произвести застой крови и смерть физическую, стѣсненіе мысленности смерть нравственную, т. е. оцѣпенѣніе нравственныхъ способностей. Второе подраздѣленіе: b) право свободной дѣятельности по собственнымъ цѣлямъ, не вредя цѣлямъ другихъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Съ правомъ бытія неразлучно и право жизни, т. е. проявленіе бытія въ разумной дѣятельности. Жить умомъ, значитъ — мыслить; мыслить вслухъ, значитъ — говорить; а говорить знаками, значитъ — писать, и т. д. Отнятіемъ безъ важныхъ причинъ одного изъ сихъ *условій* оскорбляется право разумной жизни, право бытія, а съ онымъ и самый источникъ оныхъ — *первообразное право*, на которое люди никакого притязанія имѣть не могутъ, ибо оно имъ никогда не подчинено, но само себя имъ сообщаетъ и, нетлѣнное, проявляется въ ихъ тлѣнныхъ постановленіяхъ, какъ лучи солнца, проходящіе сквозь *призмы*, независимо отъ ломкости сихъ бренныхъ орудій.

c) Третье подраздѣленіе: *право* не допускать другихъ вредить своему физическому бытію и своей разумной дѣятельности, или право *самозащищенія*.

2-е. Относительно внѣшнихъ предметовъ, постигаемыхъ дѣятельностію лица (человѣка), изъясняется: и, право вещественное — *пріобрѣтать собственность.*

ПРИМѢЧАНІЕ. Имѣя право жить, человѣкъ долженъ имѣть право и *наживать*, т. е. употреблять умственныя и физическія силы свои (въ видѣ труда и работы) для пріобрѣтенія чрезъ то собственности. Пріобрѣтать можно посредствомъ труда умственнаго и тѣлеснаго; а какъ усилія ума и силы тѣлесныя составляютъ какъ-бы часть самого человѣка, то и *собственность*, какъ вещественное представленіе того умственнаго или тѣлеснаго труда, должна быть не отъемлемою принадлежностію его существа. *Паукъ* съ своею паутиною представляетъ намъ ближайшее подобіе происхожденія собственности и неотъемлемости произведенія отъ производителя. Онъ, производя изъ самого себя и чрезъ себя свою паутину, столько кладетъ на сѣти сей своей ткани, что прогнать оную значитъ его самаго прогнать. Такова *чуткость* или заботливость и у каждаго владѣльца на счетъ охраненія его собственности. И весьма бы не право сдѣлали тѣ, которые захотѣли вѣрить, или увѣрять, что нарушать право собственности не значитъ оскорблять право лица, его владѣющаго. О семъ и еще проще можно

сказать: мы собственность свою творимъ сами собою и чрезъ самихъ себя, а слѣдовательно и для себя; ибо твореніе всегда принадлежитъ творцу.

b) *Право располагать собственнымъ или благоприобрѣтеннымъ*; т. е. передавать оное въ наслѣдство, продавать, уступать и проч. При правѣ жить и наживать слѣдуетъ само собою быть праву и располагать нажитымъ.

c) *Право отыскивать утраченное.* Производитель имѣетъ право присоединять къ себѣ свое произведеніе.

3 e) Относительно совмѣстности вышеозначенныхъ правъ, человѣкъ, какъ гражданинъ, имѣетъ еще права: a) супруга; b) отца и т. д.

Возьмите теперь права человѣка въ обширнѣйшемъ значеніи и вы получите всѣ права цѣлаго народа и права государства, какъ лица нравственнаго: вездѣ одно и тоже *единство*, только въ разныхъ знаменованіяхъ.

Законамъ, какъ полагаютъ, предшествуютъ обычаи, укореняемые временемъ, а внушаемые совѣстію. Иногда-же бываютъ они введены обманомъ и силою. Но послѣдніе всегда переживаются первыми. Ибо естественно то исполняется охотнѣе, при чемъ не зазрѣваетъ совѣсть. И такъ обычай есть, такъ сказать, совѣсть,

примѣненная къ мѣстности. Отъ этого тамъ, гдѣ обычаи ближе къ источнику своему, выраженіе: *это не въ обычаѣ*, означаетъ, что это и нехорошо и непорядочно (ибо безсовѣстно) и незаконно (ибо неправо) (*). Обычай въ тѣсномъ смыслѣ есть *правило, какъ поступать*; законъ есть тоже. Все различіе между ними въ томъ, что первый поддерживается мнѣніемъ, а послѣдній верховною властію. Опредѣленіе отъ законовъ силу верховной власти, они спанутъ просто обычаями, разумѣется, если за нихъ будетъ общее мнѣніе, т. е. если они согласны съ мѣстностію, съ умомъ и съ сердцемъ народа.

Законодательство (осуществляющее для насъ высшее право), какъ и все существующее во времени имѣетъ свой возрастъ и свое постепенное развитіе или созрѣваніе. Являясь вмѣстѣ съ отношеніями гражданскими, оно развивается на ряду съ нуждами, страстями и языкомъ народа. Совершенная зрѣлость законовъ есть высшая степень развитія, которое потомъ становится слѣпленіемъ многоразличныхъ подраздѣленій въ одну и ту же нераздѣльную цѣлость или положительность общей воли. Это объясняется закономъ нашего разума, который во всякомъ слу-

(*) На примѣръ: извѣстный обычай въ Индіи, сожигать женъ по смерти ихъ мужей.

чаѣ стремится раздѣлять единство на множество и тоже множество подраздѣленій сводить опять въ тоже нераздѣльное единство.

Продолжая такимъ образомъ слѣдить право общее въ его проявленіяхъ частныхъ, мы постигнемъ, почему законы первоначальныхъ обществъ малочисленныхъ, незрѣлыхъ и *неразвитыхъ*, т. е. худо выражены словами и по большой части, какъ въ древней Италіи и Германіи, представлены въ отдѣльныхъ единицахъ — въ *іероглифахъ* и *обрядахъ* символическихъ, живо дѣйствующихъ на сердце (или на совѣсть) и воображеніе, но еще неясныхъ для ума. Вообще всѣ древнѣйшіе начальные законы имѣютъ на себѣ общую съ первоначальнымъ правомъ *печать Божественности*. О законахъ мудрыхъ можно сказать, что они внушаются Небомъ, а развиваются на землѣ для того, чтобы и земнородныхъ доставить блаженство небесное. Первые гражданскіе законы слиты были съ обрядами духовными, какъ въ законахъ Моисеевыхъ, что и называлось Теократіею. „Судъ *правды*, есть *судъ Божій*.“ (*Второзаконіе*, *книга* I-я, *стихъ* 18-й.) „И вознесется Господь Саваоѳъ въ судѣ и Богъ святый прославится въ правдѣ!“ (*Исаіи*, *глава* 31.) „Мною сильные пишутъ правду.“ — И такъ, блюститель законовъ есть служитель вѣчнаго право-

судія и лицо его столь-же почтенно, какъ и самого служителя алтарей. Изъ сего можно видѣть, съ какой высоты нравственнаго достоинства ниспадаютъ тѣ, которые, продавъ душу свою демону корысти, дозволяютъ себѣ дѣлать неправду за золото. »... Понеже судъ Божій есть. Проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!« Петръ 1й (*Указъ 1724 го 21 го Января, о Судѣ*).

Говоря о *правѣ* собственно, въ высокомъ его знаменованіи и о правахъ относительныхъ, любопытно замѣтить, что каждому *праву* соотвѣтствуетъ *обязанность*. Въ чемъ-же состоитъ главная *обязанность* человѣка, какъ наслѣдника или обладателя всѣхъ относительныхъ правъ? Въ томъ, чтобъ сознавать въ себѣ свой *санъ* и при совершенномъ сознаніи онаго, всѣми дѣлами, всѣми поступками своими стремиться достигнуть высокаго своего предназначенія. Провидѣніе даетъ человѣку врожденную, естественную собственность: силу тѣлесную и свободу нравственную. Вмѣстѣ съ принятіемъ даруемаго, онъ пріемлетъ на себя и священную обязанность употреблять во благо данное. Если за исполненіе обязанности получаемъ мы *право*, то и съ предъявленіемъ требованія на право, ни въ какомъ случаѣ недолжны отказываться отъ *обязанности*.

Права и обязанности столь-же свойственны цѣлымъ народамъ вообще, какъ и людямъ порознь и въ особенности.

При составленіи гражданскаго общества являются (со стороны народа и главы онаго) двѣ главныя обязанности, изъ коихъ связуется крѣпкій узелъ гражданственности. Сводъ сихъ обязанностей и правъ между правителемъ и управляемыми составляетъ *государственное право*. — Нравственныя лица, называемыя государствами, имѣютъ также между собою отношенія, изъ коихъ выходитъ новый родъ правъ, называемыхъ *народными*.

Наконецъ и граждане въ отношеніи другъ къ другу имѣютъ-же обязанности, на которыхъ основаны ихъ *права*; сохраненіе сихъ правъ есть собственный предметъ *юстиціи* или правосудія.

И правосудіе имѣетъ три же вида: оно выражается и дѣйствуетъ *въ законахъ*, пребываетъ или утверждается въ *присутственныхъ мѣстахъ* (куда и дѣла поступаютъ) и наконецъ, чрезъ приложеніе закона къ дѣлу, проявляется (въ общей формѣ) въ *производствѣ дѣлъ*. Главное достоинство присутственныхъ мѣстъ: строгій порядокъ и во всемъ опредѣленность; а достоинство дѣлопроизводства: обдуманность, простота, благоразумная поспѣшность и дешевизна. Болѣе же всего полезно, чтобъ *совѣсть* и

обрядъ (какъ духъ и тѣло) были въ совершенномъ равновѣсіи. Иначе, вмѣстѣ съ симъ счастливымъ равновѣсіемъ, уничтожается здоровое состояніе тѣла и гражданское общество чувствуетъ въ полной мѣрѣ тягость сего тайнаго внутренняго недуга. Обрядовѣдцы знаютъ что повелѣваютъ всѣ бывшія, настоящія и быть могущія узаконенія, но не вѣдаютъ одного: что велитъ совѣсть (въ которой безспорно слышимъ велѣнія Божества) и чего хочетъ *правда* — чистѣйшее изліяніе Вышняго. Не о сихъ-ли людяхъ великій законодатель (Петръ I й) сказалъ такъ справедливо, что они »подбираютъ законы какъ карты и подводятъ тайныя мины подъ фортецію правды.« Есть еще другой родъ людей, которые не имѣютъ даже и того достоинства, чтобъ называться *ходячими архивами* законовъ; они просто похожи на фокусниковъ, которые, проворно перекидывая съ руки на руку два или три червонца, умѣютъ показать, что у нихъ полныя пригоршни золота. Съ малыми своими познаніями и съ большою уклончивостію приспѣваютъ они обыкновенно къ людямъ случайнымъ, играя и вертя предъ ними законами, какъ фокусникъ своими червонцами. У нихъ всегда законъ на устахъ, а беззаконіе въ сердцѣ. Они-то всегда холодные свидѣтели горячихъ слезъ вдовы и сироты; они-то своими *мертвыми формами* закрываютъ живое

свидѣтельство совѣсти, и о сихъ-то людяхъ не обинуясь сказать можно, что они въ правдѣ — осторожны, въ заключеніяхъ — ложны, а въ дѣлахъ — безбожны! Богиня ихъ есть та, которая сама о себѣ и въ собственномъ своемъ имени говоритъ, что она — бѣда (я-бѣда). Но не она руководствуетъ любою, мужъ правды! Съ чистотою совѣсти и рукъ служишь ты предъ алтаремъ святой истины и творя дѣла ея на землѣ, приносишь лучшую жертву Небу.

Ѳедоръ Глинка.

II. КРИТИКА.

Discours sur les révolutions de la surface du globe etc. — Разсужденіе о перемѣнахъ земной поверхности и измѣненіяхъ произведенныхъ ими въ царствѣ животныхъ. Соч. Барона Г. Кювье. *Третье изданіе.* Парижъ. 1825 г. in 8. 400 стр.

(Продолженіе.)

Мы достигли съ Г. Кювье до важнѣйшей эпохи въ исторіи переворотовъ, случившихся на нашей планетѣ, эпохи, которая есть начало нашего времени, когда должно было совершиться позднѣйшее изъ великихъ измѣненій, давшее твердымъ землямъ нынѣшнее ихъ образованіе. Намъ остается изслѣдовать, что съ того времени произошло на поверхности земной, когда она осушена была въ послѣдній разъ. Изслѣдованіе сіе заключаетъ въ себѣ

того любопытнаго: оно можетъ быть приложено
ъ происшествіямъ ближайшимъ къ намъ, которыя,
жно сказать, прямѣе до насъ касаются; оно мо-
ожетъ довести до опредѣленія того времени, въ
которое случился послѣдній переворотъ на земной
поверхности и слѣдственно, до времени составле-
нія нашихъ нынѣшнихъ обществъ, а это есть
одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій здравой Геологіи,
имъ болѣе драгоцѣнное, что оно безпрерывною
нью связываетъ исторію гражданскую съ исторіе-
ю естественною.

Измѣряя дѣйствія, произведенныя въ данномъ
ремени причинами нынѣ дѣйствующими и сравни-
я ихъ съ дѣйствіями, произведенными тѣми-же
ричинами съ того времени, какъ причины сіи
ялись, можно почти опредѣлить время, въ
которое дѣйствіе ихъ воспріяло свое начало. Для
его основанія (коего точности не льзя оспоривать,
если только приложенія онаго дѣлаются къ явле-
ніямъ, коихъ ходъ неизмѣненъ и коихъ свой-
ство не могло быть ни совершенно прервано, ни
значительно измѣнено, съ той эпохи, о которой
говорится), для основанія сего предполагаются на-
блюденія внимательныя и нѣсколько разъ повторен-
ныя, если хотимъ избѣжать погрѣшностей, про-
исходящихъ единственно отъ мѣстныхъ причинъ
или отъ непредвидѣнныхъ переворотовъ. Четырьмя
ограничиваютъ число дѣйствій сего рода, которыя
должны были придти въ движеніе непосредственно
и послѣднимъ отступленіемъ воды и которыя,
кажется, съ того времени не потерпѣли
значительной перемѣны. Крутизны, распадаясь,
образовали холмы изъ обломковъ, покрывающихъ

подошву оныхъ. Рѣки приняли направленіе нынѣшняго своего теченія и увлекли съ собою части твердыя, отъ которыхъ произошли земли наносныя. Прозябаемыя произвели черноземъ; прозябаемыя, растущія на поверхности болотныхъ водъ, произвели шурфъ. Море оказало разрушительное свое дѣйствіе на прибрежные утесы и песчаные холмы покорились силѣ вѣтра. Въ это исчисленіе не входятъ огнедышущія горы, которыя имѣютъ только неправильныя изверженія, но впрочемъ могли существовать и подъ водою, прежде нежели море удалилось съ твердой земли и оставило ее сухою. Къ сему прибавляется другой родъ свѣдѣній, могущихъ утвердить познанія, извлекаемыя изъ сихъ фактовъ, совершенно физическихъ: это воспоминанія людей, съ той-же эпохи, *начавшихъ*, говоритъ Авторъ, *снова распространяться и селиться въ тѣхъ мѣстахъ, коихъ свойство было для нихъ удобно.*

Геологи, внимательнѣе другихъ изучавшіе ходъ наносныхъ земель, согласно утверждаютъ, что онѣ прибавляются весьма скоро. Говорятъ, что онѣ должны были прибавляться еще скорѣе вначалѣ, когда горы доставляли рѣкамъ гораздо болѣе матеріяловъ, однакожъ пространство сихъ земель еще очень ограничено. Египетъ предоставляетъ доказательство той скорости, съ каковою прибываютъ наносныя земли. Значительныя перемѣны произошли въ очертаніи береговъ со временъ Гомера и Страбона, и отъ Страбона до нашихъ дней. Города Розетта и Даміетта, построенные на берегу моря, почти за тысячу лѣтъ передъ симъ, отстоятъ теперь отъ него на двѣ лье. По словамъ

Малье, довольно двадцати шести лѣтъ, дабы мысъ протянуть впередъ на полмили передъ Ролетшою. Древніе почитали всю Дельту наносомъ Нила и приписывали ей недавнее образованіе. Почва всего Египта возвышается соразмѣрно пространству поверхности, такъ что въ каждомъ вѣкѣ разлитіе водъ многимъ превышаетъ тѣ знаки, которые поставлены были въ вѣкахъ предшествовавшихъ. Глубокими изслѣдованіями старались опредѣлить законъ сихъ приращеній. Наблюденія такого-же рода дѣланы были при устьяхъ большихъ рѣкъ. Полагаютъ, что въ теченіе тысячи восьми сотъ лѣтъ рукава Роны прибавились въ длину на три льё. Въ Голландіи и въ Италіи извѣстно, съ какою быстротою Рейнъ, По и Арно, будучи окружены нынѣ плотинами, возвышаютъ свое русло и какъ устья ихъ, образуя по сторонамъ своимъ длинные мысы, подаются далеко въ море. Изъ сихъ явленій можно вывесть догадки о томъ, сколько вѣковъ нужно было симъ рѣкамъ для составленія низкихъ равнинъ, по которымъ онѣ текутъ въ наше время. Многіе изъ городовъ, бывшихъ въ извѣстныя историческія эпохи цвѣтущими морскими пристанями, находятся теперь за нѣсколько миль отъ моря; многіе даже изъ нихъ, въ слѣдствіе такой перемѣны положенія, пришли въ совершенный упадокъ. Многія рѣки текутъ теперь по такому руслу, которое гораздо выше всей окружающей его земли, и свойство сіе: возвышать свое русло, замѣченное прежде всего на Рейнѣ и Мозелѣ, равномѣрно замѣчается и во всѣхъ другихъ рѣкахъ въ большей или меньшей степени. Подобныя свидѣтельства такъ умножились въ наше время, что изъ нихъ уже можно извлечь рядъ

приближительныхъ послѣдствій. Дабы вывесть точнѣйшія слѣдствія, должно было-бы ранѣе начать собираніе точныхъ наблюденій. Г. Кювье выключаетъ изъ повѣствованій разныхъ авторовъ все, что можетъ подать поводъ къ какимъ-либо сомнѣніямъ »Мы окружены,« говоритъ онъ; »свидѣтельствами довольно убѣдительными и потому не должны ссылаться на сомнительные и основываться въ нашихъ физическихъ предположеніяхъ на невѣдѣніи Древнихъ въ Географіи.

Бугры песку, выкидываемаго на низкіе берега моремъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дно его песчано, вдаются въ земли столь-же непреодолимо, какъ наносныя земли рѣкъ вдаются въ океанъ. Они подвигаютъ передъ собою пруды, образовавшіеся изъ дождевой воды, съ той земли, которую окружаютъ, и препятствуютъ имъ соединяться съ моремъ. Вездѣ, гдѣ дѣятельность человѣческая не умѣла утвердить сихъ песчаныхъ холмовъ, они увеличиваются съ ужасающею быстротою. Приращеніе песчаныхъ бугровъ въ Гасконскомъ заливѣ простираетъся ежегодно до шестидесяти футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до семидесяти. По сему разсчету потребно имъ только двѣ тысячи лѣтъ для достиженія въ Бордо, а судя по нынѣшнему ихъ продвиженію, должно полагать, что они начали образовываться не съ большимъ за четыре тысячи лѣтъ предъ симъ. Ливійскіе пески, наносимые западнымъ вѣтромъ на земли Египта, удобныя для воздѣлыванія, сдѣлали также значительныя перемѣны, даже со времени завоеванія сей страны музульманами. Между цѣпью Ливійскою и Ниломъ ничего-бы не осталось, если-бъ сіи наносы песку начались

за столько-же столѣтій. Это также составляетъ *хронометръ*, которымъ, по словамъ Г. Кювье, столь-же было-бы удобно, сколь и любопытно воспользоваться.

Турфяники, покрывающіе маленькіе пригорки земли, на которыхъ они образуются, или спускающіеся вдоль по долинамъ подобно ледникамъ, также осѣданія, дѣлающіяся съ быстротою при подошвѣ всѣхъ утесовъ, могли-бы служить другимъ мѣриломъ времени. Стоило-бы только измѣрить ихъ до материка. Хотя и не собраны еще нужныя наблюденія для точнѣйшаго опредѣленія ихъ древности, но столько уже извѣстно, что эпоху ихъ образованія не льзя полагать во временахъ неопредѣленно-далекихъ. «Мы всегда видимъ,« заключаетъ здѣсь Г. Кювье, »что природа вездѣ говоритъ намъ »одинакимъ языкомъ: вездѣ показываетъ она намъ, »что нынѣшній порядокъ вещей началомъ своимъ не »слишкомъ много удаленъ отъ насъ и что всего »замѣчательнѣе, человѣкъ вездѣ говоритъ намъ такъ, »какъ природа: совѣтуемся-ли мы съ исконными »преданіями народовъ, или разсматриваемъ ихъ правительственное и политическое состояніе и умственное »развитіе, до котораго достигли они въ то время »когда являются достовѣрные памятники.«

Такимъ-то образомъ Сочинитель переходитъ къ ряду фактовъ, совершенно отличнымъ отъ тѣхъ, кои занимали его до-сего времени.

Важная причина заставила Автора не пренебрегать историческими показаніями, которыми подтверждались выводы его геологическихъ разысканій. Этимъ желалъ онъ предупредить возраженія, которыя могли-бъ быть извлечены изъ преданій, сохра-

нившихся у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ и ученія, что начало сихъ народовъ восходитъ до чрезвычайной глубины вѣковъ. Просвѣщенные люди вообще пренебрегаютъ въ такъ называемыхъ преданіяхъ все то, въ чемъ находятся явныя увеличиванія; но Г-нъ Кювье желалъ чего-нибудь болѣе опредѣленнаго: онъ старался означить точку, за которою нѣтъ уже истинной исторіи и, по весьма замѣчательному сближенію, что сохранилось положительнаго о первыхъ водвореніяхъ народовъ, то подтверждаютъ изслѣдованія, извлеченныя изъ памятниковъ природы.

По словамъ Г. Кювье, хронологія всѣхъ нашихъ западныхъ народовъ не восходитъ безпрерывнымъ рядомъ происшествій выше трехъ тысячъ лѣтъ: до этой эпохи ни одинъ изъ сихъ народовъ не можетъ представить ряда происшествій, соединенныхъ какимъ-либо правдоподобіемъ. Сѣверная Европа имѣетъ историческія записки только со времени обращенія своего въ христіанство. Исторія Испаніи, Галліи, Англіи, начинается только съ завоеваній Римлянъ. Исторія сѣверной Италіи до построенія Рима почти не извѣстна. Греки, по собственному ихъ признанію, искусство письма получили отъ Финикіянъ за тридцать три или за тридцать четыре вѣка предъ симъ. Изъ Исторіи Западной Азіи имѣемъ мы только нѣсколько извлеченій, одно другому противорѣчащихъ, которыя, съ небольшою связью, едва восходятъ до двадцати пяти вѣковъ и допуская то, что говорится о нихъ древнѣйшаго и что представляетъ нѣкоторыя историческія подробности, можно, слѣдуя Кшезіасу и его послѣдователямъ, возводить только до 4174 лѣтъ.

Одинъ народъ Іудейскій сохранилъ лѣтописи, сочиненныя въ прозѣ до временъ Кира. Никакъ не льзя сомнѣваться, что книга Бытія древнѣйшій письменный памятникъ, которымъ обладаетъ нашъ Западъ. Въ ней, народы береговъ Средиземнаго моря представлены новыми и какъ будто за нѣсколько предъ тѣмъ вѣковъ бывшими въ полудикомъ состояніи. Упоминая о всеобщемъ, бѣдственномъ переворотѣ: потопѣ и почти о цѣломъ перерожденіи рода человѣческаго, книга Бытія не относитъ эпоху сію во времена слишкомъ отдаленныя, ибо, по преложенію, благопріятнѣйшему для древности потопа, съ того времени не могло пройдти болѣе 5400 лѣтъ.

Выписывая изложеніе Г. Кювье и не прерывая его никакими замѣчаніями, я придерживаюсь только главныхъ пунктовъ и такъ сказать, благопріятнѣйшихъ его уступокъ, а потому оставляю великое число возраженій, показывающихъ, какъ мало достовѣрности Авторъ находитъ въ сочиненіяхъ болѣе новыхъ, возраженій, которыя заслуживаютъ быть снова разсмотрѣны и отдѣльно изслѣдованы людьми, особенно опытными въ семъ предметѣ. Замѣчу только, что слѣдствія, которыя естественно должны-бы происпекать, если-бы допускаемы были, можно приложить только къ лѣтописямъ древнихъ народовъ, разсматриваемымъ въ томъ состояніи, въ какое привели ихъ столь многіе вѣки разныхъ переворотовъ и различныя причины поврежденій всякаго рода, а не къ опытамъ, болѣе или менѣе счастливымъ, людей ученыхъ, которые изъ обломковъ древнихъ памятниковъ стараются снова составить большую часть Исторіи

первыхъ вѣковъ. Самыя усилія ученыхъ доказываютъ справедливость того, что говоритъ здѣсь Г. Кювье, ибо не было-бы нужды въ трудахъ, разысканіяхъ и соображеніяхъ, если-бы древность оставила намъ собраніе лѣтописей совершенно связанныхъ въ непрерывномъ послѣдствіи и если-бы собраніе сіе уцѣлѣло до нашихъ дней. Наконецъ, не должно забывать, что Г. Кювье старается показать довольно новое происхожденіе самой науки Исторіи, въ томъ видѣ, какъ мы теперь ее принимаемъ. Изъ этого само по себѣ не извлекается никакого сужденія о воспоминаніяхъ другаго рода, которыя у многихъ народовъ предшествовали сочиненію лѣтописей и которыми критики умѣютъ пользоваться въ случаѣ молчанія, неудовлетворительности или противорѣчій историковъ. Я не стану оспоривать плачевнаго состоянія, въ которомъ достигли до насъ преданія глубокой древности, но критики, особенно и глубоко въ нихъ изучившіеся, должны рѣшить, какого свойства и сколь велики тѣ средства, которыя въ нихъ еще представляются, для желающихъ свести ихъ въ одно цѣлое.

Долго полагали, что три славные народа вправѣ были относить начало общественнаго своего состоянія къ первымъ вѣкамъ міра, а именно Индійцы, Ассиріяне и Египтяне. Два послѣдніе за много уже вѣковъ перестали существовать самостоятельными народами и уничтоженіе ихъ лѣтописей легко-бы можно было приписать переворотамъ, приведшимъ новыя поколѣнія народовъ въ страны, бывшія прежде подъ ихъ владычествомъ. Но Индійцы существуютъ еще и въ наше время. Они

сохранили свои книги и мы изучились различнымъ ихъ нарѣчіямъ; но въ числѣ множества письменныхъ памятниковъ, изъ коихъ состоитъ ихъ Литтература, до сихъ поръ не найдено ни одного, который можно-бы почесть твореніемъ историческимъ или, который заключалъ-бы въ себѣ хотя нѣсколько достовѣрное повѣствованіе о происшествіяхъ древнихъ временъ. Изъясненіе сего явленія, Г. Кювье находитъ въ существованіи одной наслѣдственной касты, которой ввѣряемо бывало храненіе вѣры, законовъ и наукъ и которая присвоивала себѣ исключительное право читать и толковать священныя книги, гдѣ всѣ познанія открыты самими богами. Г-нъ К. распространяетъ сіе замѣчаніе и на другіе два народа, у которыхъ существовало такое-же духовное образованіе и которые, по словамъ его, имѣли съ Индійцами столь чрезвычайное сходство, что весьма естественно было-бы, всѣмъ тремъ приписать одно общее происхожденіе. Такъ какъ Сочинитель во многихъ мѣстахъ изъясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ Исторіи и поэмку онъ не называетъ лѣтописями простыхъ каталоговъ именъ государей, безъ подробностей, отрывковъ безъ связи, временниковъ, болѣе или менѣе наполненныхъ баснословными подробностями, то весьма трудно было-бы противъ его мнѣнія утверждать что у Ассиріянъ или Индійцовъ были собранія такихъ достовѣрныхъ лѣтописей, какія Греки начали писать со времени Геродота.

Въ отношеніи къ жителямъ береговъ Евфрата и Тигра, онъ выставляетъ противорѣчія, замѣчаемыя въ томъ, что говорили о ихъ Исторіи. Еро-

домъ и Ктезіасъ, Ксенофонтъ и Мегасѳенъ и даже самые тѣ авторы, которые, какъ кажется, выводили справки изъ матеріяловъ оригинальныхъ, какъ-то: Берозъ и Николай Дамасскій. И дѣйствительно: приговоръ, который должно произнесть надъ отрывками изъ Ассирійской Исторіи, рѣшительнымъ можетъ быть только тогда, когда будутъ истощены всѣ средства, которыя начинаетъ доставлять ученымъ изученіе древнихъ языковъ Персіи; дабы согласить видимыя противорѣчія, узнать имена собственныя, разсуждать объ ихъ этимологіи и отличать разныя лица, которыя Греки могли смѣшать одно съ другимъ. Г. Кювье оспориваетъ достовѣрность отрывковъ такого рода; самые списки царей кажутся ему не заслуживающими никакого вѣроятія, если не приложено къ нимъ никакого развитія или когда наполнены они баснословными происшествіями. И какъ излишне было-бы напоминать славное мѣсто изъ книги Есѳири (*); которое можно-бъ было очень хорошо приложить къ нѣкоторымъ памятникамъ того рода, предполагая даже, что оно относилось-бы къ Исторіи древнихъ временъ, *historias et annales priorum temporum.* То, что открыто историческаго въ книгахъ Санскришскихъ, столь незначительно, что его никакъ не льзя противопоставить доказательствамъ Г. Кювье въ отношеніи къ Индіи; нѣтъ также ничего совершенно противнаго сему предположенію и въ той надеждѣ, которую питаютъ нѣкоторые ученые, думающіе, что при помощи

(*) Есѳирь. VI, 1-2.

надписей и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ различнаго рода можно соорудить снова систему хронологіи для десяти или двѣнадцати вѣковъ, предшествовавшихъ нашей эрѣ. Относительно къ древности главнѣйшихъ сочиненій Санскритскихъ, Г. Кювье принимаетъ одно изъ двухъ мнѣній, между которыми раздѣлились Англинскіе ученые, именно то, которымъ сочиненіе или составленіе сихъ книгъ переносится во времена къ намъ ближайшія. Я не знаю, точно-ли справедливо, какъ утверждалъ Полье, что вѣра Индусовъ запрещаетъ имъ сохранять въ памяти происшествія нынѣшняго вѣка, вѣка несчастій; по крайней мѣрѣ вѣрно то, какъ замѣчаетъ Г. Кювье, что хронологическія свѣдѣнія, которыя хотѣли извлечь изъ древнихъ книгъ, до сего времени были неопредѣленны, противорѣчащи и мало удовлетворительны. Это частію можетъ зависѣть отъ рѣдкости оригинальныхъ памятниковъ, отъ трудности прибѣгать къ нимъ и отъ неискуства толкователей оныхъ.

Что-же касается до Египтянъ, то время, когда начинаютъ наконецъ разбирать нѣкоторые знаки ихъ письма и когда приготовляются новые труды для приведенія въ порядокъ ихъ хронологіи, должно быть вмѣстѣ и тѣмъ временемъ, въ которое удобно съ большимъ участіемъ принять новое мнѣніе о древности сего славнаго народа и въ которое, предлагающій сіе мнѣніе болѣе долженъ быть свободенъ отъ преждевременнаго осужденія. Свидѣтельства великаго числа Древнихъ доказываютъ, что Египтяне почитались народомъ, сохранившимъ свои лѣтописи, именно въ гіероглифическихъ надписяхъ храмовъ и обелисковъ. Но дабы судить

о сущности лѣтописей, хранившихся у жрецовъ Египетскихъ, Г. Кювье полагаетъ, что достаточно будетъ вспомнить только извлеченія изъ сихъ лѣтописей, данныя жрецами въ различныя времена и разнымъ людямъ. Жрецы города Саиса говорили Солону, за 600 лѣтъ до Р. Х., что они сохраняли какъ собственныя свои лѣтописи, такъ и лѣтописи другихъ народовъ, что городъ Аѳины построенъ за девять тысячь лѣтъ, а городъ Саисъ только за восемь тысячь лѣтъ. Вѣкомъ позже Мемфійскіе жрецы увѣряли Геродота, что со времени Менеса, перваго Царя Египетскаго, до Сесоса, было всѣхъ Царей въ Египтѣ 341, столько-же великихъ жрецовъ и все это въ продолженіи 341-го поколѣнія или 11,340 лѣтъ. Другіе люди сообщили Геродоту подробности совершенно несогласныя съ симъ вычисленіемъ. По мнѣнію Г. Кювье, Геродотова Исторія Египта, только съ Сесоса начинаетъ быть нѣсколько основательною. Два вѣка спустя послѣ сего писателя, Птоломей Филадельфъ, государь иностраннаго поколѣнія, захотѣлъ узнать исторію государства, къ управленію коимъ призвали его обстоятельства: и опять Египетскій жрецъ (по замѣчанію Г. Кювье) взялся написать Исторію Египта. Сіе обстоятельство, естественное дѣйствіе расположенія, сосредоточивавшаго всѣ познанія въ кастѣ жрецовъ, кажется, по приведеннымъ выше сего причинамъ, первымъ побудительнымъ средствомъ къ оспориванію достовѣрности Манеѳона. Есть еще и другія, находимыя Г-мъ Кювье въ повѣствованіи сего историка, или говоря опредѣленнѣе, въ извлеченіяхъ изъ его исторіи, сообщенныхъ тремя послѣдовавшими за нимъ авторами: Іосифомъ, Юліемъ

Африканскимъ и Евсевіемъ. Суммы лѣтъ, относящіяся къ царствованію Царей человѣческаго происхожденія (ибо только о такихъ идетъ рѣчь въ ученомъ разсужденіи), не согласны между собою въ трехъ извлеченіяхъ. Изъ сего, говоря мимоходомъ, явно доказывается, что въ томъ или другомъ, а можетъ быть и во всѣхъ трехъ извлеченіяхъ, оригинальный текстъ испорченъ. Сумма всѣхъ лѣтъ у Юлія Африканскаго полагается до 5101 года, у Евсевія до 4723 лѣтъ, у Синкелла до 3555 лѣтъ, а по четвертому счисленію до 2339 лѣтъ. Особенный списокъ царей Фиванскихъ отъ Менеса, выписанный изъ Аполлодора Синкелломъ, представляетъ такія имена, изъ коихъ почти ни одно несообразно съ именами другихъ списковъ. У Діодора, посѣщавшаго Египетъ спустя два вѣка послѣ Манеѳона, находимъ еще новыя имена и различное продолженіе времени. Такое-же различіе находится и въ подробностяхъ собранныхъ въ Египтѣ Германикомъ (что повѣствуетъ намъ Тацитъ), съ извѣстіями, собранными Плиніемъ. Возраженія, извлекаемыя Г-мъ Кювье изъ состоянія сихъ историческихъ преданій, могутъ заключиться въ немногихъ словахъ. Они по большей части относятся къ несогласіямъ, замѣчаемымъ въ сихъ достигшихъ до насъ преданіяхъ, относительно именъ и наслѣдованія государей, къ частному и общему продолженію царствованій. Однакожъ, Г-нъ К. признаетъ, что въ разныя времена и еще очень недавно, со времени открытія Г-мъ Шамполліономъ младшимъ силлабическихъ іероглифовъ дѣлаемы были покушенія, болѣе или менѣе счастливыя, для

согласованія противорѣчій въ сихъ разныхъ повѣстяхъ

ваніяхъ: онъ сознается, что пораженъ болѣе всего смѣсью происшествій истинныхъ съ ребяческими вымыслами, находящимися во всѣхъ преданіяхъ Египетскихъ; ему всего естественнѣе кажется выводить изъ того заключеніе, что Египетскіе жрецы не имѣли Исторіи; что будучи еще ниже жрецовъ Индійскихъ, они не имѣли даже условныхъ, послѣдовательныхъ басенъ; что они сохраняли только списки, болѣе или менѣе ошибочные, своихъ царей и нѣкоторыя воспоминанія о важнѣйшихъ изъ нихъ, воспоминанія смѣшанныя, основывавшіяся только на изъясненіяхъ, по преданіямъ, изображеній рисованныхъ или изваянныхъ на памятникахъ; что смыслъ гіероглифическихъ надписей, заключенный въ выраженіяхъ общихъ, измѣнялся въ подробностяхъ, переходя отъ одного къ другому, по произволу передававшихъ оный иностранцамъ и что слѣдственно: не льзя утвердить никакого положенія, относительно древности нынѣшнихъ твердыхъ земель, на отрывкахъ Египетскихъ преданій, бывшихъ уже и въ свое цвѣтущее время столь неполными и которыя сдѣлались совершенно непознаваемыми у тѣхъ людей, которые намъ ихъ передали.

Г. Кювье полагаетъ, что Армяне, коихъ Историческая Литтература начинается только съ V-го вѣка, Арабы, Абиссинцы, которые, если и имѣли древнія книги, то потеряли ихъ, должны подвергнуться тому-же осужденію, которое онъ произнесъ объ Ассиріянахъ и Египтянахъ. Сюда-же причисляетъ онъ по всей справедливости Турковъ и Монголовъ, которые въ семъ отношеніи не могутъ оказать никакого основательнаго требованія. Гораздо было-бы любопытнѣе знать, какое было

мнѣніе древнихъ Персовъ, прежде нежели оно было измѣнено или, лучше сказать, замѣнено извѣстіями, заимствованными отъ христіанъ и музульманъ; но теперь почти ничего не льзя извлечь изъ остатковъ книгъ Персидскихъ, избѣгнувшихъ отъ систематическихъ измѣненій Сассанидовъ, или уцѣлѣвшихъ отъ пламенника первыхъ Халифовъ. Г. Кювье, прилагая всегда одинакій судъ критики, открываетъ противорѣчія, замѣчаемыя между разными преданіями, особенно о важной эпохѣ Зороастра и заключаетъ, что требовать отъ Персовъ настоящей исторіи древнихъ временъ столь-же безполезно, какъ ожидать ее отъ прочихъ восточныхъ народовъ, ибо Маги оставили историческихъ записокъ не болѣе какъ Брахманы или Халдеи.

И такъ, дабы сыскать достовѣрныя эпохи начала государствъ, должно, говоритъ Г. Кювье, искать ихъ за великими степями Таматріи. То, что онъ думаетъ о Китайскихъ преданіяхъ, хотя и заимствовано у авторовъ, судившихъ о Китайскихъ лѣтописяхъ съ невыгодной стороны, не можетъ подать повода ни къ какимъ существеннымъ возраженіямъ и даетъ древности сего народа все то, что критики, самые безпристрастные, полагаютъ вправѣ ему предоставить. Эпоха основанія, именно: царствованіе Іао, относится къ XXII-му вѣку до нашей эры; если и есть что-либо историческое во временахъ предшествовавшихъ сей эпохѣ, то должно пожертвовать симъ желанію заключать въ ученыя разсужденія только истинныя происшествія и преданія совершенно достовѣрныя.

Не льзя требовать точныхъ счисленій отъ Американцовъ, не имѣвшихъ настоящаго письма:

»ихъ древнѣйшія преданія восходили только на нѣсколько вѣковъ до прибытія Испанцовъ, Не льзя также »надѣяться узнать что-либо по сему предмету, вопрошая болѣе другихъ унизившееся поколѣніе людей, именно: Негровъ, коихъ формы болѣе »подходятъ къ животнымъ и коихъ разумъ нигдѣ »не возвысился до образованія государства, ни даже »до малѣйшаго вида послѣдовательныхъ свѣдѣній.«

Авторъ не ограничивается симъ быстрымъ и строгимъ обзоромъ историческихъ воспоминаній, которыя у всѣхъ народовъ кажутся относящимися къ временамъ древнѣйшимъ. Есть еще родъ фактовъ, могущихъ замѣнить Исторію, которые, если наблюдать ихъ у какого-либо народа, доказываютъ долговременное его политическое существованіе и успѣхи, какіе онъ долженъ былъ сдѣлать въ наукахъ. Въ семъ изслѣдованіи Г. Кювье съ великимъ тщаніемъ разбираетъ все, имѣющее отношеніе къ величинѣ года Египтянъ. Онъ старается опровергнуть доказательства, выведенныя изъ существованія *сотическаго* года (*) и показываетъ, что для найденія сего года не нужно было ни долгаго ряда наблюденій, ни глубокихъ вычисленій. Принимая по сему предмету мнѣніе Деламбра, онъ полагаетъ, что невѣжество и случай руководствовали Египетскими астрономами, когда они установили порядокъ гражданскаго года изъ 365 дней, съ тѣмъ называемымъ Иліопольскимъ годомъ Сиріуса; къ сему, по исчисленіямъ Г. Идлера, прибавляетъ

(*) Годъ, выводимый изъ солнцестоянія, когда неподвижная звѣзда, которую Египтяне называли *Сотисъ* (Sothis), а мы называемъ созвѣздіе Пса (Canicule), скрывается въ лучахъ солнца. *Пер.*

онъ, что Египетскіе астрономы, безъ сомнѣнія, не почитали-бы Иліотическаго восхожденія Сиріуса столь важнымъ, если-бы знали, что единовременность (coincidence) сего явленія съ прибавленіемъ воды въ Нилѣ имѣетъ отношеніе совершенно временное. Онъ доказываетъ потомъ, что Египтяне не знали предваренія равноденствій (la précession des équinoxes), ни даже года состоящаго изъ 365-ти дней съ четвертью, въ эпохи нѣсколько отдаленныя, на примѣръ, во время Геродота, замѣчая, что колоніи, вышедшія изъ Египта за четырнадцать или пятнадцать вѣковъ до Р. Х., Іудеи, Аѳиняне (*), всѣ принесли съ собою годъ лунный. Г-нъ К. склоняется къ той мысли, что можетъ быть и самый годъ изъ 365 дней не существовалъ еще въ Египтѣ въ столь отдаленныхъ вѣкахъ.

Г. Кювье также не вѣритъ превосходству, которое обыкновенно приписываютъ Ассиріянамъ, разсматривая двойной вопросъ: съ котораго времени сдѣлались они астрономами и до какой степени довели они Астрономію? По крайней мѣрѣ, дѣйствительность наблюденій, восходящихъ за 2200 лѣтъ до Р. Х. (наблюденія сіи присланы

(*) Г. Сен-Мартенъ, въ Mémoire sur la chronologie ancienne des Grecs, говоритъ, что Аѳиняне, до VI вѣка передъ нашею эрою, имѣли годы, состоящіе только изъ трехъ-сотъ шестидесяти дней, допуская черезъ каждые два года прибавленіе изъ тридцати дней. Это составитъ средній годъ изъ трехъ-сотъ семидесяти пяти дней, весьма различный отъ луннаго года. Съ другой стороны, уставъ для празднованія Пасхи и Пятидесятницы доказываетъ также, что Іудеи съ самаго исхода изъ Египта имѣли въ употребленіи годъ агрономическій, слѣдственно: имѣли понятіе о годѣ солнечномъ или лунно-солнечномъ.

были Каллисѳеномъ къ Аристотелю), кажется ему очень сомнительна. Птолемей повѣствуетъ о десяти наблюденіяхъ, дѣйствительно сдѣланныхъ Ассиріянами, но они восходятъ только до Набонассара, за 721 годъ до Р. Х.; наблюденія сіи грубы: время означено въ нихъ только часами и получасами, а тѣнь только половинами и четвертями діаметра. Но поелику въ нихъ видимъ настоящія числа, то Ассиріяне должны были имѣть нѣкоторое понятіе о истинной долготѣ года и какія нибудь средства для измѣренія времени. Кажется, что они знали восьмнадцати-лѣтній періодъ, по которому лунныя затмѣнія приходятъ въ тотъ-же порядокъ, но они не умѣли ни изъяснять, ни предсказывать солнечныхъ затмѣній. Послѣ всего, Г. Кювье думаетъ, что великая слава Ассиріянъ въ Астрономіи доставлена была имъ Халдеями, которые будучи подъ Римскимъ владычествомъ, для пріобрѣтенія себѣ большей довѣренности, приписывали предкамъ своимъ честь изобрѣтеній Греческихъ.

Что касается до Индійцовъ, то мнѣніе астрономовъ относительно къ нимъ весьма перемѣнилось съ того времени, когда, вмѣсто того, чтобы почитать, подобно Бальи, точку начала ихъ таблицъ за эпоху, которая была дѣйствительно наблюдаема, начали почитать ее эпохою, принятою по совершеніи уже дѣла, въ основаніе исчисленій обратныхъ, коихъ результатъ ложенъ. Теперь полагаютъ достовѣрнымъ, что таблицы, называемыя *Тирвалуръ*, на которыхъ Бальи особенно основывалъ свои доказательства, должны быть сдѣланы только за 540 лѣтъ и что Суріа-

Сиддханта, почитаемая древнѣйшимъ астрономическимъ трактатомъ Брахмановъ, должна быть сочинена только за 760 лѣтъ, или около того. Переходя къ Китайцамъ, Г. Кювье пользуется странною формою, подъ которою представлены, въ Шу-Кингѣ факты астрономическіе. Онъ не оспориваетъ однако же текста сей книги касательно методы прибавленія дней (d'intercalation), бывшей въ употребленіи въ XXII вѣкѣ до нашей эры; онъ даже приписываетъ нѣкоторое достоинство наблюденіямъ надъ тѣнію гномона, сдѣланнымъ въ XII вѣкѣ до эры нашей. Но то, что въ обстоятельствахъ сего рода доказываетъ какой-либо успѣхъ въ астрономическихъ наукахъ, Г-ну Кювье не кажется доказательствомъ усилія, долговременно-обращаемаго къ одной цѣли. Между многимъ числомъ людей, исключительно занимавшихся Астрономіею, могли найдтиться, говоритъ онъ, два или три геометрическіе ума, и слѣдственно: все, что знали сіи народы, могло быть открыто въ немного лѣтъ. Еще не прошло трехъ сотъ лѣтъ между Коперникомъ и сочинителемъ *Небесной Механики* (Лапласомъ), прибавляетъ онъ, а мы хотимъ, чтобы Индійцамъ потребны были тысящелѣтія для достиженія до безобразныхъ своихъ теорій.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 года.

147. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть X.* Спб. 1826 г. in 8. XVII и 407.

Сей томъ, также, какъ и прежніе, начнетъ *Запискою о занятіяхъ Государственн. Адмиралт. Департамента по ученой части, во второй половинѣ* 1825 *г.* Здѣсь замѣчательно извѣстіе, данное Департаментомъ по случаю предложенія Г-на Черница, объ устроеніи громовыхъ отводовъ, что отводы давно уже устроены на корабляхъ Русскихъ и что устроеніе ихъ на маякахъ поручено уже начальнику маяковъ Генералъ-Маіору Спафарьеву; на мѣсто Почетнаго Члена Астронома Шуберта избранъ Спасск. Совѣтн. и Академикъ Вишневскій; положено издать многія карты и учредить въ Россіи заведенія для спасенія людей во время кораблекрушеній, по примѣру учрежденныхъ въ Англіи Баронетомъ Гиллари. За симъ слѣдуютъ статьи, изъ коихъ переводныя: *Разсужденіе о признакахъ болѣзней между мореходцами и о различныхъ способахъ къ сохраненію ихъ здоровья, какъ на морѣ, такъ и въ гаваняхъ*, соч. Докт. Керодрена, важная статья, при которой приложенъ рисунокъ воздухочистительной печи для кораблей; *Описаніе симпіезометра*, изобрѣтеннаго А. Еди (переводъ Г-на Литке). Этотъ инструментъ, Г-нъ Литке имѣлъ случай употреблять во время пла-

нія своего на Ледовитомъ морѣ. Онъ ни что иное, какъ усовершенствованный барометръ, при которомъ воздухъ и ртуть замѣнены газомъ и густымъ масломъ, смѣшаннымъ съ летучимъ. *Описаніе электромагнетическаго опыта, Г-на Барлоу.* Сей ученый Физикъ сдѣлалъ деревянный шаръ, расположилъ на немъ градусы изъ проволоки, соединилъ оный съ электрическою баттареею и изолировавъ магнитную стрѣлку, произвелъ на семъ шарѣ уклоненія магнитной стрѣлки, почти такія-же и въ тѣхъ-же направленіяхъ, какія замѣчены до нынѣ на земномъ шарѣ, изъ чего выводитъ онъ, что магнетизмъ земли есть; *можетъ быть*, только особеннаго рода электричество; подтверждая тѣмъ теорію Г-на Ампера, который всѣ магнитныя явленія производитъ отъ электричества. За симъ помѣщено подробное *Донесеніе Французской Академіи Наукъ*, сдѣланное Гумбольдтомъ, Кювье, Дефонтеномъ, Росселемъ, Біотомъ, Тенаромъ, Арраго и Деламбромъ, о путешествіи Капитана Фрейсине, съ 1817-го по 1820-й годъ. Путешествіе это давно издано и извѣстно въ ученомъ свѣтѣ, но Департаментъ помѣстилъ донесеніе членовъ Французской Академіи для руководства, какъ нашихъ мореплавателей, отправляемыхъ въ отдаленныя моря, такъ и тѣхъ, которымъ можетъ быть поручено составленіе отчетовъ за ихъ путешествія.

Изъ оригинальныхъ статей особенно замѣчательна статья, сочиненная Гмъ Шубертомъ (одно изъ послѣднихъ его сочиненій): *О вставливаніи* (de l'interpolation), гдѣ онъ изъясняетъ разрѣшеніе нужнѣйшей для мореплавателей задачи, посредствомъ коей, изъ Морскаго Мѣсяцослова, гдѣ показаны

шолько мѣста солнца и мѣсяца въ полдень и полночь для Гренвича (Grenwiche), можно взять сіи мѣста, на всякое мѣсто и время. («По данному ряду »или шаблицѣ соотвѣтствующихъ величинъ двухъ »количествъ, A, B, зависящихъ одно отъ другаго, »найдти посредствомъ ихъ разностей, всѣ промежу»точные члены, то есть, величину B, соотвѣт«ствующую какой-либо величинѣ A, *по произволе»нію взятой.*«) Здѣсь замѣтны ясность и краткость, отличавшія всѣ сочиненія нашего знаменитаго Астронома. — *Отчетъ о плаваніи шлюпа Аполлона.* Сей шлюпъ отправленъ былъ въ 1821 г. изъ Кронштата. Въ 208 миляхъ отъ мыса Доброй Надежды, начальствовавшій имъ, Капитанъ 1-го ранга, Тулубьевъ, скончался отъ сильной чахотки, а Капитанъ 2-го ранга, Хрущовъ, принявъ комманду, заходилъ въ Новую Голландію, Камчатку и потомъ крейсировалъ для пресѣченія непозволенной торговли иностранцовъ въ Американскихъ нашихъ владѣніяхъ, до 11 Октября 1823 г. Прежде и послѣ того былъ онъ въ Калифорнскомъ портѣ Св. Франциска. »Найденная нами здѣсь перемѣна въ правленіи, по извѣстному отложенію всей Калифорніи отъ Испанской короны и зависимость первой отъ Мексики, ни сколько не препятствовали нашему здѣсь пребыванію; напротивъ того мѣстное начальство старалось намъ оказывать всякую зависящую отъ него помощь. При всемъ томъ, въ надеждѣ нашей запастись здѣсь сухарями мы обманулись, ибо, хотя пшеницы по всѣмъ миссіямъ Св. Франциска было въ изобиліи, но въ мукѣ былъ большой недостатокъ, по неимѣнію въ семъ краю мѣльницъ; ручныя-же, употребляемыя жителями собственно

для домашней потребности, едва могли доставлять муки на продовольствіе комманды хлѣбомъ и то по весьма дорогой цѣнѣ, а посему и были мы въ необходимости запастись одной пшеницей, которую предполагали перемолоть въ Ново-Архангельскомъ портѣ.« Въ Кронштатъ возвратился шлюпъ 9 Октября, 1824 г. — Слѣдующее за тѣмъ описаніе *Свеаборгскаго военнаго порта и города Гельсингфорса*, составленное Вице-Адмираломъ Сарычевымъ, принадлежитъ къ Атласу Россійскихъ портовъ, который составляется въ Чертежной Адмиралт. Департамента. Въ заключеніе книги помѣщены выписки изъ журнала Кронштатскаго Штурманскаго училища, за 1825 г. и метеорологическія наблюденія, сдѣланныя въ Кронштатѣ, въ семъ-же году: ясныхъ дней въ Кронштатѣ было только 16, дождливыхъ 55, облачныхъ 249, снѣжныхъ 45.

148. *Собраніе гравированныхъ рисунковъ* съ древнихъ вещей и памятниковъ, въ пользу художниковъ. Тетрадь 2-я и 3-я. *Древности Греческія.* Спб. 1826 г. in 4. по 5 стр., съ рисунками.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей о продолженіи сего прекраснаго изданія, пользу котораго мы изъясняли, объявляя о появленіи первой тетради (Тел. VI. 189). Г-нъ Издатель (Полковникъ А. П. Сапожниковъ, по увѣдомленію Издателя Отечественныхъ Записокъ) приложилъ такое-же старѣніе въ отдѣлкѣ рисунковъ двухъ нынѣ явившихся тетрадей, какое замѣтно было въ первой. Каждая тетрадь заключаетъ по 12 рисунковъ, на коихъ изображены абрисомъ (au trait), съ древнихъ бюстовъ и медальоновъ, славные мужи Греціи (Гомеръ, Архилохъ, Платонъ, Сократъ, Софоклъ, Мосхъ, Менандръ,

Діогенъ, Эпикуръ, Геродотъ, Ѳукидидъ, Исократъ, Эсхинъ, Лизіасъ, Ипократъ и другіе), одежда, обувь, военныя и домашнія орудія, музыкальные инструменты, вазы, сѣдалища и разные предметы исторіи и быта Грековъ. Въ слѣдующихъ тетрадяхъ будутъ Древности Римскія. Каждая тетрадь продается въ Петербургѣ по 3 р. 50 к., а такая дешевизна доказываетъ, что единственно желаніе пользы художникамъ и учащимся побуждаетъ Издателя къ труду его. Повторимъ сказанное нами прежде, что, небольшія хотя, описанія были-бы весьма, весьма не лишнія при этомъ прекрасномъ изданіи. Тогда смѣло можно-было-бы сравнять его съ сочиненіемъ Миллена, Galerie Mythologique (Парижъ, 1811 г. 2 тома), которое удобно замѣняетъ художникамъ великолѣпный и дорогія сочиненія о Миѳологіи Греческой и Римской.

149. *Описаніе Тульскаго оружейнаго завода*, въ историческомъ и технологическомъ отношеніи. Сочиненіе Іосифа Гамеля, Коллежск Совѣтника, ордена Св. Анны 2-й степ. съ алм. знак. Кавалера, Доктора Медицины и проч. Издана по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію. М. 1826 г. in 4. XX, 263, 69 и VI стр., съ 42 рисунками.

Важное сочиненіе для статистика, технолога, механика и отчасти для археографа Русскаго. Г. Гамель, путешествовавшій на иждивеніи Правительства въ Англіи и другихъ земляхъ, для узнанія всѣхъ усовершенствованій и техники знаменитѣйшихъ иностранныхъ фабрикъ и заводовъ, самъ участвовалъ своими совѣтами въ нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ усовершенствованіяхъ на Тульскомъ заводѣ (стр. IX) и наконецъ получилъ повелѣніе описать оный, что исполнено имъ со всею ученою точно-

сною и подробностію. Кромѣ техническаго обозрѣнія, онъ разсмотрѣлъ множество историческихъ документовъ въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и архивѣ Кремлевскаго арсенала, гдѣ хранятся уцѣлѣвшіе во время 1812 г. дѣла бывшаго Пушкарскаго Приказа.

Книга Г-на Г. раздѣляется на *восемь отдѣленій*. Въ *первомъ*, онъ предлагаетъ историческое обозрѣніе, не только Тульскаго завода, но и всѣхъ первоначально-устроенныхъ въ Россіи желѣзодѣлательныхъ и оружейныхъ заводовъ. Статья сія заслуживаетъ особенное вниманіе, ибо ее можно назвать *Исторіею оружейнаго производства въ Россіи*. До начала XVII столѣтія не было въ Россіи чугунныхъ и желѣзныхъ вододѣйствующихъ заводовъ. Въ Устюжнѣ-Желѣзопольской и въ Дедиловѣ (гдѣ и теперь видны происшедшія отъ того *провалища*) издревлѣ добывалось желѣзо, но его было недостаточно и обдѣлка его такъ была несовершенна, что каждогодно въ Россію получалось иностранное орудіе и желѣзо, для домашней выдѣлки военныхъ орудій и снарядовъ; такъ, напримѣръ, въ 1629 г. Голландецъ Демулинъ взялся поставить 25 т. пудовъ Шведскаго желѣза, по 21 алтыну 4 деньгѣ за пудъ. Дороговизна и трудность доставленія внушили предпріимчивому Голландцу Андрею Виніусу мысль: завесть въ Россіи, въ 1632 г., первый чугунный и желѣзный вододѣйствующіе заводы. По грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, онъ завелъ ихъ на рѣчкѣ Тулицѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ города Тулы, тамъ, гдѣ находилось Старое Тульское Городище; руду для оныхъ брали въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ, близъ рѣчки

Алены. Потомъ устроены были разные другіе чугунные и желѣзные заводы въ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерніяхъ, на рѣкахъ Скнигѣ, Прошѣ, Угодкѣ, Вепрейкѣ, Истьѣ и Дугнѣ, также въ Московской Губерніи на рѣкахъ Истрѣ и Бѣлой. Съ помощію мастеровъ со Скнижскихъ заводовъ заложилъ Гамбургецъ Бутенантъ, въ 1674 году, первые Олонецкіе желѣзные и стальные заводы, въ Фоймогубской волости, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Новогородскій гость Семенъ Гавриловъ, съ Датскимъ рудознавцомъ Іорисомъ и съ Докторомъ Андерсономъ съ 1670 года, дѣлали пріиски мѣдной и серебряной рудъ.

»Первый вододѣйствующій заводъ для дѣланія ружьевъ былъ устроенъ, въ 1648 году, въ Москвѣ, на рѣкѣ Яузѣ, ствольнымъ мастеромъ Франъ Акиномъ, котораго нанялъ въ Голландіи Стольникъ и Медынскій Намѣстникъ Илья Милославскій, отправленный Посломъ къ Нидерландскимъ Штатамъ, вскорѣ по вступленіи на Россійскій Престолъ Царя Алексія Михайловича. Другой ружейный заводъ основанъ (1653 г.) Голландцемъ Акемою и Гамбургцомъ Марселіусомъ, Тульской Губерніи, въ деревнѣ Ченцовѣ, на рѣкѣ Скнигѣ, недалеко отъ большой Московской дороги и отъ нынѣшняго села Ведменскаго. Соломенскіе заводы тожъ, гдѣ и почтовая станція. Здѣсь обучались ружейному производству высылаемые поперемѣнно на сей заводъ Тульскіе казенные кузнецы, изъ среды коихъ Никита Демидовъ Антуфьевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ Императору ПЕТРУ Великому и милостивымъ вниманіемъ его ободренный, перенесъ чугуноплавильное и ружейное искуства съ Тулицы на

Невью рѣку, въ Сибирь, гдѣ въ 1700 году, мастерами съ вышеупомянутыхъ заводовъ въ нынѣшнихъ Тульской, Калужской и Московской Губерніяхъ, заложены были первые въ Сибири желѣзные заводы. Потомки Антуфьева, Демидовы, какъ извѣстно, съ чрезвычайнымъ успѣхомъ продолжали въ Сибири заниматься руднымъ промысломъ.

»Настоящій оружейный заводъ въ Тулѣ основанъ въ слѣдствіе указа ПЕТРА Великаго, даннаго 15 Февраля, 1712 года, Князю Григорію Ивановичу Волконскому, управлявшему тогда оружейнымъ дѣломъ. Первыя вододѣйствующія машины на Упѣ устроены были простымъ кузнецомъ или оружейникомъ Маркомъ Васильевымъ Сидоровымъ, иначе Красильниковымъ и солдатомъ Ораніенбургскаго батальона Яковомъ Батищевымъ, который самъ изобрѣлъ разныя, довольно любопытныя, машины для наружной и внутренней отдѣлки стволовъ.

«Для производства всѣхъ ручныхъ работъ при дѣланіи ружьевъ назначенъ былъ большой каменный Оружейный Дворъ, который въ послѣдствіи обращенъ въ Арсеналъ и въ разные магазины; строили оный, съ 1713 по 1718 годъ, плѣнные Шведы, попавшіе прежде въ Епифанскомъ уѣздѣ Иванъ-Озерскій каналъ, для соединенія рѣки Оки съ Дономъ, Въ 1737 и слѣдующихъ годахъ, подъ главнымъ надзоромъ Генерала де-Геннина, передѣланъ и распространенъ Тульскій заводъ Артиллеріи Маіоромъ Беэромъ, по требованію котораго приписаны къ оному, какъ Тульскія, такъ и Калужскія засѣки, составлявшія часть лѣсной ограды, сдѣланной при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ для защищенія Россіи отъ набѣговъ Татаръ.« — Подробности всѣхъ сихъ об-

спомятельствъ читателей найдутъ въ книгѣ Г-на Г., вмѣстѣ съ подробными извѣстіями о Виніусѣ, Акинѣ, Демидовѣ, Башашевыхъ и другихъ людяхъ, замѣчательныхъ въ исторіи Русскихъ заводовъ и фабрикъ.

Г-нъ Г. полагаетъ начало цвѣтущаго состоянія Тульскаго завода съ 1817 г., когда Генералъ-Лейтенантъ Шпадень опредѣленъ былъ начальникомъ онаго, а изъ Англіи прибылъ механикъ Г-нъ Джонъ Джонсъ, »заслуги котораго по части дѣланія мѣлкаго огнестрѣльнаго оружія въ Россіи не менѣе важны, какъ и оказанныя Шотландцомъ Гасконемъ по части отливанія большихъ артиллерійскихъ орудій. Введенный Г. Джонсомъ способъ выбиванія замочныхъ и другихъ ружейныхъ вещей въ штампахъ, равно какъ изобрѣтенный имъ превосходный станокъ для обтачиванія стволовъ, содѣлаютъ имя его безсмертнымъ въ исторіи, не только Тульскаго завода, но и оружейнаго искусства вообще. Сверхъ сего Г. Джонсъ ввелъ другія, весьма существенныя усовершенствованія въ приготовленіи замковъ и тѣмъ достигъ столь желаннаго единообразія въ частяхъ и чрезвычайнаго облегченія въ отдѣлкѣ оныхъ. Теперь занимается онъ улучшеніемъ способа первоначальнаго приготовленія стволовъ. Всѣ машины его изобрѣтенія имѣютъ то драгоцѣнное, отличительное свойство, что при крайней малосложности, совершенно соотвѣтствуютъ цѣли, для которой назначены. По образцамъ машинъ, слѣланныхъ Г Джонсомъ для Тульскаго завода, приготовляются нынѣ подобныя и для другихъ оружейныхъ заводовъ въ Россіи, т. е. для Сестрорѣцкаго, близъ С. Петер-

бурга и для Ижевскаго, въ Сибири. Такимъ образомъ, улучшенные способы приготовленія ружей вскорѣ будутъ у насъ обще приняты.

»Механическіе способы, въ послѣдніе годы на Тульскомъ заводѣ введенные, доставляютъ возможность, въ случаѣ надобности, приготовлять помноѣрно большое количество ружей; но такъ какъ въ мирное время требуется оныхъ очень мало, то желательно, чтобы ненужные для заводской работы ружейники, коихъ число весьма значительно, употребляемы были для дѣланія другихъ полезныхъ вещей, на пр. серповъ и косъ, ибо сихъ, для сельскаго хозяйства столико необходимыхъ оружій, Россія выписываетъ ежегодно на большія суммы изъ Штейермарки.«

»Если-бъ можно было,« прибавляетъ Г-нъ Г. изъ Штейермарки пригласить въ Тулу коснаго мастера, по своей части столь-же искуснаго, какъ Г. Джонсъ по части ружейной, то отъ сего должна-бы произойдти величайшая польза для Государства.« Конечно, всякій изъ насъ раздѣлитъ съ нимъ сіе патріотическое желаніе. Что касается до нынѣшняго устройства Тульскаго ружейнаго завода, то Г-нъ Г. утверждаетъ, что »искуственная часть онаго доведена нынѣ до высочайшей и такой степени совершенства, каковая не существуетъ даже на лучшихъ ружейныхъ фабрикахъ въ Англіи.«

Во 2, 3, 4, 5 и 6-мъ отдѣленіяхъ, Г-нъ Г. описываетъ статистически Тульскій заводъ. Извѣстно, что сей заводъ находится въ городѣ Тулѣ; на немъ положено выдѣлывать ежегодно до 70,000 огнестрѣльнаго и до 25,000 бѣлаго оружія, чѣмъ занято нынѣ 3064 человѣка мастеровыхъ (а все число

оружейниковъ при Тульскомъ заводѣ 7071 д. мужескаго и 6913 женскаго пола); сверхъ того приписано къ заводу крестьянъ 3562 мужескаго пола душъ. Содержаніе завода по штату стоитъ 124,678 руб. Желѣзо (до 70 т. пудовъ) и укладъ (до 10 т. пудовъ) получаются изъ Сибири; зеленая мѣдь нынѣ составляется на заводѣ, изъ монетъ стараго чекана; изъ укслада дѣлается здѣсь сталь и также крѣпкая водка приготовляется на заводѣ изъ селитры и купороса. Оружія дѣлаемыя на заводѣ, суть: ружья — пѣхотное, драгунское, кирасирское, конно-егерьское и уланское, штуцеръ (коимъ замѣненъ прежній мушкетонъ), пистолетъ, тесакъ и пика (палаши, сабли и піонерные ножи приготовляются съ 1818 года, на Сибирскомъ Златоустовскомъ заводѣ). Кромѣ того дѣлаются въ Тулѣ разныя мѣлкія вещи: отвертки, нажимы, формы для пуль и проч. Описавъ подробно состояніе и положеніе Тульскихъ оружейниковъ и анатомію и терминологію оружія ими выдѣлываемаго, Г-нъ Г., въ VII отдѣленіи, объясняетъ производство работъ. Вообще всѣ оружейники раздѣлены на пять цѣховъ: ствольный, замочный, приборный, ложевой, бѣлаго оружія и стальную аршель. Каждый цѣхъ подраздѣляется на множество отдѣленій, такъ, что обработка пѣхотнаго ружья составляетъ болѣе 20-ти отдѣленій и ружье переходитъ слишкомъ черезъ сто рукъ. Едва-ли гдѣ болѣе уважается славное раздѣленіе работъ Адама Смита.

Восьмое отдѣленіе книги Г-на Г. самое обширное: оно занимаетъ 131 стр. Здѣсь описываетъ онъ всѣ малѣйшія подробности работъ и машинъ Тульскаго завода, къ чему присовокуплено 40

рисунковъ, in 4, на которыхъ изображено все имъ описываемое. Эта часть книги драгоцѣнна для механика и технолога. Кромѣ того что выше было сказано объ искуствѣ Г-на Джонса и превосходствѣ его произведеній, прибавимъ примѣръ, приводимый Г-мъ Гамелемъ. Взявъ 30 ружей Тульскихъ, разбираютъ ихъ совершенно, смѣшиваютъ всѣ части, потомъ составляютъ ружья вновь и всѣ части ихъ приходятся у каждаго ружья такъ хорошо, какъ будто бы онѣ были нарочно и особо сдѣланы для каждаго. Охотно повторяемъ слова Г-на Гамеля: „Желаю (говоритъ онъ), чтобы сообщаемое мною описаніе изобрѣтенныхъ Г. Джонсомъ машинъ могло быть полезно для нашихъ Гг. фабрикантовъ, ибо многія изъ сихъ машинъ могутъ быть съ выгодою введены въ употребленіе на разныхъ другихъ фабрикахъ и заводахъ. Такъ на пр. штампъ, издѣланный для выбиванія чашей замка, можетъ также служить для выбиванія разныхъ вещей изъ красной и зеленой мѣди, какъ простой, такъ и покрытой серебромъ. Таковымъ образомъ дѣлаются въ Англіи: чайники, подсвѣчники и безчисленное множество украшеній для комнатъ и мебелей; вещи сіи называются: stamped goods“

Всѣ рисунки въ книгѣ Г-на Гамеля отдѣланы, гравированы и оттиснуты превосходно. Сверхъ того приложены Авторомъ: карта *мѣстоположенія первыхъ въ Россіи чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ*, *устроенныхъ въ Россіи съ* 1632 *по* 1700 *годъ*, (тутъ-же означены Тульскія засѣки, какъ онѣ были въ 1766 г.) и *планъ нынѣшняго Тульскаго завода*. Вообще книга Г-на Г. по изяществу изданія можетъ равняться съ Европейскими своими собратія-

ми, книгами Христіановъ и Дюпеновъ. Бумага и печать прекрасны. Г-нъ Г. пишетъ ясно, точно и чрезвычайно подробно. Мы замѣтили только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько оборотовъ несвойственныхъ Русскому языку, но эта мѣлочь не должна обращать на себя вниманія критики.

Въ окончаніи приложено 14 любопытныхъ историческихъ актовъ. Тутъ есть Наказъ 1706 г. о принятіи ружей; просьба де-Генина, могущая дополнить біографію сего знаменитаго мужа, который, изъясняя свои знанія, между прочимъ говоритъ что онъ знаетъ »*дѣланіе всякихъ потѣшныхъ огне-*»*стрѣльныхъ вещей, изображеніе въ воску дѣлать,* »*японскою олифою крашеные соломою изображе-*»*нія, презрядно на бумагѣ вырѣзывать* (curieus pa-»pier uytsnyden) и прочія хитрости и благословенъ »есмь къ Москвѣ ѣхать въ службу Его Царского »Кесарскаго Величества, дабы при Его дворѣ по-»мянутые хитрости исполнялти.« Забавно также, что начальникъ Тульскаго завода Князь Волконскій, будучи въ 1714 г. въ Москвѣ, писалъ къ Коммисару Чулкову о порядкѣ и исправности »чтобы порядокъ »у васъ былъ доброй, не такъ какъ прежде сего у »васъ всѣхъ были блудни,« и проч.

150. *Нѣтъ добра безъ награды*, драмма (?) въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненія Любови Кричевской. Харьковъ. 1826 г. in 8. 57 стр.

Вотъ что сказано въ объявленіи о сей книгѣ: »*Любовь Кричевская*, коея сочиненія отрывками были помѣщаемы въ Украинскомъ Вѣстникѣ, въ 1816 годъ, и потомъ изданы были особою книгою въ пользу Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ, издаетъ новыя свои сочиненія, также не

для того, чтобы снискать славу или имя писательницы, но съ самою благородною цѣлію: *въ пользу матери своей.* Для чувствительныхъ душъ довольно сей причины; никто не будетъ изыскивать недостатковъ въ ея сочиненіяхъ, никто не упрекнетъ ее въ тщеславіи и самонадѣянности.«

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Новое пріобрѣтеніе Копенгагенскаго Университета. Библіотека сего Университета вновь обогащена значительнымъ числомъ Индійскихъ сочиненій, которыя подарены ей многими особами и присланы чрезъ Доктора Валлиха, ученаго Датчанина, въ Калькуттѣ, занимающаго должность Директора большаго Ботаническаго сада Индійской компаніи. Драгоцѣннѣйшее изъ сихъ сочиненій есть славный Персидскій Словарь, Царя Удскаго. Авторъ передалъ его черезъ посредство Англинскаго Резидента при Луноускомъ дворѣ, Доктору Валлиху, дабы онъ представилъ его въ даръ своему Правительству. Г. Валлихъ присовокупилъ къ сему миніатюрные портреты: Царя-Автора и Акбира-Сани, царствующаго въ Дели. Тутъ-же находится 161 другихъ сочиненій; они доставлены: Докторомъ Валлихомъ, Браминомъ Рамъ-Могунъ-Рой, также Серампурскими и Калькутскими миссіонерами и другими. Кромѣ сего Библіотека получила много кумировъ Авскихъ и разныя рѣдкости острововъ Южнаго Моря. Азіятское Калькутское Общество прислало ему камень изъ развалинъ Вавилона

съ надписью кунеиформическими буквами, а Г. А. Канторъ много замѣчательныхъ изображеній *Будды* и между прочимъ одно очень большое, изъ Рангуна.

Минхенскій Университетъ. Переведеніе *Университета Людвига Максимиліана* изъ Ландсгута въ Минхенъ рѣшено въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ. Профессоръ Шультесъ 15 ч. сего мѣсяца, читалъ послѣднюю лекцію въ Ландсгутскомъ Университетѣ и ею заключились всѣ курсы сего знаменитаго учебнаго заведенія. Съ тѣхъ поръ всѣ чины, составляющіе его, въ большихъ трудахъ: учреждены коммисіи для исправнаго перевода въ Минхенъ разныхъ собраній, по Зоологіи, Ботаникѣ, Минералогіи, Химіи, перевоза огромной Библіотеки и прочихъ Университетскихъ ученыхъ пособій. Всѣ распоряженія сдѣланы такимъ образомъ, что зимняя половина курса начнется съ 15 Ноября въ Минхенѣ. Табели Профессоровъ уже составлены. Изъ сихъ табелей видно, что въ числѣ преподавателей наукъ въ Минхенѣ будутъ знаменитѣйшіе ученые, на примѣръ: Профессоромъ Естественной Исторіи, будетъ *Шубертъ;* Математики и Науки о Природѣ (Naturwissenschaft), *Зиберъ;* Ботаники, *Марціусъ;* Статистики и Географіи, *Маннертъ;* Филологіи, *Астъ* и *Тиршъ.* Сверхъ сего, благодѣтельный Король, неусыпно пекущійся о процвѣтаніи наукъ, пригласилъ многихъ другихъ отличныхъ ученыхъ, на примѣръ: для Санскритскаго языка, Профессора Франка, изъ Вирцбурга; *Философію* будетъ преподавать Тайный Совѣтникъ и Академикъ, *Докторъ Ф. В. І. Фонъ-Шеллингъ*, который вступитъ на свою каѳедру съ начала учебнаго $18\frac{27}{28}$ года. Король объявилъ, что кто изъ

нынѣшнихъ Ландсгутскихъ Профессоровъ будетъ уволенъ, о шѣхъ онъ сдѣлаетъ особенное распоряженіе. Всѣ статуты до времени остаются въ прежней силѣ, но постепенно будутъ исправляемы. Мундиры сего Университета раздѣляются по факультетамъ: профессоры факультета Ѳеологическаго носятъ черный, Юридическо-Политическаго свѣтлокрасный, Медицинскаго зелёный, Философическаго темносиній маларъ и баретъ того-же цвѣта. На мундирахъ особенное шитье. Ректоръ Университета носитъ еще на золотой цѣпи медаль съ портретомъ Короля. Разумѣется, что сей нарядъ профессоры должны носить только при отправленіи должности своей и во время торжественныхъ церемоній.

Доходы и расходы Мексики. Въ 1825 году доходы Мексики простирались до 12 милліоновъ доллеровъ, а обыкновенные расходы составляли 10,292,637, изъ коихъ поступало: 8,990,800 на военный Департаментъ, 1,310,785 на морскую силу и 1,083,143 на финансовое управленіе. Таможенный сборъ превзошелъ предположенный по сей части доходъ почти вдвое. Мексика сдѣлала два займа: въ 1824 г. 3,200,000 фунт ст. (по 5 проц.) и таковый-же заемъ въ 1825 г. (по 6 проц.).

Разныя извѣстія о Сѣверной Америкѣ. Въ теченіе 1824 года, изъ разныхъ иностранныхъ гаваней прибыло въ Нью-Іоркъ 5,452, а въ 1825 году, 8779 пассажировъ. — Законодательная власть въ Массачузетѣ предложила, составить исторію каждаго города съ основанія его и по успѣшномъ исполненіи, издавать каждую частную исторію, а оригиналъ автора хранить въ домѣ Правитель-

ства. — Въ Ворчестерѣ, гдѣ находится 54 мѣстечка и 80,000 жителей, въ продолженіе 30 лѣтъ было только одно уголовное слѣдствіе. — Законодательная власть Георгіи дала привилегію *Мексико-Атлантической компаніи* въ Георгіи, проводить желѣзныя дороги и рыть каналы между рѣками, впадающими въ Атлантическій океанъ и впадающими въ Мексиканскій заливъ. Для основанія компаніи положено 2,000,000 доллеровъ, раздѣленныхъ на 1000 акцій. Къ 1830 году; компанія должна прорыть по крайней мѣрѣ 20 миль каналовъ или проложить 20 миль желѣзныхъ дорогъ и потомъ, въ продолженіе каждаго года производить сихъ работъ по 20 миль.

НЕКРОЛОГІЯ. Іенсъ Баггезенъ. Въ Россіи совершенно неизвѣстны произведенія сего достопамятнаго человѣка, который былъ отличнымъ писателемъ въ двухъ Литературахъ, Датской и Нѣмецкой. Но мы знаемъ, что онъ былъ другъ нашего знаменитаго Карамзина и нѣсколько времени путешествовалъ съ нимъ вмѣстѣ. Читатели вѣрно поймутъ энергическое восклицаніе (тогда еще юнаго) поэта Баггезена; которое такъ понравилось Боннету. Вообще, въ Письмахъ Русскаго Путешественника находится много подробностей о Баггезенѣ; на примѣръ: подробно описана исторія его любви къ Софіи, внучкѣ Галлера, на которой онъ и женился. Баггезенъ былъ родомъ Датчанинъ, но воспитывался въ Германіи и отъ того владѣлъ равно совершенно и своимъ роднымъ языкомъ и Нѣмецкимъ. Оставаясь вѣрнымъ отечественной Литературѣ,

въ послѣдствіи онъ отличился и на поприщѣ Литературы Нѣмецкой. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно что писалъ онъ на Датскомъ языкѣ. Карамзинъ упоминаетъ, что Баггезенъ сначала явилъ себя въ драматическомъ родѣ. Въ Нѣмецкой Словесности онъ извѣстенъ своими Пѣснями, которыя Нѣмцами цѣнятся очень дорого. Баггезенъ любилъ литературныя войны и у Нѣмцовъ выдержалъ онъ жестокую войну за сонеты. На этотъ родъ сочиненій онъ нападалъ въ своемъ Сатирическомъ Альманахѣ (Klingklingelalmanach). Идиллическое сочиненіе его, *Парвенакъ*, многіе не далеко ставятъ отъ Фоссовой Луизы. Баггезенъ одаренъ былъ необыкновенною остротою ума. Во время послѣдней своей болѣзни, онъ сохранялъ все присутствіе духа: это было въ Гамбургѣ, гдѣ онъ и скончался, 3-го Октября (н. с.) 1826 года, ѣхавши изъ Германіи на свою родину. Наканунѣ смерти, Баггезенъ увидѣлъ, что заводятъ его часы, и сказалъ: »*Не заводите ихъ: пусть они остановятся вмѣстѣ со мною.*«

Василій Михайловичъ Севергинъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, орд. Св. Анны 2 ст. и Св. Влад. 4 класса Кавалеръ, членъ обѣихъ С. Петербургскихъ и Стокгольмской Академій, Медицинск. Совѣта, Лейпцигск., Великобританскаго и С. Петербургскаго Экономическихъ, Виленскаго Университета, Гетингенскаго Ученаго Общества и многихъ другихъ иностранныхъ и Русскихъ Ученыхъ Обществъ, скончался въ С. Пбургѣ, 17 Ноября, сего 1826 г. Онъ родился въ 1764 г. и съ 1789 г. сдѣланъ былъ Адъюнктомъ, а въ послѣдствіи Академикомъ Минералогіи въ С. Петербургской Академіи Наукъ. Въ 1792 г. избранъ былъ *Приобщникомъ* въ Россій-

скую Академію, а въ члены оной поступилъ въ 1795 г. Онъ особенно занимался Минералогіею, Химіею и Технологіею. Въ 1802 г. посланъ былъ по сему предмету путешествовать въ западныхъ губерніяхъ Россіи и *Записки* его о семъ путешествіи изданы въ 3 томахъ (Спб. 1803-1805 гг.); въ 1804 г. путешествовалъ онъ по Финляндіи и издалъ *Обозрѣніе Россійской Финляндіи* (Спб 1805 г.). Другія сочиненія его суть: *Начальныя основанія Ботаники*, 3 части, Спб. 1791 г. — *Первыя основанія Минералогіи*. 2 ч., Спб. 1798 г. — *Способъ испытанія минеральныхъ водъ*, Спб. 1800 г. — *Пробирное искуство*, Спб. 1801 г. — *Химическія основанія ремеслъ и заводовъ*, 2 ч. Спб. 1803 г. — *Краткое начертаніе Минералогіи*, Спб. 1804 г. — *Подробный Минералогическій Словарь*, 2 ч. Спб. 1807 г. — *Новая система минераловъ*, Спб. 1816 г. — Кромѣ того помѣщено много мѣлкихъ статей его въ Академическихъ Журналахъ и сочиненіяхъ, также и переводовъ. Особо изданы переводы его: *Извѣстіе объ Алтайскихъ горахъ*, Ренованца, Спб. 1792 г. — *Химическій Словарь*, *Шарль-Лун-Кадета*, съ дополненіями и перемѣнами, 4 ч. Спб. 1810-1813 г. и къ нему въ 1815 г. *Руководство къ удобнѣйшему разумѣнію химическихъ книгъ иностранныхъ или словарь химическій Латино-Французско-Нѣмецко-Русскій*; въ 1819 г. въ Спб. издана имъ: *Плинія младшаго, Исторія естественная ископаемыхъ тѣлъ*, съ Лапинскаго. Какъ членъ Россійской Академіи, Г-нъ Севергинъ участвовалъ въ составленіи Словаря Академическаго, по азбучному порядку и въ переводѣ *Анахарсисова Путешествія*, а въ 1805 г., въ торжественномъ

собраніи, произнесъ *Похвальное слово Ломоносову*, напечатанное въ *Соч. и перевод. Россійской Академіи*, кн. 2. 1806 г. и отдѣльно, въ Спб. 1805 г. in 4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ *Департамента Внѣшней Торговли.*

Дошло до свѣдѣнія Департамента Внѣшней Торговли, что во внутреннихъ губерніяхъ иногда сомнѣваются, дозволенъ-ли отпускъ за границу нѣкоторыхъ нашихъ произведеній и издѣлій.

Департаментъ долгомъ считаетъ объяснить слѣдующее:

Въ общемъ Тарифѣ, напечатанномъ въ нынѣшнемъ 1826 году, находится:

Стр. 16. Воинскіе снаряды, чугунные и желѣзные, какъ то: пушки, мортиры, бомбы, ядра и пр. отпускаются безъ пошлинъ.

Мѣдные, какъ-то: пушки и мортиры, отпускаются безъ пошлинъ.

Стр. 40. Свинецъ въ издѣліяхъ, какъ-то: въ пуляхъ, дроби, листахъ и проч., отпускается безъ пошлинъ.

Стр. 39. Клинки или лезвеи шпажные, сабельные и кинжальные, безъ насѣчки золотой и серебряной, отпускаются безъ пошлинъ.

Стр. 39 и 40. Ружья, пистолеты и прочее огнестрѣльное непоименованное оружіе, въ оправѣ серебряной, мѣдной, желѣзной, или безъ оной,

съ пастѣчкою золотою, серебряною или безъ оной, отпускаются безъ пошлинъ.

Стр. 50. Селитра отпускается безъ пошлинъ; очищенная отпускается безъ пошлины.

Селитреная кислота, водка крѣпкая, шейдевассеръ и спиртъ селитреный отпускаются безъ пошлинъ.

Стр. 43. Вино и спирты хлѣбные, подслащенные и неподслащенные, также яниверъ или водка можжевеловая, отпускаются безъ пошлинъ; но въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ казенная продажа вина, должно имѣть позволеніе на высидку и доставку къ портамъ. Не было однако случая сего рода, ибо хлѣбнаго вина вовсе къ вывозу не требуется.

Стр. 56 и 57. Съ разныхъ родовъ хлѣба уменьшена съ настоящаго года пошлина, которая и прежде была весьма незначительная.

Стр. 32. Лошади, съ нынѣшняго года, къ отпуску дозволены и обложены пошлиною мѣрины 5 руб. серебр. съ каждаго.

Кобылы, въ 1826, 1827 и 1828 годахъ, 10 руб. сер. съ каждой.

А въ 1829 году 5 руб. сер.

Жеребята считаются наровнѣ съ рослыми лошадьми.

Стр. 50. Скотъ съ нынѣшняго года платитъ уменьшенную пошлину, а именно:

Волы, быки и буйволы, коровы, буйволицы и яловицы 50 коп. сер. со штуки.

Телята всякіе 5 коп. сер.

Бараны, овцы, ягнята, козы, козлы и козлята 5 коп. сер.

Боровы и свиньи 15 коп. сер.

Поросяща 5 коп. сер.

Сверхъ того, съ нынѣшняго года, разрѣшено нашъ скотъ прогонять транзитомъ чрезъ Царство Польское въ Австрію и Пруссію, чѣмъ уже и начали пользоваться съ выгодою для промышленниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи Газеты Рускій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости на 1827-й годъ.

Съ Высочайшаго *Его Императорскаго Величества* соизволенія, Коллежскій Совѣтникъ *Воейковъ* будетъ продолжать изданіе выходящей *ежедневно* въ свѣтъ Газеты, *Рускій Инвалидъ* или *Военныя Вѣдомости*, и на будущій 1827-й годъ.

Въ сей Газетѣ помѣщаются:

I. Высочайшіе Приказы по сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ. (Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ *Инвалида*, не печатаются.)

II. Извѣстія о Всемилостивѣйше пожалованныхъ чинами военными и статскими, Кавалерскими Орденами, другими знаками отличія и наградами, также объ опредѣленіи Чиновниковъ къ мѣстамъ, отставкѣ, пожалованіи пенсіоновъ, земель, арендъ и перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое.

(Почтенные Читатели *Рускаго Инвалида*, безъ сомнѣнія, замѣтили *скорость* и *вѣрность*, съ

каковыми всегда сіи Внутреннія Извѣстія сообщаемы были въ *Военныхъ Вѣдомостяхъ*.)

III. Въ военное время Реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ съ непріятелями Россіи.

IV. Топографическія, Статистическія и Историческія описанія разныхъ Областей Россіи и другихъ Государствъ, особливо смежныхъ съ Россіею, и преимущественно въ Стратегическомъ отношеніи, описанія походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служитъ къ распространенію познаній по военной части.

V. Библіографія и краткій разборъ *лучшихъ* вновь издаваемыхъ книгъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, имѣя всегда болѣе въ виду тѣ, которыя относятся къ Тактикѣ, Стратегіи, Фортификаціи и Артиллеріи.

VI. Открытія, изобрѣтенія, улучшенія по части военныхъ наукъ.

VII. Путешествія, то есть: письма Русскихъ Путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ свѣта, также замѣчанія о разныхъ странахъ Европы и другихъ частей свѣта.

VIII. Любопытные отрывки изъ Исторіи, особливо Отечественной, какъ то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ и преимущественно, вѣрныхъ; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; военные анекдоты, изображающіе отличныя черты неустрашимости и великодушія; достопамятныя Отечественныя событія.

IX. Новѣйшія внутреннія и заграничныя извѣстія.

X. Благотворенія.

XI. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія и проч.

Въ прошедшіе годы каждый день, кромѣ Воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, выходило по полулисту печатныхъ, а въ будущемъ 1827-мъ году прибавится еще 20-ть нумеровъ *Рускаго Инвалида*, и вмѣсто 306-ти, будетъ выходить 326 нумеровъ.

(Сіе дѣлается съ тою цѣлью, чтобы любопытныя внутреннія извѣстія еще поспѣшнѣе доходили до свѣдѣнія публики.)

XII. Вмѣсто *Литтературныхъ Прибавленій* будутъ раздаваться при *Рускомъ Инвалидѣ* отъ времени до времени *Военныя Прибавленія*, также *безденежно*.

Цѣна годовому изданію (состоящему изъ 163-хъ печатныхъ листовъ, или 326-ти нумеровъ) въ Санктпетербургѣ 35, съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 42 рубли; полугодовому-же (съ 1-го Января по 1-е Іюля) въ С. Петербургѣ 20, съ пересылкою 23 руб. 50 коп.; за доставленіе въ домы прилагается въ годъ по 10-ти руб., въ полгода по 5 рублей.

Подписка отъ жителей С. Петербурга принимается въ магазинѣ Коммисіонера Редакціи И. В. *Слѣнина*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ *Кусовникова*, противъ Казанскаго Собора (*), а отъ иногородныхъ въ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ.

(*) У помянъ Г. *Слѣнина* можно подписываться на всѣ, какъ С. Петербургскіе, такъ и Московскіе Журналы на будущій 1827-й годъ.

Редакція получаетъ многія Иностранныя Вѣдомости, Журналы и новѣйшія книги; также имѣетъ Корреспондентовъ въ знатнѣйшихъ городахъ Россіи.

Издатель *Инвалида* почтетъ себя счастливымъ, если успѣетъ трудами своими умножить сумму, собираемую отъ изданія сей Газеты въ пользу израненныхъ на полѣ брани воиновъ, и поддержать лестное благоволеніе Почтеннѣйшей Публики, которымъ онъ пять лѣтъ уже пользовался.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Солнце.

Взошло и небо раскаляетъ,
И топитъ льды въ рѣкахъ и грѣетъ ихъ брега:
Темнѣютъ, движутся высокіе снѣга
И все — одинъ потокъ: отхлынувъ, убѣгаетъ!
Такъ нѣкогда свое незримое лицо,
Когда змія временъ сомкнетъ себя въ кольцо,
Онъ утвердитъ на міръ страстей и прегрѣшеній:
Растаетъ душъ замерзлыхъ хладъ
И вострепещетъ весь и градъ,
И рушатся громады заблужденій. . . . .
И воспоетъ свой гимнъ, Спасителя хваля,
Преображенная земля. . . . .

Ѳ. Глинка.

Романсъ.

Съ какихъ цвѣтовъ благоуханье
Ты, вѣтерокъ, ко мнѣ примчалъ?
Съ какихъ полей твое дыханье?
Ты имъ меня очаровалъ.
Такъ, вѣтерочекъ мой игривой,
Тобою восхищаюсь я:
Ты вѣешь съ той страны счастливой,
Гдѣ милая живетъ моя!

Откуда, по долинѣ злачной,
Бѣжалъ ты, рѣзвый ручеекъ?
Гдѣ первою струей прозрачной
Ты начинаешь свой истокъ?
Теки, ручей мой благодатной!
Тебя благословляю я:
Ты въ той странѣ возникъ пріятной,
Гдѣ милая живетъ моя!

Весны пѣвица, радость міра,
Посланница благихъ Небесъ!
Отколь, по высотѣ эѳира,
Ты въ ближній залетѣла лѣсъ?
Сколь сладостно твое мнѣ пѣнье!
Ему душой внимаю я:
Тамъ, птичка, тамъ твое рожденье,
Гдѣ милая живетъ моя!

Усталый путникъ! за горою
Послѣдній солнца лучъ погасъ;
Темнѣетъ сумракъ надъ рѣкою
И ночи наступаетъ часъ.
Войди въ мой домъ; тамъ, гость любезной,
Покой и дружба ждутъ тебя:
Ахъ! ты изъ той страны прелестной,
Гдѣ милая живетъ моя!

Преображенскій заводъ.
Мая 1 дня, 1825.

Письмо изъ Парижа.

(Извлеченіе.)

Вы спрашиваете: что дѣлаетъ Поэзія во Франціи? Политику: можно отвѣчать не безъ основанія, если не бояться-бы галлицизма; впрочемъ и политическая Поэзія есть галлицизмъ литтературный; да и гдѣ-же позволительны галлицизмы, какъ не въ Парижѣ? Но только примите политику въ истинномъ ея значеніи, а не превратномъ, и тогда вы согласитесь, что направленіе, данное вообще въ наши дни Французской Литтературѣ, вовсе не-антипоэтическое. То, что Римляне называли *res publica*, Французы называютъ *la chose publique* или *l'intérêt public*, а по-Русски, какъ назвать, право не умѣю, потому что со мною нѣтъ здѣсь Русскаго Словаря, можетъ и должно быть не чуждо литтературѣ и Поэзіи;

Когда
Поэзія не сумасбродство.
(*Державинъ.*)

Греческіе трагики также дѣлали политику въ своихъ народныхъ трагедіяхъ. Тиртей былъ прекраснымъ публицистомъ и гимны его героическіе ничто иное, какъ краснорѣчивые военные манифесты, воспламенявшіе умы сограждан, готовящихъ

ся на брань; Ювеналъ, политическій сатирикъ; нашъ Державинъ, во многихъ пѣснопѣніяхъ, не только лирикъ сатирическій, но и политическій; Жуковскій, въ *Пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ* преподаетъ Народное Право съ треножника Поэзіи и неопразимыми доводами убѣждаетъ въ истинѣ, что народъ не долженъ покоряться чуждому владычеству; Байронъ въ самыхъ поэтическихъ и своенравныхъ порывахъ генія чудиаго, во всѣхъ значеніяхъ сего слова, неожиданно и ярко набрасываетъ свои мнѣнія политическія и говоритъ въ стихахъ то, что говорилъ-бы прозою въ Вышней Палатѣ, если бурный жребій поэта не обратилъ-бы Шотландскаго Пера въ безпокойнаго испранствующаго Чайльдъ-Гарольда или въ необузданнаго проказника Донъ Жуана. Вы видите, что я готовъ называть Поэзіею политическою всякую народную или гражданскую Поэзію, объемлющую возвышенныя, общественныя истины и почему поэту не быть наравнѣ съ оратором, стражемъ народныхъ выгодъ и блага общественнаго? Каждый орудіемъ своимъ, одинъ Поэзіею, другой витійствомъ, можетъ распространять мнѣнія, которыя онъ почитаетъ полезными для благосостоянія сограждан и вытеснять изъ общества почитаемыя за пагубныя. Не даромъ Наполеонъ говорилъ, что будь ему Трагикъ Корнель современникомъ, онъ посадилъ-бы его въ Государ-

спренній Сонѣтъ. Скажите, ради Бога: почему Поэзіи быть безстрастною и безцвѣтною, какъ Русскіе Журналы? Жизнь общественная, тамъ, гдѣ она пламенѣетъ въ порѣ мужества и здравія, должна пробиваться всюду и все обогрѣвать живительною теплотою своею. Истинный *флюидъ* государственный (fluide, есть-ли у васъ это слово въ Словарѣ? Признаюсь, на памяти у меня его нѣтъ), она всеобъемлюща и всепроницающа. . .

Есть безъ сомнѣнія и другая отрасль Поэзіи, не завѣдывающая ничего положительнаго. Одна Поэзія земная, *прикладная*, другая умозрительная, *чистая*, мистическая, не принимая сего слова въ религіозномъ значеніи. Обѣ Поэзіи имѣютъ свое достоинство. Нѣтъ правила безъ исключенія: иной поэтъ облекаетъ въ поэтическія краски понятія прозаическія или положительныя; другой тащитъ васъ за собою въ міръ надоблачный, но на прозаическомъ арканѣ. Въ способѣ выраженія заключается разница отличительная. Поэтъ не столько бываетъ поэтомъ въ выборѣ предмета, сколько во взглядѣ на предметъ и въ выраженіи ощущенія. Можно высѣкать искры поэтическаго огня изъ вещества не-поэтическаго. Наполеонъ озарялъ нерѣдко поэтическою молніею свои стратегическія соображенія. Бенжаменъ-Констанъ бываетъ часто поэтомъ-же по выраженію, тамъ, гдѣ другой былъ-бы сухопро-

зорливымъ и мыслящимъ публицистомъ. А Фуа? Развѣ краснорѣчивые порывы сего Сгриччи народной каѳедры, не кипѣли вдохновеніемъ, когда онъ повѣрялъ итоги финансовъ и давалъ голосъ поэтическій цыѳрамъ, вопіющимъ за казну бѣднаго?

Первыми Французскими поэтами нынѣшней эпохи и представителями той и другой Поэзіи, то есть чистой и *прикладной*, Ламартинъ и Казимиръ Делавинь. Здѣсь я отзывъ общаго мнѣнія; но если спросите вы мое частное, то первымъ изъ двухъ первыхъ рѣшительно Казимиръ Делавинь. Хотя во Франціи существуютъ или, лучше сказать, заводятся также двѣ школы: романтическая и классическая, но сихъ двухъ поэтовъ не льзя безъ оговорокъ подвести подъ сей общій раздѣль, еще не довольно обозначенный. Вообще можно сказать, что Поэзія того и другаго, хотя между собою и различная, носитъ уже отпечатокъ современный и отошла отъ образцовъ классической Поэзіи прежняго вѣка. Не будемъ сличать на которой сторонѣ превосходство, но остановимся на одной очевидности: и духъ Поэзіи и многія формы стихотворства нынѣ не тѣ, что были у Депрео, Ж. Б. Руссо и послѣдователей ихъ. По языку и слогу своему Делавинь однакожь ближе къ языку класеическихъ предшественниковъ. Ламартинъ позволяетъ себѣ значительныя отступленія отъ прежнихъ

образцовъ: духомъ онъ сближается съ идеологіею Нѣмцовъ и пускается не рѣдко въ неологизмы слога, пугающіе грамматическую совѣсть академическихъ правовѣрцовъ. Впрочемъ, весь романтизмъ Французскій заключается болѣе въ словахъ и въ чувствѣ: самыя романтическія творенія въ стихахъ, только что наведены какимъ-то цвѣтомъ романтизма, но основанія зданій еще старыя. Трагедія остается неприкосновенною. Лебрёнъ, Ансело дѣлали набѣги во владѣнія Шиллера, но подать собранную съ него перелили въ свою Французскую монету. Такъ дѣлалъ прежде и Дюсисъ съ Шекспиромъ. Есть начало, будетъ продолженіе и достигнутъ конца. . . .

Надѣюсь, что вы не покоряетесь слѣпо сужденіямъ поверхностныхъ Аристарховъ и вслѣдъ за ними не признаете господствеинаго различія между классицизмомъ и романтизмомъ или, просто, старою (а не древнею) и новою литературою, въ отступленіи сей послѣдней отъ всѣхъ законовъ и правилъ существующихъ. Различіе ихъ не можетъ ограничиться однѣми внѣшними формами и должно таиться глубже, въ началахъ коренныхъ и независимыхъ. Опредѣленія сего различія должно искать во нравахъ, въ философическомъ изслѣдованіи исторіи послѣдняго пятнадесятилѣтія, въ событіяхъ, столь плодовитыхъ послѣдствіями, а ко-

роче и простѣе, въ любимой поговоркѣ Прадта: *умъ человѣческій на походѣ*, или, если хотите, въ Русской пословицѣ: *умъ любитъ просторъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемый романтизмъ (надобно, кажется, непремѣнно ставить или подразумѣвать оговорку: *такъ называемый*, передъ словомъ романтизмъ, ибо названіе сіе не иначе какъ случайное и временное: настоящій крестный отецъ, такъ называемаго романтизма еще не явился) даетъ болѣе свободы дарованію: онъ покоряется однимъ законамъ природы и изящности, отвергая насильство постановленій условныхъ. Классицизмъ, кромѣ тѣхъ-же законовъ, порабощается еще, добровольно, цѣлому уголовному уложенію отдѣльныхъ, областныхъ учрежденій, составленныхъ драконами Литтературы, которые готовы пожрать ослушниковъ своихъ за малѣйшее отступленіе отъ предписаній литтературнаго благочинія. Какъ не согласиться, что соблюденіе правилъ стѣснительныхъ придаетъ новый блескъ творенію, когда стѣсненіе не отзывается въ немъ; но не оно-же составляетъ его существенное достоинство? А не то, хорошій акростихъ, заданный на готовыя риѳмы, былъ-бы совершенствомъ красоты поэтической.

Un Sonnet sans défaut vaut seul un long poëme, сказалъ законодатель Французскаго Парнасса и слѣдовательно, почти Европей-

ского, ибо долго Французская Поэзія законодательствовала и господствовала почти вездѣ. Вотъ классицизмъ во всей наготѣ своего деспотизма! Если Сонетъ безпорочный можетъ перевѣсить поэму, и безъ сомнѣнія не худую, а то и сравниваться не льзя, потому что, разумѣется, и одинъ хорошій списокъ стоитъ ста такихъ дурныхъ списковъ, то почему-же не предоставить такого преимущества и Рондо и Триолету, и Акростиху и всѣмъ другимъ опытамъ поэтической гимнастики? Примѣненіе кандалы Акростиха, Сонета, къ кандаламъ единства времени и мѣста, и заключеніе будетъ почти тоже. Война классицизма и романтизма идетъ здѣсь дѣятельно и горячо. Первый однако-же болѣе дѣлается въ полемику; второй отражаетъ нападенія твореніями. У классицизма есть свой арсеналъ: Академія; свои боевыя орудія: Академическія рѣчи, разсужденія, сатиры. Романтики еще не вооружены и только что вербуются.

Годъ тому, Оже (Auger) читалъ въ годичномъ собраніи четыредесять Академій Рѣчь о Романтизмѣ (Discours sur le Romantisme), которую прозвали манифестомъ противъ романтизма. Сообщу вамъ со временемъ выписки изъ нея. Теперь ограничусь одною, которая вамъ докажетъ, что Академія Французская или по крайней мѣрѣ, уполномоченный ея оракоръ, имѣетъ совершенно превратное

понятіе о романтизмѣ: »Романтики ужа»саются веселости. Они въ счастіи и весе»ліи видятъ одну прозу, а Поэзію въ од»номъ бѣдствіи и горѣ. *Смѣяться хорошо!* говорятъ просто людины; *плакать сладо»стно!* отвѣчаютъ наши молодые Гераклиты!» — Что это за опредѣленіе романтизма? Какъ-же не видать, что слезливость нѣкоторыхъ стихотворныхъ плаксъ не есть романтизмъ? Аріостъ, Шекспиръ, Гёте умѣютъ смѣяться и смѣшить. Неужели на одной Элегіи вертится весь романтизмъ? Вотъ что называется по нашему вершки схватывать! Въ старину Академія Наукъ во Франціи издала подобный манифестъ противъ магнетизма, который судила по нѣкоторымъ шарлатанскимъ пріемамъ Месмера и его адептовъ. Что изъ этого вышло? Магнетизмъ, существующій въ природѣ, а не въ Месмерѣ существовавшій, устоялъ на зло Академіи. Устоитъ и романтизмъ на зло Г-на Оже и всѣхъ Академій. Злоупотребленія его, месмеризмы романтизма, достойны осмѣянія и осужденія: это такъ; но что, въ особенности-же въ неловкомъ подражаніи, не имѣетъ своей смѣшной стороны? И у насъ была пора слезливости, и у насъ было сказано:

. . . . . .

. . . Всѣ наши стихотвѣи
Слезливой лирою прославиться хотятъ,

когда романтизма еще и въ поминѣ не было. Что-же это доказываетъ? Не знаемъ; что̀ будетъ впередь, а теперь не видать еще ни романтическихъ рѣчей, ни романтическихъ сатиръ. Бауръ-Лорміанъ, давно извѣстный *Сатирами трехъ̀ словъ̀* (Mes trois mots), о которыхъ Лебрёнъ сказалъ, что въ этихъ трехъ словахъ сто глупостей (et ses trois mots renferment cent sottises), подражаніями своими Оссіану, переводомъ или, правильнѣе, двумя переводами Освобожденнаго Іерусалима, все таки еще не переведеннаго, опытами на сценѣ трагической, а едва-ли не болѣе эпиграмматическою перестрѣлкою съ Лирикомъ Лебрёнъ, написалъ Сатиру, въ видѣ разговора въ стихахъ: *Классикъ̀ и Романтикъ̀*. Жаль, что не переведутъ его по-Русски для назиданія нашихъ классиковъ. Вся затѣйливость сатиры заключается въ томъ, что Авторъ вложилъ въ уста романтику всѣ слова, которыя по привычному злоупотребленію встрѣчаются въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ новой школы. Вы видите, что и здѣсь, какъ у васъ, промышляютъ ловлею словъ на удочку критики. Это рукодѣлье не трудное и приспособленное къ средствамъ каждаго. Бауръ-Лорміанъ искусный стихотворецъ и должно признаться, что онъ иногда стихами хорошо закаленными стрѣляетъ въ романтика. Забавно, что тутъ досталось бѣднымъ нашимъ Смолянамъ;

въ чужомъ пиру похмѣлье. Классикъ говоритъ романтикамъ :

Mais, puisqu'il faut enfin parler sans raillerie,
Ronsards dégénérés, de quel front, je vous prie
Osez-vous déchirer avec un froid dédain
Le code que Boileau rédigea de sa main ?
Je conçois qu'à Smolensk, à Varsovie, à Prague
De vos croquis grossiers on admire le vague,
Et que le Hollandais, habile connaisseur,
De sa langue en vos chants retrouve la douceur.
Je veux que d'Edimbourg la pesante *Revue*,
Grace à ses rédacteurs d'ignorance pourvue,
Publie en ses cahiers, vendus à vos écrits,
Les extraits que vous-même envoyez de Paris,
Mais que dans ce Paris où triompha Voltaire,
Dans ces murs où des arts la flamme héréditaire
Brule aux pieds des autels à Molière dressés,
On prise encor long-tems vos rêves insensés !
Non : la critique veille et de prés vous menace.
Et que sont vos écrits ? L'opprobre du Parnasse !
Qu'y trouve-t-on ? des mots vides ou boursoufflés,
Tout honteux de se voir l'un à l'autre accouplés ;
De lourds enjambemens, de grotesques lubies,
Des non-sens éternels, des phrases amphibies :
Les objets les plus saints associés toujours
Au récit *néfuleux* de vos fades amours ;
L'amas incohérent de spectres et de charmes,
D'amantes et de croix, de baisers et de larmes,
De vierges, de bourreaux, de vampires hurlans,
De tombes, de bandits, de cadavres sanglans,
De morgues, de charniers, de gibets, de tortures,
Et toutes ces horreurs, ces hideuses peintures,

Que, sous le cauchemar dont il est oppressé
Un malade entrevoit d'épouvante glacé. . . .
Et c'est à la faveur d'un monstrueux système
Que du siècle des arts défiant l'anathème,
Vous croyez sans péril profaner à nos yeux
Tout ce qu'a respecté le goût de vos aïeux?
Ah! nous conserverons, intacte et révérée,
La charte des bons vers, par Despréaux jurée, etc.

Стихи, нѣчего сказать, хороши: журнальные стрѣлки классицизма не бьютъ у васъ такъ мѣтко; но эпиграммы не доказательства. Шутки Вольтера на Шекспира иногда очень забавны, но между тѣмъ Шекспиръ здравствуетъ и едва не царствуетъ. Вотъ что говоритъ Гизо въ критической статьѣ о немъ: »Нынѣ уже »идетъ дѣло не о генія и не о славѣ Шек»спира: никто ихъ не оспориваетъ; важнѣй»шій вопросъ возникнулъ нынѣ, вопросъ о »томъ: система драматическая Шекспира «не лучше-ли системы Вольтеровой?« Впрочемъ классицизмъ и романтизмъ суть только слабые оттѣнки двухъ главныхъ раздѣловъ въ литературномъ мірѣ Франціи. Вспомните вліяніе политики на литературу. Всѣ частные оттѣнки сливаются въ двѣ цѣльныя, яркія черты, размежевавшія, какъ писателей, такъ и всѣхъ Французовъ, на двѣ стороны: лѣвую и правую. Не только Поэзія, Исторія, Романъ, но Искусства Изящныя, Художества, Науки, едва-ли даже и не

точныя, всѣ носятъ, болѣе или менѣе, отпечатокъ того или другаго политическаго исповѣданія. Есть либеральная и есть ультра-роялистская живопись: либерализмъ и ультра-роялизмъ слышатся въ нотахъ музыканта и угадываются въ А + В безстрастнаго математика. Въ Литературѣ замѣчательно, что оппозиціонная партія по мнѣнію политическому, то есть, наслѣдовавшая правила ознаменовавшія политическое преобразованіе Франціи, болѣе придерживается классицизма, то есть стариннаго порядка и напротивъ, оппозиціонная партія по Литературѣ, то есть, нововводители, держится въ политикѣ вѣка Людовика XIV. И такимъ образомъ, по странной игрѣ случая, литературныхъ либераловъ должно искать въ рядахъ политическихъ Тори, а литературныхъ ультра-роялистовъ въ рядахъ политическихъ Виговъ. Французскіе либералы, по излишнему патріотизму, такъ страшатся всякаго чуждаго вліянія у себя, такъ дорожатъ своими правами и вольностями, что не хотятъ и въ литературѣ потерпѣть Англинскаго или Нѣмецкаго помѣстнаго владычества. Есть, безъ сомнѣнія, исключенія въ томъ и другомъ подраздѣленіи и, между прочими, исключенія блистательныя. Гизо, издатель Французскаго перевода Шекспира, Баранть, издатель перевода драматическихъ творенія Шиллера, Бенжаменъ-Констанъ, ко-

шорый, прозаическими стихами перевелъ и сократилъ Трилогію Шиллера, но предисловіемъ, въ прозѣ, исполненной поэзіи и обильной соображеніями новыми и яркими, должны быть почитаемы въ числѣ дѣятельнѣйшихъ побудителей новаго движенія въ Литтературѣ Французской, и также въ другомъ отношеніи извѣстны за твердыхъ поборниковъ новаго преобразованія политическаго. На нихъ, и вообще на всѣхъ споспѣшниковъ литтературнаго переворота, первая и болѣе всѣхъ дѣйствовала Г-жа Сталь: ее можно назвать Лютеромъ Французской Литтературы, а книгу ея: *О Германіи*, Кормчею Книгою Французскаго литтературнаго протестантизма.

Вамъ вѣроятно извѣстны нѣкоторыя пѣсни Беранже, но не всѣ, по той причинѣ, что сей безпечный Анакреонъ сворачается иногда съ пути ко храму славы и *сколько волею, а вдвое того неволею* (какъ говорится въ нашихъ сказкахъ) заходитъ въ шюрьму Св. Пелагіи и тамъ постится за нескромности Музы, не во время откровенной. Но впрочемъ онъ и тамъ *живетъ припѣваючи*, и многія изъ пѣсенъ его, писанныхъ подъ запорами шюремными, также свободны и милы, какъ и прежнія. Вѣроятно, никто изъ современныхъ поэтовъ не пользуется равнымъ съ нимъ расходомъ на свои творенія и по дѣломъ. Беранже не классикъ и не романтикъ, не трагикъ и не

эпикѣ, а просто пѣсельникъ; но притомъ, по дарованію, едва ли не первый поэтъ Франціи. Не разсматривая здѣсь пѣсенъ его въ отношеніи политическомъ, которое до насъ не касается, потому что мы не принадлежимъ министерству, подтвердимъ слова Бенжамена-Констана: »Беранже, думая писать простыя пѣсни, пишетъ оды »возвышенныя.« И въ самомъ дѣлѣ: въ своихъ патріотическихъ пѣсняхъ, онъ отъ шутки вдругъ взлетаетъ до высшей степени отваги лирической; въ нѣжныхъ и эротическихъ куплетахъ онъ изобилуетъ элегическими прелестями и Муза его, увѣнчанная розами и плющемъ, вздыхая сквозь улыбку, наводитъ на васъ радость и уныніе по волѣ; въ куплетахъ сатирическихъ, онъ Ювеналовскими стрѣлами клеймитъ своихъ противниковъ. . .

Вы вѣроятно читали поэму Ламартина: *Послѣдняя пѣснь Чайльдъ-Гарольда*. Въ ней есть нѣсколько хорошихъ отрывковъ и ночная сцена прощанія Чайльдъ-Гарольда начертана живо и поэтически; но все велика смѣлость переродить Байрона въ себя, или себя въ Байрона. Ламартинъ за эту смѣлость и попадинился. По газетамъ знаете вы, что онъ дрался на поединкѣ въ Италіи. Я недавно узналъ, отъ пріѣзжаго изъ Флоренціи, о подробностяхъ этого приключенія. Сообщаю ихъ. Слышу, что мои милыя соотечественницы исписали всѣ альбомы свои стихами изъ Ламар-

шина, а соотечественные поэты всѣ журналы переводами изъ него. Разскажите-же имъ и другимъ, что любимый ихъ Поэтъ не менѣе того и рыцарь безъ страха и безъ упрека. Италіянцы обижались отзывами Французскаго Чайльдъ - Гарольда о упадкѣ ихъ духа, величіи и славы. Долго кипѣло глухое неудовольствіе или не выходило изъ предѣла гостиныхъ сплетней. Наконецъ одинъ Неаполитанецъ, Пене, вѣроятно братъ историческаго лица, распустилъ по обществу ругательное сочиненіе на Поэта: тотъ вызвалъ сей часъ оскорбителя драться на пистолетахъ; но дѣло кончилось на шпагахъ, по настоящельному несогласію Италіянца. Замѣчательно, что сей не могъ между соотечественниками найдти ни одного секунданта себѣ: пріѣхавъ одинъ на мѣсто битвы, принужденъ онъ былъ взять одного изъ трехъ секундантовъ Ламартина. Поэтъ, хотя и слыветъ мастеромъ въ искуствѣ фехтовальномъ, не хотѣлъ пользоваться имъ: наконецъ, легкою раною, полученною имъ въ плечо, битва была прекращена. И послѣ поединка оказалъ онъ благородство своего сердца, ходатайствуя у правительства за соперника, котораго взяли было подъ стражу и хотѣли изъ Тосканіи изгнать, уже изгнаннаго изъ Неаполя. Послѣ того Ламартинъ издалъ въ свѣтъ оправданіе своего Чайльдъ - Гарольда, объясняя, что онъ въ сей Поэмѣ

говорилъ не за себя, а за лицо созданное Байрономъ и слѣдовательно, не долженъ отвѣчать за его мнѣнія. Итальянцы усмирились, но Англичане, коихъ множество во Флоренціи, обидѣлись оправданіемъ и сказали, что Ламартинъ клеплетъ на Байрона. Подите послѣ того, пишите стихи, и вамъ на руки навяжутся всѣ народы.

Баккалавръ Саламанкскій.

(Окончаніе.)

»Мой отецъ, мой отецъ!« вскричала Инеса, »отдайте мнѣ моего отца!«

— Мы отвеземъ васъ къ нему, отвѣчали ей незнакомцы.

»Гдѣ онъ?« спросила Инеса съ живостію.

— Непредвидѣнный случай заставилъ его уѣхать въ Гренаду; но онъ не одинъ: объ немъ заботятся истинные его друзья.

»Съ нимъ ли Г-нъ Де Каррросъ?«

— Можетъ быть: не могу вамъ точно сказать; но я знаю, что Донъ Васкесъ желаетъ васъ видѣть.

»Ведите меня къ нему!« вскричала Инеса нетерпѣливо. Повозка дожидалась у входа; Инеса и спутники ея отправились въ Гренаду. День былъ праздничный; разно-

цвѣтные огни блистали во всемъ городѣ; звукъ барабановъ и военной музыки раздавался по улицамъ. Молодые люди, богато одѣтые, ѣздили верхами, въ сопровожденіи своихъ служителей; народъ, всегда жадный къ удовольствіямъ, тѣснился передъ прозрачными картинами, изображавшими трофеи и славу Испанцовъ. Проводники Инесы ѣхали по темнымъ переулкамъ. Шумная толпа народа, собравшаяся вокругъ музыкантовъ, принудила ихъ остановиться. Одна изъ пѣвицъ подошла къ повозкѣ и Инеса затрепетала, узнавъ въ ней ту самую молодую дѣвушку, которую встрѣтила прежде. Она сдѣлала выразительный знакъ Инесѣ, какъ-бы желая ее предостеречь.

Бѣдная Инеса терялась въ недоумѣніи. Наконецъ повозка остановилась у крыльца великолѣпнаго дома.

»Куда вы меня привезли?« спрашивала Инеса съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Слѣдуйте за нами и вы сей часъ увидите Донъ Васкеса.

Прошедъ длинный рядъ комнатъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ сіяла роскошь, проводникъ вдругъ отворилъ дверь и — Инеса съ ужасомъ увидѣла передъ собою Донъ Амброзіо.

Но возвратимся къ Донъ Васкесу. Въ безпамятствѣ привезли его въ мрачную шем-

нику тайнаго судилища. Здѣсь тягостно и однообразно текло для него время и лишь слабый лучъ солнца, проникающій въ узкое окно темницы, возвѣщалъ ему наступавшій день. Онъ рѣшился спросить объ участи Инесы у тюремнаго сторожа, который изумился, услышавъ человѣческій голосъ въ сей безмолвной могилѣ и не отвѣчалъ ни слова. Несчастный отецъ страдалъ въ неизвѣстности о судьбѣ своей дочери.

Къ сей горести присоединилась другая: мысль о потерянныхъ его трудахъ. Еще нѣсколько времени и онъ достигъ-бы желанной цѣли. Сонъ его былъ возмущаемъ призраками. Основатели таинственной его науки исходили изъ пыльныхъ гробовъ и поощряли его къ новому рвенію; но пробужденіе истребляло всѣ восхитительныя мечты Донъ Васкеса!

Наконецъ, онъ былъ приведенъ передъ судей. Его спрашивали о мѣстѣ рожденія, образѣ жизни, различныхъ отношеніяхъ и мнѣніи, касательно религіи. Донъ Васкесъ отвѣчалъ просто и откровенно. Великій Инквизиторъ сказалъ ему, что онъ долженъ строго испытать самого себя и приготовиться къ совершенному признанію. Потомъ отвели его обратно въ тюрьму.

Черезъ нѣсколько времени, темницу его посѣтилъ одинъ изъ членовъ Инквизиціи. Въ продолженіи долгаго разговора,

Инквизиторъ, не смотря на свои хитрыя уловки, не могъ найдти никакой причины къ обвиненію заключеннаго и объявилъ, что на другой день будетъ ему сдѣланъ послѣдній допросъ.

Зала, назначенная для судилища, была обширна и темна; въ одномъ углу ея висѣло Распятіе; по срединѣ стоялъ дубовый столъ, вокругъ котораго садились судьи. По обыкновенію суда, Донъ Васкесъ приведенъ былъ съ обнаженною головою и босыми ногами; его лицо выражало совершенный упадокъ духа.

Великій Инквизиторъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

»Феликсъ де-Васкесъ, урожденецъ Кастильскій! Во имя Св. Церкви требую отъ тебя отвѣтовъ на обвиненіе въ волхованіи! Тебя подозрѣваютъ въ сообществѣ съ злымъ духомъ, изъ алчности къ золоту. Положись на милосердіе святой Инквизиціи и признайся торжественно въ твоихъ грѣхахъ!«

Удивленіе проявилось во взорахъ старца. »Я невиненъ!« отвѣчалъ онъ.

»Какія доказательства имѣешь ты въ своей невинности?«

— Докажите сперва мое преступленіе, спокойно сказалъ Донъ Васкесъ. Вамъ уже извѣстно, что я иноземецъ, всѣми покинутый. Кто-жъ за меня можетъ служить вамъ порукой? Но я думаю, что слово

честнаго человѣка и благороднаго Кастильца должно быть достаточно!

Ведикій Инквизиторъ покачалъ головою и началъ повторять прежніе вопросы, на которые Донъ Васкесъ отвѣчалъ хорошо. Онъ требовалъ, чтобы разсмотрѣли его бумаги, книги и физическіе инструменты.

»Теперь не до нихъ дѣло,« продолжалъ Инквизиторъ, »да сверхъ того намъ достовѣрно извѣстно, что Алхимія есть вредная наука, что она только предлогъ, скрывающій отъ глазъ людей дѣла сатаны!...«

Донъ Васкесъ все терпѣливо сносилъ до сей минуты, но теперь онъ исполнился негодованія, услышавъ, какъ порицаютъ науку, которую чтилъ выше всего. Онъ поднялъ голову, лицо его покрылось живымъ румянцомъ, глаза вспыхнули огнемъ вдохновенія, тихій, прерывающій голосъ постепенно пріобрѣталъ новую силу и наконецъ, какъ громовый отзывъ, началъ выражать краснорѣчивыя слова старца. Невольное изумленіе поразило судей.

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, Инквизиторъ сказалъ ему: »Твои слова доказываютъ энтузіаста и мечтателя: тебя обвиняютъ въ волшебствѣ, а ты отвѣчаешь похвалами своей пагубной наукѣ! Развѣ ты ничего не можешь сказать въ свое оправданіе?«

Старецъ сѣлъ на прежнее мѣсто, не отвѣчая ни слова. Голова его поникла на

грудь, огонь исчезъ въ его взорахъ, лицо покрылось прежнею блѣдностію и во всѣхъ чертахъ отразилось выраженіе спокойствія и терпѣнія.

Допросъ продолжался еще долгое время и наконецъ, вопреки всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, истинѣ и правосудію, несчастный Донъ Васкесъ приговоренъ былъ тайнымъ судилищемъ къ смерти.

Между тѣмъ Инеса находилась въ мучительномъ положеніи. Донъ Амброзіо, казалось, не замѣтилъ сначала ея ужаса. Онъ подошелъ къ ней съ холодною учтивостію и на всѣ вопросы относительно ея отца; отвѣчалъ, что она напрасно безпокоится. Донъ Васкесъ, сказалъ онъ, отлучился по нѣкоторому дѣлу и вскорѣ долженъ воротиться. Потомъ, послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ словъ, Донъ Амброзіо поклонился Инесѣ и вышелъ.

Инеса не знала, что думать. Почтительное обращеніе Донъ Амброзіо останавливало на успѣхъ ея укоризны. Но за чѣмъ она въ его домѣ? Какія сношенія имѣетъ съ нимъ ея отецъ? Вдругъ ужасная мысль ее поразила! Можетъ быть Антоніо встрѣтилъ своего непріятеля . . . раненъ . . . можетъ быть, онъ при концѣ жизни? Вѣрно отецъ ея желалъ въ послѣдній разъ его видѣть! Инеса про-

дела всю ночь въ ужасномъ безпокойствѣ. Она не знала, что начать: спасаться-ли бѣгствомъ или ждать возвращенія своего отца? На другой день, рано поутру, прислали къ ней отъ имени Донъ-Васкеса, который желалъ немедленно ее видѣть.

Инесу привезли въ прекрасный домъ, находившійся на уединенной горѣ, недалеко отъ Гренады. Напрасно искала она глазами предметовъ своей горести: одни незнакомыя лица ее окружали.

Донъ Амброзіо явился и принялъ ее съ одинаковою учтивостію. Инеса нетерпѣливо спрашивала его о своемъ отцѣ. Наконецъ, Донъ Амброзіо съ непріятворнымъ замѣшательствомъ признался ей, что все это была одна только хитрость, сдѣланіе желанія жить всегда вмѣстѣ съ нею, вѣчно любить ее. Онъ вмѣшалъ въ свою рѣчь страстныя выраженія, увѣрялъ въ непоколебимомъ почтеніи, любви и требовалъ взаимной страсти.

»Прекрасная Инеса!« говорилъ онъ, »вы будете здѣсь повелительницей! Малѣйшее желаніе ваше немедленно исполнится! Ни одинъ взглядъ, ни одно слово не причинитъ вамъ никакого неудовольствія!« Онъ прибавилъ, что Донъ Васкесъ, увѣрившись въ безопасности своей дочери, возвратился обратно въ замокъ. Напрасно Инеса бросилась къ ногамъ Донъ Амброзіо, умоляла возвратить ей свободу: онъ отвѣчалъ, что это требованіе пре-

вышаетъ его силы) и просилъ извинить его хитрость, какъ порывъ неукротимой страсти.

Все въ жилищѣ Донъ Амброзіо служило къ очарованію чувствъ; вездѣ являлось сліяніе роскоши съ утонченнымъ вкусомъ: мебели, находящіяся въ комнатѣ Инесы, сіяли лазурью и золотомъ; картины, украшавшія стѣны и статуи разставленныя по угламъ, были произведенія великихъ художниковъ; въ открытыя окна лился ароматическій запахъ апельсинныхъ деревъ: казалось, видишь волшебный замокъ фей! Когда мѣсяцъ выплывалъ изъ за горъ и блѣдные лучи его играли на зеленыхъ листьяхъ, тихая, сладостная музыка отдавалась въ воздухѣ и Инеса слышала голосъ Донъ Амброзіо, въ унылыхъ, нѣжныхъ звукахъ выражавшаго ей свою любовь.

Иногда Андалузскіе танцовщики являлись для ея увеселенія; но сердце Инесы было чуждо всѣхъ радостей, слезы блистали въ ея глазахъ, когда она вспоминала своего отца и скромное жилище, гдѣ столько времени протекала ея жизнь тихо и счастливо.

Въ одинъ вечеръ, когда была она печальнѣе обыкновеннаго, Донъ Амброзіо послалъ за музыкантами, надѣясь разсѣять ея горестныя мысли; но Инеса могла-ли наслаждаться музыкою! Закрывъ лицо руками и склонивъ на грудь

голову; она предавалась горестной задумчивости. Вдругъ знакомый голосъ одной пѣвицы обратилъ ея вниманіе. Инеса подняла глаза и въ крестьянской одеждѣ узнала молодую дѣвушку, которую встрѣчала уже два раза. Взявъ тамбурицъ, среди легкаго и быстраго танца незнакомка приближилась къ Инесѣ и бросила ей маленькую записку.

Танецъ кончился. Инеса осталась одна; она спѣшила взглянуть на записку и прочла слѣдующее:

»Будьте осторожны. Хитрость и вѣроломство окружаютъ васъ. Не вѣрьте Донъ Амброзіо. Положитесь на слово одной изъ его жертвъ. Отецъ вашъ въ тюрьмѣ инквизиціи.«

Трепетъ пробѣжалъ по ея членамъ. Когда вошелъ Донъ Амброзіо, Инеса еще разъ бросилась къ его ногамъ и умоляла спасти своего отца. Донъ Амброзіо пораженъ былъ удивленіемъ, но искусный въ притворствѣ онъ скоро пришелъ въ себя.

»Признаюсь, прекрасная Инеса,« сказалъ онъ, »что мнѣ давно была извѣстна участь Донъ Васкеса; но я не хотѣлъ причинить вамъ безполезной горести, старался о немъ безъ вашего вѣдома и употребилъ все, что отъ меня зависѣло. Еще есть время и я можетъ быть успѣю спасти его. Можетъ быть, самъ я подвергаюсь чрезъ это опасности, но изъ любви къ вамъ, готовъ на все рѣшиться. Скажите,

Инеса, отъ одного слова зависитъ судьба вашего отца спасение, ежели вы любите меня — и мы всѣ будемъ счастливы!«

Тогда узнала Инеса, какъ велико ея бѣдствіе и коварство Донъ-Амброзіо. Съ этой минуты безпредѣльная къ нему ненависть возродилась въ ея сердцѣ. Каждый день онъ говорилъ ей о новыхъ опасностяхъ, угрожающихъ Донъ Васкесу и наконецъ — принесъ списокъ приговоренныхъ къ смерти. Инеса увидѣла въ немъ имя своего отца. Она окаменѣла отъ ужаса.

»Вы видите, Инеса!« сказалъ Донъ Амброзіо, »что судьба его въ вашихъ рукахъ! Одно слово и онъ спасенъ!«

— Удались, чудовище! вскричала Инеса: я не могу тебя видѣть! Ты убійца моего отца! Осмѣлишся-ли еще притворяться? — И горестный вопль выразилъ страданіе души ея.

»Завтра!« вскричалъ съ гнѣвомъ Донъ Амброзіо, »завтра назначенъ роковой день! Завтра ты услышишь погребальный звонъ колокола, призывающій твоего отца на смерть, завтра ты увидишь дымящійся костеръ, и вся жизнь твоя будетъ плачъ и раскаяніе, если откажешся спасти его! Размысли, пока еще есть время!« . . . Съ сими словами онъ оставилъ Инесу.

— Или нѣтъ небеснаго правосудія! нѣтъ на землѣ помощи? воскликнула Инеса. Она

упала въ отчаяніи на колѣна передъ образомъ. Уже темная ночь покрывала землю. Инеса молилась: казалось, ея душа хотѣла вырваться изъ здѣшняго міра горестей и страданій.

Вдругъ тихо отворилась дверь и какая-то женщина, съ закрытымъ лицомъ, вошла осторожно въ комнату. Она сбросила покрывало. Инеса затрепетала отъ радости, узнавъ въ ней свою таинственную покровительницу. Незнакомка, не говоря ни слова, взяла ее за руку и повела вонъ изъ комнаты. Все еще покоилось въ домѣ.

»Куда вы меня ведете?« спросила Инеса, опасаясь новой хитрости.

— Къ свободѣ! — отвѣчала незнакомка.

»Знаете-ли вы хорошо переходы этого дома?«

— Ахъ! слишкомъ! сказала печально молодая дѣвушка. Она отворила дверь, которая привела ихъ на террасу.

— Пойдемте въ Гренаду! сказала незнакомка. Страхъ придавалъ имъ крылья. Уже румяная заря разливалась на горизонтѣ. Около часу находились онѣ въ дорогѣ и Инеса не могла далѣе идти отъ усталости.

»Силы меня оставляютъ« сказала она и оперлась о дерево.

— Еще немного бодрости! вскричала незнакомка, мы выйдемъ сей часъ на

больную дорогу: уже видны башни и колокольни Гренады.

Инеса сдѣлала новое усилiе. Душа ея была исполнена отваги, но тѣло разслаблено горестiю. Она упала въ изнеможенiи на землю. Обопрiтесь о меня, сказала незнакомка, мы пройдемъ въ лѣсъ, гдѣ вы будете въ безопасности. Я вижу ручей: вода подкрѣпитъ ваши силы.

Онѣ пришли въ лѣсъ. Инеса, почти безъ чувствъ, бросилась на траву подлѣ ручья, между тѣмъ какъ молодая дѣвушка прыскала ея лицо водою. Она опамятовалась и въ немногихъ словахъ выразила благодарность своей великодушной любовницѣ.

— Ахъ! отвѣчала незнакомка, я не стою хорошаго мнѣнiя, которое вы обо мнѣ имѣете! Передъ вами несчастная жертва обольщенiй Донъ Амброзiо! Я еще была очень молода, когда покинула для него домъ моихъ родителей. Видите-ли эти голубыя горы? Тамъ провела я дни невинности и счастiя! Теперь нѣтъ у меня на землѣ пристана. Тутъ она отерла слезы и продолжала. Онъ окружилъ меня всѣми наслажденiями нѣги и роскоши, но вскорѣ сердце его измѣнилось, любовь превратилась въ холодное презрѣнiе; онъ меня оставилъ! Стыжусь признаться въ моей слабости: всѣ его вѣроломства не могли изгладить образа его изъ моей души! Я еще люблю его и чувствую, что за него

отдала бы жизнь мою ... Цѣнъ не приписывайте никакого достоинства моему поступку! Я не знаю, что болѣе побудило меня: человѣколюбіе или ревность.

Между тѣмъ ярко и величественно всходило солнце. Вдругъ раздался отдаленный звонъ колокола и горное эхо повторило его звуки. Инеса побѣднѣла, ужасъ объялъ ея чувства; каждый ударъ колокола, казалось, глубоко отзывался въ ея сердцѣ.

»Пойдемъ!« вскричала она, »всякое мгновеніе дорого!«

— »Опомнитесь!« сказала ей спутница, видите-ли эту толпу людей? Кажется, передъ ними Донъ Амброзіо. Такъ! это онъ! Боже мой! Перемѣнимся скорѣе нашими плащами, дайте мнѣ покрывало, возьмите мой плащъ, скройте хорошенько свое лицо, отдайте первому крестьянину свои драгоцѣнные камни, чтобы онъ проводилъ васъ въ Гренаду; я пойду прямо къ горамъ, въ виду Донъ Амброзіо, онъ обманется.

Въ минуту все было сдѣлано и онѣ разстались.

Между тѣмъ смятеніе царствовало въ городѣ. Печальный звонъ колокола соборной церкви былъ предвѣстникомъ ужаснаго зрѣлища. Шумное скопище народа тѣснилось по улицамъ, гдѣ должна была идти процессія; онѣ были наполнены зрителями. На обширной городской площади

воздвигнутъ былъ огромный амфитеатръ. Тутъ должны были прочесть приговоръ обвиненнымъ Инквизиціею. Первыя мѣста зрѣлища назначались для людей знатныхъ и богатыхъ. Невѣроятная испина! Люди жаждутъ видѣть мученія человѣчества болѣе, нежели какой нибудь другой родъ увеселеній! Смотря на нетерпѣливую толпу, на женщинъ въ роскошномъ убранствѣ, можно было подумать, что зрители собрались на какой нибудь турниръ, а не на мѣсто казни! . . .

Медленно тянулась процессія. Впереди несли хоругвь тайнаго судилища; за каждымъ осужденнымъ шли исповѣдникъ и нѣсколько солдатъ; позади ихъ служители церкви: тихіе шаги и поникшіе взоры худо скрывали внутреннее ихъ торжество.

Между тѣмъ, какъ процессія приближалась, толпа упадала предъ нею на землю и среди народнаго шума слышались молитвы священниковъ и пронзительные, дикіе голоса клира.

Блѣдность обвиненныхъ, ихъ блуждающіе взоры и невѣрная поступь ясно выражали страданія, ими претерпѣнныя. На ихъ лицахъ, ознаменованныхъ печатію тѣлесной и душевной муки, можно было прочесть ужасныя тайны судилища.

Между ними находился одинъ старецъ. Его почтенныя черты лица выражали кротость и спокойствіе духа. Всѣ смо-

мрели на него съ невольнымъ участіемъ. »Какое его преступленіе?« спрашивалъ каждый зритель. — Ужаснѣйшее изъ всѣхъ! отвѣчали фанатики: онъ продалъ свою душу сатанѣ! И всѣ отступали отъ него въ трепетѣ, какъ будто одинъ видъ его могъ причинить смерть.

Вдругъ среди безмолвія толпы раздался вопль отчаянія. Блѣдная молодая дѣвушка, съ распущенными волосами, является посреди удивленной толпы. »Мой отецъ! мой отецъ!« вскричала она и слова отразились во всѣхъ сердцахъ, и глаза зрителей наполнились слезами.

Читатели угадаютъ, что старецъ былъ Донъ-Васкесъ. Послѣ горестныхъ усилій, онъ свергнулъ наконецъ съ себя оковы міра и возносился къ созерцанію будущей жизни. Безъ боязни видѣлъ онъ передъ собою вѣчность и шелъ на казнь съ тихою радостію благочестиваго мученика; но голосъ дочери, голосъ милой его Инесы пробудилъ въ душѣ его чувствія здѣшней жизни: слезы потекли изъ его глазъ, колѣна его подогнулись и руки, обремененныя цѣпями, еще разъ приняли въ объятія несчастную дочь! Одни вздохи и горестныя стенанія были ихъ разговоромъ. Процессія остановилась. Удивленные монахи казались встревоженными и самые судьи испытали какое-то невольное чувство, которое *походило* на состраданіе.

Но ничто не могло остановить казни. Стражи оттащили несчастную Инесу отъ отца ея; горестныя рыданія дочери вселяли чувства ужаса и жалости въ сердца народа, но всѣ страшились тайнаго судилища и никто не осмѣливался освободить старца. Вдругъ Инеса видитъ предъ собою Донъ Амброзіо. »Несчастная Инеса!« вскричалъ онъ, »за чѣмъ ты здѣсь?« Потомъ, оборотясь къ своимъ служителямъ, сказалъ холодно: »возьмите эту молодую дѣвушку; я беру ее подъ свое покровительство!«

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнула Инеса, онъ убійца моего отца!

»Возьмите ее!« вскричалъ раздраженный Донъ Амброзіо своимъ служителямъ; но вскорѣ скрывъ свой гнѣвъ, онъ обратился къ изумленнымъ зрителямъ: »Вы видите, друзья мои,« сказалъ онъ, »что эта дѣвушка сумасшедшая; довѣрьте ее мнѣ: я знаю ея родственниковъ и отвезу ее къ нимъ!«

— Если есть еще жалость въ вашихъ сердцахъ, избавьте меня отъ этого чудовища! Я не лишилась разсудка, вскричала Инеса, но блуждающіе взоры противорѣчили ея словамъ.

Стражи Инквизиціи окружили Инесу и повѣрили словамъ Донъ Амброзіо, согласились отдать ему Инесу.

Защищайся, низкій обольститель! вдругъ раздался въ народѣ голосъ. Увидѣли

молодаго человѣка, который шелъ прямо къ Амброзіо. Это былъ Антоніо.

»Схватите его!« сказалъ Амброзіо съ бѣшенствомъ, »онъ соумышленникъ въ злодѣйствахъ волшебника!«

— Извергъ! вскричалъ Де-Каспросъ, бросаясь къ нему. Амброзіо выхватилъ саблю. Испуганная толпа разступилась и начался смертный поединокъ. Вскорѣ Донъ Амброзіо распростерся на землѣ полумертвый; шумныя восклицанія раздались въ народѣ, но помраченные страданіемъ взоры Инесы, представили ей въ Донъ Амброзіо окровавленное тѣло милаго ей Антоніо. . . Смертный ужасъ разлился по ея жиламъ, невнятные звуки излетѣли изъ устъ и она упала безъ памяти. . . .

Нѣсколько дней Инеса едва сохраняла признаки жизни. Наконецъ она открыла глаза, какъ-бы послѣ долговременнаго сна. Прошедшее являлось передъ нею въ неясныхъ, ужасныхъ призракахъ. Но какъ она удивилась, увидѣвъ себя въ великолѣпной комнатѣ, на богатой постелѣ. Взоры ея переносились отъ одного предмета къ другому. Повсюду окружали ее богатыя мебели, картины и разноцвѣтные кристалы. Сладостныя благовонія наполняли воздухъ и журчаніе фонтана сливалось съ гармоническимъ пѣніемъ птицъ. Инеса

страшилась прервать свое молчаніе, воображая себя во власти Амброзіо. Она не вѣрила пробужденію и закрывъ глаза, старалась привесть въ совокупность разстроенныя мысли. Но казнь отца наполнила ужасомъ ея душу. Ей послышались гробовые звуки колоколовъ и пронзительная пѣснь клира! Напрасно она старалась разогнать мрачныя воспоминанія. Вдругъ слышитъ она шепотъ подлѣ своей постели, оборачиваетъ съ трепетомъ голову и видитъ своего отца. «Боже!« вскричала она, »какое чудо совершилось!« Для такихъ минутъ нѣтъ словъ: всѣ чувства сливаются въ одну радость и всѣ страданія бываютъ забыты.

Послѣ первыхъ минутъ неожиданнаго свиданія, Донъ Васкесъ хотѣлъ представить Инесѣ своего друга и избавителя. Онъ вышелъ и вскорѣ возвратился: онъ велъ за руку Антоніо. Инеса не вѣрила своимъ глазамъ; удивленіе, радость и страхъ наполняли ея сердце.

Антоніо, котораго любила Инеса въ бѣдномъ состояніи, былъ сынъ знаменитаго дворянина Валенціи. Онъ вступилъ въ Саламанкскій Университетъ, но вскорѣ увлеченный страстію къ путешествіямъ, оставилъ сей городъ противъ воли своихъ родителей. Въ Гренадѣ Антоніо посвятилъ себя снова наукамъ, надѣясь пріобрѣсть прощеніе разгнѣваннаго отца. Онъ узналъ Инесу и рѣшился испросить у него

дозволеніе на бракъ съ нею. Получивъ прощеніе и согласіе, онъ спѣшилъ возвратиться въ замокъ Донъ Васкеса, но тамъ все было пусто. Напрасно разспрашивалъ онъ объ Инесѣ; глубокая тайна скрывала все, что до нее касалось. Нѣсколько дней провелъ Антоніо въ ужасномъ безпокойствѣ. Наконецъ, въ самый день казни, случай открылъ ему имя Донъ Васкеса въ спискѣ обвиненныхъ. Немедленно побѣжалъ Антоніо къ великому Инквизитору. Не заставъ его дома, устремился онъ на мѣсто казни; остальное извѣстно. Умирающій Амброзіо признался, что онъ былъ причиною несправедливаго обвиненія Донъ Васкеса. Свидѣтельство Антоніо подтверждало его слова. Такимъ образомъ Донъ Васкесъ исторгнутъ былъ изъ среды пламени.

Вскорѣ Антоніо женился на милой своей Инесѣ и вмѣстѣ съ ея отцомъ уѣхалъ въ Валенцію.

Добрый алхимикъ опять принялся тамъ за свою науку. Онъ жаловался иногда на своего зятя, не помогавшаго ему больше въ его важныхъ изысканіяхъ и часто твердилъ, что любовь вредитъ успѣхамъ наукъ. Впрочемъ, спокойно и счастливо жилъ онъ долгое время среди своихъ дѣтей и внучатъ; но къ сожалѣнію,

неумолимая Парка перерѣзала нитъ его жизни въ ту самую минуту, когда онъ нашелъ было философскій камень.

O.

II. СМѢСЬ.

Парижскія моды.

Jaune et noir, rose et noir, bleu et noir sont les couleurs à la mode pour les chapeaux.

Le géranium qui orne les bonnets parés, est communément en velours. Ces bonnets sont, les uns à barbes, les autres tout ronds.

Quelques chapeaux de satin jaune bordés de rouleaux de satin noir et doublés de velours à carreaux, ont pour ornement deux plumets composés de cinq plumes lisses jaunes, montées sur un pied noir de plumes frisées.

Les toques se font communément avec un très-large biais que l'on plisse de façon à rendre la toque beaucoup plus large du haut que du bas. Quelquefois ce biais est de velours à carreaux.

Quelques toques de tissu d'or et soie ponceau sont bouillonnées à gros bouillons; quelques autres sont plissées à plis qui se contrarient.

En grande toilette quelques élégantes portent des bérets de crêpe lisse rose à pois noir. La calote de ces bérets est très-large, toute plate, bordée d'un rouleau de satin, et ornée dans le milieu d'une étoile de satin à pointes noires et couleur de rose.

Malgré l'approche de l'hiver, la mode des canezous continue; on les porte par-dessus des robes de mérinos, et même avec une palatine de poil; ils sont

de mousseline brodée ou de tulle, mais sans manches ni jockeis.

Les bonnets de lingère, en tulle ou en dentelle, que l'on porte le matin en grand négligé, sont ornés d'une couronne en large ruban rayé. Ce ruban tourné en spirale, est placé entre deux volans de dentelle. Une rosette de ruban figure sur le devant; il y en a encore une sur chaque tempe, et une quatrième par derrière.

Желтый съ чернымъ, розовый съ чернымъ, голубой съ чернымъ — вотъ модные цвѣта для шляпокъ. — Нарядные чепчики убираютъ геранiею, сдѣланною изъ бархата. Сіи чепчики бываютъ съ завязками и круглые. — Иногда шляпки изъ желтаго атласа, убранныя рулядками, подбитыми бархатомъ съ квадратами, убираются двумя плюмажами, каждый изъ пяти гладкихъ, желтыхъ перьевъ, въ основаніи коихъ находятся черныя, крученыя перья. — Токи обыкновенно дѣлаются съ косяками, которые складываются такъ, что вверху токъ бываетъ гораздо огромнѣе нежели внизу. Иногда косяки бываютъ изъ бархата съ квадратами. — Нѣкоторые токи изъ золотой ткани и пунцоваго шелку дѣлаются огромными буфами, а нѣкоторые складками, одна другой противоположными. — Въ большой нарядъ иногда надѣваютъ берешы, изъ гладкаго, розоваго крепа, съ чернымъ горошкомъ. Тулья сихъ берешовъ очень обширна, совершенно плоская, окружена атласными рулядками и украшена посрединѣ атласною звѣздою, розоваго цвѣта, съ черными краями. — Не смотря на приближеніе зимы, мода на канзу продолжается. Ихъ дѣлаютъ изъ шишой кисеи или тюля и носятъ сверхъ мериносовыхъ

плашьевъ и даже съ мѣховымъ палантиномъ; но на канъзу не бываетъ ни рукавчиковъ, ни лацкановъ. — Утренніе чепчики, тюлевые и кружевные, въ большомъ *неглиже*, убираютъ вѣнкомъ изъ широкой полосатой ленты. Онъ расположенъ бываетъ *спирально*, между двумя кружевными воланами. Розетка изъ ленты находится напереди чепчика, такія-же розетки по бокамъ (на вискахъ) и четвертая назади чепчика.

Самые неприхотливые щеголи непремѣнно должны *имѣть два туалета*, ежедневно. Поутру фракъ синій или черный, два жилета, въ галстухѣ булавка, съ бриллiантомъ или рубиномъ, золотой лорнетъ на золотой цѣпочкѣ, часы Бреге или Леруа, съ привѣсками. Вечеромъ, темный или сѣрый сертукъ, черный галстухъ; ни часовъ, ни колецъ не надѣваютъ и вмѣсто лорнета долженъ быть карманный пистолетъ, на стальной, вороненой цѣпочкѣ. При выходѣ изъ театра, замѣтили на щеголяхъ плащи, Королевскаго Шотландскаго бархата, съ бѣлымъ подбоемъ. Нѣкоторые изъ плащей бархатныхъ съ атласными полосками стоятъ до 500 франковъ. Ручные экраны дѣлаютъ нынѣ изъ длинныхъ перьевъ, въ видѣ павлинаго хвоста. Ручка ихъ дѣлается изъ розоваго дерева. — Дамы носятъ кресты и ожерелья изъ сердоликовъ, красныхъ и бѣлыхъ, съ золотою обдѣлкою. — Вообще, въ пильбюрѣ и кабріолетахъ, на зиму, внутри низъ обиваютъ медвѣжьимъ мѣхомъ.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Французскія моды.* Бархатная шляпка, убранная атласомъ, лентами и кистями изъ перьевъ. Гроденаплевый реденготъ, убранный атласомъ. Бархатная пелеринка.

2. *Англинскія моды.* Нарядное платье голубаго крепа, попелиновый плащъ *Леди Каннингъ*, подбитый плюшемъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Путешествіе Англинскаго флота Капитана Кохрена, пѣшкомъ, изъ Петербурга въ Камчатку.

(Продолженіе.)

На другой день по прибытіи моемъ въ Нижній-Колымскъ, во время завтрака у Барона Врангеля, я получилъ въ подарокъ двѣ мерзлыя рыбы, каждую вѣсомъ въ два квинтала (5 пудъ). Вскорѣ потомъ принесли мнѣ *парку* или кожаный реденготъ, подбитый куницами, мѣховые панталоны, шапку, теплые мѣховые сапоги и наконецъ, медвѣжью кожу, заячье одѣяло и мѣховыя перчатки. Жители старались снабдить меня всѣмъ, что мнѣ было нужно. Баронъ Врангель далъ мнѣ также полный нарядъ и я могъ свободно прогуливаться и презирать стужу.

Въ это время дѣлались приготовленія для экспедиціи: собирали собакъ, сани, проводниковъ и съѣстные запасы. Опъ-

ѣздъ предполагаемъ былъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, по двумъ различнымъ направленіямъ. Одна часть экспедиціи назначалась для опредѣленія долготы и широты Сѣверо-Восточнаго мыса Азіи; другая часть должна была отправиться отъ Колымы прямо къ Сѣверу, для открытія твердой земли, которая, какъ полагали многіе, соединяется съ твердою землею Америки. Я ни мало не медля предложилъ начальнику экспедиціи свои услуги; но онѣ не были приняты, къ величайшему моему сожалѣнію, ибо для сего должно мнѣ было имѣть особенное позволеніе отъ высшаго правительства. Такимъ образомъ надежды мои участвовать въ трудахъ и опасностяхъ экспедиціи разрушились и я рѣшился идти одинъ къ Берингову проливу, черезъ землю Чукчей и потомъ постараться переплыть изъ Азіи въ Америку. Для сего остался я на нѣкоторое время въ Нижне-Колымскѣ.

Два мѣсяца, Январь и Февраль, прожилъ я здѣсь довольно пріятно. Я привелъ въ порядокъ мой журналъ, сдѣлалъ нѣсколько наблюденій широты и долготы мѣста, бралъ читать книги у Барона Врангеля. Иногда мы всѣ участвовали въ забавахъ туземцовъ, присутствовали на ихъ праздникахъ, которые бывали у нихъ довольно часто и на которыхъ обыкновенно употребляли они очень много крѣпкихъ напитковъ. Катанье съ ледя-

ныхъ горъ составляетъ любимую забаву здѣшнихъ жителей; я никогда не пропускалъ случая присоединяться къ симъ катаньямъ. Со мною сажали иногда одну, иногда двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя не боялись ввѣряться въ этомъ родѣ гимнастическихъ упражненій.

Погода въ Январѣ и Февралѣ была очень холодна, но холодъ никогда не доходилъ до такой степени, чтобы мѣшалъ нашимъ прогулкамъ, развѣ только тогда, какъ бывалъ при немъ вѣтеръ: десять или пятнадцать градусовъ холода при вѣтрѣ были гораздо чувствительнѣе, нежели сорокъ градусовъ при тихой погодѣ. Однакожъ, мнѣ нѣсколько разъ случалось вставать съ постели, и безъ чулокъ, въ однихъ только башмакахъ и въ простомъ сертукѣ, стоя на холодѣ, восхищаться сѣвернымъ сіяніемъ.

Въ доказательство, что я не увеличиваю стужи въ сей широтѣ, ссылаюсь на донесеніе экспедиціи Биллингса и Адмирала Сарычева: они говорятъ, что при нихъ стужа часто доходила до 45° ниже нуля, по Реомюрову термометру. Я не замѣтилъ стужи ниже 42°; но видѣлъ собраніе наблюденій одного жителя Якутскаго, гдѣ стужа иногда простиралась до 47° ниже нуля по Реомюру, или до 84° по Фаренгейту.

Колыма, находящаяся подъ 70° Восточной Азіи, холоднѣе нежели островъ

Мельвиля, находящійся въ центрѣ полярныхъ земель Америки. Въ Охотскѣ, Ижигинскѣ, Якутскѣ, Томскѣ и Тобольскѣ также холодно, какъ при устьяхъ Лены, Яны и Колымы. Въ Иркутскѣ, лежащемъ почти въ одинакой широтѣ съ Лондономъ, ежегодно бываютъ морозы въ 40°. Я не замѣтилъ однакожь здѣсь шума во время дыханія, о которомъ писали другіе, равно не видалъ и другихъ странныхъ явленій холода. Я видѣлъ только, что топоры трескаются и разлетаются въ куски, и испыталъ, что кожа пристаетъ къ желѣзу отъ прикосновенія.

Нижній-Колымскъ можетъ назваться большимъ городомъ для сей части Сибири, ибо въ немъ находится до 400 жителей, то есть втрое болѣе, нежели сколько находится во всей странѣ, отдѣляющей его отъ Якутска. Городъ построенъ на одномъ изъ острововъ Колымы, имѣющемъ восемь миль въ длину; здѣсь растутъ только кустарники: дрова для города доставляются по рѣкѣ; о земледѣліи не льзя и подумать въ такой странѣ, гдѣ не растетъ ни одной былинки травы. Если здѣсь на нѣсколько дней останавливаются лошади, то ихъ кормятъ мохомъ, корою и листьями кустарниковъ. Однакожь въ городѣ содержатъ двухъ коровъ, но сѣно для нихъ доставляютъ за 80 миль.

Жители состоятъ по большой части изъ казаковъ, мѣлочныхъ торговцовъ и

священниковъ, также производящихъ нѣкоторую торговлю. Священниковъ сихъ трое и они братья. Желая отлучиться на три недѣли, они въ одно воскресенье служатъ по три обѣдни (?) и это засчитывается ими на слѣдующія.

Зимою, жители возятъ лѣсъ, ходятъ на звѣриную ловлю и занимаются торговлею. Весною и осенью они занимаются звѣриною и рыбною ловлею, а лѣтомъ строятъ жилища; женщины шьютъ перчатки, сапоги, шапки и башмаки. Главное занятіе здѣсь состоитъ въ рыбной ловлѣ; ею занимаются вообще мущины, женщины, дѣти и собаки. Рыбы ловится чрезвычайное множество. Отъ Нижне-Колымска до *Малона* (Омолона?) разстоянія 80 миль. Между сихъ двухъ мѣстъ, коихъ соединенное народонаселеніе простирается до 600 человѣкъ, въ годъ потребляется два милліона фунтовъ рыбы, что составитъ ежедневнаго потребленія для каждаго семейства, изъ пяти человѣкъ состоящаго, по 40 фунтовъ. Правда, что и собакъ здѣсь очень много и что имъ даютъ въ рабочіе дни по десяти сельдей каждой. Считаютъ, что восемь сотъ собакъ, въ теченіе шести мѣсяцовъ съѣдаютъ ежедневно по четыре тысячи фунтовъ рыбы; на другіе-же шесть мѣсяцовъ онѣ сами себѣ добываютъ пищу по берегамъ рѣкъ и озеръ. Безъ такого множества собакъ, въ Нижне-Колымскѣ сдѣлалась-бы, можетъ

быть, моровая язва; но онѣ пожираютъ всѣ нечистоты, накопляющіяся въ улицахъ.

Я уже сказалъ о чрезвычайномъ количествѣ рыбы. Семга здѣсь превосходная, сельдей много, равно какъ осетровъ и стерлядей, доставляющихъ икру. Есть сорты рыбъ, которые даютъ только собакамъ, а сами жители употребляютъ ихъ только во время голода. Въ 1812 и 1819 былъ здѣсь дѣйствительно голодъ. Собаки умирали и жители ѣли ихъ. Замѣчаютъ, что когда не бываетъ рыбы, въ то время чрезвычайное изобиліе лосей и крупной дичины, и на оборотъ; но жители здѣшніе лѣнивы для ловли дикихъ звѣрей и довольствуются только рыбою. Осетрину для сбереженія сушатъ, и тогда называютъ ее *юкола*. Вообще-же рыбу ѣдятъ сырую.

Мѣха были прежде гораздо въ большемъ изобиліи, нежели нынѣ. Ясакъ ежегодно простирался до пяти тысячъ куницъ, а теперь онъ не возвышается и до пяти сотъ. Куницы находятся только близъ лѣсовъ; но лисицъ бѣлыхъ, голубыхъ и красныхъ еще весьма много по близости моря. Рѣчныя выдры находятся въ рѣкѣ Выдрѣ. Лоси, олени и аргалы (или дикіе бараны) попадаются теперь весьма рѣдко. Только Юкагиры ловятъ сихъ звѣрей между рѣками Анюсами. Дичины здѣсь много: лебеди, гуси, утки, бекасы вездѣ находятся въ изобиліи. Если-бы возможно было имѣть средства для соленія, то Колымскъ былъ-

бы всегда снабженъ съѣстными припасами; но излишекъ рыбы одного года пропадаетъ для другаго. Что касается до климата, то его не льзя почитать здоровымъ: проказа и скорбутъ здѣсь весьма обыкновенныя болѣзни

Сѣверныя сіянія показались мнѣ не столь великолѣпны, какъ я ихъ воображалъ себѣ. Говорятъ, что яснѣйшія сѣверныя сіянія бываютъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ. Замѣченное мною представляло огненные столбы, шедшіе отъ Сѣвера къ Юго-Западу, гдѣ они исчезали. Возвышеніе ихъ было отъ 50 до 60 градусовъ. Иногда обширное пространство, освѣщенное отъ Сѣвера къ Востоку, бросало лучи свѣта и огненные фонтаны, какъ въ искуственномъ фейерверкѣ. Составлялись также большія дуги, въ которыхъ видны были всѣ цвѣта радуги. Иногда явленіе показывалось столь близкимъ, что казалось, намъ должно было ощущать отъ него теплоту. Прекраснѣйшее явленіе видѣлъ я 1 го Марша, въ полночь. Свѣтъ распространился по всему горизонту, до высоты 28 или 30 градусовъ. Термометръ стоялъ на 36 градусахъ ниже нуля. Свѣтъ возвышался почти до зенита, гдѣ и исчезъ. Представьте себѣ палатку, столь же обширную, какъ горизонтъ и украшенную пламенными фестонами, въ коихъ огонь, казалось, безпрестанно возобновлялся изъ основанія. Сіяніе сего явленія уменьшалось по мѣрѣ

приближенія къ вышинѣ, то есть, зениту. Зрѣлище продолжалось два часа, но термометръ не измѣнялся замѣтнымъ образомъ.

Баронъ Врангель съ товарищами отправился въ путь 27 го Февраля. Я провожалъ ихъ около десяти миль по рѣкѣ. Марта 4 го я выѣхалъ изъ Колымска съ Г. Матюшкинымъ и нѣсколькими купцами, у которыхъ поклажа на саняхъ состояла изъ табаку и желѣзныхъ издѣлій. Время было прекрасное и морозъ только въ 25°; но едва проѣхали мы 15 миль, какъ принуждены были остановиться на берегу озера, отъ невозможности проложить дорогу по снѣгу. Я провелъ ночь довольно хорошо; но товарищъ мой много потерпѣлъ отъ того, что не взялъ необходимыхъ предосторожностей. На другой день проѣзжали мы черезъ сосновый лѣсъ. Сани наши катились съ непонятною быстротою. При спускахъ намъ часто случалось задѣвать за деревья. Каждыя сани запряжены были тринадцатью собаками. Такимъ образомъ проѣхали мы 35 миль и остановились въ юртѣ, гдѣ провели ночь спокойно, на берегу рукава рѣки Аніоса, потока быстраго и опаснаго. Здѣсь должно было намъ ѣхать по землѣ болѣе возвышенной. Мы обогнали сани, на коихъ ѣхали купцы; веселый видъ сихъ людей показывалъ надежду, подобную той, какую можно видѣть на лицахъ Лондонскихъ или

Амстердамскихъ купцовъ наканунѣ большой ярмарки. Сланцовыя горы находятся по берегамъ рѣки. Теченіе сего потока и видъ острововъ довольно разнообразны.

Потомки Юкагировъ обитаютъ въ сей странѣ и отдѣляютъ Рускихъ отъ Чуичей. Прежде Юкагиры составляли многочисленный и страшный народъ. Покорить ихъ было трудно. Императрица Екатерина запретила говорить ихъ языкомъ. Юкагиры не существуютъ теперь отдѣльнымъ поколѣніемъ: они почти соединились съ Рускими и составляютъ прекраснѣйшее поколѣніе изъ виденныхъ мною въ Сибири. Мущины очень стройны и мужественнаго вида; женщины красивы. Трудно сказать, какого происхожденія сей народъ.

На третій день достигли мы до обитаемой юрты. Въ ней нашли многихъ купцовъ, насъ ожидавшихъ. Рѣка столь быстра, что не во всѣхъ мѣстахъ покрыта ровнымъ льдомъ. Черезъ рѣку находился только одинъ переходъ, отъ пяти до шести футовъ шириною и притомъ очень скользкій, а потому надобно было большое усиліе, чтобы переѣхать черезъ него въ саняхъ. Два купца, попытавшіеся переѣхать, упали въ воду и съ великимъ трудомъ могли спастись. Лѣсъ по берегамъ рѣки растетъ въ изобиліи, хотя корни не углубляются въ землю болѣе двадцати дюймовъ.

Въ Сердакѣ видѣлъ я въ другой разъ двойное солнце и двойную луну, со столбами по обѣимъ сторонамъ, въ равномъ разстояніи; но явленіе сіе было не столь блистательно, какъ иногда бываетъ: это приписывали тому, что погода сдѣлалась теплѣе.

Въ восьмой день достигли мы крѣпости, находящейся въ пятидесяти миляхъ отъ Колымска. Положеніе ея довольно живописно: лѣтомъ долженъ быть здѣсь прекрасный видъ. Въ ней живетъ около двухъ-сотъ человѣкъ, въ двадцати юртахъ; есть также обширное деревянное строеніе, которое, впрочемъ, не способно для защиты. Сія такъ называемая крѣпость построена на островѣ и окружена горами.

Жителей по берегамъ сей рѣки немного; они питаются рыбною и звѣриною ловлею. Рыбы здѣсь не очень изобильно и голодъ бываетъ періодическій. Лосей, оленей и дикихъ барановъ гораздо менѣе съ того времени, какъ начали селиться и ловить ихъ.

Мы расположились въ небольшой Юкагирской юртѣ. Насъ посѣтилъ Чукча. Онъ вошелъ съ закуренною трубкою, сѣлъ не говоря ни слова на скамейку и докуривши свою трубку, ушелъ, не показавъ даже и вида, что онъ насъ замѣтилъ.

По прибытіи коммисара, ярмарка началась принятіемъ двухъ дикихъ началь-

никовъ Чукотскихъ въ христіанскую вѣру. Они пріѣхали на саняхъ, хорошо украшенныхъ, запряженныхъ двумя оленями; за ними слѣдовало около двадцати подобныхъ саней. По прибытіи сей процессіи къ большому магазину, въ которомъ жертвенникъ и образа были приготовлены, священникъ приступилъ къ крещенію двухъ начальниковъ, ихъ женъ и дѣтей. Они всѣ должны были погружаться въ большой чанъ воды. При окончаніи церемоніи надѣли на нихъ большіе кресты, послѣ чего имъ подарили довольно табаку.

Мы отправились къ коммисару, который сдѣлалъ обыкновенное объявленіе, что продажа не прежде начнется, когда сдѣланы уже будутъ приношенія въ казну. Тогда выступили главнѣйшіе купцы и отдали коммисару лисьи шкуры. Имена ихъ и цѣна приношеній были внесены въ особенную книгу. Коммисаръ вручилъ потомъ двумъ окрещеннымъ начальникамъ по медали и по небольшой саблѣ, прочитавши имъ письмо, въ которомъ будто-бы содержится воля правительства въ отношеніи ихъ достоинства. Сіи два начальника были очень довольны, весьма прославились и вскорѣ потомъ напились пьяны.

Коммисаръ, оборотясь потомъ къ Чукчамъ, сказалъ имъ, что Императоръ, услышавъ о посѣщеніи ихъ береговъ двумя иностранными кораблями, желаетъ знать,

какому народу принадлежатъ сіи корабли и для развѣданія о семъ назначилъ двухъ переводчиковъ. Онъ сказалъ имъ, что я говорю разными языками приморскихъ народовъ и что потому Императоръ желаетъ, чтобы мнѣ, какъ одному изъ первыхъ переводчиковъ Имперіи, оказываемы были вездѣ услуги и уваженіе. Когда коммисаръ кончилъ рѣчь, то одинъ изъ Чукчей сказалъ, что его народъ не имѣетъ надобности въ переводчикѣ и не хочетъ меня принимать. Этотъ лаконическій отвѣтъ привелъ насъ въ немалое замѣшательство. Другой начальникъ говорилъ въ такомъ-же смыслѣ. Потомъ они совѣтовались между собою и наконецъ сказали, что если Императоръ желаетъ послать двухъ переводчиковъ къ Берингову проливу, то они не могутъ отказать имъ въ путевыхъ издержкахъ. Издержки сіи, говорили они, будутъ стоить пятьдесятъ кипъ табаку, то есть, около пятидесяти центнеровъ. Къ сему прибавили они, что Императоръ очень богатъ и конечно въ состояніи сдѣлать такой небольшой подарокъ, располагая притомъ богатствомъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Они замѣтили также, что я самъ былъ-бы слишкомъ бѣдный переводчикъ, если-бы не въ состояніи былъ выплатить имъ требуемаго. Одинъ изъ нихъ изъявилъ свое сомнѣніе, точно-ли я Императорскій переводчикъ, ибо я не знаю по-Русски. Я замѣтилъ,

говорилъ онъ, что вашъ казакъ отдаетъ отчетъ Г-ну Матюшкину, а что сей послѣдній передаетъ мнѣ слова на языкѣ неизвѣстномъ. Не было никакого средства опровергать слова Чукчи. Зачѣмъ-же намъ такого переводчика, прибавили они, который не знаетъ ни по-Русски, ни по-нашему? И такъ должно было мнѣ оставить надежду, идти далѣе. Корыстолюбіе Чукчей поставило непреоборимое препятствіе моему намѣренію.

На другой день мы съ Г. Матюшкинымъ осматривали таборъ Чукчей. Онъ состоялъ только изъ шести палатокъ, трехъ большихъ и трехъ маленькихъ. Въ послѣднихъ помѣщались три начальника. Не льзя было вообразить себѣ ничего неопрятнѣе и отвратительнѣе внутренности большихъ палатокъ; напротивъ того маленькія были чисты и теплы, хотя для нагрѣванія ихъ была только одна лампа, а холодъ былъ въ 35 градусовъ. Длиною онѣ 8 футовъ, шириною 5 и въ вышину 3 фута. Все семейство лежало въ постелѣ изъ оленьихъ кожъ, подъ одѣяломъ изъ бѣлыхъ лисицъ. Палатка сдѣлана была изъ двойныхъ кожъ, шерстью вверхъ. Мы вошли въ одну изъ сихъ палатокъ и начальникъ приказалъ своей дочери приготовить для насъ оленьяго мяса. Она, девяти-лѣтній ребенокъ, совершенно нагая, жарила мясо внѣ палатки, не взирая на жестокую стужу. Мы отвѣдали кушанья

изъ учтивости; но я сократилъ посѣщеніе, отъ того что мнѣ было душно въ палаткѣ Чукотской и я задыхался отъ дурнаго запаха. Начальникъ или *Тоіонъ*, казалось, оскорбился скорымъ моимъ уходомъ, и приписывалъ это тому, что онъ вчера воспрепятствовалъ моему намѣренію проникнуть въ ихъ землю. Домашній скарбъ Чукчей состоитъ изъ большаго котла, ножа, деревянныхъ чашекъ и ложекъ, желѣзнаго топора, огнива и кремня.

Получивши понятіе о ихъ образѣ жизни, я возвратился въ крѣпость, въ саняхъ, запряженныхъ двумя оленями; проводникомъ былъ одинъ изъ начальниковъ. Они употребляютъ ременныя вожжи и длинный кнутъ, на концѣ котораго привязанъ моржовый зубъ. Имъ бьютъ по спинѣ оленей. Должно отдать справедливость Чукчамъ за поступки ихъ какъ съ сими животными, такъ равно и съ собаками: они почитаютъ ихъ товарищами трудовъ своихъ.

По возвращеніи нашемъ увидѣли мы, что торгъ на ярмаркѣ уже начался; послѣ того коммисаръ объявилъ условія, пошлины и наказанія на случай обмановъ. Чукчи, по обыкновенію своему, заранѣе старались узнать о количествѣ табаку, привезеннаго на ярмарку. Для сего входятъ они въ тѣ мѣста, гдѣ лежатъ запасы табаку и однимъ взглядомъ очень вѣрно узнаютъ вѣсъ сего товара. По этому назнача-

ютъ они свои цѣны и упорно придерживаются ихъ. Они съ самаго утра прибыли къ рѣкѣ, гдѣ составили полукругъ, выставляя на саняхъ своихъ продажные мѣха свои. Рускіе складываютъ свои связки табаку въ полукругѣ и по одиначкѣ осматриваютъ сани, освѣдомляясь о цѣнахъ черезъ переводчика. Русскій купецъ часто возитъ кипу свою, фунтовъ въ 200, по нѣскольку часовъ, прежде нежели можетъ заключить торгъ. Нѣкоторые купцы бываютъ старшинами, для наблюденія за исполненіемъ условій. Если откриваютъ обманъ, товаръ конфискуется, а виновный не можетъ уже болѣе быть допущенъ къ торгу. Особенно имѣютъ надзоръ надъ тѣмъ, чтобы не было обмана въ вѣсѣ, отъ смачиванія товара или отъ вкладываемыхъ внутрь онаго камней.

Любопытно видѣть, какъ начинаются торги всякое утро, послѣ даннаго знака. Чукчи неподвижно сидятъ въ своихъ саняхъ, засучивъ рукава и сложивъ руки крестообразно на груди, для защиты себя отъ холода. Рускіе напротивъ того дѣятельно суетятся во внутренности полукруга. Котлы, чугуны, топоры, сабли, ножи переносятся связками отъ однихъ саней къ другимъ. Священники, офицеры, казаки, женщины и дѣти предлагаютъ Чукчамъ свои товары, изъ коихъ табакъ почитается всегда главнымъ. Бубенчики, трубочки и корольки, употреб-

ляются ихъ женщинами для наряда. Рускіе охотно берутъ отъ Чукчей свѣжее оленье мясо Я видѣлъ, что кожи и зубы моржей продавались также довольно скоро; но медвѣжьихъ, волчьихъ и оленьихъ шкуръ мало было въ продажѣ. Двое Рускихъ, родные братья, въ наказаніе за то, что продавали ниже объявленной таксы, посажены были въ тюрьму до окончанія ярмарки. На третій день дѣла производились съ большею дѣятельностію. Правила были оставлены и начиная отъ коммисара, его секретаря и священника, до послѣдняго казака, всякій старался подорвать торгъ своего сосѣда. Я никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы мѣлкія выгоды могли производить столько ревности другъ противъ друга.

Чукчи большіе знатоки въ табакѣ. Вотъ какъ они испытываютъ его качества: берутъ листъ, раздавливаютъ его на рукѣ, и если выходитъ немного влажности, то это признакъ что табакъ былъ намоченъ. О крѣпости табаку судятъ они по упругости листа, который долженъ тотчасъ получать опять толстоту свою, если онъ хорошаго качества. Для вида ярмарка продолжается семь дней, но дѣйствительно только три дни, въ которые бываютъ торги нѣсколько значительные. Только въ пятый день стали предлагать на продажу водку и Чукчи начали тогда показывать мѣха черныхъ и

бурыхъ лисицъ, которыхъ они до сего времени прятали; но вообще они цѣнили ихъ очень высоко и много увезли обратно, говоря, что въ заливѣ Св. Лаврентія, куда пристаютъ по временамъ разные корабли, они могутъ купить табакъ дешевле.

Коммисаръ, его секретарь и казакъ производили столь дѣятельную торговлю, что для настоящихъ купцовъ мало оставалось дѣла. Весьма трудно искоренить подобныя злоупотребленія; Баронъ Врангель употреблялъ для сего всѣ силы; но по отъѣздѣ его тотчасъ всѣ дѣла пошли по прежнему.

По окончаніи ярмарки я приготовился къ возвращенію въ Нижній-Колымскъ. Я изъявилъ мою благодарность почтенному моему Юкагирскому хозяину. Съ нимъ провелъ я время очень пріятно. Онъ хорошо игралъ въ шашки и мы съ нимъ часто игрывали. Это было для меня новымъ случаемъ къ замѣчанію, что нѣтъ никакой разницы въ ходѣ шашекъ у различныхъ народовъ. Я игралъ съ Якутами, Тунгузами и Юкагирами. Чукчи смѣялись надо мною, видя что я занимаюсь дѣтскою игрою. Коряки и Чукчи не знаютъ сей игры, между тѣмъ какъ Камчадалы къ ней пристрастны; изъ сего можно подозрѣвать, что два первые народа не Азіятскаго происхожденія: ибо всѣ народы Азіятскаго происхожденія любятъ шашки.

По чертамъ Юкагировъ я заключаю, что они Татарскаго поколѣнія, но отъ смѣшенія сдѣлались Рускими. На ярмаркѣ было два или три человѣка Чуанзовъ (Chuanse), народа плашящаго подать Россіи и обитающаго между обѣими Аніюсами и Анадыромъ. Черты лица у нихъ Азіятскія.

Вообще на ярмаркѣ, которая нынѣшній годъ почиталась хорошею, было двѣсти пятьдесятъ саней, запряженныхъ пятью стами оленей; шестьдесятъ восемь мущинъ, шестьдесятъ женщинъ и пятьдесятъ шесть дѣтей Чукочь. Каждый олень можетъ везти четыре пуда. Животныя сіи, бывающія на ярмаркѣ, возвращаются только до рѣки Чаона. Оттуда Чукчи берутъ оленей, на которыхъ пріѣзжаютъ отъ залива Св. Лавренція. Путешествіе ихъ простираетсл почти на 500 миль, для чего потребно имъ отъ 70 до 90 дней.

На ярмаркѣ было три начальника Чукотскихъ. Первый начальствуетъ надъ поколѣніями, обитающими по берегамъ рѣкъ Чаоны, Паклы, Квапы и въ землѣ около Шалагскаго носа; второй начальствуетъ надъ жителями Бѣло-Морскими отъ Сѣвернаго мыса до губы Клашени; третій управляетъ жителями Чукотскаго носа, отъ Восточнаго мыса до залива Св. Лавренція.

Жители перваго отдѣленія составляютъ народъ кочующій. Они питаются оленями на которыхъ ѣздятъ въ саняхъ, отъ рѣки Чаона до ярмарки, гдѣ продаютъ моржовые зубы. Жители втораго отдѣленія питаются звѣриною и рыбною ловлею. Жители третьяго отдѣленія народъ торгующій; они разводятъ оленей для перевозовъ отъ залива Св. Лаврентія до рѣки Чаоны. Есть еще четвертое отдѣленіе Чукчей, живущихъ по берегамъ Анадыра, которые питаются оленями и занимаются торговлею. Начальники ихъ живутъ въ 50 или 60 миляхъ одинъ отъ другаго и по берегу морскому имѣютъ между собою сношенія.

Они величаютъ себя независимыми, но при всемъ томъ они данники Россіи и съ великою точностію выполняютъ подати, которыя впрочемъ не важны. Полагаютъ, что все число Чукчей не болѣе пяти тысячъ. Киргузы почитаются многочисленнѣе; но такъ какъ Чукчи не умѣютъ считать болѣе ста, то извѣстія ихъ очень не достовѣрны. Всѣ сіи поколѣнія говорятъ нарѣчіями одного языка, но нарѣчія сіи столь грубы, что послѣ трехъ дней ярмарки у переводчика обыкновенно болитъ горло.

Начальники Чукчей называются *Toiонами*, такжe какъ и начальники Американскіе. Изъ разговоровъ моихъ съ ними я понялъ, что они не имѣютъ никакого

преданія о существованіи земли, лежа
щей отъ нихъ къ сѣверу. Они сказали
мнѣ, что въ теченіи десяти мѣсяцовъ
море бываетъ покрыто льдомъ, и что
кромѣ ледяныхъ горъ ничего не льзя ви
дѣть; что въ Августѣ и Сентябрѣ ледъ
таетъ, но никогда не растаиваетъ до
такой степени, чтобы корабли могли
плавать. Чукчи сказывали мнѣ также,
что многочисленныя стада оленей пере-
ходятъ отъ одного мыса къ другому, но
что они никогда не приходятъ изъ земли,
которая лежала-бы отъ нихъ далѣе къ
Сѣверу. На сѣверной сторонѣ есть об-
ширная губа, въ которую впадаютъ рѣки
Чаонъ и Пакла. Въ сей губѣ находятся
два острова, изъ коихъ на одномъ водит-
ся множество моржей, а на другомъ въ
изобиліи растетъ мохъ для оленей. На
семъ послѣднемъ островѣ во весь годъ жи-
вутъ нѣсколько человѣкъ, которые вос-
питываютъ оленей или ловятъ ихъ и
отсылаютъ мясо на ярмарку. Еще сказы-
вали мнѣ, что на половинѣ дороги отъ
моря есть цѣпь кремнистыхъ горъ. Во-
обще вся сія страна гориста; олени, ве-
зущіе поклажу отъ залива Св. Лавреніія,
должны слѣдовать по морскому берегу до
устья рѣки Паклы, поворачивая потомъ
къ Юго-Западу, вмѣсто сѣверо-западна-
го направленія, по которому до того слѣ-
дуютъ.

Заливъ Св. Лаврентія, единственное мѣсто, гдѣ могутъ приставать корабли, изобилуетъ рыбою. Чукчи не имѣютъ никакихъ преданій о происхожденіи своемъ. Они ни слова не понимаютъ изъ языка Татарскаго и ихъ языкъ не имѣетъ никакого отношенія къ языкамъ Азіятскимъ, хотя Коряки его понимаютъ.

Черты, обычаи и нравы Чукчей, показываютъ происхожденіе Американское. Они брѣютъ себѣ голову и расписываютъ кожу, носятъ большія серги, имѣютъ характеръ независимый. Одежда ихъ такая-же какъ у Эскимосовъ; нѣкоторыя слова языка ихъ общи съ сими послѣдними и съ другими племенами Америки

Чукчи цвѣтомъ бѣлы; черты ихъ мужественны. Они грубаго и дикаго обращенія, сложенія крѣпкаго и живутъ долго. Два начальника, видѣнные мною, были старѣе 70 лѣтъ: такъ они считаютъ по числу сдѣланныхъ ими путешествій. Они не пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ, кажутся смѣлыми, подозрительными и вспыльчивыми, но честны въ торговлѣ, хотя очень стараются о барышахъ. Имѣя дѣло съ Рускими, простые Чукчи входятъ въ жилище въ шапкѣ, не говоря никому ни слова, берутъ что имъ нужно и уходятъ не поблагодаривши хозяина. Напротивъ того, начальники ихъ стараются быть учтивыми и обращаются ласково.

Чукчи народъ промышленый и искусный въ своихъ заняшіяхъ. Это можно замѣтить изъ хорошаго построенія, правильности и чистоты ихъ саней, палатокъ и украшеній. Они не знаютъ никакой вѣры, не имѣютъ богослуженія; но очень уважаютъ людей, почитаемыхъ колдунами. Мужъ имѣетъ власть надъ жизнью своихъ женъ, которыхъ можетъ имѣть до пяти. Никакой путешественникъ никогда не посѣщалъ земли ихъ. Но если-бъ былъ я довольно богатъ и могъ дать то, что съ меня требовали, я могъ-бы быть допущенъ въ ихъ землю. Это доказываетъ, что въ другомъ случаѣ можно будетъ послать кого нибудь для изслѣдованія сей негостепріимной страны. Тому, кто будетъ назначенъ въ сію посылку, совѣтую я имѣть величайшія предосторожности въ сношеніяхъ своихъ съ жителями: они подозрительны и ревнивы; но если они даютъ слово съ осторожностію, то исполняютъ его съ величайшею точностію. Должно, чтобы путешественникъ приготовился къ величайшимъ трудностямъ, чтобы онъ былъ способенъ все путешествіе сдѣлать пѣшкомъ, наконецъ, чтобы онъ былъ высокаго роста и дороденъ, ибо дикари сіи уважаютъ людей только съ такими качествами.

Если у Чукчей недостаетъ дровъ, что случается очень часто, то они мясо и рыбу ѣдятъ сырыя. Мозгъ изъ оленьихъ

костей предпочитаютъ они всему. Мясо сего животнаго превосходно и занимаетъ среднее мѣсто между говядиной и бараниной. Чукчи охотно пьютъ чай и очень любятъ сахаръ; но шабакъ предпочитаютъ всему: они его курятъ, жуютъ, нюхаютъ и — ѣдятъ; дѣти отъ девяти до десяти лѣтъ кладутъ уже листъ шабаку въ ротъ и жуютъ его даже въ то время, когда обѣдаютъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Discours sur les révolutions de la surface du globe etc. — Разсужденіе о перемѣнахъ земной поверхности и измѣненіяхъ, произведенныхъ ими въ царствѣ животныхъ. Соч. Барона Кювье. *Третье изданіе.* Парижъ. 1825 г. in 8. 400 стр.

(Окончаніе.)

Г. Кювье приступаетъ къ разсмотрѣнію того года памятниковъ, которые еще за нѣсколько лѣтъ передъ симъ возбуждали живѣйшее любопытство. Это планисферы, изваянныя на Египетскихъ храмахъ, въ раздѣленіи которыхъ думали видѣть опредѣленное отношеніе съ извѣстнымъ состояніемъ неба, зависящимъ отъ предваренія равноденствія (de la précession des équinoxes). Это первое предположеніе утвердило-бы другое, то есть, что состояніе неба, изображенное на сихъ памятникахъ,

есть то самое, которое было во время их созиданія. Г. Кювье показываетъ, что всѣ изложенныя мнѣнія по сему предмету получили мнимую достовѣрность отъ четырехъ или пяти гипотезъ, которыя сами имѣли нужду въ утвержденіи на предварительныхъ указаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, значительность, какую приписывали фигурамъ, составляющимъ сіи изображенія, порядку, въ какомъ онѣ помѣщены, точкамъ, показывающимъ ихъ раздѣленіе и положеніе равноденственныхъ круговъ и поворотовъ солнца, первыя обстоятельства въ подобномъ разсмотрѣніи взяты были совсѣмъ не отъ самыхъ изображеній и слѣдовательно состояніе неба въ какой нибудь точкѣ равноденственнаго періода узнавали по догадкамъ, болѣе или менѣе остроумнымъ и по предположеніямъ, болѣе, или менѣе вѣроятнымъ. И если-бы опредѣленіе было точнѣе, то все еще оставалось-бы неопредѣленнымъ, дѣйствительно-ли хотѣли означить время, когда изваяна была планисфера, когда построенъ храмъ, или какую нибудь любопытную для религіи эпоху, не смотря на то, непосредственно ли ее наблюдали или вывели сущность ея по возвратному исчисленію. Планисфера Денгерагская, два зодіака Эснескіе и многочисленные, уважаемые труды, предметомъ коихъ были въ послѣднее время сіи произведенія ваянія, постепенно проходятъ передъ глазами Г. Кювье, который, отдавая всю справедливость талантамъ трудившихся по сему случаю, руководствуется соображеніями совершенно отрицательными даже къ тому мнѣнію, которое многіе ученые почитали

самымъ вѣроятнымъ (*). И онъ видитъ въ сихъ памятникахъ, почитаемыхъ свидѣтельствами глубокой древности, созданія астрологическія, совершенно частныя, не гораздо новѣйшія, сравнительно, означающія *признакъ* времени ихъ воздвиженія или времени того государя, котораго имя на нихъ начертано или другое время, въ отношеніи къ которому состояніе солнца казалось способнымъ замѣчанія.

Сама сфера и особенно та изъ ея частей, гдѣ особенно назначены различныя точки солнечнаго пути, многими писателями были почитаемы, сами по себѣ, памятникомъ особеннаго рода, и начало его, если-бы можно было его назначить, дало-бы средства найдти народъ, которому обязаны первыми началами Астрономія, и время, гдѣ она возникла. Къ несчастію, въ этомъ случаѣ, существеннымъ обстоятельствомъ было узнать климатъ того мѣста, гдѣ изобрѣтенъ зодіакъ, дабы съ нѣкоторою достовѣрностію опредѣлить эмблематическое значеніе знаковъ, его составляющихъ. Пусть говорятъ что Овенъ означаетъ солнце, начинающее возвышаться и слѣдовательно равноденствіе весны; Ракъ лѣтній поворотъ солнца; Козерогъ, ползающее животное, зимній поворотъ солнца, или точку, отъ которой солнце восходитъ къ нашей половинѣ шара — но не льзя отрицать и того, что сіи значенія и всѣ другія, какія хотѣли придать симъ самымъ знакамъ, безъ достовѣрныхъ подтвержденій, очень произвольны.

(*) *Notice sur le zodiaque de Denderah*, par M. Saint-Martin, 1822, p. 38. — *Observ. crit et archéol. sur les représent. zodiacales*, par M. Letronne, 1824, p. 82.

Одни Вѣсы, знакъ равенства дня и ночи, кажется, ясно означаютъ одно изъ равноденствій, но, смотря потому, которое предпочтутъ, весеннее или осеннее, а на это нѣтъ необходимаго выбора, начало сего знака можетъ быть приближено или удалено на половину равноденственнаго періода или на тринадцать тысячь годовъ. Сіи предположенія и всѣ другія, какія были примѣняемы къ сему, не таковы, чтобы умъ, подобный Г-ну Кювье, вздумалъ принять ихъ основаніемъ своихъ размышленій. Онъ только противопоставляетъ имъ сомнѣнія, которыя съ полнымъ правомъ можно излагать о сей матеріи: не могли-ли фигуры и имена зодіакальныхъ созвѣздій быть даны безъ всякаго отношенія къ солнечному пути, что заставляетъ думать ихъ неравенство, растяженіе многихъ изъ сихъ созвѣздій и явное ихъ соотношеніе съ ближайшими созвѣздіями? Не могутъ-ли быть примѣнены сіи имена отвлеченнымъ образомъ къ раздѣленіямъ пространства и времени, какъ то нынѣ дѣлаютъ астрономы въ отношеніи къ тому, что называется у нихъ: *знаки*, и не было-ли это приписано къ кучамъ звѣздъ по случайно-опредѣленной эпохѣ, такъ, что изъ ихъ значенія ничего не льзя заключить? »Этого довольно,« говоритъ Г. Кювье, »для отвращенія твердаго ума отъ изысканій въ Астрономіи доказательствъ древности народовъ.«

Вообще всѣ историческія соображенія Г. Кювье, которыя онъ почелъ нужнымъ собрать въ подкрѣпленіе своего изложенія о не-древнемъ началѣ материковъ, изъ большаго числа вопросовъ, о которыхъ разсуждаетъ онъ, но которыхъ намъ не льзя было даже означить, многіе могутъ быть еще разсматри-

ваемы людьми, увѣренными въ идеяхъ, противныхъ тѣмъ, какими руководствовался Авторъ. Опроверженія, устремляемыя имъ противъ достовѣрности древнихъ преданій, не всѣ могутъ оставаться безъ отвѣта и, можетъ быть, имъ можно противопоставить то общее замѣчаніе, что воспоминанія восточныхъ народовъ, не исключая даже Индійцовъ, всего чаще были намъ передаваемы посредниками, которые не могли черпать изъ источниковъ, потому что не знали языковъ тѣхъ народовъ, которыхъ вопрошали о ихъ древности. Порицатели могутъ всегда оспоривать у насъ право опредѣлительно говорить въ отношеніи къ сочиненіямъ, которыхъ не льзя читать и подлинники которыхъ погибли за много вѣковъ до насъ, говорить на вѣру нѣсколькихъ извлеченій, случайно избѣгнувшихъ истребленія и переписанныхъ малосвѣдущими писателями. Но конечно было-бы ложно заключать, что противорѣчіе, устремленное противъ одной или даже многихъ частей сего ученаго разбирательства, могло поколебать основательность послѣдствія, водвореніе котораго важно. Въ существѣ, сіи изысканія о состояніи Исторіи у древнихъ народовъ, началѣ Астрономіи и изобрѣтеніи сферы, не прямо касаются настоящаго предложенія, которое состоитъ въ узнаніи, могутъ-ли преданія человѣческія позволить удалить на неопредѣленное время эпоху, въ которую физическое состояніе земнаго шара позволило людямъ основаться въ обществахъ? Какую-бы сторону ни приняли вразсужденіи побочныхъ вопросовъ, но не льзя не согласиться съ Г. Кювье, что нынѣ не существуетъ никакого преданія истинно-историческаго, никакого па-

мятника, никакого слѣда, котораго древность могла бы противорѣчить съ малѣйшимъ признакомъ основательности выводамъ, извлеченнымъ имъ изъ естественныхъ феноменовъ, о эпохѣ, когда верхніе слои земли приняли свою нынѣшнюю форму.

Согласіе, замѣчаемое въ семъ отношеніи, конечно чрезвычайно поразительно; но есть еще и другое обстоятельство, раскрытое Г-мъ Кювье съ большимъ тщаніемъ: это преданіе, сохранившееся у всѣхъ народовъ, о великой гибели, потопѣ, котораго описаніе у многихъ изъ нихъ являетъ знаки поразительнаго тождества. Повѣствованіе о семъ происшествіи обезображено баснями у многихъ народовъ, которые узнали его не прямо отъ Моисея. За всѣмъ тѣмъ, одно изъ назначеній времени Огигейскому потопу такъ согласуется со временемъ Ноева потопа, [что почти непремѣнно оно должно быть взято изъ одного съ симъ послѣднимъ источника. Платонъ, упоминая о потопѣ, кажется, имѣлъ въ виду одно общее, единственное, всемірное событіе. Индійцы возводятъ почти до пяти тысячь лѣтъ назадъ послѣднее изъ послѣдовательныхъ разрушеній, претерпѣнныхъ земнымъ шаромъ. Въ Китаѣ, потопъ полагается почти въ туже эпоху какъ и у насъ. Множество потоповъ, о которыхъ упоминается въ частныхъ преданіяхъ различныхъ народовъ Греціи, кажется Г-ну Кювье новымъ доказательствомъ сего воспоминанія, соединеннаго съ достопамятнымъ происшествіемъ, потому что, въ своей идеѣ — пусть всѣ сіи преданія будутъ измѣнены болѣе или менѣе — эта разность означенія времени становится обстоятельствомъ постороннимъ. Наконецъ, даже Американцы, въ грубыхъ гіероглиф-

фахъ, кажется, сохранили нѣкоторые слѣды о потопѣ: и у нихъ есть свой Ной или Девкаліонъ, также какъ у Индійцовъ, Вавилонянъ и Грековъ. Вотъ почему Г. Кювье думаетъ, что если есть нѣчто положительное въ Исторіи нашей планеты, то это одно то, что поверхность ея была жертвою великаго и внезапнаго переворота, время котораго не можетъ быть многимъ далѣе пяти или шести тысячь лѣтъ; что сей переворотъ истребилъ страны, въ которыхъ обитали люди и роды животныхъ, нынѣ самые извѣстные; что напротивъ онъ осушилъ глубину тѣхъ морей, которыхъ не знали дна, и образовалъ изъ нея страны, гдѣ обитаетъ нынѣ родъ человѣческій. Но сіи страны еще прежде были обитаемы, если не людьми, то по крайней мѣрѣ земными животными, слѣдовательно предшествовавшій переворотъ увлекъ ихъ по меньшей мѣрѣ подъ воду, и если можно судить о томъ по различнымъ порядкамъ животныхъ, которыхъ находятъ остатки, они претерпѣли можетъ быть два или три вскипѣнія моря. Сіи переходы составляютъ геологическую задачу, любопытнѣйшую для точнаго опредѣленія, потому что для рѣшенія ея, говоритъ Г. Кювье, надобно открыть причину сихъ происшествій, а это предпріятіе имѣетъ совсѣмъ другія затрудненія.

Правильное послѣдованіе органическихъ существъ, которыхъ остатки находятся во второй степени осѣдовъ, сіе удивительное собраніе зоофитовъ и неизвѣстныхъ морскихъ моллюсковъ, послѣдуемыхъ гадами и рыбами прѣсной воды, также неизвѣстными, за которыми въ свою очередь идутъ другіе зоофиты и моллюски, болѣе сход-

ные съ нынѣшними; сіи земныя животныя, моллюски и прочія животныя прѣсной воды, всегда неизвѣстныя, которыя одно послѣ другаго занимаютъ мѣсто какъ-бы для того, чтобъ опять быть вышѣснѣнными, но уже моллюсками и другими животными, подобными нашимъ морскимъ животнымъ; отношенія всѣхъ сихъ разнообразныхъ существъ къ растеніямъ, которыя въ своихъ остаткахъ сопутствуютъ имъ, и нѣчто общее между сими двумя царствами съ минеральными кряжами, ихъ скрывающими; большее или меньшее однообразіе тѣхъ и другихъ въ различныхъ впадинахъ, ограниченность сихъ впадинъ въ странахъ доступныхъ нашимъ изысканіямъ: вотъ рядъ феноменовъ, которые громко вызываютъ вниманіе философовъ, которые обратили на себя живое вниманіе Г-на Кювье, и онъ представляетъ ихъ естествоиспытателямъ, какъ могущіе удовольствовать самое пылкое воображеніе и въ то-же время дающіе средство достигнуть выводовъ болѣе опредѣленныхъ и менѣе произвольныхъ, чѣмъ другія части Геологіи.

Исторія сихъ перемѣнъ, начертанная Броньяромъ для Парижскаго углубленія, ведетъ насъ до мѣла, а его прошяженіе на земномъ шарѣ несравненно болѣе прошивъ другихъ составныхъ частей сего-же углубленія. Мѣлъ, который почитали столь недавно составившимся, принадлежитъ къ вѣкамъ предпослѣдняго возраста: онъ составляетъ родъ границы между землями второй степени и землями новѣйшими, которымъ можно дать названіе третье-степенныхъ. Въ сихъ послѣднихъ опять должно отличать многіе ярусы или послѣдователь-

ныя образованія: самые верхніе кряжи, называемые наплавы (*diluvium*), суть слои ила и глинистаго песку, перемѣшанные съ камешникомъ и наполненные костями земныхъ животныхъ, по большой части неизвѣстныхъ или по крайней мѣрѣ чужеземныхъ. Сіи наплавы, кажется, покрыли всѣ долины и наполнили дно всѣхъ пещеръ и всѣ трещины въ скалахъ, куда только могли достигнуть. Подъ ними находятся земли, попеременно наполненныя произведеніями прѣсной воды и соленой, которыя показываютъ вскипѣнія и слитіе моря; мергель и жерновные камни, наполненные морскими раковинами; точильные камни, известковые, въ которыхъ всѣ раковины суть морскія; гипсовыя земли Монмартра, гдѣ открыты цѣлые ряды земныхъ животныхъ, которыхъ нигдѣ болѣе не замѣчено даже и слѣдовъ; известковые слои, изъ которыхъ выстроены Парижскія зданія и гдѣ нашли болѣе восьми сотъ породъ раковинъ, безъ исключенія морскихъ; земля прѣсной воды съ большими кряжами окаменѣлыхъ деревъ и костей, которыя — замѣчательное явленіе! — принадлежатъ не млекопитающимъ, но гадамъ, крокодиламъ и черепахамъ; наконецъ мѣлъ, на безмѣрное пространство образовавшійся по своей толщинѣ и протяженію, и снова являющійся въ Помераніи и въ Польшѣ, но въ Парижѣ образующій какъ-бы большой кругъ или углубленіе, въ которомъ содержатся всѣ исчисленныя нами земли.

Къ сему описанію кряжей, одинъ на другомъ лежащихъ въ Парижскомъ углубленіи, Г. Кювье присовокупляетъ нѣкоторыя, болѣе общія замѣчанія, и именно чрезвычайно любопытную картину, начертанную Г-мъ Гумбольдтомъ, для показанія

всѣхъ геологическихъ образованій въ ихъ постепенно возвышающемся порядкѣ, отъ первыхъ наносовъ, составленныхъ рѣками на извѣстномъ пространствѣ, до граница, который есть общее основаніе, на которомъ лежатъ всѣ другіе кряжи. Послѣ сего ему оставалось представить плодъ собственныхъ своихъ изысканій и онъ исполняетъ это въ обратномъ тому порядкѣ, какому слѣдовалъ въ исчисленіи земель, то есть, онъ начинаетъ самыми низменными кряжами, гдѣ находятся остатки древнѣйшихъ животныхъ. Представляемъ, въ самомъ краткомъ видѣ то, что кажется всего поразительнѣе въ этомъ хронологическомъ повѣствованіи особеннаго рода, важномъ и благородномъ слѣдствіи неусыпныхъ изысканій и страстныхъ изученій одного изъ величайшихъ естествоиспытателей.

Зоофиты, моллюски и нѣкоторыя изъ черепокожныхъ начинаютъ являться съ раздѣляющихся земель; можетъ быть, даже тамъ есть кости и скелеты рыбъ, но нѣтъ ни малѣйшаго слѣда животныхъ обитающихъ на сухой землѣ и дышущихъ естественнымъ воздухомъ.

Большіе кряжи каменнаго уголья и пней пальмъ и папоротника, которыхъ признаки сохраняются въ сихъ кряжахъ и предполагаютъ уже сухую землю и прозябеніе на воздухѣ; но еще совсѣмъ нѣтъ костей животныхъ четвероногихъ, ни даже раждающихся изъ яйца.

Нѣсколько выше, въ смолистомъ сланцѣ, являются первые признаки четвероногихъ и — чрезвычайно замѣчательное обстоятельство — это гады изъ семейства ящерицъ, нынѣ находимыхъ въ прѣсныхъ водахъ жаркаго пояса. Въ Тюрин-

генѣ нашли сіи остатки смѣшанными съ костями рыбъ, которыя, кажется, жили также въ прѣсной водѣ.

Выше сего находится известковый кряжъ, называемый *Альпы*, и на немъ, раковинная скала, наполненная множествомъ энтрохитовъ и энхринитовъ, составляющая основаніе большой части Германіи и Лотарингіи; въ ней нашли остовъ чрезвычайно-огромной черепахи, которой верхній черепъ, кажется, былъ отъ шести до восьми футовъ вдлину, и другое четвероногое яйцеродящее, изъ семейства ящерицъ, также очень большое.

Переходя песчаные слои, въ которыхъ видны только отпечатки крупнаго тростника, бамбука, пальмъ и другихъ односѣменодольныхъ растеній, достигаютъ до различныхъ слоевъ известковаго кряжа, составляющаго главное основаніе цѣпи горъ Юры. Тамъ, классъ гадовъ вдругъ принимаетъ полное развитіе и являетъ свои разнообразныя формы и свой гигантскій размѣръ. У четырехъ родовъ ящерицъ, названныхъ ichthyosaurus, видны примѣты четвероногихъ яйцеродящихъ, голова продолговатая и заостренное рыло, вооруженное коническими остроконечными зубами, большіе глаза, которыхъ роговая плена усилена составляющими четыреугольникъ косточками хребетъ съ плоскими позвонками, вогнутыми на обѣ стороны какъ у рыбъ и четыре плавательныхъ пера, наподобіе китовыхъ. Сіи гады жили въ морѣ и могли пресмыкаться по землѣ наподобіе тюленей; однакожь они дышали упругимъ воздухомъ. Другой родъ, называемый plesiosaurus, кажется, былъ еще отвратительнѣе: у него была шея тонкая и столь-же длинная,

какъ и шѣло, составленная болѣе нежели изъ тридцати позвонковъ, поднимающихся вверхъ отъ туловища какъ у змѣи и оканчивающихся небольшою головою ящерицы. Найдено пять родовъ сего страннаго животнаго, котораго формы могли-бы оправдать, по мнѣнію Г-на Кювье, то, что разсказывали о гидрахъ, столь часто изображаемыхъ на памятникахъ среднихъ вѣковъ. Съ нимъ жили многіе роды крокодиловъ, аммонитовъ, теребратулъ, другихъ раковинъ древнихъ морей, и еще одно животное, справедливо названное *megalosaurus*, ибо съ формами ящерицы оно было семидесяти футовъ въ длину: это была ящерица, столь-же большая какъ кашъ. Одинъ родъ сего животнаго нашли въ сихъ известковыхъ сланцахъ Франконіи, столь извѣстныхъ съ того времени, какъ ихъ начали употреблять для литографіи.

Въ сихъ-же сланцахъ находятся многіе роды животнаго, различной величины, называемаго *pterodactyle*, пресмыкающагося, съ длинною шеею, съ продолговатымъ рыломъ, вооруженнымъ острыми зубами. Это животное ходило на высокихъ ногахъ, при которыхъ была, кажется, перепонка, которая могла поддерживать его на воздухѣ. Одни изъ сихъ животныхъ, которыхъ видъ нынѣ ужаснулъ-бы всѣхъ, могли быть величиною съ дрозда, другіе величины обыкновенной летучей мыши.

Среди всѣхъ сихъ столь необыкновенныхъ родовъ животныхъ, показываются, какъ говорятъ, небольшіе млекопитающіе изъ семейства двуутробокъ, или изъ семейства питающихся насѣкомыми. Это кажется сомнительнымъ Г-ну Кювье, который за-

мѣчаетъ, что еще долго послѣ сего находящій классъ гадовъ исключительно главнымъ.

Въ мѣлу и сроднымъ ему образованіяхъ находятъ, съ морскими черепахами и раковинами, другую большую ящерицу, въ двадцать пять футовъ по крайней мѣрѣ, которую назвали *mosasaurus*. Въ грубомъ известнякѣ являются кости морскихъ млекопитающихъ, неизвѣстныхъ дельфиновъ, моржей, морскихъ коровъ. Въ слѣдующихъ за симъ слояхъ начинаютъ показываться тѣ роды земныхъ млекопитающихъ, познаніе которыхъ можетъ быть причислено къ прекраснѣйшимъ открытіямъ Г-на Кювье — это населеніе животныхъ, столь замѣчательное множествомъ и разнообразіемъ нѣкоторыхъ родовъ *пахидермовъ*, которыхъ совсѣмъ нѣтъ между четвероногими нашего времени и которые приближаются болѣе или менѣе къ тапирамъ, носорогамъ и верблюдамъ, *палеоверіоны*, *лофіодоны*, *анапловеріоны*, *анараковеріоны*, *херопотамы*, *адаписы*.

Гипсовыя ямы близъ Парижа заключаютъ въ себѣ семь родовъ палеоверіоновъ: три найдено въ каменоломнѣ одного парка. Во Франціи считается двѣнадцать родовъ лофіодоновъ. Въ одно время съ пахидермами и жующими жвачку жили плотоядныя и хищныя животныя, многіе роды птицъ, крокодиловъ, черепахъ прѣсной воды, летучихъ мышей, лисица, отличная отъ извѣстныхъ намъ, и небольшая двуутробка, близкая къ мышеобразному роду сихъ животныхъ. Г. Кювье, во все время продолжительныхъ своихъ изысканій, не встрѣтилъ ни одной кости, ни одного зуба обезьяны или лемура. Озера прѣсной воды, вокругъ ко-

ихъ жили упомянутыя животныя, питали еще нѣкоторыхъ рыбъ и раковинъ, столь-же чуждыхъ нашему климату и столь-же неизвѣстныхъ въ нынѣшнихъ водахъ какъ палеоверіоны и другія, современныя имъ четвероногія. Справедливо полагаютъ, что въ то время, когда существовали всѣ сіи пахидермы, земной шаръ представлялъ имъ для обитанія только небольшое число долинъ, столь плодоносныхъ, что они могли въ нихъ размножаться, и что, можетъ быть, сіи долины были острова, отдѣленные довольно большими пространствами отъ горъ, болѣе возвышенныхъ, гдѣ не замѣтно, чтобы сіи животныя оставили слѣды. Растенія, покрывавшія сіи немногочисленныя земли, были пальмы и много другихъ прелестныхъ растеній, которыя произрастаютъ нынѣ только въ жаркихъ странахъ.

Но море, покрывшее сіи земли и истребившее животныхъ, оставило великіе залоги, и нынѣ составляющіе основаніе нашихъ большихъ долинъ. Къ симъ-то безмолвнымъ залогамъ относитъ Г. Кювье нѣкоторыхъ китовъ, очень похожихъ на нынѣшнихъ, и именно кита, котораго голова была найдена въ самой Парижской окружности, и новый родъ, сходный съ кашалотами.

По сбытіи моря явилось новое населеніе животныхъ: за палеоверіонами и другими странными породами животныхъ первобытнаго времени, слѣдовали опять гигантскіе пахидермы, слоны, носороги, иппопотамы, безчисленное множество лошадей, многія огромныя, жующія жвачку, и плотоядныя животныя, въ величину льва, тигра, гіенны. Вообще сіи животныя, даже на берегахъ Ледовитаго моря, были сходны съ нынѣшними жи-

лошными жаркаго пояса и между тѣмъ ни одинъ родъ не былъ совершенно одинаковъ съ нынѣшнимъ, ему соотвѣтствующимъ.

Маммутъ, столь славный между древними пахидермами, былъ слонъ, отъ пятнадцати до восьмнадцати футовъ въ вышину, покрытый грубою, рыжею шерстью и длинными, жесткими и черными волосами, которые образовывали у него гриву вдоль спины. Тысячи труповъ сего животнаго остались отъ Испаніи до береговъ Сибирскихъ и въ Сѣверной Америкѣ: слѣдовательно, оно было по обѣимъ сторонамъ океана, если только океанъ существовалъ тогда тамъ-же, гдѣ нынѣ существуетъ. Клыки маммута столь хорошо сохранились въ холодныхъ странахъ, что ихъ употребляютъ точно также какъ свѣжую слоновую кость. Маммутовъ, которые оставались оледенѣлыми послѣ ближайшаго къ намъ переворота на земномъ шарѣ, нашли съ мясомъ, кожею и шерстью. Мастодонтъ, похожій на слона и вооруженный, подобно ему, огромными клыками, былъ ниже на ногахъ. Увѣряютъ, что найденъ его желудокъ, еще наполненный раздробленными въ куски вѣтвями деревъ. Съ сими двумя огромными пахидермами существовали два рода гипопотамовъ, изъ коихъ одинъ въ величину кабана, три двурогихъ носорога, разсѣянныхъ въ Германіи, Англіи и до береговъ Ледовитаго моря, а четвертый родъ, болѣе рѣдкій, величиною немного огромнѣе свиньи; тапиръ, равный большимъ пахидермамъ, слѣдовательно вдвое или втрое болѣе огромный противъ Американскаго тапира; олень, величиною превосходящій лося, и много другихъ родовъ жующихъ жвачку животныхъ: между ними замѣча-

шельнѣйшій есть родъ лани, нынѣ живущей въ льдистыхъ климатахъ Сѣвера, и между тѣмъ кости ея смѣшаны съ костями единороговъ сей эпохи.

Но всего болѣе въ семействѣ беззубыхъ сіи животныя предпослѣдней эпохи становятся гораздо огромнѣе нынѣшнихъ, имъ сородныхъ. Таковы были: магаверіонъ, подходящій къ браненосцу и тихоходу, но равный огромнѣйшимъ носорогамъ; мегалониксъ и одно животное изъ рода беззубыхъ, которое долженствовало быть, заключая по составамъ перстовъ съ когтями, коротконохвостымъ ящеромъ двадцати четырехъ футовъ вдлину.

Многіе роды медвѣдей, гіенна, два тигра, волкъ, лисица, россомаха, ласточки (звѣри), еноты и другія небольшія плотоядныя, дополняютъ сіе странное, въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, соединеніе животныхъ, которымъ подобныя живутъ нынѣ въ столь отдаленныхъ климатахъ, каковы Мысъ Доброй Надежды, отечество пестрыхъ гіенъ и Лапландія, нынѣшнее обиталище россомахъ. Въ пещерѣ, недавно открытой въ Англіи, нашли огромныя кучи костей гіенъ всѣхъ возрастовъ и смѣшанныя кости слоновъ, гиппопотамовъ, носороговъ, лошадей, быковъ, оленей, на которыхъ еще видны ясно знаки зубовъ гіенны Какова должна быть земля Англіи, спрашиваетъ Г Кювье, когда сіи огромныя животныя были добычею свирѣпыхъ звѣрей?

Здѣсь Авторъ возобновляетъ главное замѣчаніе, уже упомянутое нами: что между костями тѣхъ животныхъ, которыя составляли населеніе твердыхъ земель въ непосредственно нашему времени предшествовавшій вѣкъ, нѣтъ ни одного четверорукаго животнаго и ни одного человѣка. Гдѣ-же

былъ въ то время родъ человѣческій? Существовало-ли гдѣ нибудь это послѣднее, совершеннѣйшее твореніе Создателя? Животныя, нынѣ сопутствующія ему на земномъ шарѣ и которыхъ совсѣмъ нѣтъ слѣдовъ между окаменѣлостями, окружали-ли его и тогда? Не поглощены-ли тѣ земли, на которыхъ онъ обитаетъ съ ними, и напротивъ другія, на коихъ онъ живетъ нынѣ, гдѣ великій потопъ могъ истребить сіе древнее населеніе, не были-ли осушены? Вотъ нѣкоторые вопросы: на нихъ не льзя отвѣчать однимъ только изученіемъ окаменѣлостей.

По крайней мѣрѣ то достовѣрно, говоритъ Г. Кювье, что мы живемъ, по меньшей мѣрѣ, среди четвертаго поколѣнія земныхъ животныхъ; что послѣ вѣка гадовъ, послѣ вѣковъ палеоеріоновъ, маммутовъ, мастодонтовъ и мегаеріоновъ настадъ вѣкъ рода человѣческаго, вспомоществуемаго нѣкоторыми домашними животными, — и онъ спокойно господствуетъ и населяетъ землю; что наконецъ, только въ земляхъ, образовавшихся послѣ сей эпохи, въ наносахъ, въ шурфѣ находятъ въ окаменѣломъ состояніи кости, принадлежащіе извѣстнымъ, нынѣ существующимъ животнымъ: таковы скелеты человѣческіе въ Гваделупѣ, запавшіе въ известковыя ямы вмѣстѣ съ раковинами земными и окружающаго моря, таковы кости быка, оленя, дикой козы, бобра, обыкновенно попадающіяся въ турфнякахъ и всѣ кости людей и домашнихъ животныхъ, заваленныхъ въ остаткахъ рѣкъ. Ни одна изъ сихъ находокъ не принадлежитъ ни къ великому залогу послѣдняго переворота, ни къ предшествовавшему ему въ первобытныхъ вѣкахъ.

Такимъ-то образомъ, посредствомъ чрезвычайно любопытныхъ соображеній, ученый Авторъ приготовляетъ насъ къ подробному описанію, относительно Анатоміи и Геологіи, всѣхъ костей окаменѣлыхъ четвероногихъ, донынѣ найденныхъ. Мы не коснемся описанія сего обширнаго и важнаго памятника: довольствуемся тѣмъ, что представили нашимъ читателямъ легкій очеркъ портика, который служитъ къ нему входомъ. Мы стали-бы извиняться за длинноту сихъ извлеченій; но никогда такое множество любопытныхъ событій, новыхъ наблюденій и глубокихъ взглядовъ не было изложено столь кратко и въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ. Можно сказать, что въ семъ Разсужденіи не льзя вычеркнуть ни одного слова, и все что мы принуждены были исключать для сокращенія, необходимо уменьшило ясность мыслей, основательность выводовъ, силу и связь умствованій Автора. За всѣмъ тѣмъ, стараясь во всѣхъ важнѣйшихъ мѣстахъ употреблять собственныя его выраженія, думаемъ, что мы не совсѣмъ измѣнили его мысль и не вовсе не исполнили возложенную на себя обязанность: дать отчетъ о подобномъ твореніи.

Въ концѣ разсмотрѣннаго нами сочиненія, въ изданіи in 8, находится Разсужденіе о Ибисѣ: мы полагаемъ, что оно довольно извѣстно. Г. Кювье собралъ въ немъ все, что оставлено намъ древними авторами въ описаніяхъ вида и привычекъ сей славной птицы: онъ сравнилъ ее съ фигурами, видимыми на монументахъ Египетскихъ, съ извѣстіями, переданными намъ отъ антикваріевъ и наконецъ съ муміями птицъ, которыя вывезены путешественниками. Сверхъ того онъ разсмотрѣлъ все, что

прежде него было писано естествоиспытателями о семъ любопытномъ предметѣ. Въ заключеніе, онъ назначаетъ ибису древнихъ имя; *numenius ibis*; ихъ чернаго ибиса называетъ: *scolopax falcinellus*, Linn. и показываетъ, что Линнеевъ *tantalus ibis* обнимаетъ, при нынѣшнемъ состояніи синониміи, четыре вида трехъ различныхъ родовъ. По его выводамъ, ибисъ и нынѣ существуетъ въ Египтѣ, также какъ во времена Фараоновъ, и только по ошибкѣ естествоиспытателей могли думать нѣсколько времени, что родъ сей истребился въ своихъ формахъ. Это Разсужденіе есть образецъ хода, какому должно слѣдовать во всѣхъ разбирательствахъ двояко любопытныхъ, и по предмету своему касающихся Естественной Исторіи и знанія о древностяхъ.

Абель-Ремюза.

Сочиненія въ прозѣ В. Жуковскаго. Изданіе второе, пересмотрѣнное и умноженное. Спб. 1826 г. in 8. 269 стр.

Прозаическія статьи, въ сей книгѣ собранныя, уже всѣ извѣстны читателямъ нашимъ; но перепечатаніе ихъ было необходимо для имѣющихъ въ своей библіотекѣ три тома *Стихотвореній Жуковскаго*, изданные въ 1824 году, коимъ сей новый томъ служитъ дополненіемъ. Притомъ-же, у насъ такъ мало появленій въ прозѣ, разумѣется хорошей, что не льзя не порадоваться случаю возобновить и старое знакомство. Вы отъ него новаго не узнаете, но и то, что уже извѣстно, принимаете съ удовольствіемъ. Жуковскій немного писалъ прозою оригинальною, но успѣлъ однако-же усовершенствовать свой

языкъ въ прозѣ и что всего важнѣе, имѣетъ слогъ, чего не имѣетъ большая часть изъ писателей нашихъ и что дается не всякому, не смотря на многіе томы, имъ исписанные. Одинъ изъ журнальныхъ рецензентовъ сказалъ: «*Отличительная черта всѣхъ произведеній В. А. Жуковскаго* (къ чему тутъ В. А.? Кажется, Жуковскій заслужилъ уже право на сокращенное наименованіе), *есть необыкновенная гармонія слога. Сіе плѣнительное сладкозвучіе, которымъ читатели восхищаются въ его піитическихъ произведеніяхъ, отличаетъ такте и прозу сего Писателя, имѣющаго кромѣ того весьма рѣдкія у насъ достоинства: правильность и чистоту языка.*» Вотъ забавная характеристика! Подумаешь, что Рецензентъ подслушалъ ее у тѣхъ свѣтскихъ, вольноопредѣляющихся судей словесности, которые и о Державинѣ, и о Батюшковѣ, и о Душенькѣ, и о мадригалѣ въ альбомъ говорятъ равно съ выразительною важностію: «Да, я вамъ доложу: перо щегольское, пишетъ гладенько; нѣчего сказать, стишки гладенькіе?» И Херасковъ наказывалъ всегда молодымъ адептамъ Поэзіи, приходившимъ къ нему на поклонъ: »*Чистите, чистите, чистите ваши стихи!*« и свои такъ вычищалъ, что спиралъ съ нихъ весь блескъ, всю живость и краску Поэзіи. Критику должно быть, кажется, довзыскательнѣе; не-кстати ему примѣнять на обумъ къ писателямъ, первенствующимъ въ Литературѣ, фразы готовыя и ходячія, которыя, какъ условныя вѣжливости разговорныя, могутъ быть подносимы безразлично къ каждому лицу. Что значитъ *гармонія слога*, если принимать сіе слово, какъ оно по видимому тутъ и принято, въ смыслѣ *сладкозвучія*? Можетъ быть

языкъ гармоническій, но *слогъ гармоническій* представляетъ понятіе невѣрное и неопредѣленное. Далѣе: *Проза сего писателя, кромѣ гармоніи слога, имѣетъ еще рѣдкія достоинства: правильность и чистоту языка.* Можетъ-ли быть *гармонія* безъ *правильности и чистоты языка*? Можетъ-ли быть *правильность безъ чистоты* и *чистота безъ правильности*? Вотъ что не грѣхъ назвать: слова порожнія. Въ нихъ не звенитъ ни единой мысли. Чтобы увѣриться еще болѣе, что все сужденіе о Жуковскомъ вылилось съ пера безъ всякаго головоломнаго содѣйствія, выпишемъ еще нѣсколько словъ изъ него: *Каждая изъ нихъ* (опашей, помѣщенныхъ въ семъ томѣ) *можетъ быть представлена въ образецъ слога, благородныхъ чувствованій и основательнаго образа мыслей, и служитъ отпечаткомъ сердца чувствительнаго и пламеннаго воображенія* (*). Любопытно-бы знать: гдѣ Рецензентъ отыскалъ образецъ пламеннаго воображенія въ опашняхъ критическихъ, о Крыловѣ и Кантемирѣ?

Содержаніе сего тома заключается въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Марьина роща*; *О критикѣ*; *о Баснѣ и Баснях Крылова*; *О Сатирѣ и Сатирахъ Кантемира*; *Три сестры*; *Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ?*; *Писатель въ обществѣ*; *Путешествіе по Саксонской Швейцаріи*;

(*) Сіи слова выписаны изъ объявленія книгопродавца о книгѣ, съ забавными перемѣнами: шутъ, на примѣръ, говорится объ основательномъ образѣ мыслей, а книгопродавецъ говоритъ объ *образцѣ основательнаго воображенія*. И не смѣшно-ли, книгопродавцу, объявляя о сочиненіяхъ Жуковскаго, представлять его читателямъ *по рекомендаціи Журналиста*? Кажется, Жуковскаго и безъ этого знаютъ.

Отрывки изъ письма о Швейцаріи; Рафаэлева Мадонна.

Замѣтимъ мимоходомъ, что на заглавномъ листкѣ классификація оглавленій не отвѣчаетъ порядку, въ которомъ напечатаны самыя пьесы. Такъ выставлено: *Повѣсти*, *Разсужденія*, *Разборы сочиненій*, *Письма изъ путешествія*. *Повѣсти* (если принять за повѣсть аллегорію: *Три сестры*) не слѣдуютъ одна за другою *Разборы сочиненій* напечатаны прежде Разсужденій: *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ* и *Писатель въ обществѣ*. Издатель могъ-бы отойдти отъ порядка существеннаго для сохраненія порядка хронологическаго, но и тотъ не соблюденъ: сочиненія, писанныя въ 1808-мъ годѣ, значатся прежде сочиненій 1809 года. Послѣ сего маловажнаго отступленія отъ дѣла, въ уваженіе критики типографической, поспѣшимъ приступить къ пріятнѣйшему и существеннѣйшему, занявшись не изданіемъ, а самою книгою.

Повѣсть: *Марьина роща*, принадлежитъ къ малому числу у насъ образцовъ въ романическо-повѣствовательномъ родѣ. Главное содержаніе ея довольно голо, но подробности прелестныя; можетъ быть есть излишество подробностей, расточительность въ описаніяхъ, однимъ словомъ, роскошь въ украшеніяхъ, которая слишкомъ ярко противорѣчитъ умѣренности въ вымыслѣ. Въ слогѣ ея отзывается молодость, но молодость многообѣщающая и преимущественно: невоздержность на прилагательныя, которая есть обыкновенная погрѣшность и молодыхъ писателей и вообще молодыхъ Словесностей. Признаюсь, я не врагъ прилагатель-

ныхъ и почитаю ихъ нынѣ однимъ изъ способовъ выраженія мысли, намъ оставленныхъ: всѣ существительныя сказаны; намъ остается заново отшѣнивать ихъ прилагательными. Новая оправа можетъ свидѣтельствовать объ искуствѣ мастера, а прилагательное есть оправа существительнаго. Но тѣмъ болѣе должно быть осторожнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтательнымъ и новымъ въ этомъ мастерствѣ. Перечитывая сію повѣсть и пораженный иногда несообразною разточительностію прилагательныхъ, сдѣлалъ я еще другое замѣчаніе. Излишество ихъ тѣмъ у насъ чувствительнѣе, что по какому-то заведенному и вѣроятно машинальному порядку, мы ставимъ почти всегда прилагательное предъ существительнымъ. Мнѣ кажется, что сія повадка, не основанная ни на естественномъ теченіи мысли, ни на духѣ языка нашего, придаетъ утомительное однообразіе слогу и какую-то медленность въ его движеніи. Въ Исторіи Государства Россійскаго, въ сей сокровищницѣ и святилищѣ языка нашего, можно найдти многіе примѣры счастливому разнообразію въ перестановкѣ прилагательныхъ. *Письмо в критикѣ* исполнено здравыхъ размышленій и можетъ служить нравоучительнымъ и литературнымъ наставленіемъ всѣмъ готовящимся на ея поприще. Нашъ Авторъ ни о чемъ не говоритъ сухо и холодно: теплота сердца, ясная чистота прекрасной нравственности одушевляютъ его слогъ. Жаль, что не находимъ въ семъ томѣ и другаго письма литературнаго, открывшаго новую эпоху Вѣстника Европы, перешедшаго въ руки Жуковскаго, который съ успѣхомъ поддержалъ достоинство Журнала, обязаннаго оправдывать свое происхожденіе Европей-

свое: и по имени своему и по тому, что онъ получилъ бытіе отъ перваго писателя нашего. Упоминаемъ о *Письмѣ изъ уѣзда къ Издателю*, напечатанномъ въ No 1-мъ Вѣстника Европы, на 1808 годъ. Дѣйствующее лицо въ немъ, Стародумъ, говоритъ много прекраснаго съ жаромъ и умомъ: можетъ быть, какъ предшественникъ его, Стародумъ Фонъ-Визина, говоритъ иногда слишкомъ плодовито и *заговаривается по сторонамъ* отъ своего предмета, но это бѣда небольшая. Были-бы мысли, а времени у насъ довольно на слушаніе: нѣчего дорожиться имъ и благо что есть кого и что послушать. Статья: *О Баснѣ и Баснях Крылова* (напечатанныхъ въ 1808 г.) принадлежитъ также у насъ къ малому числу критикъ основательныхъ, поучительныхъ и для писателей и для читателей, критикъ не столько толкующихъ о словахъ, сколько о дѣлѣ, ознаменованныхъ образомъ мыслей критика и доказывающихъ, что у него есть мнѣніе литературное. Въ дополненіе къ сказанному выше, что у многихъ изъ нашихъ прозаическихъ писателей нѣтъ слога, можно прибавить, что у многихъ нашихъ критиковъ нѣтъ мнѣнія. Обыкновенно, все дѣло кончается эволюціею словъ. И какъ математикъ по выслушаніи сонаты спрашивалъ: *что-же это доказываетъ?* такъ и читателю иной рецензіи можно спросить: что-же Критикъ хотѣлъ доказать? Чтобы не оставаться при однѣхъ похвалахъ безпрекословныхъ, замѣчу, что въ статьяхъ: *О критикѣ* и *Баснях Крылова* обнаруживается слишкомъ безусловная покорность правиламъ Литературы Французской и слишкомъ отзывается Французская школа. Хорошо Французамъ ставить

Лафонтена въ примѣръ всѣмъ послѣдователямъ его, но къ чему-же и со стороны выводить его образцомъ и прототипомъ всѣмъ баснописцамъ и требовать; на примѣръ, чтобы они имѣли всѣ характеръ Лафонтена и были простодушны, потому что онъ отъ современниковъ своихъ получилъ наименованіе *добродушнаго?* Главное преимущество Лафонтена надъ многими совмѣстниками и послѣдователями, по крайней мѣрѣ ближайшее къ понятію иностранцовъ и общее а не мѣстное, заключается въ томъ, что онъ былъ великій поэтъ и всю Поэзію свою перенесъ въ Басню. У самихъ Французовъ, Ламотъ, Флоріанъ, Бальи, Арно и еще нѣкоторые, можетъ быть, въ вымыслѣ и разсказѣ не уступятъ Лафонтену, но они гораздо ниже его на степени поэтическаго дарованія и потому не могутъ идти съ нимъ въ сравненіе.

Разборомъ Сатиръ Кантемира нашъ Авторъ заплатилъ прекрасную дань благодарности и уваженія писателю, который не пользуется у насъ ни славою, ни извѣстностію, на которыя имѣетъ права блистательныя. Что у насъ за такія музыкальныя уши, что мы оставляемъ въ забвеніи ясныя, смѣлыя, глубокія мысли, благородныя чувствованія, мнѣнія истинно-просвѣщенныя, за тѣмъ только, что они предлагаются намъ въ размѣрѣ силлабическомъ? Въ Сатирѣ Кантемира *виденъ, не только остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которые его поражали.*« Сей приговоръ, опредѣленный Жуковскимъ, совершенно

справедливъ и будетъ подтвержденъ всѣми безпристрастными и свѣдущими читателями Кантемира. Скажемъ откровенно: много ли у насъ писателей, заслуживающихъ такую похвалу? Умъ, душа, правила Кантемира ясно и рѣзко отражаются въ его Сатирахъ: онъ мыслитъ и заставляетъ мыслить. Думая о славѣ его и о пользѣ нашей, вліяніемъ, которое онъ имѣлъ-бы на мнѣніе общественное, должно жалѣть, что онъ не родился нашимъ современникомъ; но съ другой стороны представляется недоумѣніе: могъ-ли бы онъ нынѣ, при многихъ перемѣнахъ въ нашемъ положеніи и во нравахъ нашихъ, при нынѣшней осторожности, опасливости языка авторскаго, давать свободное теченіе перу; не былъ-ли-бы умъ его стѣсненъ литературными и разнородными преградами и могъ-ли-бы онъ изображать себя въ стихахъ, какъ въ зеркалѣ, не-отуманенномъ чуждымъ вліяніемъ и не полузавѣщенномъ изъ уваженія къ многимъ приличіямъ свѣтскимъ? Кантемиръ жилъ для себя, если не для славы своей, въ счастливое время. Онъ надписывалъ свои Сатиры Ѳеофану и самъ воспѣваемъ былъ имъ и другимъ духовнымъ сановникомъ и побуждаемъ ими къ продолженію занятій благородныхъ. Онъ могъ, пользуясь откровенностію, сродною старинѣ и чуждою эпохамъ утонченности, смѣло и безъ обиняковъ схватываться со всѣми пороками, со всѣми дурачествами и предразсудками господствовавшими въ обществѣ и одушевленный мощнымъ негодованіемъ, поборать ихъ силою истины и разсудка. Конечно жаль, что онъ не родился, по крайней мѣрѣ во время Сумарокова, а еще болѣе, что одаренный умомъ открытымъ и

дарованіемъ стихотворнымъ отличнымъ, не имѣлъ онъ силы или воли исполинской Ломоносова, круто поворотившаго языкъ нашъ стихотворный и обратившаго его на стезю, по которой онъ и нынѣ еще слѣдуетъ, покорный данному движенію. Поучительное и прекрасное зрѣлище открылось-бы уму, если-бъ тою-же рукою изгонялись погрѣшности изъ языка и предразсудки изъ общества, и тому и другому предписывались-бы правила и наставленія вѣчныя. Ломоносовъ, въ родѣ сочиненій имъ избранномъ, могъ дѣйствовать только въ чисто-литературномъ, а не гражданскомъ смыслѣ. Кантемиръ дѣйствовалъ-бы равно въ томъ и другомъ. Какія благодѣтельныя послѣдствія повлеклись-бы за началомъ Литературы нашей, если-бъ первымъ классическимъ сочиненіемъ были сатиры, а не оды! Въ статьѣ Жуковскаго, можетъ быть, должно замѣтить, что вступленіе ея слишкомъ обширно, что частныя обозрѣнія свойствъ Кантемира слишкомъ кратки и рѣдки, а выписки изъ него слишкомъ пространны; но въ семъ послѣднемъ отношеніи погрѣшность, если погрѣшностію можно ее назвать, заслуживаетъ благодарность. Стихи Кантемира такъ мало похожи на все то, что у насъ нынѣ печатается; образъ мыслей его, духъ, такъ ярко отдѣляются отъ современнаго характера Литературы нашей, что эти выписки въ книгѣ, напечатанной въ 1826 году, совершенная нечаянность и находка, тѣмъ болѣе, что не только читатели Кантемира рѣдки, но и самыя Стихотворенія его сдѣлались рѣдкостью въ книжномъ обращеніи. Пускай, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ выписокъ узнаютъ многіе, что у насъ писалось встарину и что нынѣ пишется: и по-

убавится спѣсь высокомѣрныхъ современниковъ, которые не нарадуются успѣхами своими на поприщѣ ума и образованности! Желательно, чтобы Академія или другое ученое общество предприняло новое изданіе Кантемира, который опередилъ свой вѣкъ и, если не по языку, то по всѣмъ другимъ отношеніямъ, можетъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ читателей современныхъ. Въ разборѣ Жуковскаго, между прочими отдѣленіями, заслуживающими особенную похвалу, отличается прекрасная, мастерская характеристика Ювенала, написанная съ необыкновенною силою и живостію.

Три сестры или видѣніе Минваны, свѣжая, нравоучительная аллегорія, въ которой, подъ покровомъ прозрачнымъ и красивымъ, образуется жизнь человѣческая, въ трехъ своихъ явленіяхъ: *нынѣ, вчера и завтра.*

Нравственно-философическое разрѣшеніе вопроса: *Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ?* написано слогомъ прекраснымъ и въ этомъ случаѣ не льзя не вспомнить опредѣленія Бюффона: le style c'est l'homme. Весь человѣкъ видѣнъ въ этомъ Разсужденіи: оно писано подъ вдохновеніемъ сердца. Но соглашаясь съ Авторомъ, что для совершеннаго нравственнаго бытія человѣка въ обществѣ гражданскомъ должно быть семьянином, можно однако-же спросить: не слишкомъ-ли увлекается онъ своимъ опредѣленіемъ и не обижаетъ-ли холостыхъ по склонности или по обстоятельствамъ, когда отказываетъ имъ въ возможности быть истинно *добрыми* (не говорю уже *счастливыми*, потому что не почитаю счастія принадлежностію состоянія или званія, а болѣе способностію частною, даруемою Провидѣ-

нѣмъ немногимъ избраннымъ)? Кажется, Авторъ несправедливъ, когда говоритъ, что онъ *не рѣшится назвать добрымъ и судію справедливаго, коего всѣ приговоры сходны съ приговорами закона и совѣсти:* напрасно! Такой исполнитель обязанности возвышенной не есть, какъ тутъ сказано, *актеръ, старающійся блеснуть искуствомъ на театрѣ свѣта.* Нѣтъ! онъ рѣшительно нравственное лицо, заслуживающее наименованіе истинно-добраго и горе обществу, коему онъ служитъ, если не даруетъ оно ему способовъ быть истинносчастливымъ, ибо для подобнаго судіи безпрепятственное исполненіе обязанностей должно быть счастіемъ, то есть высокимъ, изящнымъ удовольствіемъ души. Не спорю съ Авторомъ, когда онъ не подводитъ подъ опредѣленіе свое *смѣлаго, благоразумнаго полководца;* охотно уступаю и всѣ прочія лица, дѣйствующія на поприщѣ свѣта, но вопреки ему отстаиваю судію и увѣренъ, что и холостой судія, если онъ только имѣетъ способности, желаніе и волю быть полезнымъ въ кругѣ дѣятельности своей, можетъ смѣло откликнуться на вопросъ: кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ? Поспоривъ съ Авторомъ только объ одномъ исключеніи изъ правила, спѣшу сказать, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ обозрѣлъ онъ предметъ свой совершенно нравственнымъ и философическимъ образомъ. Картина обязанностей, радостей семейныхъ начертана имъ превосходно: на живыхъ, вѣрныхъ краскахъ ея отсвѣчивается умъ ясный и сердце чистое. Во всякомъ случаѣ, она разрѣшить должна въ пользу Автора заданный имъ вопросъ: всякій скажетъ, что тотъ, кто такъ мыслитъ,

чувствуетъ и изъясняется, долженъ быть истинно-добрымъ и достоинъ быть истинно-счастливымъ.

Писатель въ обществѣ выведенъ здѣсь во всѣхъ своихъ видахъ, со всѣми выгодами и невыгодами положенія своего, преимуществами и недостатками въ совмѣстничествѣ съ свѣтскими сочленами. Впрочемъ, Авторъ долженъ былъ довольствоваться въ своемъ начертаніи одними общими соображеніями, не примѣняя ихъ къ положенію Русскаго писателя, въ Русскомъ обществѣ. У насъ въ ономъ нѣтъ ему мѣста. По свѣтскому уложенію нашего общества, авторство не есть званіе, коего представительство имѣетъ свои права, свой голосъ и законный удѣлъ на съѣздѣ чиновъ большаго свѣта. Писатель въ Россіи, когда онъ не съ перомъ въ рукахъ, не въ книгѣ своей, есть существо отвлеченное, метафизическое; если онъ хочетъ быть существомъ положительнымъ, то имѣй онъ еще въ запасѣ постороннее званіе, и сія эпизодическая роль затмитъ и перевѣситъ главную. Исключенія изъ сего правила рѣдки и всегда случайны и временны. Можно пробыть авторомъ въ обществѣ на полъ-часа, подобно пѣвцу или піанисту, которые обращаютъ вниманіе на себя только пока ихъ искусство въ дѣйствіи. Роль, которую играли во Франціи писатели, такъ называемые gens de lettres, въ особенности-же въ царствованіи Людовика XV и Людовика XVI, до начала революціи, такъ далека отъ нашихъ правовъ и господствующихъ у насъ понятій, что мы худо постигаемъ всемогущее вліяніе, которое они имѣли не только на общую образованность народа, но и на частныя мнѣнія и привычки общества. Парижское общество

было тогда республикою, управляемою олигархіею новаго рода, составленною изъ умныхъ людей и литераторовъ. *Отрывки изъ путешествій*, въ 1821 и 1824 годахъ, образецъ прозы описательной. Можно смѣло сказать о Жуковскомъ, что онъ равно великій живописецъ и въ стихахъ и въ прозѣ. Сіи отрывки заставляютъ жалѣть, что ихъ мало и желать, чтобы путешественникъ издалъ въ свѣтъ всѣ свои путевыя записки. Пріятно смотрѣть на природу живописную глазами умѣющаго цѣнить ея красоты, но еще пріятнѣе и полезнѣе смотрѣть съ наблюдателемъ на общества, вникать въ нравы, сводить черезъ него знакомства съ знаменитыми современниками; и Жуковскій въ кабинетѣ Гёте еще для меня любопытнѣе, чѣмъ у Рейнскаго водопада или на высотахъ Сенъ-Готарда. *Отрывокъ изъ письма о Дрезденской галлереѣ*, въ которомъ Жуковскій даетъ отчетъ въ чувствахъ своихъ при созерцаніи Рафаэлевой Мадонны, исполненъ красоты необычайной. Это не живопись и не Поэзія, а что-то выше самой Поэзіи. О немъ можно сказать то, что Жуковскій сказалъ о самой Мадоннѣ: *это не картина, а видѣніе!* Нѣтъ сомнѣнія, что сей списокъ, хотя *не-буквальный*, передаетъ твореніе Рафаэля вѣрнѣе эстампа Миллерова. Жуковскій постигъ чувствомъ душу Рафаэля и посвящаетъ насъ въ ея таинства.

Князь Вяземскій.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

151. *Невѣста Абидосская.* Турецкая повѣсть Лорда Байрона. Перепелъ съ Англійскаго Иванъ Козловъ. Спб. 1826 г. in 8. X и 92 стр.

Невѣста Абидосская есть одинъ изъ тѣхъ поэтическихъ цвѣтовъ, которые доставило Европейской Литературѣ путешествіе Байрона по Греціи и Турціи. Событія, видѣнныя и слышанныя имъ въ сихъ странахъ, видъ богатыхъ картинъ природы и дикихъ нравовъ обитателей, или гордыхъ въ невѣжествѣ или угнетенныхъ рабствомъ и всегда одушевленныхъ сильными страстями, произвели сильное впечатлѣніе на душу Поэта Британскаго. Они составляютъ всего болѣе содержаніе Поэмъ Байрона. Не считая мелкихъ его стихотвореній, поэмы: *Морской Разбойникъ*, *Гяуръ*, *Осада Коринѳа*, *Парга*, многія мѣста въ *Чайльдъ-Гарольдѣ* и *Донъ Жуанѣ* переносятъ читателей подъ небо Востока, на поля усѣянныя развалинами Греціи и запятнаемыя полумѣсяцомъ Магомета. Поэзія вездѣ сыщетъ краски; но тамъ, гдѣ разительныя противоположности разрушаютъ, такъ сказать, обыкновенную жизнь человѣка, тамъ Поэзія глубже заглядываетъ въ сердце человѣческое, изображенія ея дѣлаются ярче и чувство сильнѣе.

О Байронѣ не льзя говорить, какъ о многихъ другихъ поэтахъ: *это сочиненіе его лучше, это хуже!* И мнѣ кажется, каждое сочиненіе Байрона такая драгоцѣнность, что переводъ каждаго изъ нихъ есть обогащеніе для словесности народа, при-

обрѣтающаго хорошій переводъ котораго нибудь изъ Байроновыхъ сочиненій.

Мы конечно можемъ читать Байрона въ подлинникѣ и въ переводахъ Нѣмецкихъ, Французскихъ; но переводъ на отечественный языкъ освоиваетъ намъ особеннымъ образомъ чужеземное твореніе. Здѣсь вопросъ можно свести на слѣдующее положеніе: должно-ли каждому народу имѣть собственную Литтературу? На что желать намъ своихъ Байроновъ, своихъ Гёте и Шекспировъ, если мы также будемъ радоваться появленію ихъ въ Германіи и въ Англіи, какъ-бы и у насъ въ Россіи! Не тоже-ли въ переводахъ. Англинскій, Французскій переводъ радуетъ меня: читаю его охотно, но порадуюсь едва-ли не болѣе и не охотнѣе, если увижу переводъ Русскій. Здѣсь какъ будто забываешь, что великій сочинитель его былъ Англичанинъ, Французъ. Переводчикъ, разумѣется умѣвшій передать его твореніе, дѣлаетъ его мнѣ болѣе близкимъ, роднымъ. Не говорю уже о множествѣ тѣхъ читателей, которые лишены наслажденія читать, на примѣръ, Байроновы творенія, въ подлинникѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Нѣмецкомъ переводѣ (Французскій, *прозаическій* переводъ не даетъ понятія о Байронѣ. Это эстампъ съ Рафаэлевой картины). Еще важная заслуга хорошихъ переводовъ: передавая мысли великаго автора, переводчикъ встрѣчаетъ и новыя выраженія. Онъ обогащаетъ воображеніе читателей твореніемъ, а языкъ тѣми способами, какія употребилъ онъ на выраженіе новаго, неизвѣстнаго въ его отечественномъ языкѣ. И гдѣ можно болѣе найдти это новое богатство, если не въ твореніяхъ Байрона?

Собственно-Русской публикѣ, Байронъ донынѣ извѣстенъ былъ только по переводу нѣкоторыхъ мѣлкихъ его твореній и по переводу *Шильонскаго Узника*, Жуковскимъ. О переводахъ Байроновыхъ сочиненій прозою въ Русскихъ Журналахъ, съ Французской прозы, упоминать нѣчего: это (съ весьма немногими исключеніями) выродки, которыхъ не долженъ читать тотъ, кто хочетъ имѣть подходящее къ истинному понятіе о Байронѣ.

По всему этому, подвигъ Г-на Козлова, кажется мнѣ, весьма важенъ. Переводъ Байроновой поэмы, прекрасными Русскими стихами, значительная новость въ Русской Словесности!

Абидосская Невѣста показываетъ намъ неистощимое воображеніе Байрона, силу мыслей его и глубокое чувство Поэзіи. Селимъ, сынъ Абдаллы, Паши Турецкаго, воспитывается въ домѣ Яфара, свирѣпаго дяди своего, который отравилъ нѣкогда Абдаллу и взялъ къ себѣ Селима: всѣ думаютъ, что Селимъ сынъ Яфара. Онъ любитъ Зюлейку, дочь Яфара, и любимъ ею, но эта любовь горитъ въ ихъ душахъ чистымъ пламенемъ. Вдругъ отецъ объявляетъ дочери о намѣреніи своемъ отдать ее за Пашу Османа. Тутъ Селимъ понялъ любовь свою. Напрасно Зюлейка развеселяетъ его, играетъ съ нимъ, подаетъ ему розу и поетъ:

Любовникъ розы, соловей,
Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милой;
Онъ станетъ пѣснію своей
Всю ночь плѣнять твой духъ унылой.

Онъ любитъ пѣть во тмѣ ночей
И дышетъ пѣснь его тоскою;

Но съ обнадеженной мечтою,
Споетъ онъ пѣсню веселѣй.

И съ думой тайною моей
Тебя коснется пѣнья сладость,
И напоётъ на сердцѣ радость
Любовникъ розы, соловей.

Селимъ угрюмъ и мраченъ. Онъ проситъ Зюлейку придти ночью на морской берегъ и тамъ обѣщаетъ ей открыть все. Въ мрачную ночь, робкая дѣва является на назначенномъ мѣстѣ —

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой:
Исчезла гордая чалма
И шалью обвита пунцовой
Его младая голова;
Нѣтъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
Но два чеканныхъ пистолета
За пестрымъ, шитымъ кушакомъ;
И сабля легкая звенѣла,
И тонкій станъ его одѣла
Небрежно сброшенна съ плеча
Изъ бѣлой шкани епанча,
Какую носятъ Кандіоты,
Пускаясь въ буйные налеты;
Не панцырь грудь его хранитъ:
Она подъ сѣткой золотою,
И обувь странная гремитъ
Серебряною чешуею.

Селимъ открываетъ Зюлейкѣ тайну рожденія своего, которую высказалъ ему невольникъ Ягара. Онъ зо-

ветъ ее съ собою, туда, гдѣ ждутъ его товарищи, морскіе разбойники. Зюлейка колеблется ; но свиданіе ихъ открыто измѣною или подозрѣніемъ. Ягарь спѣшитъ на мѣсто свиданія, окружаетъ Селима воинами; отчаянное защищеніе не помогаетъ. Уже товарищи его близко: они плывутъ, спѣшатъ!

О! дуй сильнѣе, вѣтръ попутной!
Они спѣшатъ, они гребутъ,
И съ лодки въ море и плывутъ,
И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной;
Ихъ дикій взоръ, какъ жаръ горитъ;
Съ одеждъ, съ кудрей вода бѣжитъ,
Вскочили . . . вскрикнули . . , сразились:
Кипитъ въ саду шумящій бой . . .

Но Селимъ палъ. Зюлейка не слыхала убійственнаго выстрѣла: она умерла прежде его . . .

Уже разсѣтъ: клубятся тучи,
Въ туманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ
Давно замолкъ, но брегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарей
Слѣды тревоги боевой:
Обломки сабли притупленной,
И мечъ еще окровавленный.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ руки, роясь, замирали
И подъ кустомъ не вдалекѣ
Курился факелъ обгорѣлый.
Вотъ опрокинутый челнокъ
Волною брошенъ на песокъ,

И епанча изъ шкани бѣлой,
Въ крови, пробитая свинцомъ,
Виситъ на прострѣлѣ морскомъ:
И быстрый плескъ волны упорной
Ошмыгнь не можетъ крови черной;
Но гдѣ-же тотъ, съ чьего плеча
Въ крови упала епанча?
О! если-бъ сердце чье хотѣло
Оплакать горестное тѣло,
Пускай его, пусть ищетъ шамъ,
Гдѣ море и кипитъ и блещетъ
И подъ скалой Сигейской плещетъ;
Спремясь къ Лемносскимъ берегамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьются,
Ужь хладный трупъ клевать несутся,
И онъ безчувственный плыветъ
По произволу бурныхъ водъ.

Вотъ основа Поэмы, переводомъ которой Г. Козловъ обогатилъ нашу Словесность. Отсылаемъ читателей къ самой Поэмѣ, когда хотятъ они узнать подробности Байронова разсказа. Краткія выписки не могутъ дать о нихъ понятія. Мы увѣрены, что прекрасные стихи Русскаго переводчика доставятъ наслажденіе уму и сердцу читателей. Какъ Поэтъ и какъ Стихотворецъ, Г-нъ Козловъ заслуживаетъ почетное мѣсто на нашемъ Парнассѣ. Не только новый трудъ его, но поэма *Чернецъ*, мѣлкія стихотворенія и переводы, помѣщенныя въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ доказываютъ это неоспоримо.

Но, если спросятъ меня: даетъ-ли переводъ Г-на Козлова вѣрное понятіе о стихахъ и выраже-

нія Байрона? признаюсь: этотъ вопросъ затруднителенъ. Если обязанность переводчика такова, что онъ долженъ передать всю силу, всю прелесть подлинника, дать отчетъ за всѣ красоты его, то переводъ Абидосской Невѣсты не выдержитъ строгой критики. Повторяю, что Русскіе стихи прекрасны; но въ нихъ нѣтъ мужественной силы, *нѣтъ выраженія Байронова*. Они кажутся мнѣ слишкомъ цвѣтны, слишкомъ обременены словами противъ подлинника. Сличимъ, для примѣра, первый стансъ поэмы. Вотъ начало подлинника;

Know ye the land where the cypress and myrtle
Are emblems of deeds that are done in their clime?
Where the rage of the vulture, the love of the turtle,
Now melt into sorrow, now maddened to crime?

Какая полнота и краткость въ описаніи страны, въ которую Байронъ помѣщаетъ дѣйствіе своей Поэмы. Вотъ переводъ:

Кто знаетъ край *далекій и прекрасный*,
Гдѣ кипарисъ и *темный* миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они *во знаменье растутъ*
Суровыхъ дѣлъ и нѣгъ *сладострастной*?
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка,
Вдругъ ястребъ тихъ, *а горлица дика*?

Здѣсь много лишняго и мысль Байрона растянута. Байронъ столько намекаетъ на то, что Переводчикъ подробно высказываетъ. Байронъ, указывая вамъ на кипарисъ и миртъ, спрашиваетъ: *«Знаете-ли вы страну, гдѣ кипарисъ и миртъ, эмблемы событій тамъ совершившихся?»* Это два первые стиха Байрона. Онъ не называетъ страны, о ко-

порой хочетъ говорить, *далекою*, *прекрасною*, мирта *томнымъ* (прилагательное несвойственное дереву, притомъ и кипарисъ не можетъ *цвѣсть*) и вѣроятно: кипарисъ и миртъ онъ не хотѣлъ назвать эмблеммами *суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной*. Кипарисъ есть эмблемма тишины гроба, а миртъ счастія любви; смерть и любовь, какое разительное соединеніе понятій! Положимъ, что *нѣга сладострастная* можетъ выразить любовь, но *суровыя дѣла*, не точно и не вѣрно выражаютъ мысль Байрона. И къ чему всѣ эти подробныя объясненія? Для описаній будетъ мѣсто послѣ. Переходимъ къ двумъ другимъ стихамъ Байрона. »Гдѣ (продолжаетъ онъ) бѣшенство ястреба и любовь горлицы, то сливаются (сталкиваются) въ грусти, то влекутъ (вводятъ) въ преступленіе?« Впрочемъ, здѣсь весьма трудно передать точный смыслъ подлинника (Now *melt* into sorrow, now *madden* to crime). Переводчикъ замѣняетъ все это словами: *Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка*; совсѣмъ не то! Далѣе, отдѣливъ этотъ стихъ отъ сравненія съ горлицею и ястребомъ, онъ переставляетъ смыслъ подлинника, отдѣльно изображаетъ сихъ птицъ (*гдѣ ястребъ тихъ, а горлица дика*), какъ будто Байронъ хотѣлъ изобразить состояніе сихъ птицъ, въ то время, какъ у Байрона онѣ представляютъ только новую эмблемму, въ дополненіе первой, кипариса и мирта. Во Французскомъ переводѣ такая-же перестановка и смыслъ подлинника совсѣмъ потерянъ: La tourterelle y fait entendre ses roucoulemens melancoliques et le vautour y exerce ses brigandages cruels. Подумаете, читая это, что вамъ попалась какая нибудь Фонтенелева

идиллія. И къ чему тутъ: *ястребъ тихъ, а горлица дика?* Я не вижу никакой послѣдовательности идей.

Know ye the land of the cedar and vine,
Where the flowers ever blossom, the beams ever shine;
Where the light wings of Zephyr, oppressed with perfume,
Wax faint o'er the gardens of Gul in her bloom;
Where the citron and olive are fairest of fruit,
And the voice of the nightingale never is mute;
Where the tints of the earth, and the hues of the sky,
In colour though varied, in beauty may vie,
And the purple of Ocean is deepest in die;
Where the virgins are soft as the roses they twine,
And all, save the spirit of man, is divine?

Ни слова о роскоши описанія: что сшихъ, то картина очаровательная. Мы повѣримъ ихъ по слѣдамъ Переводчика. Онъ повторяетъ вопросъ: *Кто знаетъ край*; такъ и у Байрона.

Кто знаетъ край, *гдѣ небо голубое*
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ *шумитъ* и *вьется* виноградъ.

Прекрасные стихи, но опять прибавки. Что говоритъ Байронъ? »Знаете-ли вы страну кедровъ и виноградниковъ, гдѣ всегда цвѣтутъ цвѣты, всегда свѣтлое небо.« *Небо безоблачно, какъ молодое счастье*, лишнее, и слова: »Гдѣ кедръ *шумитъ* и *вьется* виноградъ,» не замѣняютъ простыхъ, но сильныхъ словъ: *The and of the cedar and vine* (земля кедровъ и виноградниковъ). Слѣдующій за тѣмъ стихъ: Where

the light wings of Zephyr, oppressed with perfume, замѣненъ прелестными стихами:

Гдѣ вѣперокъ, носящій аромашъ,
Подъ ношею *въ эөирѣ* ушопаетъ,

но *эөира* у Байрона нѣтъ и притомъ, этотъ стихъ сливается у него съ слѣдующимъ стихомъ: »Гдѣ легкія крылья зефира, обремененнаго ароматами, лѣнно скользятъ между цвѣтами въ садахъ розъ.« У Переводчика другая половина картины отдѣлена совершенно и соединена съ послѣдующими:

Во всей красѣ, гдѣ роза разцвѣтаетъ,
Гдѣ *сладостна* олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещрёнъ
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ?

Прилагательное: *сладостна*, едва-ли годится для оливы и лимона. Байронъ говоритъ: »Гдѣ лимонъ и *олива, прекраснѣйшіе изъ плодовъ.*« Слѣдующимъ за тѣмъ стихомъ Переводчикъ конечно замѣнилъ пропущенное имъ прежде: Where the flowers ever blossom. Четвертый стихъ переданъ вѣрно и хорошо. Но въ слѣдующихъ за тѣмъ стихахъ, Переводчикъ отстаетъ отъ подлинника —

Гдѣ дивно всё, видъ рощей и *полянъ*,
Лазурный сводъ и *радужный туманъ*,
И пурпуромъ блестящій океанъ?

Здѣсь можно замѣтишь неровность и не зная подлинника. Что такое: видъ *полянъ* и *радужный туманъ*? *Лазурный сводъ* не будетъ-ли повтореніе уже сказаннаго въ первомъ стихѣ Русскаго перевода: *небо голубое*? Правда и то, что здѣсь

Байронъ, владѣвшій отечественнымъ языкомъ въ удивительномъ совершенствѣ, опять чрезвычайно труденъ для перевода. Онъ продолжаетъ описаніе земли, »гдѣ цвѣты земли и цвѣты неба различны въ краскахъ и соперничаютъ въ красотѣ и гдѣ пурпуръ океана самаго густаго цвѣта.« Поэтъ продолжаетъ изображеніе и вопросы свои. Переводчикъ начинаетъ говорить здѣсь уже повѣствовательнымъ образомъ, и отъ того картина земли остается недорисованною. »Гдѣ дѣвы (говоритъ Байронъ) милы какъ розы, завитыя въ ихъ волосахъ (as the roses they twine) и все, кромѣ нравовъ мужей, божественно (is divine)? Здѣсь Поэтъ, какъ будто съ унынiемъ, узнаетъ описанную имъ землю: *Это востокъ, это земля солнца!*

'Tis the clime of the east; 'tis the land of the Sun.—

Печальная мысль является въ его стихахъ, тѣнью на блестящей картинѣ!

Can he smile on such deeds as his children have done?

»*Можетъ-ли она улыбаться дѣяніямъ дѣтей своихъ?*« И Поэтъ прибавляетъ: »Ахъ! дики, какъ звуки прощанья любовниковъ, сердца ихъ и повѣсти, которыя они разсказываютъ!« —

Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

Мы разбирали подробно стихи Байрона, желая показать, особенно юнымъ соотечественникамъ нашимъ, какой строгій судъ можетъ выдерживать Байронъ, какъ онъ отчеканенъ въ каждомъ словѣ,

какъ мастерски обрисовываетъ свои переходы чувствъ и мыслей! Мы видѣли, что не смотря на вставочныя слова и прилагательныя, Переводчикъ не передалъ вполнѣ силы стиховъ Байрона, когда Байронъ, кажется, скупится на слова. Въ окончаніи сего станса, отступивъ отъ порядка Байроновыхъ стиховъ, Переводчикъ совсѣмъ отступилъ отъ подлиннаго смысла ихъ и точности. Вотъ стихи его, послѣ словъ: *И пурпуромъ блестящій океанъ* —

И дѣвы шамъ *свѣжѣе* розъ *душистыхъ*,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ волнистыхъ.
Тотъ край Востокъ, то солнца сторона!
Въ ней *дышетъ* все божественной *красою*,
Но люди шамъ *съ безжалостной душою*;
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она,
Прекрасная, злодѣямъ предана!
Въ ихъ сердцѣ месть; ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

Девять стиховъ на шесть Байроновыхъ. *Земля, какъ рай, прекрасная! Увы! зачѣмъ она предана злодѣямъ!* Байронъ этого не говорилъ и не сказалъ-бы. Далѣе: *люди съ безжалостной душою*, у которыхъ *въ сердцѣ месть*. Во первыхъ, къ чему тутъ *месть*? и примѣромъ выражаетъ-ли это: wild — are the hearts which they bear — *дики сердца ихъ*? Какъ хорошо поэтомъ идетъ прилагательное wild къ звукамъ прощанія любовниковъ и уподобленіе съ сими дикими звуками повѣстей Востока! Послѣдняго не замѣтилъ Переводчикъ называя повѣсти Востока *печальными*, какъ *стонъ любви и поцѣлуй прощальный*; ибо

стонъ любви не всегда бываетъ печаленъ, а просто *поцѣлуй прощальный*, можетъ еще порадовать, если это не the accents of lovers' farewell.

Возьмемъ для примѣра еще стансъ, въ которомъ находилось-бы описаніе дѣйствія или собственно повѣствованіе. Вотъ IX й, изъ первой пѣсни. Зюлейка и Селимъ слышали волю Яфара. Селимъ сидитъ подъ окномъ: передъ нимъ войска Яфара, предводимыя самимъ Пашою, занимаются военнымъ ученьемъ.

His head was leant upon his hand,
His eye looked o'er the dark blue water
That swiftly glides and gently swells
Between the winding Dardanelles;
И подгорюнясь, *думы полный*,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межь Дарданеллъ онѣ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ.]

Это передано довольно хорошо, только прилагательныя: *думы полный* и *угрюмый*, опять лишнія. У Байрона: Селимъ »*склонивъ* голову на руку, смотрѣлъ на синія волны моря, которыя (*не струились тихо и плескали въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ*), но (swiftly glides and gently swells) быстро текли и тихо вздымались въ проливѣ Дарданелльскомъ.» Картина съ природы! У Переводчика размножены подробности и живопись сдѣлалась мѣлка.

But yet he saw nor sea nor strand,
Nor even his Pacha's turbaned band

Mix in the game of mimic slaughter
Careering cleave the folded felt
With sabre stroke right sharply dealt;
Но онъ, унылый, *не видалъ*
Ни моря *съ синими волнами*,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцовъ удалыхъ,
Стремящихся, передъ Пашою,
Шумъ грозный сѣчей роковыхъ
Представитъ *бранною* игрою;
Не видитъ онъ, *какъ къ облакамъ*
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣваютъ,
Какъ сабли острыя *мелькаютъ*,
И какъ съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ;

Видалъ и *бранная* игра, здѣсь ошибки противъ языка; всѣ другія курсивомъ напечатанныя слова не-нужны. У Байрона: «Но онъ не видитъ ни моря, ни прибрежныхъ скалъ, ни даже чалмоноснаго войска Паши, представляющаго примѣрную битву, воиновъ, на всемъ скаку разсѣкающихъ сложенный войлокъ (*)».

Nor marked the javelin-darting crowd,
Nor heard their Ollahs wild and loud —
He thought but of old Giaffir's daughter!

«Не замѣчаетъ бросанія копей, не слышитъ дикаго и громкаго крика: *Оллахъ!* Онъ думаетъ только о дочери стараго Яфара!» Переводъ Г-на Козлова:

(*) Это одна изъ воинскихъ экзерцицій Турковъ. Ихъ острыя сабли разсѣкаютъ войлокъ сложенный въ два, три ряда. „Только ихъ сабли (прибавляетъ, въ примѣчаніи, Байронъ) могутъ разсѣкать его съ одного взмаха.“

Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ
За свистомъ дротиковъ несётся,
И какъ въ долинѣ раздается:
Олахъ! олахъ! ихъ дикій кликъ:
Душа полна мечтой одною,
Яфара дочерью младою.

Скажутъ: «Передать всю силу подлинника не возможно!» Отчасти съ этимъ соглашаюсь; но Жуковскій умѣлъ однакожъ, переводя *Шильонскаго Узника*, сдѣлать это возможнымъ? Представляю его трудъ, какъ образецъ переводовъ и слѣдовательно, имѣю право сказать: переводишь Байрона въ полной его силѣ, блескѣ и величіи можно, только трудно; но тѣмъ славнѣе подвигъ.

П.

152. *Сочиненія въ прозѣ, В. Жуковскаго*, Изданіе второе, пересмотрѣнное и умноженное. Спб. 1826 г. in 8. 259 стр.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше сего, въ отдѣленіи *Критики*.

153. *Руководство къ Астрономіи.* М. 1826 г. in 8. 192 стр. съ двумя таблицами и тремя рисунками, на которыхъ 44 чертежа.

Вотъ еще одно изъ сочиненій Профессора Астрономіи, Московскаго Университета, Д. М. Перевощикова, который, издавъ въ нынѣшнемъ году классическія руководства къ Ариѳметикѣ и Геометріи, симъ новымъ сочиненіемъ, по мнѣнію нашему, совершенно замѣняетъ недостатокъ Русской учебной книжки для изученія Астрономіи. Онъ говоритъ въ предисловіи, что заимствовалъ матеріялы для

составленія своего *Руководства къ Астрономіи* изъ сочиненій Франкера, Біота, Шуберта, Дюбурге и Бальи, но собственный трудъ Г. Перевощикова заслуживаетъ величайшую благодарность соотечественниковъ за особенный способъ его выражаться съ отличною краткостью, точностью и такою простотою и ясностью, что уже не Сочинителя учебнаго руководства надобно будетъ винить, если ученикъ не успѣетъ въ наукѣ. Сужу не какъ знатокъ предмета, изложеннаго въ новомъ сочиненіи Г-на Перевощикова, но какъ простой читатель и признаюсь, что мало встрѣчалъ я въ извѣстнѣйшихъ учебныхъ Математическихъ книгахъ столько ясности и простоты, не смотря на трудность предмета изложенія.

154. *Literärnotizen betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialekte in Ungern und Siebenbürgen.* Sr. Excellenz dem Herrn wirklichen Staatsrath und Ritter Fr. v. Adelung mitgetheilt von Peter v. Köppen (*Литтературныя извѣстія, касательно Маджарскаго и Саксонскаго нарѣчій, въ Венгріи и Трансильваніи употребляемыхъ*, сообщенныя Его Превосходительству, Дѣйств. Статск. Совѣтнику и Кавалеру Фридр фонъ Аделунгу отъ Петра фонъ Кеппена). Спб. 1826 г. in 8. 32 стр.

Въ этой книжкѣ П. И. Кеппенъ собралъ различныя свѣдѣнія, какія могъ онъ получить, касательно Маджарскаго или Венгерскаго и Саксонскаго или Нѣмецкаго, языковъ, употребляемыхъ въ Венгріи и Седмиградской области (Великомъ Герцогствѣ Трансильванскомъ). Онъ помѣстилъ уже въ *Библіографическихъ Листахъ* (No 12, стр. 168) извѣстіе о Валахскомъ языкѣ и обѣщаетъ при другомъ случаѣ извѣстіе о

Славянскомъ, въ Венгріи употребляемомъ, нарѣчіи. Все это суть плоды ученаго путешествія, совершеннаго Г-мъ Кеппеномъ. Въ новомъ сочиненіи, кромѣ собственныхъ извѣстій о Венгерскомъ языкѣ, онъ указываетъ всѣ источники, изъ которыхъ можно почерпнуть дальнѣйшія свѣдѣнія. Хотя въ Россіи мало еще занимаются Лингвистикою, но Венгерскій языкъ такъ неизвѣстенъ вообще, что почитая сочиненіе Г. Кеппена полезнымъ и любопытнымъ по многимъ отношеніямъ, мы вполнѣ рѣшаемся помѣстить его въ Телеграфѣ, когда получимъ на это дозволеніе Автора, а потому и не предлагаемъ теперь подробнаго оному разбора.

155. *Considérations sur la théorie des capitaux.* Par Nicolas Demidoff, Auteur de la Nouvelle théorie de la balance du commerce (*Разсужденіе о теоріи капиталовъ.* Соч. Николая Демидова, Автора *Новой теоріи торговаго баланса*). M. 1826 г. in 8. 23 стр.

Не входя въ дальнѣйшія историческія разысканія, можемъ отнести начало истинной Политической Экономіи къ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда Кеней началъ излагать свою *физіократическую* систему и вывелъ первый результатъ истиннаго понятія о Государственномъ Хозяйствѣ. Съ тѣхъ поръ началась новая эпоха сего знанія Адамъ Смитъ возвелъ выводы Кенея въ большую степень совершенства и составилъ Науку. За нимъ въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1776 года) много знаменитыхъ сподвижниковъ являлось въ Европѣ. Среди споровъ; противорѣчій и, иногда, ошибокъ, прибавлялась сумма свѣдѣній. Но важнѣйшимъ послѣ Смита открытіемъ можно по-

честь мысль, нынѣ принятую уже многими политическими экономами и которая вскорѣ, вѣроятно, будетъ включена въ число основныхъ результатовъ науки. мысль, разрѣшившую споры о различіи между *матеріяльнымъ* и *нематеріяльнымъ произведеніемъ*. Адамъ Смитъ только не высказалъ, но всеобъемлющимъ умомъ своимъ какъ будто предвидѣлъ всѣ важнѣйшія истины Политической Экономіи. Около этой мысли, какъ говоритъ Русское присловье, онъ обошелъ кругомъ. Если не ошибаемся, нашъ отечественный политическій экономъ, Г-нъ Шторхъ, *первый* основательно объяснилъ надлежащее понятіе о безразличіи матеріяльнаго и нематеріяльнаго капитала. Въ своемъ *Курсѣ Политической Экономіи*, изданномъ въ 1815 году, онъ еще робко и не прямо сказалъ мысль свою, но въ *Разсужденіи*, представленномъ въ С. Петербургскую Академію Наукъ (Le revenu national, considéré sous un nouveau point de vue), 16 Іюня, 1819 г., напечатанномъ въ VIII т. *Записокъ* Академіи, онъ рѣшительно сказалъ свое мнѣніе и объяснилъ его еще подробнѣе въ книгѣ своей, изд. въ Парижѣ, въ 1824 г. подъ названіемъ: Considérations sur la nature du revenu national, Г. Ганиль въ книгѣ: Dictionnaire analytique d'économie politique (Парижъ, 1826 г.) принимаетъ его объясненіе, хотя излагаетъ весьма сбивчиво. *Теорія капиталовъ*, изданная нынѣ Г-мъ Демидовымъ, есть также краткое изложеніе мысли Г-на Шторха.

Сею мыслью разрѣшаются всѣ споры экономистовъ о нематеріяльныхъ произведеніяхъ и производящихъ услугахъ. Г-нъ Шторхъ смотритъ на трудъ *невещественно-производящій*, точно такъ-

же, какъ и на *производящій вещественно*, изъ чего выводится имъ *капиталъ невещественный* (immatériel), точно также какъ и *капиталъ вещественный*. Мысль философическая и глубокая! Отъ нее раздвигаются предѣлы Политической Экономіи: уже сія Наука не будетъ *Наукою* только *о вещественномъ богатствѣ народовъ*, но Наукою обширнѣйшею, болѣе имѣющею вліянія на благо и счастіе человѣчества, Наукою, которая разрѣшаетъ множество важныхъ вопросовъ и не оставляетъ послѣ себя недоумѣній и сомнѣній въ выводахъ. Теперь остается только опредѣлить границы и раздѣленіе сей Науки и прежнія истины свести съ истинами, вновь открывающимися. Подвигъ великій! При величайшемъ уваженіи нашемъ къ Г-ну Шторху, мы думаемъ, что онъ не совершилъ еще сего подвига, ибо его новое опредѣленіе и раздѣленіе Политической Экономіи недостаточно. Пріятнымъ долгомъ поставляемъ себѣ, въ будущемъ году, подробно разобрать книгу Г. Шторха и представить свои мысли о новыхъ усовершенствованіяхъ, которыхъ требуетъ Политическая Экономія.

Книга Г-на Демидова раздѣляется на четыре главы. Въ 1й, онъ объясняетъ значеніе слова: *капиталъ* и весьма правильно выводитъ, что *все вещественное, чѣмъ мы обладаемъ, есть капиталъ*; во 2й, какимъ образомъ составился капиталъ человѣка; въ 3й, что и *невещественное*, обладаемое человѣкомъ: его знанія, способности, науки производящія, также составляютъ капиталъ, подверженный одинакимъ законамъ съ вещественнымъ. Изъясненія Автора имѣютъ тотъ недостатокъ, что они весьма кратки и отъ того ка-

жутся недоказанными. Въ 4 й главѣ онъ изъясняетъ *раздѣленіе и употребленіе капиталовъ*: вся глава состоитъ изъ двухъ съ половиною страничекъ, слѣдовательно все изъясненіе должно ограничиваться нѣсколькими строчками; здѣсь Авторъ уже отстраняетъ всякое изъясненіе *о внутренней* сторонѣ народныхъ богатствъ (т. е. *невещественномъ капиталѣ*), занимаясь только *внѣшнею* его стороною (т. е. *богатствомъ вещественнымъ*). Жаль, что Авторъ не включилъ въ свою книжку систематическихъ раздѣленій Г-на Шторха. Осмѣливаемся полагать, что система и полнота гораздо преимущественнѣе въ ученыхъ сочиненіяхъ, нежели красивый, пріятный слогъ; въ послѣднемъ отношеніи, мы должны отдать справедливость Г-ну Демидову: онъ излагаетъ предметъ, какъ Французскіе Политическіе Экономы, весьма легко и пріятно.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Состояніе Восточнаго Индійскаго полуострова. Война съ Бирманами и новѣйшія изслѣдованія Англичанъ пролили новый свѣтъ на Географію и Статистику малоизвѣстныхъ донынѣ земель Восточнаго Индійскаго полуострова. Вотъ краткое извлеченіе изъ новѣйшаго описанія, помѣщеннаго въ Февральской книжкѣ *Эдинбургскаго Ревю*, сего 1826 года. Все пространство земель между 92°-108° дол. В. и 7°-26° шир. С. можно почесть заселеннымъ народами Индо-Китайскаго поколѣнія, между кото-

рыми находятся нѣсколько Малайскихъ и другихъ племенъ. Море, полуостровъ Малакка, Бенгалъ Бутана и Китай составляютъ границы сего обширнаго пространства земель. Можетъ быть, географическое положеніе ихъ было причиною того, что донынѣ не достигалъ до нихъ мечъ чужеземнаго завоевателя; но безпрерывныя междоусобія, всегдашняя война и сношенія съ Малайцами, удалили отъ характера ихъ кротость Китайцовъ и даже самое физическое сложеніе ихъ сдѣлалось грубѣе и мужественнѣе Индійцовъ. Индо-Китайское племя малорослѣе обитателей Индіи и Китая, и тѣмъ менѣе оно ростомъ, чѣмъ ближе къ Востоку полуострова, но за то, тѣмъ крѣпче и мужественнѣе. Вообще сіи народы смугляе Китайцовъ. Лица у нихъ плоски, рты велики, глаза маленькіе, но отличительная черта лицъ ихъ есть ширина и возвышенность челюстей. Впрочемъ, въ языкахъ, нравахъ, религіи и гражданскихъ постановленіяхъ замѣтно на нихъ вліяніе обѣихъ великихъ сосѣднихъ земель: Индіи и Китая. Они горды съ низшими, раболѣпны съ высшими; вообще лукавы, вспыльчивы и безпечны.

На Восточномъ Индійскомъ полуостровѣ говорятъ семью различными нарѣчіями, именно: *Бирманскимъ*, *Пегуанскимъ*, *Сіамскимъ*, *Лаосскимъ*, *Камбоджійскимъ*, *Тонкинскимъ* и *Арраканскимъ*. Замѣчательно, что каждое нарѣчіе имѣетъ свою азбуку. Камбоджійская и Тонкинская состоятъ изъ символическихъ Китайскихъ буквъ, нѣсколько измѣненныхъ. Всѣ семь нарѣчій имѣютъ множество гласныхъ буквъ и односложныхъ словъ. У Сіамцовъ считается гласныхъ до 36, весьма трудныхъ для выговора Европейца.

Страны сіи находятся въ жаркомъ климатѣ; земля тамъ холмиста; пшено, растущее въ величайшемъ изобиліи, составляетъ главное пропитаніе жителей; рыбы также много; лошади весьма рѣдки и малорослы, такъ, что ихъ совсѣмъ не употребляютъ для ѣзды. Верблюдовъ иословъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, также какъ барановъ и овецъ; воловъ, коровъ и козъ мало; напротивъ, слоновъ, буйволовъ и свиней величайшее изобиліе: первые два рода животныхъ замѣняютъ жителямъ лошадей и воловъ.

Литература сихъ народовъ, кромѣ ихъ священныхъ книгъ, маловажна. Просвѣщеннѣе другихъ и болѣе занимаются науками Бирманы, Пегуанцы, Сіамцы и Кохинхинцы. Другіе народы, особливо мелкіе, всегда угнѣтенные сильными, остаются въ невѣжествѣ и дикости.

Все народонаселеніе полуострова частно можно раздѣлить на множество поколѣній, болѣе или менѣе отличныхъ отъ главнѣйшихъ поколѣній языкомъ и нравами. Съ незапамятуемыхъ временъ всѣ они сражаются другъ съ другомъ и не болѣе полувѣка, какъ установилось тамъ нѣкоторое равновѣсіе между главными народами: другія государства были покорены тремя сильнѣйшими изъ нихъ, такъ, что нынѣ должно полагать только три главныя раздѣленія на всемъ Восточномъ Индійскомъ полуостровѣ.

Государство Бирманское, пространствомъ около 212,2000 квад. миль. До послѣдней войны съ Англичанами, оно владѣло, кромѣ Пегу и Аракана, Ассамомъ, Кашаромъ и Кассаемъ. Въ Малаккѣ, его владѣнія простираются до 11° шир. С. Бирманы самый мужественный и самый безпокойный народъ изъ всѣхъ Индо-Китайцовъ. Шесть большихъ

рѣкъ орошаютъ Бирманію. Она изобилуетъ хлѣбомъ, пшеномъ и лѣсомъ. Въ сѣверной части ея, менѣе плодоносной нежели часть южная, есть богатые рудники золота, серебра, желѣза и олова. Бѣлые слоны, драгоцѣнные сафиры и рубины находятся въ Бирманіи. Народонаселеніе не льзя положить болѣе 7 милліоновъ.

Государство Таиское (Thaï), называемое Европейцами *Сіамомъ*, пространствомъ до 250 тысячь квад. миль. Ему покорены Лао или Лаосъ, часть Камбоджіи, часть Пегу и шесть Малайскихъ владѣній. Къ Западу граничитъ оно съ Бирманіею, къ Сѣверу съ сею-же землею и Китайскою областью Юнъ-Нанъ, къ Востоку съ Кохинхиною, къ Югу съ моремъ и Англійскими владѣніями на Малаккѣ. Двѣ рѣки: Менамъ (или Сіамская) и Камбоджія орошаютъ сіе государство: послѣдняя начинается въ Китаѣ, протекаетъ до 1500 миль, и впадаетъ въ море, въ Кохинхинѣ. Сіамъ обиленъ произведеніями. Кромѣ желѣза, свинцу, мѣди и антимоніи, тамъ находятся: сахарный тростникъ, перецъ, кардамонъ, соль и проч. Народонаселеніе не льзя положить болѣе 8 милліоновъ. Здѣсь ведутъ большой торгъ съ Китаемъ.

Государство Кохинхинское есть третье изъ владѣній, занимающихъ Восточный Индійскій полуостровъ. Оно простирается длинною полосою вдоль восточнаго берега, которая суживаясь посрединѣ, расширяется къ Сѣверу и Югу; самую средину ея занимаетъ *Кохинхина собственно*. Остальное составляетъ покоренное государство Тонкинъ, часть Камбоджіи и Кампа или Хампа. До 1774 г. Кохинхина была отъ нихъ государст-

вомъ отдѣльнымъ и не весьма важнымъ. Тогда три брата низкаго происхожденія, страшные разбойники, взбунтовали народъ, свергли своего владѣтеля и кромѣ того завоевали Тонкинъ. Владѣтель Кохинхины отдался въ покровительство Адранскаго Епископа, который былъ родомъ изъ Брюсселя. Въ 1787 г. сынъ владѣтеля, вмѣстѣ съ Епископомъ, былъ во Франціи для испрошенія помощи у Французскаго Короля, но революція воспрепятствовала ихъ намѣренію. Въ 1790 г. Епископъ возвратился въ Кохинхину съ нѣсколькими искусными офицерами Французскими, бѣжавшими отъ гибели въ своемъ отечествѣ; при ихъ помощи и дѣятельности Епископа, владѣтель Кохинхинскій снова завоевалъ свое царство и утвердилъ власть надъ Тонкиномъ, а въ 1809 г. оружіемъ и хитростію покорена была ему и Камбоджія. Вообще Тонкинъ и Кохинхина всегда были отдѣлены отъ дѣйствій Сіама и Бирманіи, всегда сражались между собою и, можетъ-быть, потому Европейцы ошибочно называли обѣ сіи земли *Анамскою* Имперіею (*), между тѣмъ какъ это два различныя государства и Анамская Имперія собственно, никогда не существовала. Нынѣ государство Кохинхинское заключаетъ пространство земли около 100 тысячъ квадр. миль. Оно населеннѣе Бирманіи и Сіама. Число жителей вѣроятно простирается до 10 милліоновъ человѣкъ. Кромѣ Камбоджіи, важная рѣка здѣсь Сайгонъ. Кохинхина изобилуетъ произведеніями, хотя и уступаетъ

(*) Эта ошибка находится и въ Сравнительной Географіи (Тел. VII. 238).

въ семъ отношеніи Сіаму. Здѣсь много лѣсу, сахарнаго тростнику, соли и шелку.

Новая комета. О появленіи ея извѣстилъ, отъ 15 Августа, Марсельскій Астрономъ Гамбаръ. Она невелика, кругла и весьма не замѣтна. Ее увидѣли подлѣ 27 й звѣзды Эридана, 54° о прямаго восхожденія (d'ascension droite) и 23° 1 австральнаго склоненія (de déclinaison australe).

Извѣстія изъ Сѣверной Америки. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ билей, которыми занимался конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ въ засѣданіи нынѣшняго года, относится къ образованію Африканскихъ племенъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Они будутъ водворены на большой полосѣ земли, къ западу отъ Миссисипи и находясь подъ особеннымъ покровительствомъ союза, будутъ удалены отъ всѣхъ происковъ бѣлыхъ людей. Правительство сей новой области будутъ составлять: Губернаторъ, трое судей и одинъ секретарь. Законодательное собраніе и всѣ исполнительные и судные чины будутъ избираемы изъ самыхъ жителей новой области. — Другой предметъ, которымъ очень занимался конгрессъ и о которомъ много было споровъ, относится къ участію въ Панамскомъ конгрессѣ. Третій, также подавшій поводъ къ любопытнымъ спорамъ, есть улучшеніе конституціи, относительно выбора Президента.

По близости Ридинга, въ землѣ, принадлежащей Губернатору Гистеру, открыта желѣзная руда, которая даетъ отъ 50 до 70 процентовъ прибыли. Въ Графствѣ Суссекскомъ найдена богатая серебряная руда.

Во многихъ Американскихъ областяхъ принимаютъ строгія мѣры противъ поединковъ. Въ Алабамѣ рѣшено, чтобы съ каждаго избираемаго въ представители или въ какую нибудь должность, взята была клятва, что онъ ни съ кѣмъ и ни какъ не былъ на поединкѣ и даже не хотѣлъ никогда въ нихъ участвовать.

Писали, что между перевозными кораблями Паши Египетскаго находится одинъ Американскій корабль: это несправедливо. Онъ, правда, былъ построенъ въ Америкѣ во время послѣдней войны, но съ тѣхъ поръ одинъ купецъ продалъ его въ Ливерпулѣ и слѣдовательно оно Англинское.

При устьѣ Шезапикскаго и Делаварскаго канала заложенъ новый городъ, названный *Делавара*, съ правильными улицами. Въ скоромъ времени онъ долженъ сдѣлаться важнымъ торговымъ городомъ.

Засѣданіе области Алабама перенесено въ Тускалузу.

НЕКРОЛОГІЯ. Францъ, Антоній, Графъ Буасси д'Англа, Перъ Франціи, скончался 12 Октября (н. с.), сего 1826 года. Вельможа, гражданинъ и писатель достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ! Въ три различныя эпохи: въ революцію, царствованіе Наполеона и по возстановленіи дома Бурбоновъ на престолъ Франціи, онъ никогда не измѣнилъ своего благороднаго, сильнаго характера. »Среди именъ новѣйшей Исторіи«, говоритъ Жуи, среди столькихъ именъ, изъ которыхъ многія несправедливость, насиліе, фанатизмъ или честолюбіе осудили на извѣстность, награда историку, если онъ

находить иногда жизнь человѣка знаменитую и безпорочную, одинаково славную и для добродѣтели и для званія его, обильную заслугами для наукъ и отчизны: такова жизнь Графа Буасси д'Англа. Во время продолжительной и ужасной революціи онъ показалъ примѣры всѣхъ родовъ мужества и всѣхъ добродѣтелей. Отличный литтераторъ,ораторъ истинный, какого описываетъ Квинтиліанъ, способный сказать что сдѣлалъ и сдѣлать что сказалъ, философъ, достойный дружбы добродѣтельнаго Мальзерба, государственный человѣкъ-гражданинъ, патріотъ безъ фанатизма политическаго, другъ порядка, тридцать лѣтъ мужественно сражавшійся съ бѣшенствомъ всѣхъ буйныхъ страстей, ополчавшихся на свободу и счастіе Франціи.« Онъ родился 8 Декабря, 1756 г. въ Сенъ-Жанъ-Шамбръ, близъ Анноне, въ Деп. Ардешскомъ. До самой революціи онъ занимался Литтературою, хотя имѣлъ званіе адвокаша Парижскаго Парламента и метръ-д'отеля при дворѣ Графа Провансkаго. Избранный депутатомъ въ собраніе Генеральныхъ Штатовъ 1789 г., онъ вышелъ на политическое поприще, опредѣленъ былъ Генералъ-Прокуроромъ и Синдикомъ Ардешскаго Деп., гдѣ умѣлъ обуздать неистовство революціонеровъ, подвергая опасности жизнь свою. По возвращеніи въ Парижъ, онъ противился казни Людовика XVI и послѣ 9 Термидора еще болѣе отличился своими дѣлами и подвигами: первый онъ предложилъ уничтоженіе конфискаціи на имѣнія казненныхъ людей, освободилъ живописца Давида и заботился о снабженіи съѣстными запасами Парижа. Апрѣля 1, 1795 года, когда онъ читалъ свое донесеніе о семъ предметѣ, толпа народа вломилась

въ Конвентъ, крича: «*Хлѣба, хлѣба! Конституцію 93 года!*» Б. д'Англа укротилъ возмущеніе своимъ холоднымъ благоразуміемъ; но еще болѣе оказалъ онъ присутствія духа въ эпоху Преріаля. Народъ въ ярости осадилъ Конвентъ, солдаты были смяты и разсѣяны. Президентъ Верніе оставилъ свое мѣсто; Дюмонъ занялъ было его, но испуганный воплемъ и неистовствомъ народа, съ трепетомъ удалился. Б. д'Англа хладнокровно сѣлъ въ президентскія кресла. У ногъ его Кервелеганъ упалъ изрубленный народомъ, сабли и ружья устремлены были на него и окровавленная голова члена Ферро на пикѣ подставлена была къ его лицу. Преклонившись почтительно предъ обезображенными остатками несчастной жертвы, онъ спокойно сталъ говорить съ народомъ и удерживалъ бѣшенство бунтовщиковъ, пока солдаты не собрались вновь и штыками не прогнали толпы. Громкія рукоплесканія встрѣтили его на другой день въ собраніи Конвента. Но мы должны ограничиться въ исчисленіи всѣхъ знаменитыхъ подвиговъ сего почтеннаго мужа. Въ послѣдствіи, призванный въ званіе Трибуна, Наполеономъ, 9 Ноября, 1799 г. и въ 1805 г. произведенный Сенаторомъ и Коммандоромъ Почетнаго Легіона, онъ избранъ былъ для поздравленія Наполеона отъ лица Сената, въ 1804 г. съ Пресбургскихъ миромъ и въ 1809 г. съ Вѣнскимъ миромъ. Въ 1813 г. оказалъ онъ важныя услуги отечеству, при всеобщемъ смятеніи и особливо въ 1814 г., когда иностранныя войска вступили во Францію. Видя необходимость новаго правленія, подалъ онъ согласіе на возстановленіе дома Бурбоновъ и получилъ отъ Короля Людовика XVIII званіе Пера. Но онъ

такъ благородно велъ себя во всѣхъ случаяхъ, что по возвращеніи съ Эльбы, Наполеонъ утвердилъ его въ семъ достоинствѣ и занялъ устройствомъ внутренняго управленія Франціи. Послѣ Ватерлооской битвы, Б. д' Англа неутомимо трудился надъ возстановленіемъ порядка; съ тѣхъ поръ голосъ его былъ слышанъ во всѣхъ важнѣйшихъ преніяхъ Палаты Перовъ: свобода книгопечатанія, споръ о бюджетѣ 14 Мая, 1818 г., награда Герцогу Ришолье и другіе важные предметы находили въ немъ вѣрнаго защитника: вездѣ Буасси д' Англа изъявлялъ свои высокія, безкорыстныя чувства, свою любовь къ отечеству. Такъ протекла вся жизнь сего достопамятнаго человѣка, близкаго свидѣтеля важнѣйшихъ событій, почти въ теченіе сорока лѣтъ! Кромѣ рѣчей и политическихъ сочиненій, онъ издалъ жизнеописанія друзей своихъ Мальзерба и Флоріана. Касательно литтературныхъ занятій Графа Б. д' А. намъ Рускимъ не льзя не вспомнить, что онъ не отказался принять участіе въ переводѣ Басенъ И. А. Крылова на Французскій языкъ и перевелъ нѣсколько Басенъ.

Іоаннъ Элертъ Боде, знаменитѣйшій Астрономъ нашего времени, скончался къ Берлинѣ, Ноября 23, сего 1826 года. Онъ родился въ Гамбургѣ 19 Января, 1747 года. Отецъ его содержалъ тамъ небольшое учебное заведеніе, гдѣ обучался юный Боде и съ малыхъ лѣтъ онъ имѣлъ такую склонность къ Астрономіи, что вскорѣ оказалъ въ ней быстрые успѣхи. Въ 19 лѣтъ, онъ вычислилъ самъ солнечное затмѣніе, былъ другомъ Лаланда и 25-ти лѣтъ получилъ званіе Астронома Берлинской Академіи. Черезъ 10 лѣтъ, онъ сдѣланъ былъ

членомъ сей Академіи, до самой кончины жилъ въ Берлинѣ и безпрерывно посвящалъ все время своей любимой наукѣ. Достигнувъ тихой и глубокой старости, онъ отпраздновалъ 50-ти лѣтній юбилей своего званія въ 1822 г. и обрадованъ былъ въ этотъ день полученіемъ отъ Короля Прусскаго ордена Краснаго Орла, отъ ИМПЕРАТОРА Россійскаго ордена Св. Анны 2 й степ. — За пять дней до кончины, Боде былъ еще здоровъ, но почувствовавъ болѣзнь, принужденъ былъ слечь въ постелю и до самой смерти сохранилъ веселость и спокойствіе духа: въ самый день смерти говорилъ еще съ Астрономомъ Энке объ ихъ общихъ занятіяхъ и особенно о затмѣніи, которое было чрезъ шесть дней послѣ его кончины, 29 Ноября. Послѣднія слова его были: »*Смерть. . . я увѣренъ. . . жизнь!*« — Труды Боде по практической Астрономіи были важны и многочисленны. Занятый всегда наблюденіями, онъ каждогодно издавалъ любопытныя извѣстія и результаты, подъ именемъ *Астрономической лѣтописи* и издалъ сихъ лѣтописей 54 года. Объ изданной на 1827 й годъ, мы упоминали въ Телеграфѣ (Т. III. 275 359). Кромѣ сего труда и большаго количества ученыхъ диссертацій, главныя сочиненія его суть: *Основанія Астрономіи* (которыхъ съ 1793 года, было *четыре* изданія); *Введеніе въ познаніе звѣзднаго неба* (сей книги было *восемь* изданій); *О новой восьмой планетѣ, между Марсомъ и Юпитеромъ* (1802 г.) и особенно — Atlas coelestis, въ которомъ показано 17,240 звѣздъ (Берлинъ, 1801 г. въ больш. листъ).

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Сумасшедшій Честолюбецъ.

Изъ безчисленнаго множества причинъ способствующихъ заблужденію ума человѣческаго, есть одна, сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующая и всѣхъ болѣе поразительная: это честолюбіе. Мои слова могутъ быть доказаны всѣми заведеніями для лишенныхъ ума: такъ, справедливо, что сія страсть, болѣе всѣхъ другихъ занимаетъ нашъ умъ и вмѣшивается, такъ сказать, во всѣ происшествія жизни! Человѣкъ, по инстинкту безпрестанно мечтаетъ о господствованіи и могуществѣ; это отличаетъ его отъ безсмысленныхъ животныхъ, и всегда заставляетъ стремиться выше и выше противъ того состоянія, въ какомъ онъ находится.

Но сей феноменъ всего болѣе является въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда великія политическія выгоды оковываютъ души всѣхъ. На примѣръ, никогда въ Бисетрскомъ домѣ (въ Парижѣ) не бывало такого множества сумасшедшихъ сего рода, какъ въ то время, когда все волновалось во Фран-

ціи для возстановленія правъ и законовъ. Большею частію эти безумцы воображали, что они сдѣлались диктаторами, повелѣваютъ войсками и что имъ ввѣрено управленіе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Одинъ называлъ себя Спартанцомъ, другой гражданиномъ Рима. Въ жару самаго страннаго безумія, тотъ жаловался что его забыли изгнать, а онъ принадлежитъ къ первокласснымъ изгнанникамъ: это былъ мѣлкій ораторъ, изъ среды самаго послѣдняго класса въ обществѣ. Далѣе, былъ одинъ старикъ, который провозгласилъ себя государемъ трехъ королевствъ. Онъ ожидалъ легіоновъ вооруженныхъ людей, долженствовавшихъ утвердить на немъ тройственную корону и образумить всѣхъ этихъ отчаянныхъ демагоговъ. Наконецъ, одинъ выдавалъ себя Китайскимъ Императоромъ. »Видите-ли,« говорилъ онъ жалобнымъ голосомъ, »у меня нѣтъ уже войскъ; у меня отняли даже самыхъ вѣрныхъ моихъ служителей.«

Сумасшедшіе чувствуютъ другъ къ другу влеченіе только безумствуя въ одинакихъ предметахъ. Тогда они встрѣчаются, сближаются и разговариваютъ съ гордостью. Не то, каждый живетъ самъ по себѣ и удаляется отъ другихъ. Всего печальнѣе для наблюдателя видѣть, какъ сіи запмѣнныя существа насмѣхаются другъ надъ другомъ, кидаютъ язвительные взгляды, ругаются надъ другими и

каждый почитаетъ только себя исключительнымъ обладателемъ истины. Впрочемъ, здѣсь все идетъ также какъ и въ мірѣ, только съ болѣе рѣзкою выразительностію Представьте себѣ залу, со множествомъ музыкальныхъ инструментовъ, изъ которыхъ на удачу извлекаютъ самые разногласные звуки, и вы будете имѣть понятіе о сихъ шумныхъ собраніяхъ людей, которыхъ умъ затмился по причинамъ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ.

Между ними былъ одинъ чрезвычайно странный человѣкъ, которато исторію хочу я разсказать. Онъ назывался Анселъмъ, но по-просту его звали *Діогеномъ*. Уже съ давнихъ лѣтъ былъ онъ взаперти, потому что прежде бѣгалъ по Парижскимъ улицамъ въ Греческомъ нарядѣ и воображалъ, что ему препоручено философическое посольство, вылечить людей отъ честолюбія. Чтеніе древнихъ авторовъ такъ помѣшало его въ умѣ, что онъ останавливался на городскихъ площадяхъ и съ нѣкоторымъ краснорѣчіемъ ораторствовалъ передъ всякимъ встрѣчнымъ.

Безумные съ удивительнымъ искуствомъ умѣютъ собирать все, что имѣетъ отношеніе къ основной ихъ идеѣ. Такъ многіе изъ нихъ удивляютъ ловкостью, съ какою достаютъ себѣ украшенія, скипетры, короны и все, что можетъ льстить любимому ихъ честолюбію. Анселъмъ иногда одѣвался просто въ какое

нибудь покрывало, но онъ такъ искусно умѣлъ драпировать его по своему вкусу, что въ самомъ дѣлѣ въ немъ можно было вообразить истиннаго выходца изъ школъ Портика и Лицея. Самъ себя онъ выдавалъ ученикомъ Сократа и разсказывалъ иногда о его смерти столь выразительно, что вызывалъ слезы у своихъ слушателей. Дѣйствительно онъ былъ совершенно знакомъ съ ученіемъ сего Философа и на память твердилъ его законы и мнѣнія.

Анселмъ, какъ и всѣ меланхолики, былъ чрезвычайно неровенъ въ своихъ расположеніяхъ. Иногда онъ говорилъ безъ умолку: напротивъ, въ другое время молчалъ по многу дней. Случалось, что проходили цѣлые мѣсяцы и онъ не говорилъ ни одного слова, размышляя; но едва разжималъ онъ зубы, и вся физіономія у него воспламенялась, какъ у энтузіаста. Въ движеніяхъ его было что-то театральное, оживленное; особенно голосъ его, которому придавалъ онъ разнообразныя, пріятныя измѣненія, удивительно располагалъ въ пользу сего старика. Что можетъ быть необыкновеннѣе той рѣчи, которую однажды говорилъ онъ двумъ другимъ безумцамъ, вообразившимъ, что они сдѣлались государями. Они бѣгали по Бисетрскимъ дворамъ, другъ у друга оспоривая преимущество, а ученикъ Сократа кричалъ имъ: »Что за нелѣпость вообра-

зили вы! Посмотрите, какъ я веду себя. Видали-ли вы меня сердитымъ? И я могъ-бы царствовать не хуже васъ; но я посвятилъ себя философіи.« И что всего удивительнѣе, это краткое восклицаніе сумасшедшаго человѣка усмирило ихъ. Они почли его мудрецомъ, котораго должно слушаться.

Непомѣрная гордость давала Ансельму большое преимущество надъ всѣми товарищами его бѣдствія: она заставляла его быть равнодушнымъ ко всему, даже къ насмѣшкамъ. Одно презрѣніе выражалось въ его глазахъ: въ нихъ никогда не было видно нетерпѣнія, ярости. Одинъ изъ всѣхъ, онъ отвергалъ подаянія, какія хотѣли дѣлать ему посѣщавшіе домъ безумныхъ. Я упомянулъ, что Ансельма прозвали Діогеномъ: потому что онъ всячески старался подражать сему философу въ лаконизмѣ выраженія, въ свободѣ своихъ сужденій, въ цинизмѣ отвѣтовъ. Онъ ходилъ въ плащѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и всѣ клочки сего одѣянія были постепенно возобновляемы. Въ грязи ходилъ онъ безъ обуви, и таскалъ полныя сумки писанныхъ замѣчаній, будто бы съ трудомъ собранныхъ въ библіотекахъ столицы. Это особенность многихъ сумасшедшихъ: бросать на бумагу странныя слѣдствія своихъ безумствъ. Бываетъ, что они пишутъ цѣлыя страницы о томъ, что думаютъ, или лучше

сказать, о чемъ сумасбродствуютъ. Прибавимъ, что когда Анселмъ бывалъ въ своей каморкѣ, онъ неподвижно сиживалъ на дурной постелѣ. Въ немъ можно было видѣть сходство съ однимъ изъ тѣхъ нищихъ города Неаполя, которые лежатъ въ тростниковыхъ корзинахъ или въ сѣняхъ домовъ.

Несходство привычекъ и запачканная одежда не помѣшали Ансельму заслужить нѣкоторую славу со времени входа своего въ Бисетръ. На него находили молніи ума, удивлявшія всякаго, кто имѣлъ случай съ нимъ говорить. Безумцовъ любопытно слушать, потому что они возмущены какимъ-то страстнымъ вдохновеніемъ, среди котораго изъ головы ихъ могутъ излетать свѣтлыя мысли; чего не бываетъ съ тихими людьми, живущими въ обыкновенномъ кругѣ жизненныхъ привычекъ. Голова сумасшедшаго походитъ на волканъ: въ его нечистой лавѣ попадаются иногда вещества драгоцѣнныя. Анселмъ никакъ не могъ привести въ порядокъ того, что было плодомъ постоянныхъ его размышленій. Онъ потерялъ способность, посредствомъ которой человѣкъ видитъ предметы въ истинныхъ соотношеніяхъ съ умственною и нравственною природой; но иногда онъ поражалъ слушателей тонкостію своихъ понятій и глубокими, неожиданными размышленіями.

За всѣмъ тѣмъ, по множеству случаевъ, ничего не могло быть безсмысленнѣе разговоровъ и поведенія Ансельма. Онъ всегда говорилъ о путешествіяхъ, предпринятыхъ имъ для изученія нравовъ различныхъ народовъ. Очень часто онъ ссылался на древнѣйшихъ Грековъ, которыхъ будто-бы зналъ и бывалъ у нихъ. Онъ обвинялъ Карнеада, хвалилъ Платона и до небесъ превозносилъ Хризиппа.

Всего болѣе любилъ онъ иногда запираться въ своей каморкѣ и составлять тамъ уложенія, которыхъ будто-бы просили у него всѣ государи въ мірѣ. Онъ заботился о примѣненіи своихъ уложеній къ тѣмъ государствамъ, которымъ хотѣлъ услужить. На языкѣ его безпрестанно были имена Ликурга и Миноса. »Я передѣлываю законы для всѣхъ древнихъ монархій,« говаривалъ онъ. Продолжая играть роль философа, онъ увѣрялъ, что ему хотѣли ввѣрить важнѣйшія должности, но что онъ постоянно отказывался отъ политическаго величія. Онъ поздравлялъ себя, что освободился отъ всѣхъ дѣлъ міра, и жалѣлъ искренно о тѣхъ, которые мучатся для пріобрѣтенія нѣкотораго могущества. Самъ онъ наслаждался удовольствіями, связанными съ жизнію чисто созерцательною.

На одномъ изъ Бисетрскихъ дворовъ была навалена огромная куча навоза, назначенная для удобренія сосѣдственныхъ садовъ; нашему философу служила она

вмѣсто холма, на которомъ онъ учреждалъ засѣданія для своихъ мечтательныхъ, или, лучше сказать, браней противъ рода человѣческаго. Нѣкоторые ученые люди, наслышавшись о странныхъ свойствахъ ума Ансельмова, приходили прогуливаться въ Бисетръ. Они безпрестанно осаждали его болѣе или менѣе остроумными вопросами о разныхъ философическихъ предметахъ. Казалось, эти люди приходили искать истинъ у человѣка, помѣшаннаго въ умѣ. Ансельмъ воспламенялся, смотря по числу любопытныхъ, его окружавшихъ. Онъ насмѣхался надъ своими слушателями за ихъ привязанность къ земнымъ вещамъ, а не примѣчалъ, что самъ былъ величайшій честолюбецъ изъ смертныхъ, потому что гордился какъ высокоученый и говорилъ только для того, чтобы заслужить похвалы.

Такъ-то даже въ жилищѣ бѣдности и несчастія, въ самомъ презрѣнномъ состояніи жизни, встрѣчается еще это пожирающее честолюбіе, которое заставляетъ насъ искать похвалъ и одобреній другаго. Изученіе науки сдѣлало Ансельма столь-же презорнымъ, какъ и гордымъ; оно навѣяло на его душу глубочайшее презрѣніе къ подобнымъ себѣ. Онъ воображалъ, что достигъ всей вышины мудрости и посвященъ во всѣ чудеса вселенной, хотя въ самомъ дѣлѣ занималъ въ ней самое презрѣнное мѣсто. Онъ удивлялся,

что постановляли законы безъ его посредства и что онъ не былъ первымъ двигателемъ всѣхъ политическихъ происшествій.

Безуміе Ансельма не было безуміемъ постояннымъ: въ существованіи его случались промежутки, въ продолженіе которыхъ онъ разсуждалъ съ удивительною ясностью. Если нашъ умъ претерпѣваетъ затмѣнія, если бываетъ время, когда душа закрывается облаками и когда, можно сказать, тѣло преграждаетъ сообщеніе между умомъ и предметами, то бываетъ и другое время, въ которое умъ мгновенно освобождается отъ своей темноты. Атмосфера имѣетъ вліяніе на наши идеи также какъ на волны моря. Душа наша раскрывается или сжимается по волѣ стихій. Когда Ансельмъ приходилъ въ спокойное состояніе, онъ говорилъ очень умно и, даже, иногда, съ необыкновенною основательностью. Голова его попеременно представляла силу и слабость, свѣтъ и тму, самую высокую разсудительность и самое совершенное безуміе.

Ансельмъ въ это время былъ предметомъ общаго любопытства. О немъ часто говорили въ свѣтѣ, и не было человѣка, который не любопытствовалъ-бы узнать всю его исторію. Хотѣли знать, что довело его до такого состоянія бѣдствія и униженія. Многіе увѣряли, что знали его прежде не-

жели онъ лишился ума и каждый, съ большими или меньшими подробностями, разсказывалъ о немъ анекдоты. Мы слушали сіи различные разсказы съ такою-же жадностью какъ и нетерпѣніемъ. Вотъ, въ коротких словахъ, все, что могли мы узнать о немъ.

Въ продолженіе двухъ третей своей жизни, Ансельмъ былъ самымъ трудолюбивымъ и достойнымъ человѣкомъ. но никогда не былъ онъ счастливъ, потому что честолюбіе преслѣдовало его вездѣ. Всего страннѣе въ судьбѣ его то, что онъ прекрасно разсуждалъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ этой страсти, но никогда не могъ уберечься отъ ея искушеній. Онъ признавался въ своихъ погрѣшностяхъ и не могъ защититься отъ движеній, безпрестанно его волновавшихъ. Самъ сказывалъ, что эта болѣзнь мучила его съ перваго младенчества и что въ школѣ онъ сохнулъ отъ зависти, если товарищи въ ученьи оказывали болѣе успѣховъ, нежели онъ. Онъ не могъ читать Плутарховой Исторіи великихъ людей, не будучи превожимъ горестнымъ нетерпѣніемъ; не спалъ, если ему вдругъ разсказывали о подвигахъ военнаго генерала. Желаніе превзойдти мучило его до бѣшенства. Въ свѣтѣ и въ различныхъ занятіяхъ, за какія онъ принимался, его изнуряло вѣчное желаніе взойдти выше подобныхъ себѣ; но онъ всегда былъ ниже ихъ.

Честолюбивые всегда стремятся къ неопредѣленной цѣли. Безпрерывныя оптическія обольщенія подстрекаютъ или направляютъ ихъ. Еще не успѣли они достигнуть той цѣли, къ которой стремились, какъ очарованіе для нихъ уже исчезло. Они вѣчно находятся на неизмѣримомъ полѣ, гдѣ всегда для нихъ есть что-то неизвѣстное, предметъ ихъ желаній.

Ансельмъ былъ такъ несчастливъ на своемъ поприщѣ, что какъ скоро достигалъ желанной точки, онъ не чувствовалъ даже радости удовлетвореннаго честолюбія. Если его жаловали поручикомъ, чинъ капитана приводилъ его въ отчаяніе. Всегда недовольный, онъ не зналъ никакихъ границъ своимъ желаніямъ; безпрестанно хотѣлъ вылечиться отъ своей дикой страсти и надѣялся достигнуть этого, перемѣняя званія; но здѣсь, его честолюбіе только перемѣняло пищу. Напрасно терялся онъ въ усиліяхъ; онъ вездѣ находилъ самого себя, вездѣ встрѣчалъ соперниковъ, которые оспоривали у него преимущество.

Наконецъ честолюбіе до такой степени пожирало Ансельма, что онъ, казалось, былъ жертвою какого нибудь чуждаго могущества. Честолюбіе тревожило его даже во снѣ. Ночью, онъ воображалъ себя королемъ, императоромъ, воображалъ, что на головѣ его корона. Ему казалось, что онъ сидитъ на тронѣ; но и тутъ возмущали его тѣ-же страданія, тѣ-же боре-

нія, какъ наяву. Мечты о величіи и славѣ дѣлали его иногда счастливымъ; но, вскорѣ онъ пробуждался, униженный своимъ заблужденіемъ.

Растерзанный обидами, разувѣренный столькими препятствіями, Ансельмъ рѣшился однажды на великодушный поступокъ, и не замедлилъ исполнить своей рѣшимости. Онъ удалился отъ свѣта и углубился въ Философію, желая, какъ говорилъ онъ, лучше прислушиваться къ оракуламъ ума. Онъ прибавлялъ, что въ сновидѣніи являлся ему Діогенъ и завѣщалъ свой фонарь, но, отрѣкаясь такимъ образомъ отъ честолюбія, достоинствъ и богатства, онъ не зналъ, что имъ обладаетъ честолюбіе ума. Въ самомъ дѣлѣ, едва пробѣжалъ онъ сочиненія нѣкоторыхъ древнихъ писателей, какъ вообразилъ, что посвященъ во всѣ таинства мудрости. Въ Ансельмѣ всегда замѣчали склонность первенствовать, и это-то было для него неисчерпаемымъ источникомъ мученій. Онъ безпрестанно говорилъ объ успѣхахъ своихъ въ свѣтѣ, о препятствіяхъ, встрѣченныхъ имъ, о томъ что сдѣлалъ для отечества, объ отказахъ ему въ должностяхъ, о награжденіяхъ, заслуженныхъ имъ, о министрахъ, отвергшихъ его, о неспособности тѣхъ, кого предпочли ему. Онъ жаловался, что ему затруднили пути, открытые имъ для достиженія къ великимъ послѣдствіямъ;

но всегда прибавлялъ, что если-бы теперь предложили ему самое важное мѣсто въ государствѣ, онъ непремѣнно отказался-бы отъ него. Ансельмъ благодарилъ Бога, что наконецъ Онъ избавилъ его отъ этой ужасной страсти, которая дѣлала ему жизнь несносною.

Но не смотря на это наружное обращеніе, не смотря на благородную рѣшительность Ансельма, скоро замѣтили, что онъ нечувствительно впадаетъ въ глубокую меланхолію. Во взглядахъ его было что-то дикое и движенія заблужденной души ясно выражались въ безумной его физіономіи. Всѣ разговоры Ансельма были неосновательны и всегдашнее смѣшеніе идей его возбуждало печальное соболѣзнованіе. Въ это время своей жизни онъ не былъ Діогеномъ, который веселился колкою ироніею своихъ шутокъ. Онъ сталъ также мраченъ какъ Тимонъ, тотъ несчастный философъ Аѳинскій, обременявшій проклятіями родъ человѣческій и умершій отъ ненависти къ людямъ. Увидимъ, что и нашъ бѣдный Ансельмъ имѣлъ почти такую-же участь.

Я уже сказалъ, что онъ трудился надъ сочиненіемъ законоположенія, которое хотѣлъ подарить всѣмъ царствующимъ властямъ. Когда этотъ огромный проэктъ былъ приведенъ къ окончанію, онъ послалъ его ко многимъ государямъ, и они, разумѣется, не приняли проэкта. Этотъ

отказъ унизилъ его до невыразимой степени. Отчаяніе овладѣло имъ и апоплексическіе удары внезапно прервали жизнь его. Такимъ образомъ тотъ самый человѣкъ, который воображалъ что онъ вылечится отъ стариннои своей страсти, который увѣрялъ что презираетъ славу и величіе, былъ пораженъ живѣйшею горестью отъ того, что не отвѣчали на его письма, сочиненныя въ домѣ сумасшедшихъ. Тѣ прекрасныя нравоученія, которыя всякій день повторялъ онъ мнимымъ государямъ, сверженнымъ съ престола, всегда являвшимся на Бисетрскихъ дворахъ, самому ему были совершенно безполезны. Онъ умеръ отъ болѣзни честолюбія въ той самой комнаткѣ, гдѣ сжали его существованіе и ограничили желанія. Таковъ страшный духъ сей ненасытимой страсти, что она почти всегда пожираетъ того, кого останавливаютъ препятствія, и поядаетъ то сердце, въ которомъ возгорѣлась! Если разъ вопьется она въ душу — человѣкъ напрасно думаетъ объ исправленіи себя. Тщетно будетъ онъ посѣщать мудрецовъ, слѣдовать по пути Сократа, питать себя правилами Эпиктета: честолюбіе существуетъ и въ Портикѣ и въ Лицеѣ; рабы, которыхъ оно влачитъ за собою, могутъ насладиться миромъ только въ могилѣ.

(Съ Франц.)

Святочные разсказы.

Въ Москвѣ, *доброй*, какъ назвалъ ее Карамзинъ, живало въ прежніе годы много стариковъ, живыхъ лѣтописей прошедшаго. Удаленные отъ шума столицы на Прѣсненскіе Пруды, въ Замоскворѣчье, за Земляной Городъ, они тихо доживали и договаривали свой вѣкъ: человѣкъ любитъ поговорить, когда не можетъ дѣйствовать; кто дѣйствуетъ, тотъ говоритъ мало. Я узналъ Москву давно и слышалъ еще въ ней разсказы и были Елисавешинскаго и Екатерининскаго вѣка; видѣлъ людей въ ножелтѣлыхъ мундирахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ головами, съ Кагульскими рубцами на лицѣ и со значками за взятіе Хотина и завоеваніе Крыма. Я былъ тогда еще молодъ, но уже любилъ слушать ихъ безконечные разсказы, любилъ переселяться съ ними отъ дѣйствительности къ прошедшему. Когда мнѣ бывало грустно, когда мнѣ бывало весело, я всегда охотно слушалъ добрыхъ стариковъ, разсказывавшихъ мнѣ свои были и небылицы: они переносили меня въ кругъ людей, давно не существовавшихъ, живо рисовали предо мною и ужасы Московской чумы, и бунтъ Пугачева, и Китайское посольство въ Петербургъ, и Шведскаго Адмирала, плѣнявшаго всѣхъ Московскихъ красавицъ,

лѣтъ за сорокъ до нашего времени. Русскія сказки, Русскіе разсказы и повѣсти всегда мнѣ нравились и могу-ли исчислить все, что я переслушалъ отъ добрыхъ старожиловъ Московскихъ! Могу-ли передать вамъ всѣ ихъ преданія о мечтахъ и надеждахъ, давно уснувшихъ съ мечтателями, о порывахъ сердецъ, кипѣвшихъ сильными страстями и давно охолодѣвшихъ въ могилѣ, о старыхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ!

Хочу однакожъ разсказывать иногда вамъ, друзья мои, кое что изъ того, что самъ слыхивалъ, и вотъ теперь, кстати на Святкахъ, послушайте, что мнѣ удалось услышать въ одинъ только вечеръ въ бесѣдѣ *нѣсколькихъ* стариковъ.

Вамъ нѣтъ надобности знать, сколько лѣтъ прошло тому, какъ жилъ въ Москвѣ одинъ человѣкъ старый, добрый, любезный, словоохотливый. Много, мало: не все-ли равно? Я уважалъ его какъ старика и любилъ какъ человѣка. Въ его семействѣ провелъ я нѣсколько часовъ счастливой юности. Тогда еще глядѣлъ я на свѣтъ сквозь призму надеждъ, жилъ въ области мечтаній. Улыбка прелестной дѣвушки

И соловей въ тѣни дубравы
И шумъ безвѣстнаго ручья

радовали меня чистою, безпримѣрною радостью! Когда вечеромъ, вокругъ камина, собиралось доброе семейство моего стараго друга, когда *ты* оживляла его собою,

ты, которую я назвать не смѣю, которая послѣ отказалась отъ счастья и промѣняла его на блестящую куклу большаго свѣта: я счастливъ бывалъ въ то время! Но полно о ней! Скажу вамъ, что дружеская бесѣда наша украшалась иногда присутствіемъ старинныхъ друзей нашего хозяина, также разговорчивыхъ, веселыхъ и добродушныхъ.

Были, какъ теперь, святки. Гдѣ могъ я лучше и веселѣе провесть длинный зимній вечеръ, если не у моего стараго друга? Ѣду къ нему. Погода была несносная: снѣгъ хлопьями падалъ и сугробы его переносило вихремъ съ мѣста на мѣсто. Тѣмъ милѣе было послѣ пруднаго путешествія отдохнуть въ теплой, свѣтлой комнатѣ, съ людьми счастливыми и веселыми.

Я застадъ полное собраніе. Хозяинъ, въ своемъ колпакѣ и Татарскомъ халатѣ, занималъ главное мѣсто подлѣ камина. Дымъ вился изъ трубки его сослуживца, Суворовскаго воина, подлѣ котораго сидѣлъ нашъ общій знакомецъ (назовемъ его хотя Терновскій: Мидоны, Добровы и Правдины уже надоѣли намъ въ Русскихъ комедіяхъ!). Это былъ добрый философъ, который вѣрилъ всѣмъ привидѣніямъ, всѣмъ колдунамъ, всему чудесному на свѣтѣ и все старался изъяснять, какъ онъ говорилъ, естественнымъ образомъ. Присовокуплю къ этому Шумилова, добраго старика,

который на своемъ вѣку объѣздилъ полъ-Россіи, видѣлъ все что разсказывалъ, разсказывалъ обо всемъ что видѣлъ и былъ записной охотникъ разсказывать Русскія были и сказки. Я засталъ у нихъ жаркій споръ о какомъ-то дѣлѣ первой Турецкой кампаніи, но въ тоже время замѣтилъ желаніе хозяина говорить о чемъ-то другомъ.

У него была странная привычка говорить всегда о томъ, что прилично времени и обстоятельствамъ. Кромѣ обыкновенныхъ разсказовъ его о путешествіи на Кавказъ, поѣздкѣ въ Польшу и знакомствѣ тамъ съ Костюшкою (объ этомъ когда нибудь разскажу вамъ особо), онъ любилъ поговорить о политикѣ, когда получалъ газеты, о полярныхъ земляхъ, зимою, объ Африкѣ, въ жаркій лѣтній день и о привидѣніяхъ наканунѣ Ивана Купалы.

Круто повернулъ онъ разговоръ, спрашивая меня о погодѣ и извѣстилъ, что всѣ его домашніе уѣхали на вечеръ къ одному изъ знакомыхъ. «Я думалъ,» прибавилъ онъ, »что и ты тамъ будешь.«

— Нѣтъ! меня звали, но я отказался. —

»А для чего? Пока молодъ, надобно веселиться и играть жизнью. Будетъ пора и для тебя, когда дома, подлѣ камина, будетъ казаться веселѣе нежели на балѣ.«

— А вы сами всегда слѣдовали этому правилу?

«О! да какъ еще слѣдовалъ! На меня не пожалуются мои ровесницы, чтобы я скупъ бывалъ на ласковыя привѣтствія и мадригалы, а въ менуетѣ à la Reine, никто лучше меня не умѣлъ выпянуть ноги, учтивѣе привѣтствовать свою даму. Вы нынѣшніе молодые люди, сидни, а мы были настоящими молодцами.»

— Напротивъ, нынѣ жалуются на вѣтренность молодыхъ людей.

«Правда, но вѣдь это вѣчная жалоба; а разбери-ка хорошенько, то увидишь, что вы сдѣлались увальнями противъ насъ и замѣняете все какою-то Американскою дикостью! Нѣтъ правила безъ исключеній (прибавилъ онъ, пожимая мою руку): я говорю вообще. Начнемъ съ нашего убора: какіе мы были щеголи! Спальныя свѣтлыя пуговицы, барсовые, полосатые кафтаны, пряжки на башмакахъ, двое часовъ съ огромными пучками привѣсокъ; можно-ли сравнить ваши темныя курпки, вашу матрозскую одёжу, съ такимъ великолѣпнымъ нарядомъ! А учтивость? Дама казалась царицей въ нашемъ кругу; вы оборачиваетесь къ дамамъ спиною, толкаете ихъ и не думаете уважать.«

— Знаешь-ли, когда это началось? сказалъ Суворовскій сослуживецъ: съ Французской революціи! Тогда какъ мы били революціонеровъ въ Италіи, наши дамы ахали опъ всклоченныхъ ихъ головъ,

отъ либеральнаго платья ихъ, остригли себѣ волосы, надѣли парики. . .

»Но что-жъ тутъ худаго?« подхватилъ Шумиловъ: »все это въ порядкѣ вещей: нынѣ любятъ простоту, менѣе блеску снаружи, больше внутренняго достоинства.«

— Если бы такъ! сказалъ хозяинъ: а бѣда въ томъ, что мнѣ кажется, нынѣшняя молодежь тѣ-же стеклянныя куклы, что были мы, только мы были прозрачныя, хотъ сквозь глядись, а нынѣ эшѣхъ куколъ красятъ темной краской.

»Ты противорѣчишь естественнымъ дѣйствіямъ природы,« возразилъ Терновскій. »Свѣтъ дѣлается не хуже, а лучше: это рѣшенная задача. Только наша братья старики твердятъ, что свѣтъ сталъ или становится хуже.

— Другъ мой! этого я никогда не скажу; а дѣло въ томъ, что свѣтъ твой, становясь умнѣе, не дѣлается счастливѣе.

»Что такое счастье? Понятіе относительное! Кто становится лучше, тотъ долженъ быть счастливѣе.«

— Похоже на силлогизмъ; да воля твоя, а прежде какъ-то было живѣе. Мы больше умѣли жить: были молоды въ молодости и отъ того дожили до сѣдыхъ волосъ; но Богъ знаетъ, увидятъ-ли наши потомки стариковъ изъ нынѣшняго времени. Теперь старѣютъ такъ рано и отъ того, можетъ быть, не успѣваютъ жить, или

боясь не успѣть, спѣшатъ жить и отъ того рано старѣютъ. У насъ было *прошедшее*, *настоящее* и *будущее*; теперь живутъ въ одномъ *настоящемъ*. Молодежь не думаетъ о будущемъ, а мы только твердимъ о прошедшемъ; жизнь развивается, какъ часовая гиря: часы бьютъ, всякій говоритъ: *какъ поздно!* и слова пролетаютъ со звономъ часоваго колокольчика, пока гиря стукнетъ въ полъ. . . .

»Тогда ее опять заведутъ,« сказалъ смѣясь Шумиловъ »и опять часовой колокольчикъ начнетъ названивать: *летитъ невозвратное время!* Это было давно сказано.«

— Можетъ быть, я худо выразилъ свою мысль, отвѣчалъ хозяинъ, говоря что прежде живѣе умѣли жить. . .

»Разумѣется живѣе, какъ дѣти, которые лучше взрослыхъ умѣютъ восхищаться игрушкой.«

— Хорошо; да кто счастливѣе: дитя ли съ своей игрушкой, или философъ, изчахшій надъ истинами? Ты говоришь: свѣтъ сталъ умнѣе! Богъ знаетъ, мой другъ! Полно не умничаетъ ли онъ больше прежняго? Сердечно радуюсь нынѣшнему философскому вѣку, а какъ ни смотрю на людей, они все тѣ-же люди; тѣ-же, а важная разница! Прежде больше было этого, какъ бы сказать, веселья жизни, безъ котораго въ свѣтѣ холодно, какъ безъ печки въ трескучій морозъ. Оно,

коли хотите, обманываетъ насъ своимъ волшебнымъ фонарикомъ, но людямъ съ нимъ весело.

»Ты глядишь на свѣтъ съ одной стороны,« сказалъ Терновскій.

— Со стороны сердца! Шалунъ Вольтеръ былъ очень правъ и вѣроятно отъ сердца сказалъ, оканчивая забавную свою сказочку —

Le raisonner tristement s'accrédite :
On court, hélas! après la vérité ;
Ach! croyez-moi, l'erreur a son mérite.

»Разумѣется. Голая истина еще не по вѣку гостья. Я увѣренъ, что она ужаснула-бы нынѣшняго человѣка, если-бы онъ взглянулъ на нее лицомъ къ лицу.

— Вотъ: насилу ты со мной соглашаешься! Зачѣмъ-же свѣтъ отказывается отъ своей юности: еще рано и спѣшитъ-бы не зачѣмъ. Истина только выглядываетъ еще изъ своего колодца; ей даютъ щелчки и она опять прячется. Умъ человѣческій еще бродитъ на костыляхъ глупости, когда сильная подагра мѣшаетъ ей самой шататься въ мірѣ.

»По міру,« (сказалъ Терновскій): »доброхотныхъ дателей довольно, а люди какъ разнощики ходятъ между тѣмъ и кричатъ: *умъ! свѣжій умъ!* Развернешь коробочку: она пустая.«

Всѣ засмѣялись. — Что мы зафилософствовали, сказалъ Суворовскій сослужи-

вещъ, примѣровъ нѣчего искать далеко. По моему: старый вѣкъ и новый вѣкъ тоже что старый серебряный рубль и новый.

»Сравненіе не дурно,« сказалъ Шумиловъ, „но вѣдь новый рубль все рубль для того, у кого нѣтъ стараго: такъ и въ свѣтѣ, и знаете-ли что? Я помню, когда я былъ въ Сибири и мнѣ надобно было заплатить Якутскому Шаману за ворожбу его, я вынулъ два рубля и хотѣлъ отдать ему старый, онъ сказалъ мнѣ: *Тёпё бачка! дай мнѣ воно этотъ свѣтленькій!*«

— Да свѣтленькій-ли нашъ вѣкъ? Онъ похожъ на монету, на которой клеймо худо выбито. — »Вспомни старое, пріятель!« сказалъ хозяинъ, »у нашей монеты клеймо было грубѣе, да яснѣе. Посмотри хотя на нынѣшнія веселья: такое однообразіе, все такъ расхоложено, сглажено! Въ танцахъ ходятъ, съ радости дѣлаютъ гримасы и съ горя улыбаются. Мы плакивали съ горя, за то съ радости хохотали. Повторяю, что сказалъ: прежде бывало больше житья, больше разнообразія въ бытьѣ!

»Если хотите,« сказалъ Терновскій, »то чѣмъ далѣе встарину, тѣмъ бывало больше. Таковы естественныя дѣйствія природы. Выигрывая въ умѣ, мы теряемъ въ сердцѣ. Наши предки оживляли все: у нихъ являлись духи, привидѣнія, волшеб-

ники, а мы знаемъ, что все это естественныя дѣйствія природы.«

— И жаль, что мы это знаемъ, прибавилъ Шумиловъ. Нынѣшнимъ стихотворцамъ горе да и только: нѣчего списывать съ самихъ себя! А посмотрите, сколько найдутъ они въ старинѣ нашей и иноземной!

»И посмотри, какъ охотно всякій подѣлится съ нами наслажденіемъ стариною,« сказалъ хозяинъ. »Нѣтъ! право, мы еще жили, если не лучше, такъ веселѣе. Возьмемъ спроста: вотъ теперь святки. Чѣмъ отличаются они отъ Святой недѣли? У насъ на все былъ свой манеръ! Бывало, о Святой, мы строимъ качели, о масляной, катаемся съ горъ, а о святкахъ, поемъ подблюдныя пѣсни.«

— Загляните-жъ встарину постарѣе нашей, сказалъ Терновскій. Ужъ и мы болѣе смотрѣли на эти игры, а предки наши болѣе играли въ нихъ сами. Да и я люблю старину, хотъ не соглашаюсь, что тогда было лучше. Я люблю ее какъ дитя, которое безпечно и невинно, боится трубочиста, отъ того что онъ черенъ и съ хлопушкой въ рукахъ прыгаетъ отъ радости.

Тутъ начался между ними разговоръ о старинѣ, объ ея весельяхъ и забавахъ. »Помнишь,« сказалъ хозяинъ Шумилову, »наши святочные вечера! Бывало, соберется народу множество и пойдетъ потѣха.

Днемъ катанье: саней пятьдесятъ ѣдутъ однѣ за другими, что говорится, *дуга на дугѣ*, какъ свадебный поѣздъ; вечеромъ начнутся фанды, пѣсни, гаданье: бѣгаемъ по-лошь снѣгъ, слушать подъ окнами. . . .«

— Дѣвушки выбѣгаютъ за ворота спрашивать имена прохожихъ и крѣпко бывало вѣрятъ, что такъ зовутъ жениха, какъ скажется прохожій, а мы проказимъ, сказалъ Шумиловъ.

»А иголка въ жерновахъ развѣ правды не сказывала? Бѣдная иголка лишится, а ворожеи угадываютъ: чье имя выговариваетъ страдалица.«

— Мало-ли проказъ, сказалъ смѣючись Шумиловъ; но спросите меня: я видалъ, какъ въ Сибири прежде проводили святки. Вотъ ужь праздникъ! Что за веселье! Старики и старухи, молодежь, дѣти ходятъ въ гости съ утра до вечера. У всякаго на столѣ *пѝтеры* и *ѣдеры*, какъ говорятъ Сибиряки. Русскому хлѣбосольству полный разгулъ. *Хворосты*, *тарки*, *сахарники* взгромождены на столахъ горами; самовары кипятъ безпрестанно. Отъ мороза кровли трещатъ и ставни палятъ, какъ изъ пушекъ, а въ горницахъ тепло и жарко. Въ шубахъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ сапогахъ, Сибиряки и Сибирячки толпами выѣзжаютъ на бѣгъ: тамъ большіе охотники до бѣговъ: Сибирскіе рысаки и иноходцы мчатся, какъ вихорь. Иззябнувъ, всѣ ѣдутъ пить чай

къ побѣдителю. Начинаются здоровья, пиръ горою! Вина кипятъ, смеркается, пойдутъ игры: старики садятся кружками и смотрятъ, какъ красивый мущина или хорошенькая дѣвушка, съ завязанными глазами, подъ хлопанье *жгутовъ*, ловятъ разсыпныхъ непріятелей своихъ. Смѣхъ! хохотъ! Иной, бѣгая изъ угла въ уголъ, бѣжитъ отъ ловца въ другую комнату: *онъ сгорѣлъ!* кричатъ всѣ и преступникъ заступаетъ мѣсто слѣпца. Ахъ! какъ мнѣ нравятся также другія простыя святочныя игры Сибиряковъ! Знаете-ли вы, какъ *растятъ макъ?*

»Я самъ бывалъ макомъ!« вскричалъ Суворовскій. »Бывало поставятъ меня въ кружокъ, пляшутъ, поютъ и спрашиваютъ: *поспѣлъ-ли макъ?* Но макъ сперва сѣютъ, полютъ, онъ цвѣтетъ, а потомъ, поспѣлый, всѣ щиплютъ!«

— Я слыхалъ, примолвилъ Шумиловъ, что многія святочныя игры перешли къ намъ отъ Грековъ, когда-то встарину. Вспомните игру: *заплетать плетень*, когда лентами перепутывается весь хороводъ и поютъ:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Завернися камка хрущатая!

Это, говорятъ знатоки, подражаніе Греческой игрѣ, а игрой этой Греки славили память Тезея и убіеніе Минотавра, съ по-

мощію Аріадниной нитки. А *живъ, живъ курилка*, также игра Греческая.

»За то у насъ есть свои Русскія игры и обычаи святочные. Знаете, что такое *коллдованье* въ Малороссіи?»

— Слыхалъ, и мнѣ жаль, что не соберутъ въ какой нибудь книгѣ всѣхъ святочныхъ Русскихъ обычаевъ, игръ, пѣсенъ. Прежде праздникъ святокъ праздновали бывало до самаго Крещенья. Съ самой зауптени перваго дня начиналось *Христославленье*. Петръ Великій любилъ этотъ патріархальный обрядъ. Толпы народа ходили изъ дома въ домъ, пріятели къ пріятелямъ и незнакомые къ незнакомымъ, пѣть духовные стихиры: *Христосъ рождается, славите!* За ними мастера проговаривали *рацеи*. Одна изъ нихъ особенно извѣстна во всей Россіи; вотъ какъ она начинается:

Нова радость, во всемъ мірѣ,
Нынѣ намъ явися!

Кромѣ обѣдовъ, пирушекъ и бесѣдъ, вечера посвящались играмъ и пѣнью подблюдныхъ пѣсенъ.

»Ты забываешь о другихъ святочныхъ увеселеніяхъ,« сказалъ Суворовскій, »я еще запомню, какъ въ Москвѣ въ это время бывали лошадиные бѣги, кулачные бои. Я помню, что покойный Графъ А. Г. О. былъ страшный охотникъ до всякихъ Русскихъ игръ. Народу соберутся кучи: ура! Стѣна на стѣну . . . *о Росскій бодр-*

ственный народъ! И шутъ бывало отъ шутки доходитъ до дѣла. . . .«

— Въ маленькихъ Украинскихъ городахъ кулачный бой занимаетъ и теперь всѣхъ. Недавно проѣзжалъ я черезъ Богодуховъ: нѣкому было лошадей запрячь; всѣ на кулачномъ бою: шумъ, и крикъ, и цѣлый городъ бьется!

»А согласитесь,« сказалъ хозяинъ, »кто сообразитъ все что бываетъ у насъ на Руси о святкахъ, тотъ хорошо пойметъ духъ Русскаго народа, народа веселаго, добраго, славнаго! О святкахъ, раздолье Русскому духу!«

— И духамъ, примолвилъ засмѣявшись Шумиловъ. Вы знаете, что до самаго Крещенья, мертвецы, духи, колдуны, вѣдьмы свободно разгуливаютъ и проказятъ. У нихъ есть правиллегированные дни.

»То есть, вы хочешь сказать, что ихъ вовсе нѣтъ?« спросилъ Терновскій.

— Разумѣется! Думаю, что изъ всѣхъ насъ никто не повѣритъ, если ты скажешь, что даже самъ видалъ духовъ.

»Любезный!« отвѣчалъ Терновскій, »я вѣрю духамъ, только по своему.«

— Разскажи пожалуй, какъ-же это! вскричали всѣ.

»Согласитесь со мной, друзья мои,« сказалъ Терновскій важнымъ голосомъ, »что въ природѣ есть много еще тайнаго и неоткрытаго нами. Я никакъ не ограни-

чиваю человѣческія чувства только извѣстными чувствами, которыми равно обладаютъ и обезьяны и звѣри. Если у насъ есть что нибудь для вмѣщенія того, что мы называемъ *умомъ*, то оно должно и являться въ нѣкоторыхъ открытыхъ явленіяхъ.«

— Слѣдственно? спросилъ Шумиловъ.

»Слѣдственно, в с е то, что кажется намъ непонятнымъ, не можетъ быть отвергаемо, а должно приписывать многое этому тайному, или этимъ тайнымъ чувствамъ и расположеніямъ. Первое, что я отношу къ этому, есть *симпатія*, второе *антипатія*, прочее. . .

— Полно мечтать, мой другъ! съ твоими предположеніями можно все привесть къ естественнымъ слѣдствіямъ.

»Когда можно, почему-жъ не должно?

— Потому не должно, сказалъ Шумиловъ, что всѣ твои естественныя слѣдствія, въ этомъ случаѣ, почти всегда сказки, перевранныя, измѣненныя, плоды разстроеннаго воображенія.

»Часто, но не всегда. Я приведу тебѣ множество доказательствъ, которыхъ безъ моихъ предположеній никакъ не изъяснишь. Напримѣръ: *Физіогномія*, знаніе врожденное человѣку, хотя его и отвергаютъ, ничѣмъ неопровергаемо. Не всякій-ли изъ насъ чувствуетъ симпатическое стремленіе къ одному и антипатическое отвращеніе отъ другаго человѣка?«

— Вздоръ! Это просто какое-то сходство сложеній человѣческихъ, болѣе или менѣе близкихъ или далекихъ тому или другому человѣку.

»Стало, ты признаешь нѣкоторую общность въ человѣчествѣ? А предчувствія, сны, видѣнія самого себя: это дѣла, неподверженныя сомнѣнію. Горные Шотландцы имѣютъ особенное свойство двойнаго зрѣнія, потому что чувства ихъ утонченнѣе нашихъ: они знаютъ, что въ такое-то время ихъ посѣтитъ незнакомецъ, видятъ его и опишутъ вамъ напередъ, каковъ онъ собою.

— А если это тонкій обманъ? сказалъ Суворовскій сослуживецъ.

»Ты рубишь съ плеча, по-Суворовски!« отвѣчалъ смѣясь Терновскій. «Если я тебѣ приведу множество примѣровъ людей, которые, не думая обманывать, видѣли необыкновенныя явленія. Знаешь-ли, что Наполеонъ всегда видѣлъ на небѣ свѣтлую звѣзду?«

— А если эта блестящая звѣзда была одна комедія, игранная Наполеономъ лѣтъ десятокъ: что ты скажешь на это? Развѣ у Нумы Помпилія не было Нимфы Эгеріи, у Серторія не было приученнаго оленя, у Магомета ручнаго голубя?

— Сказки! сказалъ Щумиловъ.

»Я такъ думаю, что не совсѣмъ сказки. Положимъ, что многіе изъ умныхъ людей употребляли хитрости съ про-

сшымъ народомъ; но если видимъ разницу въ зрѣніи, слухѣ, осязаніи, обоняніи людей, почему не предположить дальнѣйшихъ границъ даже самымъ этимъ чувствамъ? Я знаю въ Москвѣ одного правдиваго человѣка, который твердо увѣренъ, что пока не явится ему другъ его, съ которымъ условились они видѣться въ часъ смерти, онъ не умретъ.«

— Вотъ въ этомъ-то твердомъ увѣреніи, кажется, и вся тайна, сказалъ Шумиловъ. Отъ нее произошли всѣ примѣты, причуды, вѣра въ сны, предчувствія. Можно приучить свои тѣлесныя чувства, можно приучить и душевныя способности ко многому. Я зналъ одного человѣка, замѣчательнаго, необыкновеннаго. Это былъ нашъ славный мореплаватель Шелиховъ. Вы о немъ слыхали. Онъ твердо вѣрилъ снамъ, предчувствіямъ, примѣтамъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ близкій его знакомецъ. Какъ теперь вижу, говорилъ онъ мнѣ, когда мы ѣхали въ Охотскъ вмѣстѣ. Не доѣзжая верстъ за 100, Шелиховъ сдѣлался задумчивъ, безпокоенъ и важно сказалъ мнѣ: »Пріѣхавъ въ Охотскъ, мы найдемъ судно, пришедшее изъ Америки.« Я удивился, сталъ спорить и вывелъ его изъ терпѣнія: онъ былъ горячаго, пылкаго характера и съ сердцемъ сказалъ мнѣ: »Такъ знай-же, что едва выѣдемъ мы на Охотскую кошку, какъ судно будетъ въ виду у насъ (кошкой назы-

ваютъ тамъ длинную песчаную косу, на которой стоитъ Охотскъ). Судно это мое и съ богатымъ грузомъ!« Ѣдемъ спокойно и — только что мы приближились къ песчаной Охотской кошкѣ, въ морѣ показалось судно. Оно точно принадлежало Шелихову и было съ богатымъ грузомъ. Что этотъ анекдотъ достовѣренъ, ручаюсь вамъ; что Шелиховъ не могъ знать о прибытіи судна никакимъ образомъ, вы согласитесь сами. Надобно вамъ знать, что Шелиховъ былъ необыкновенный человѣкъ, съ обширнымъ умомъ, и чтожь? Онъ вѣрилъ физіогноміи, примѣтамъ и въ жизнь свою никогда не зналъ неудачъ. Онъ изумлялъ своею обдуманностью, проницательностью и изъ бѣднаго Рыльскаго мѣщанина, подъ конецъ жизни, весьма не долгой, нажилъ милліоны. Самое предпріятіе его: плыть въ неизвѣстную тогда Америку, на ветхомъ суденышкѣ, безъ снарядовъ, безъ припасовъ, съ однимъ компасомъ и по звѣздамъ правя путь, доказываетъ его рѣшительность и надежду на свое счастіе, и я вывожу, что. . . .

«Изъ этого я вывожу (сказалъ поспѣшно Терновскій), что у людей необыкновенныхъ душевная и плѣлесная сила болѣе нашей и они одарены тѣмъ, чего мы не имѣемъ и слѣдовательно постигнуть не можемъ.«

— Хорошо, отвѣчалъ Шумиловъ, не пусть будутъ у нихъ силы намъ неизвѣст-

ныя. Они сами въ отношеніи къ природѣ подъ одинаковыми законами, какъ и всѣ мы.

»Нѣтъ! тайная сила ихъ въ сильнѣйшихъ отношеніяхъ къ природѣ. И вотъ что называли прежде духами, привидѣніями: это наши тайныя отношенія, непонятныя другимъ. Прежде все олицетворяли. Сократъ свою тайную силу называлъ *геніемъ* и откровенно признавался, что у него есть тайный геній, который руководствуетъ и часто противорѣчитъ ему самому.

— Ты мечтатель! сказалъ Шумиловъ, и долженъ вспомнить, что воображеніе можетъ дѣйствовать и обманывать насъ удивительнымъ образомъ. Человѣкъ въ горячкѣ чего не видитъ, чего не наскажетъ вамъ, но всѣ слова его мечты, обольщеніе чувствъ, въ которыхъ льется огонь горячки. Далѣе: должно повѣрять извѣстія. Люди такъ любятъ все чудесное, такъ любятъ прибавлять, что на ихъ разсказы полагаться не возможно. Прибавь обманы, ловкость, хитрости. Я даже за Сократова генія не поручусь. Можетъ быть, это была его хитрость. Посмотри на чревовѣщателя, фокусника, обморачивателя: если-бы мы не знали, что они все дѣлаютъ естественнымъ образомъ, какъ не почесть ихъ волшебни-

ками? Въ глазахъ другихъ, человѣкъ снимаетъ съ себя голову, бреетъ ее и опять надѣваетъ по прежнему; вода рвется въ комнату, запопляетъ полъ, всѣ пугаются, кричатъ и все это оптическая, химическая шалость.

»Но отъ чего-же эта всеобщая увѣренность, что въ природѣ есть много тайнаго, непонятнаго?«

— Разумѣется что есть, да это тайное, непонятное не то, что ты думаешь. Иначе надобно вѣрить, что лѣшіе ходятъ по полямъ и заводятъ людей въ болоты, русалки хохочутъ въ рѣкахъ, а вѣдьмы ѣздятъ на помелахъ и спускаются въ трубы.

»Это вздоръ!«

— Почему вздоръ? Этому также вѣрятъ милліоны людей, какъ ты вѣришь своему тайному чувству и сношеніямъ съ природою. Исторію о мертвецѣ, который увезъ дѣвушку, свою невѣсту, разсказываютъ въ Англіи, въ Россіи, въ Польшѣ; шабаши вѣдьмъ на Брокенѣ и въ Кіевѣ, одинаковое повѣрье въ Россіи и въ Нѣмецкой землѣ.

»А что ни говорите, но я люблю разсказы о вѣдьмахъ, мертвецахъ, колдунахъ и привидѣніяхъ и всегда съ радостью слушаю страшныя повѣсти — сказалъ хозяинъ.

»Я самъ люблю ихъ слушать и даже разсказывать, но не вѣрю имъ ни сколько,« сказалъ улыбаясь Шумиловъ.«

Видно было, что оба они попали на своихъ коньковъ: одному хотѣлось слушать, другому разсказывать. »Да не знаешь-ли ты какой нибудь посмѣшнѣе?« сказалъ хозяинъ, повертываясь отъ удовольствія.

«Какъ не знать! Я изъѣздилъ матушку Русь, не изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ и коли хотите, поподчиваю васъ Русскими былями, которыя также страшны, какъ Нѣмецкія. Слушайте.«

— Начни-же, какъ начинаютъ Русскія сказки: »*Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти*“. . . .

— Да вѣдь я разскажу вамъ *быль*, отвѣчалъ Шумиловъ.

»А Терновскій изъяснитъ намъ *естественныя ея дѣйствія*,« прибавилъ хозяинъ, весело взглянувъ на сосѣда.

Всѣ замолчали и Шумиловъ началъ.

(До слѣд. книжки.)

II. СМѢСЬ.

Парижскія моды.

Quelques chapeaux de satin jaune oiseau-de-paradis ou de pluche bleu-haïti ont une double passe: la première, très large, celle de dessus moitié moins grande, et toutes les deux doublées en velours à filets de satin disposés en carreaux. Les modistes donnent pour garniture à ces chapeaux des plumes boiteuses ou des marabouts qu'elles posent alternativement sur l'une et l'autre passe.

Les étoffes que l'on employe pour bérets, toques et turbans, sont un mèlange d'or, d'argent et de clinquant de toutes les couleurs. Quelquefois ce clinquant est découpé et passementé comme une petite dentelle, et sert à border le bas de la toque; souvent aussi, tramé dans l'étoffe, il figure des étoiles, des bâtons rompus, des losanges de diverses couleurs. On joint à un coupon de ces étoffes, tantôt du velours uni ou à raies de cachemire, tantôt du crêpe lisse d'une seule couleur ou de deux.

On commence à orner les toques-turbans de fleurs en or. Nous avons vu une toque de crêpe lisse bleu, sur laquelle figurait, à droite, un bouquet d'avoine en or, et à gauche, un pareil bouquet.

En soirée, les jeunes personnes portent des robes de barèges rose, jaune, blanc ou bleu, à pois ou à quarrés imprimés.

On fait en satin rose, des chapeaux habillés dont la passe est très-grande, même par derrière. Trois cercles de laiton recouverts en ruban de gaze satiné, et posés de biais, touchent le haut de la forme et le milieu de la passe. Entre ces cercles sont des brins de jasmin, de pervenche, ou de reséda.

Autour de la forme de quelques chapeaux de velours à carreaux se trouvent trois grands croissans posés en diadêmes, un de chaque côté, et le troisième par derrière. Ses croissans sont doublés de velours aussi à carreaux, mais de couleurs différentes. Des fleurs en velours ou des tulipes en plumes nuées complettent la garniture.

Les turbans *à l'indienne* se font en velours ponceau avec filets d'or disposés en carreaux. On pose ces turbans sur l'oreille, ou fort en arrière: leur torsade est plus épaisse du milieu que des côtés.

Иногда у атласныхъ шляпокъ, цвѣта *желтаго райской птички* и плюшевыхъ, цвѣта *синяго Гаити*, дѣлаютъ двойныя поля: одно очень широкое, другое, надъ нимъ, въ половину меньше и оба подбиты бархатомъ съ атласными сѣточками, которыя расположены квадратами. Уборку сихъ шляпокъ составляютъ перья или марабу, расположенныя на обоихъ поляхъ.

Матеріи, употребляемыя для берешовъ, токовъ и шюрбановъ, можно назвать смѣсью золота, серебра и мишуры всѣхъ цвѣтовъ. Иногда мишуру разрѣзываютъ, обшиваютъ галуномъ, какъ кружева и отд-

рачиваютъ ею низъ тока. Иногда, вотканная въ матерію, она образуетъ разныя фигуры: звѣзды, ромбоиды и проч. различныхъ цвѣтовъ. Съ такою матеріею соединяютъ бархатъ, гладкій или съ кашемировыми полосками, иногда лощеный крепъ, одного или двухъ цвѣтовъ.

Токи-тюрбаны начинаютъ убирать цвѣтами золотыми. Замѣтили токъ изъ голубаго лощенаго крепа, у котораго на правой и на лѣвой сторонѣ были пучки овса, сдѣланные изъ золота.

На вечерахъ молодыя особы являются въ платьяхъ, изъ барежа розоваго, желтаго, бѣлаго или голубаго, на которомъ выпечатаны квадрашцы или кружечки.

Изъ розоваго атласа дѣлаютъ нарядныя шляпки, у которыхъ поля, даже и сзади, очень широки. Три латунные кружка, покрытые атласными газовыми лентами и расположенные наискось, касаются высшей части тульи и средины полей; между сими кружками находятся вѣнки ясмина, могильницы или резеды.

Вокругъ тульи, у иныхъ шляпокъ изъ бархата съ квадратами, бываетъ по три полумѣсяца, расположенныхъ діадемою, по обоимъ бокамъ и сзади шляпки; сіи полумѣсяцы подбиты также бархатомъ съ квадратами, но отличнаго отъ шляпки цвѣта. Бархатные цвѣты или тюльпаны изъ крученыхъ перьевъ дополняютъ уборку.

Индійскіе тюрбаны дѣлаются изъ пунцоваго бархата съ золотыми сѣточками, расположенными

въ кадраты. Сіи шюрбаны носятъ, сдвинувъ на ухо или на затылокъ. *Торсада* у нихъ по срединѣ огромнѣе, нежели по бокамъ.

На приложенной каршинкѣ:

Бальный нарядъ: голова убрана нишками жемчугу и жемчужными маргаришками; изобрѣтеніе артиста Плезира. Креповое платье, убранное ашласными руладками и воланами, которые опорочены лентами.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Путешествіе Англинскаго флота Капитана Кохрена, пѣшкомъ, изъ Петербурга въ Камчатку.

(Окончаніе.)

Зима была еще во всей своей силѣ, когда я, отказавшись отъ намѣренія перейдти черезъ землю Чукчей на Американскую твердую землю, рѣшился отправиться прямо въ Охотскъ, не взирая на всѣ представленія коммисаровъ, казаковъ и Якутовъ, которымъ приказано было вездѣ мнѣ сопутствовать. Должно было-бы возвратишься назадъ, дабы ѣхать по обыкновенной Охотской дорогѣ, изъ Якутска; но мнѣ не хотѣлось вновь проходить около 2000 миль, уже пройденныхъ мною; я желалъ притомъ достигнуть до Охотска прежде перваго числа Іюня. Якуты такъ боялись пуститься со мною въ путь, что даже подарками старались отклонить мое намѣреніе; но я твердо рѣшился,

27-го Марта, отправился я въ саняхъ, запряженныхъ тринадцатью собаками, на которыхъ въ первый день проѣхалъ восемдесятъ миль. Не льзя было медлить, ибо ледъ на рѣкѣ Омеконъ обыкновенно начинаетъ таять въ первыхъ числахъ Мая, и не пріѣхавъ туда прежде сего времени, я могъ быть задержанъ полтора мѣсяца на берегахъ сей рѣки. Въ три дни достигъ я до Лаптева (отъ Нижняго Колымска 180 миль). Температура чрезвычайно измѣнялась: поутру было 15° (по Реом.) холода, въ полдень 15° тепла отъ отраженія лучей солнечныхъ, а ввечеру холодъ доходилъ опять до 10°; но особенно поутру, до восхожденія солнца, холодъ былъ весьма жестокъ: тогда онъ вѣрно превосходилъ 40°.

Изъ Лаптева продолжалъ я путешествіе къ Среднему-Колымску верхомъ на лошади, и прибылъ туда въ пятый день весьма утомленнымъ. Мнѣ должно вспомнить здѣсь о доброжелательствѣ, какое оказывали мнѣ жители во всю дорогу. Они дарили мнѣ первыхъ зайцовъ, служащихъ имъ предвѣстниками весны. Въ слѣдующій день переѣхали мы нѣсколько значительныхъ озеръ, по землѣ богатой пастьбищами. Множество Якутовъ живетъ въ окрестностяхъ; они ловятъ рыбу, медвѣдей, оленей и бѣлокъ. Около вечера лошади наши упали въ ухабъ, наполненный снѣгомъ; при паденіи ихъ и мы не удер-

жались на сѣдлахъ. Лошади наши, почувствовавъ себя свободными, выбрались изъ ухаба и убѣжали, оставивъ насъ съ поклажею нашей въ снѣгу. Мы прошли десять миль пѣшкомъ до юрты, откуда послали за нашими вещами, пока Якуты старались поймать нашихъ лошадей. Между тѣмъ я забавлялся, глядя на фигляра-шамана или колдуна. Нарядъ его былъ довольно странѣнъ. На немъ надѣтъ былъ родъ коротkаго сертука, обвѣшаннаго множествомъ маленькихъ кусочковъ желѣза, сдѣланныхъ въ видѣ клинковъ перочиннаго ножа. Его сапоги, шапка и перчатки украшены были шитьемъ. Сперва онъ выкурилъ трубку табаку. Взявъ потомъ свой прутикъ или *болуякъ*, онъ сѣлъ, сложа крестообразно ноги, возлѣ того человѣка, котораго намѣренъ былъ заклинать, и началъ пѣть жалобную пѣсню, съ унылымъ аккомпаньеманомъ барабана. Послѣ сего вступленія началъ онъ плясать, прыгать, кричать и коверкаться такъ ужасно, что можно было почесть его сумасшедшимъ. Послѣ ужасныхъ кривляній онъ вынулъ ножъ и вонзилъ его себѣ въ брюхо. Я ужаснулся; но скоро увидѣлъ, что онъ вынулъ ножъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ крови. Шаманъ объявилъ потомъ торжественнымъ голосомъ, что злой духъ не будетъ уже нападать, если принесутъ ему въ жертву жирную кобылу. Шамановъ нынѣ у Якутовъ мало,

но они имѣютъ еще великое вліяніе на непросвѣщенный этотъ народъ. Ихъ знаніе состоитъ въ леченіи болѣзней, заклинаніи дурной погоды, способствованіи хорошей ловлѣ и отысканіи украденныхъ вещей.

Я пригласилъ шамана напиться со мною чаю. Казаку моему я далъ горсть табаку, для предложенія его шаману; но казакъ, думая что это чай, положилъ его въ чайникъ съ горячею водою и замѣтилъ ошибку свою не прежде, какъ напитокъ былъ уже поданъ. Шаманъ чрезвычайно разсердился и сказалъ, что больной человѣкъ, котораго заклиналъ онъ, непремѣнно умретъ, если не сдѣлаютъ другаго жертвоприношенія. Трудно было успокоить шамана и я успѣлъ въ этомъ, только отдавши ему половину своей водки. Онъ такъ хорошо колдовалъ надъ нею, что я оставилъ его совершенно пьянаго.

Поклажа принесена была не ранѣе полуночи; я замѣтилъ, что недоставало части моей одежды и моей трубки. Эта потеря была для меня весьма чувствительна, потому что трубка была моимъ товарищемъ въ путешествіи и составляла мое все утѣшеніе.

Въ слѣдующій день мы проѣхали шестьдесятъ миль. Близъ озера встрѣчались намъ толпы рыбаковъ, которые давали мнѣ рыбы всякій разъ, когда я просилъ у нихъ. Въ четвертый день достигли мы до Верх-

няго-Колымска. Я много потерпѣлъ отъ холода; кожа совершенно слѣзла у меня съ губъ и съ носа. Верхній-Колымскъ почитается значительнымъ селеніемъ, однакожъ въ немъ только пятнадцать домовъ и около двухъ сотъ человѣкъ жителей. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ ничего примѣчательнаго, кромѣ большаго креста, воздвигнутаго Биллингсомъ, на которомъ написаны имена всѣхъ людей, составлявшихъ его экспедицію.

Мы продолжали путь нашъ, удаляясь отъ Колымы. Въ первый день шелъ снѣгъ, но за всѣмъ тѣмъ мы убили множество зайцовъ и голубей, которые послужили намъ запасомъ. Наконецъ достигли мы до Зизанки (р. Зыранка?), а въ двадцати миляхъ далѣе проѣхали послѣднее жилище Колымскаго округа. На другой день сдѣлали только 20 миль, по мягкому и глубокому снѣгу, и остановились подъ горнымъ дубомъ. Мы ѣхали по той дорогѣ, которая прежде была почтовою дорогою между Якутскомъ и Колымою, но оставлена по причинѣ многихъ затрудненій. Когда снѣгъ глубокъ, то должно прорывать его; когда снѣгу мало, то по дорогѣ много воды; а когда снѣгъ исчезаетъ, то мѣсто его заступаетъ ледъ столь гладкій, что никакъ не возможно по немъ ѣхать.

Отраженіе лучей солнечныхъ причиняло жестокую боль въ глазахъ; но мнѣ не льзя было ея избѣжать и я сносилъ ее тѣ-

II. СМѢСЬ.

Парижскія моды.

Quelques chapeaux de satin jaune oiseau-de-paradis ou de pluche bleu-haïti ont une double passe: la première, très large, celle de dessus moitié moins grande, et toutes les deux doublées en velours à filets de satin disposés en carreaux. Les modistes donnent pour garniture à ces chapeaux des plumes boiteuses ou des marabouts qu'elles posent alternativement sur l'une et l'autre passe.

Les étoffes que l'on employe pour bérets, toques et turbans, sont un mèlange d'or, d'argent et de clinquant de toutes les couleurs. Quelquefois ce clinquant est découpé et passementé comme une petite dentelle, et sert à border le bas de la toque; souvent aussi, tramé dans l'étoffe, il figure des étoiles, des bâtons rompus, des losanges de diverses couleurs. On joint à un coupon de ces étoffes, tantôt du velours uni ou à raies de cachemire, tantôt du crêpe lisse d'une seule couleur ou de deux.

On commence à orner les toques-turbans de fleurs en or. Nous avons vu une toque de crêpe lisse bleu, sur laquelle figurait, à droite, un bouquet d'avoine en or, et à gauche, un pareil bouquet.

En soirée, les jeunes personnes portent des robes de barèges rose, jaune, blanc ou bleu, à pois ou à quarrés imprimés.

On fait en satin rose, des chapeaux habillés dont la passe est très-grande, même par derrière. Trois cercles de laiton recouverts en ruban de gaze satiné, et posés de biais, touchent le haut de la forme et le milieu de la passe. Entre ces cercles sont des brins de jasmin, de pervenche, ou de reséda.

Autour de la forme de quelques chapeaux de velours à carreaux se trouvent trois grands croissans posés en diadêmes, un de chaque côté, et le troisième par derrière. Ses croissans sont doublés de velours aussi à carreaux, mais de couleurs différentes. Des fleurs en velours ou des tulipes en plumes puées complettent la garniture.

Les turbans *à l'indienne* se font en velours ponceau avec filets d'or disposés en carreaux. On pose ces turbans sur l'oreille, ou fort en arrière: leur torsade est plus épaisse du milieu que des côtés.

Иногда у атласныхъ шляпокъ, цвѣта *желтаго райской птички* и плюшевыхъ, цвѣта *синяго Гаити*, дѣлаютъ двойныя поля: одно очень широкое, другое, надъ нимъ, въ половину меньше и оба подбиты бархатомъ съ атласными сѣточками, которыя расположены квадратами. Уборку сихъ шляпокъ составляютъ перья или марабу, расположенныя на обоихъ поляхъ.

Матеріи, употребляемыя для беретовъ, токовъ и тюрбановъ, можно назвать смѣсью золота, серебра и мишуры всѣхъ цвѣтовъ. Иногда мишуру разрѣзываютъ, общиваютъ галуномъ, какъ кружева и отво-

рогу. Проѣхавъ пятнадцать миль и переправясь черезъ три небольшія озера, мы прибыли къ подошвѣ цѣпи холмовъ, черезъ которые однакожъ переѣхали, не взирая ни на вѣтеръ ни на снѣгъ. Ночь застигла насъ въ горахъ. Снѣгъ, наносимый вѣтромъ, препятствовалъ намъ развести огонь. Я расположился какъ могъ; между тѣмъ какъ сопутникъ мой вознаграждалъ себя за дневную усталость, съѣдая, по крайней мѣрѣ, двадцать фунтовъ мерзлаго лошадинаго мяса.

Въ слѣдующій день достигъ я до *Терахтака* и *Оотаханъ-Тароонъ Ораkта*, или *Великой ледяной рѣки* на языкѣ Якутскомъ. Дорога наша безпрестанно становилась затруднительнѣе: намъ часто должно было переходить черезъ наводненныя долины, переправляться черезъ рѣки и черезъ горы. Въ пятый день прибыли мы къ подошвѣ возвышенія, коего крутой скатъ покрытъ былъ льдомъ и замерзлымъ снѣгомъ. Съ величайшимъ трудомъ достигли мы вершины; лошади безпрестанно скользили и скатывались назадъ съ той дороги, на которую всходили съ великимъ усиліемъ. По противоположной наклонности лошади наши скатились безъ всякаго вреда. Мы съ проводникомъ сдѣлали то же. Не зная, гдѣ находимся, мы затруднились въ выборѣ дороги. Но по счастію, добрый казакъ нашъ пріѣхалъ въ это время, ибо оправившись немного,

онъ пустился вслѣдъ за нами, и подоспѣлъ очень кстати, ибо мы сбились съ дороги. Ночь провели мы въ печальномъ положеніи и безъ огня. У меня не было болѣе ни хлѣба, ни чаю; оставалось только мерзлое лошадиное мясо. Въ слѣдующій день должно было опять переходить гору. Снѣгъ смерзся и былъ скользокъ. Мы вырубили топоромъ ступеньки и такимъ образомъ достигли вершины. Связавъ всѣ ремни, бывшіе съ нами, мы тащили на нихъ багажъ нашъ за собою, и спустили его по другой сторонѣ. Но не смотря на всѣ наши усилія, намъ не возможно было перевести лошадей въ тотъ-же день. Едва достигали онѣ до половины дороги, и падая скатывались внизъ до самой подошвы. Положеніе наше становилось безпокойно. Уже два дни лошади ничего не ѣли, а мы не имѣли огня. Нашъ Якутъ былъ совершенно нечувствительнъ и жаловался только, что ему даютъ мало мяса за его трудную работу.

Ночь была для насъ еще печальнѣе предыдущей, потому что съ нами не было даже и нашихъ одѣялъ, которыя мы переправили со всѣмъ нашимъ багажемъ черезъ гору, прежде себя. На слѣдующій день намъ удалось перевесть нѣкоторыхъ лошадей черезъ гору, и ночь провели мы уже въ надеждѣ отправиться въ путь на слѣдующій день. Но еще разъ обманула насъ надежда, ибо только къ вечеру уда-

лось намъ перевести всѣхъ лошадей. Одну изъ нихъ принуждены мы были убить и взяли съ собою вмѣсто запаса. Такимъ образомъ мы потеряли пять дней прекраснѣйшаго времени, въ которые могли бы проѣхать почти столько-же, сколько въ пятьдесятъ слѣдующихъ за тѣмъ.

Ближе къ Омекону мѣстоположеніе принимаетъ совершенно другой видъ. Безплодные холмы перемѣняются въ возвышенія покрытыя лѣсомъ, болота перемѣняются въ пастьбища. Видъ дымящихся трубъ въ человѣческихъ жилищахъ возбудилъ во мнѣ удивительное удовольствіе. Я никогда не чувствовалъ такъ живо счастія жизни, какъ входя въ гостепріимный домъ Петра Готоссопа, Князька Якутскаго въ Омеконѣ. Получивъ извѣстіе о моемъ приближеніи чрезъ нарочнаго, котораго я къ нему отправилъ, онъ выѣхалъ для встрѣчи за тридцать миль. Не нужно сказывать, съ какимъ наслажденіемъ спалъ я на хорошей постелѣ изъ оленьихъ кожъ, проведя пятнадцать дней въ снѣгу.

Долина Омеконская плодоносна и живописна. Въ ней живетъ около пяти сотъ человѣкъ, кочующихъ съ своими стадами въ разныхъ мѣстахъ. Въ ней есть большіе и прекрасные лѣса березовые, сосновые, лиственичные и кедровые. На кедрахъ растутъ небольшіе, весьма душистые орѣхи, которые вывозятъ въ Охотскъ и въ Камчатку.

Три дня пробылъ я въ Омеконѣ, и принужденъ былъ оставить здѣсь своего казака, больнаго и утомленнаго. Я отправился съ молодымъ проводникомъ, Омеконскимъ урожденцомъ; три или четыре князька провожали меня. Мы проѣхали тридцать миль по берегу рѣки богатыми пастьбищами. Дичины здѣсь изобиліе. Мы остановились въ жилищѣ одного богатаго князька, а лошадей переправили черезъ рѣку. Вода здѣсь столь быстра, что четыре человѣка должны были переводить каждую лошадь. Крѣпкіе колья, вбитые въ русло рѣки, помогали имъ удерживаться противъ стремленія воды. Переходъ былъ не безъ опасности, но должно было торопиться, ибо если-бы снѣгъ растаялъ, тогда онъ сдѣлался-бы невозможнымъ. Луга на обоихъ берегахъ рѣки были уже наводнены и образовали озера, черезъ которыя лошади съ великимъ трудомъ переходили.

Меня хотѣли испугать исчисленіемъ опасностей, которымъ я подвергнусь, желая достигнуть до Охотска въ сіе время года. Князьки предлагали мнѣ остаться у нихъ недѣли на три или на четыре, то есть пока пройдетъ время прибыванія водъ. Чистота жилищъ, гостепріимство сего народа, изобиліе дичи всякаго рода, превосходное молоко, живописные виды сей страны, все должно-бы убѣдить меня согласиться на сіе предложеніе; но рѣ-

пламость моя не поколебалась. Погода сдѣлалась прекрасная, хотя ночи были еще очень холодны. Дорогою я разговаривалъ съ князькомъ о подати, называемой ясакомъ и состоящей въ извѣстномъ количествѣ мѣхонъ. Онъ замѣтилъ, что подать сама по себѣ незначительна, но что при сборахъ бываетъ очень много злоупотребленій. Коммисары имѣютъ здѣсь большую власть и часто употребляютъ ее несправедливо.

Переѣхавъ горы, я вступилъ въ прекрасную страну, изобильную пастьбищами и орошаемую рѣкою Торуракомъ. На встрѣчу мнѣ попалось стадо оленей, пасомое кочующими Тунгузами. Начальникъ ихъ находился за сорокъ миль. Я отправилъ къ нему нарочнаго, а на другой день и самъ къ нему поѣхалъ. Я нашелъ его въ парадѣ, со шпагою, въ черномъ бархатномъ платьѣ, въ треугольной шляпѣ и съ медалями на шеѣ. Не льзя было удержаться отъ смѣха, видя этотъ странный нарядъ. Начальникъ сей, называющійся Княземъ Шумиловымъ, былъ прежде богатый Тунгузъ, а теперь онъ очень бѣденъ, и принужденъ питаться рыбою, что у Тунгузовъ почитается признакомъ великаго недостатка.

Я заключилъ съ Князькомъ договоръ, по которому онъ обязался проводить меня до Охотска и доставить мнѣ потребное количество оленей. Съ нимъ было восемь-

десять семь человѣкъ изъ его подданныхъ, надъ которыми онъ имѣетъ большую власть. Способъ ихъ ловить оленей напоминалъ мнѣ ловлю воловъ, видѣнную мною въ Мексикѣ. Здѣсь употребляютъ длинную, скрученую веревку, которую держатъ въ одной рукѣ. На концѣ веревки петля, которую накидываютъ на рога животнаго и догоняютъ его на лошади.

На третій день мы опять отправились въ путь съ пятидесятью оленями, изъ коихъ пятнадцать отданы были въ мое распоряженіе. Князекъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ хочетъ провожать меня, потому, что никто изъ людей его не знаетъ лѣшней дороги въ горахъ. Въ этомъ я видѣлъ только желаніе его одолжить меня, но послѣдствія покажутъ, что я обманулся. Черезъ десять миль мы остановлены были жестокою бурею съ снѣгомъ. Тунгузы поставили тотчасъ палатку, въ которую начальникъ приглашалъ и меня; но я предпочелъ лучше остаться на воздухѣ и подъ снѣгомъ, нежели запереться въ нечистое и темное его убѣжище. Въ слѣдующій день мы проѣхали тридцать миль. На другой день олени начали падать и спотыкаться, потому что растаявшій снѣгъ не могъ ихъ сдерживать. Въ четвертый и пятый день проѣхали мы весьма мало; погода была дурная и олени не могли болѣе идти. Четыре оленя пали отъ изнуренія. Князекъ началъ сер-

диться и угрожалъ отвезти меня назадъ или оставить на дорогѣ. Я оказалъ твердость характера, стараясь впрочемъ не раздражать его, ибо зналъ мстительность Тунгузовъ. Мы достигли до возвышеннаго перехода, лежащаго черезъ горы до Ижигинска, но за глубокимъ снѣгомъ тщетно старались здѣсь перейдти. Въ шестой день мы сдѣлали новое покушеніе. Наши олени были столь слабы, что мы принуждены были оставить свое предпріятіе, потерявши еще трехъ оленей. Мы остановились на три дни, желая дать отдыхъ нашимъ оленямъ, потомъ рѣшились возвратиться назадъ и перейдти черезъ Омеконъ. Тунгузскій Князекъ объявилъ, что олени его слабы и не могутъ везти моей поклажи, а потому должно ее оставить. Я рѣшился истребить часть оной. Увидѣвъ что я хочу дѣлать, Князекъ началъ упрекать меня, для чего не хочу я отдать ему своихъ пожитковъ, вмѣсто того, чтобы жечь ихъ; онъ находилъ, что олени его могутъ довезти для него то, что для меня почиталъ онъ слишкомъ большою тягостью. Я предложилъ ему почти всю мою поклажу, если только онъ возьмется доставить меня въ Охотскъ къ 20-му числу Мая. Онъ отказался, а я продолжалъ жечь мои вещи. Видя, что всѣ его убѣжденія безполезны, онъ началъ кричать, что я ерепнулъ, а не попъ; потомъ сталъ креститься, браниться и плевать

ногами, какъ сумасшедшій. Я только смѣялся, ибо рѣшился все истребить и лучше возвратиться въ Омеконъ, нежели быть обманутымъ. Наконецъ, Князекъ признался, что все было приготовлено нарочно, чтобы заставить меня возвратиться къ Омекону, до котораго мы и достигли по осмнадцати-дневномъ путешествіи.

Разставаясь съ Князькомъ Шумиловымъ, я купилъ у него оленя и заплатилъ ему табакомъ. Я полагалъ, что сего запаса достаточно будетъ для достиженія до Охотска. Тунгузъ и при семъ торгѣ хотѣлъ употребить хитрость, представляя, что онъ продалъ мнѣ только мясо, а не кожу животнаго. Изъ кожи хотѣлъ я сдѣлать себѣ постель, и не расположенъ былъ уступать ее, а потому возразилъ, что я имѣю право убить моего оленя когда мнѣ вздумается, и что тогда отдамъ ему кожу. Князекъ тѣмъ болѣе приведенъ былъ въ замѣшательство моимъ отвѣтомъ, что онъ вынулъ уже ножъ и хотѣлъ зарѣзать оленя.

Наконецъ отправился я въ Охотскъ, и послѣ продолжительныхъ трудовъ достигъ до озера, изъ котораго въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ вытекаютъ рѣки Охота и Кутузу (Кухтуй?). Настало дождливое время, рѣки быстро прибывали.

Пріѣхавъ къ броду на рѣкѣ Охотѣ, мы не рѣшились перейдти здѣсь, ибо проводникъ объявилъ намъ, что не льзя съ грузомъ переправиться черезъ рѣку. Мы остановились для роздыха, и на другой день увидѣли, что на противоположномъ берегу, недалеко отъ мѣста, гдѣ мы находились, привязана лодка. Снявъ поклажу съ лошадей, вогнали ихъ въ воду и онѣ всѣ благополучно перешли рѣку. Тогда оставалось найдти средство, какимъ-бы образомъ привесли къ намъ лодку. Только я умѣлъ плавать, но вода была такъ холодна, что мнѣ не хотѣлось приступить къ сему предпріятію. Необходимость принудила меня однакожъ рѣшиться на все. Я взялъ съ собою большой отрубокъ дерева, обвязался длиннымъ ремнемъ и бросился въ воду. Быстротою теченія отнесло меня на нѣсколько сотъ сушонъ. Якуты держали одинъ конецъ ремня, которымъ я обвязался и слѣдовали за мною по берегу въ готовности удержать меня вслучаѣ опасности. Невредимо достигъ я другаго берега и скинувъ тотчасъ мое платье, сталъ бѣгать, желая согрѣться. Якуты были удивлены моимъ подвигомъ и очень благодарны, когда я привелъ имъ лодку. Я вспомнилъ, что Лордъ Байронъ переплылъ черезъ Геллеспонтъ, но мое плаваніе едва-ли не превосходило его, ибо Лорду Байрону не нужно было превозмогать ни усталости, ни голода, ни холода.

Въ этотъ день проѣхали мы еще двадцать миль. Вечеръ былъ прекрасный; но запасы наши истощились и вмѣсто ужина занимались мы сушеньемъ нашего платья. Въ слѣдующій день остановились на лѣвомъ берегу Модона. Четверымъ оставалась только одна куропатка. Здѣсь рѣка Охота дѣлается ужасною, потому что съ двухъ противоположныхъ сторонъ впадаютъ въ нее рѣки Натеръ и Модонъ. Первая изъ сихъ рѣкъ представляла намъ большія препятствія: миляхъ на семи принуждены мы были переѣзжать ее три раза.

Черезъ два дни мы прибыли къ соединенію Арки съ Охотою, которая отъ дождей такъ наполнилась, что мы опять принуждены были остановиться. Я взялъ ружье нашего Якута и хотѣлъ отправиться на охоту, но оказалось, что порохъ весь подмоченъ. Должно было терпѣть. Мы могли бы убить одну изъ нашихъ лошадей, но это значило-бы лишить себя важнаго пособія. Якуты поставляютъ правиломъ: убивать лошадей только тогда, когда уже девять дней не ѣли никакого мяса.

Множество маленькихъ островковъ придавали болѣе быстроты теченію; сверхъ того по рѣкѣ несло деревья и огромныя льдины. Я ходилъ по берегу для отысканія брода, но тщетно. Тогда началъ я срубать деревья, дабы въ случаѣ нужды

сдѣлать паромъ. Къ вечеру пошелъ проливной дождь и мы провели ночь въ положеніи довольно непріятномъ. Въ теченіе четырехъ дней мы питались только дикими ягодами, но въ послѣдніе два дни и тѣхъ уже не было. Вода въ рѣкѣ не убывала; я построилъ свой паромъ и рѣшился переправиться съ казакомъ и однимъ Якутомъ, оставя другаго для сбереженія лошадей. Мнѣ казалось все равно: умереть-ли съ голоду на одномъ берегу, погибнуть на другомъ, или утонуть переѣзжая черезъ рѣку! Привязали всю поклажу на паромъ, который состоялъ изъ десяти бревенъ, соединенныхъ пятью поперечными бревнами. Все было укрѣплено ремнями; паромъ казался мнѣ довольно твердымъ и могъ противостать жестокому удару. Вооружившись шестами и веслами для управленія, мы предались теченію рѣки. Журналъ мой и бумаги привязалъ я къ поясу.

Когда мы доплыли до средины рѣки, теченіемъ понесло насъ столь быстро, что мы почувствовали головокруженіе. Видя, что паромъ плаваетъ по произволу воды и что рѣка становится обширнѣе, я началъ говорить товарищамъ моимъ о надеждѣ завтракать на другой день въ Охотскѣ. Казакъ и Якуты мало ободрились отъ моихъ словъ. Опасенія ихъ были не напрасны: поворотя около земляного мыса, мы вдругъ увидѣли передъ собою огромное

дерево, упавшее въ рѣку; вода разбивалась объ него съ шумомъ. Сучья дерева отнимали всякую возможность переѣхать черезъ пень онаго, сокрытый подъ водою. Погибель была неизбѣжна. Товарищи мои крестились, а я спокойно ожидалъ несчастія, все еще надѣясь, что силой толчка отнесетъ насъ къ другому концу дерева, но надежда моя не исполнилась. Передняя часть парома увлечена была водою подъ дерево, а другой конецъ онаго такъ высоко поднялся, что мы всѣ попадали въ воду. Паромъ, казакъ и Якуты, увлеченные быстриною, счастливо пристали къ небольшому острову, футовъ за сто отъ дерева, но мое положеніе въ это время было очень опасно. Опасаясь быть раздавленнымъ между паромомъ и деревомъ, я ухватился было за сукъ и повисъ на немъ. Силою теченія тащило меня подъ дерево, надъ водою оставались только моя голова и руки. Отчаянное усиліе извлекло меня изъ сего опаснаго положенія: мнѣ удалось взлѣзть на дерево, но въ одну минуту, сукъ, за который держался я, согнулся; опять упалъ я въ воду и полумертваго принесло меня къ моимъ сопутникамъ.

Мы спаслись, но положеніе наше было не менѣе опасно. Рукавъ рѣки, шириною въ 50-60 футовъ, отдѣлялъ насъ отъ праваго берега. Прежде всего постарался я согрѣться сильнымъ движеніемъ. Потомъ вытаскивалъ изъ воды что могъ: вещи на-

ши и паромъ, отъ коего зависѣло наше спасеніе. Между тѣмъ наступилъ вечеръ; ночь угрожала дождемъ, и оставшись на островѣ, мы могли бы подвергнуться потопленію отъ прибыванія воды; снова пуститься на паромѣ въ темнотѣ, значило-бы подвергнуться еще большей опасности, нежели та, отъ которой мы избавились. Въ недоумѣніи ходилъ я по острову и по счастію открылъ, что дерево, упавшее съ противоположнаго берега, въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣчнаго протока образовало родъ моста, который можно было дополнить. Я тотчасъ велѣлъ притащить бревна парома; мы начали строить мостъ. Окончивъ его благополучно, достигли мы противоположнаго берега и перенесли всю свою поклажу.

Было около десяти часовъ вечера, когда мы, окончивъ переправу, находились на другомъ берегу. Морозъ сдѣлался сильный и мокрая моя одежда скоро превратилась въ настоящую ледяную оболочку. Огня было разложить невозможно, ибо трутъ нашъ, намокнувъ, не разгорался. Мы окружены были лѣсомъ сухихъ деревъ, и Якуту удалось трепіемъ произвесть огонь. Мы избѣжали отъ опасности замерзнуть и попали въ другую — сгорѣть. Высокая трава загорѣлась столь быстро, что зажгла деревья и въ нѣсколько минутъ весь лѣсъ объятъ былъ пламенемъ. Съ великимъ трудомъ могли мы за-

щищаться отъ огня, со всѣхъ сторонъ насъ стѣснявшаго.

Проводникъ, котораго мы оставили на другомъ берегу съ лошадьми, въ нѣсколькихъ миляхъ, увидѣвши сей пожаръ и не зная что съ нами происходитъ, рѣшился переправиться черезъ рѣку. Мы были очень рады увидя его. Всю ночь занимались сушеніемъ платья и приготовленіями къ завтрашнему путешествію, хотя пять дней были мы почти безъ пищи. Проѣхавъ сорокъ миль черезъ гористую и безплодную страну, мы прибыли къ жилищу Якутскаго Князька, Григорія Громова. Хозяинъ нашъ не оказалъ намъ ни вѣжливости, ни гостепріимства и я съ великимъ трудомъ могъ получить отъ него лошадинаго мяса, которое ѣлъ я какъ удивительное лакомство.

Здѣсь перемѣнили мы лошадей и пустились къ Охотску. Скоро въѣхали въ густой сосновый лѣсъ, растущій на песчаной почвѣ. Погода была дурная, шелъ сильный дождь. Наконецъ достигъ я до восточнаго берега Азіи, на которомъ нашелъ только одинъ бѣдный шалашъ, едвали даже годный для укрытія отъ непогоды. На другой день я пришелъ пѣшкомъ въ Охотскъ и по требованію моему былъ отведенъ къ начальнику Охотска, Владиміру Ускинскому, который принялъ меня съ великимъ уваженіемъ и очень ласково.

Мнѣ отвели квартиру въ домѣ городничаго. Всѣ были удивлены страннымъ моимъ видомъ. Отъ морозовъ и вѣтровъ лицо мое было обезображено. Длина моей рыжей бороды и рыжихъ волосъ придавала мнѣ ужасный видъ. Я тотчасъ велѣлъ себя выбрить и остричь. Отъ одного Боспонскаго купца, живущаго въ Охотскѣ, я получилъ сертукъ и такимъ образомъ сталъ походить на человѣка.

Письмо къ Издателю.

Спѣшу сообщить Русскимъ Археографамъ полученное мною письмо, поставляя притомъ обязанностію благодарить почтенную особу за доставленіе извѣстія, объясняющаго темное мѣсто въ старинной Русской дипломатикѣ и за лестное вниманіе къ Телеграфу: благосклонный отзывъ такихъ людей есть первая, пріятнѣйшая для меня награда.

Н. П.

»Въ 16 No Телеграфа на нынѣшній годъ (стр. 304) прочелъ я съ особеннымъ удовольствіемъ догадку вашу на счетъ одного мѣста нашихъ лѣтописей. Я говорю: съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо нахожусь въ возможности подтвердить оную. По частымъ разъѣздамъ моимъ въ здѣшней губерніи, она мнѣ довольно из-

вѣстна, и потому я могу увѣдомить васъ, что между Гдовомъ и Плюсою, у истока Наровы и понынѣ находится казенная деревня, подъ названіемъ: *Скамья*, извѣстная здѣсь славными своими угревыми ловлями или по тамошнему названію *сяжами* (*). Что касается до *Олегина креста*, то подъ симъ названіемъ вѣроятно извѣстно было въ древности какое нибудь урочище, ибо роясь по должности своей часто въ старыхъ актахъ, я нашелъ въ писцовыхъ книгахъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ о томъ упоминается. Приведу здѣсь два:

»1. Погостъ на рѣкѣ на Наровѣ *у Олегина креста*, а на погостѣ церковь каменная Николы Чудотворца, да церковное строеніе. Писано въ церковныхъ книгахъ пашни худыя земли четыре четверти съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Лѣсу не пашеннаго отъ церковной пашни и Мокришской деревни Нарышкина, живошинѣ на выпускъ 4 десятины, и то въ тошное письмо не положено сѣна подъ тою церковью,

»и 2. За Посникомъ Ивановымъ сыномъ Желнынскимъ, Григорьева помѣстья, Бу-

(*) Въ досужное время, котораго у меня впрочемъ очень, очень мало, думаю описать эти ловли и вообще разные способы ловить рыбу на Чудскомъ озерѣ, и если позволите, сообщу въ вашъ журналъ. *Сот.* Прошу усердно объ этомъ. *И. Т.*

лашьева сына Шаблыкина, а послѣ было матери его, да Монтіево помѣстье Шаблыкиныхъ, полупустоши Радовли на Наровѣ у *Ольгина креста*, а другая половина тое пустоши писана за Давыдомъ Терпигоревымъ (*).

»Въ нынѣшнее-же время такихъ названій: Ольгина или Волгинъ крестъ я въ томъ краю не слыхалъ; но въ первый разъ, когда туда поѣду, постараюсь поговорить со старожилами и если узнаю что любопытное, то сообщу и вамъ — полагая, что это будетъ любопытно и для васъ.«

20 Декабря, 1826.
С. П. Б.

(*) Здѣсь не соблюдена орѳографія подлинника, ибо я его въ рукахъ не имѣю, а извлекаю, хотя и изъ засвидѣтельствованной, но не съ исторической вѣрностію писанной копіи.

II. АНТИКРИТИКА.

Письмо В. Н. Берха къ Издателю Телеграфа.

Милостивый Государь Н. А.

Принося вамъ искреннюю благодарность за то вниманіе, коего вы удостоиваете слабые, но усердные труды мои, почитаю обязанностію отвѣчать на замѣчанія ваши.

Вы желаете, чтобы я писалъ жизнеописанія не столь сухимъ образомъ, прибавляя, подобно Г ну Банты́шу - Каменскому, анекдоты и характеристику. Первые, когда они подкрѣплены доказательствами, а особенно хронологическими, я весьма охотно включаю. Но до характеристики никогда не коснусь, ибо долженъ излагать мнѣніе свое, съ которымъ, можетъ быть, весьма многіе читатели не будутъ согласны. Когда я вамъ описываю дѣянія какого нибудь лица, помѣщаю письма его и рапорты, то извольте сами заключать о характеристикѣ его.

Знаменитый Англійскій писатель Самуилъ Жонсонъ, составляя жизнеописанія Англійскихъ поэтовъ, говоритъ: »Ежели-бы я не былъ такъ разборчивъ въ матеріялахъ, то жизнеописанія мои были-бы гораздо полнѣе и занимательнѣе; теперьже, хотя они и кратки, но основаны на истинныхъ событіяхъ.« Тоже могу и я вамъ сказать, присовокупя, что когда время и обстоятельства позволятъ мнѣ издать въ свѣтъ жизнеописанія первыхъ Россійскихъ Адмираловъ, то вы встрѣтите

въ сочиненіи сей много такихъ актовъ, которые озарятъ отечественную Исторію вашу важными и до сихъ поръ неизвѣстными истинами.

Шпелинъ и Голиковъ, составляя Анекдоты Петра I го, были весьма неразборчивы: писали все что имъ разсказывали и не сличали разсказовъ съ хронологіею и происшествіями того времени. Для образца приведу вамъ нѣсколько примѣровъ.

Прокуроръ Адмиралтействъ-Коллегіи Скорняковъ-Писаревъ сказалъ въ присутствіи Государю, имѣвшему чинъ Шаубенахта, что не ему очередь говорить, присовокупя потомъ: »На чтоже гаерствовать? Займите царское мѣсто!»

Вотъ доказательства несправедливости сего анекдота: Государь принялъ чинъ Вице-Адмирала въ 1714 мъ; Адмиралтействъ-Коллегія учреждена въ 1718 мъ; первымъ Прокуроромъ опредѣленъ Капитанъ-Поручикъ Козловъ: Скорняковъ-Писаревъ никогда не былъ Прокуроромъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Гардемаринъ Спафаріевъ, посылапный за море, возвратясь въ Россію, экзаменованъ былъ Адмиралтействъ-Коллегіею, въ присутствіи Государя; но поелику онъ зналъ худо науки, то слуга его Калмыкъ отвѣчалъ вмѣсто его. Монархъ, усмотря сіе, пожаловалъ слугу въ морскіе офицеры, а барина разжаловалъ въ матрозы. Слуга сей, говоритъ Голиковъ, по прозванію Калмыковъ, былъ въ послѣдствіи Контръ-Адмираломъ.

Повѣствованіе сіе также несправедливо. Денисъ Калмыковъ, простой породы (какъ о немъ въ спискахъ сказано), посланъ былъ, въ 1706 году, за море, обучаться морскимъ наукамъ. Возвращясь въ

1713 мъ, произведенъ онъ въ навигаторы. Денисъ Ивановичъ Калмыковъ, служа съ отличіемъ на флотѣ, пожалованъ былъ въ 1742 году, не по линіи, въ Контръ-Адмиралы. При сихъ двухъ анекдотахъ надобно замѣтить грубыя несообразности: 1е, Скорняковъ-Писаревъ, воспитанный за моремъ, бывшій потомъ начальникомъ Морской Академіи, умѣлъ, вѣроятно, говорить и не сказалъ-бы Государю своему грубыхъ словъ сихъ: *на что гаерствовать*; 2е, когда барина экзаменовали въ присутствіи Государевомъ, то могъ-ли быть тутъ-же въ Коллегіи слуга его?

Государь пріѣхавъ въ Олонецъ, нашелъ, что у судьи нѣтъ никакихъ дѣлъ и во уваженіе сего, опредѣлилъ его Прокуроромъ въ Адмиралтействъ-Коллегію. По дѣламъ сего невидно. Первымъ Прокуроромъ опредѣленъ, въ 1791 году, гвардіи Капитанъ-Поручикъ Иванъ Козловъ, который и находился въ должности сей десять лѣтъ. Забавно читать, отъкуда почерпнулъ Голиковъ анекдотъ сей: »Отъ Олонецкаго купца Барсукова, любимаго Государемъ, »слышанное записалъ одинъ изъ пріятелей моихъ; »но къ сожалѣнію моему, не записалъ онъ фамиліи »воеводы сего.«

Нѣкогда очистилось при флотѣ Вице-Адмиральское мѣсто. Государь, прибывъ въ Адмиралтействъ-Коллегію, подалъ просьбу о произведеніи его въ чинъ сей. Члены Коллегіи не уважили сей просьбы, а произвели другаго и Государь былъ весьма доволенъ симъ поступкомъ.

Государь принялъ чинъ Вице-Адмирала въ 1714-мъ; Адмиралтействъ-Коллегіа учреждена въ 1718-мъ. Отъ 1700 года до заключенія Нейштадт-

ского мира (1721 го) не былъ никто произведенъ въ Вице-Адмиралы. Штелинъ говоритъ, что онъ слышалъ анекдотъ сей отъ Адмиралтейскаго экипажъ-мейстера Брюйнса.

Въ одномъ Русскомъ Альманахѣ былъ напечатанъ очень любопытный и пріятный анекдотъ: какимъ образомъ женилъ Петръ I, ѣхавъ въ Воронежъ, флота Лейтенанта Муханова, на дочери Капитана Бакѣева. Анекдотъ сей прочитаетъ каждый съ отличнымъ удовольствіемъ, но начните разбирать оный исторически и вы увидите что онъ несправедливъ. Петръ I былъ послѣдній разъ въ Воронежѣ въ 1709 году, а въ сіе время не состоялъ еще Мухановъ въ чинѣ морскихъ Офицеровъ.

Можно-ли подобными анекдотами дополнять жизнеописанія? Какую вѣру будутъ послѣ сего имѣть читатели къ Сочинителю? Мнѣ разсказывали недавно анекдотъ, подкрѣпленный хронологіею, но и тутъ едва-ли можно ему дать полную вѣру. Флота Капитанъ 1 го ранга Токмачевъ, былъ 26 лѣтъ начальникомъ Астраханскаго порта, произведенъ былъ въ 1775 мъ году въ Оберъ-Штеръ-Кригсъ-Коммисары. По прибытіи въ С. Петербургъ, былъ онъ представленъ премудрой Екатеринѣ. Монархиня, поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени, изволила сказать ему при прощаніи: »Приходите ко мнѣ завтра обѣдать.« — Никакъ не могу, Всемилостивѣйшая Государыня, возразилъ Токмачевъ, я далъ слово обѣдать завтра у стараго друга моего и товарища Вице Адмирала Елманова, который только что возвратился изъ Архипелага. — »Ну, такъ приходите послѣ завтра,« сказала Государыня улыбнувшись. — Непремѣнно буду, отвѣчалъ Токмачевъ.

Продолжаю отвѣтъ мой на возраженія ваши: въ жизнеописаніи Графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина есть дѣйствительно двѣ ошибки: во времени его рожденія и пожалованіи Адмиралтейцомъ; но мои-ли онѣ, наборщиковы или переписчиковы, не могу вамъ сказать. Г. Банпышъ-Каменскій также ошибся: Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ не былъ Адмираломъ, а пожалованъ по кончинѣ Графа Ѳедора Алексѣевича Головина прямо въ Генералъ-Адмиралы. Петръ I говоритъ въ письмѣ своемъ къ нему (11 Марта 1707 года): »Возвышаю васъ на градусъ его.« Г. Банпышъ-Каменскій говоритъ, что Адмираломъ и Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи пожалованъ онъ въ 1707 году: это также ошибка. Засѣданія начались въ Адмиралтействъ-Коллегіи съ Января 1719 года, а Президентъ и Вице-Президентъ назначены были въ исходѣ 1718 года.

Сухость труда моего старался я елико возможно разнообразить и можетъ быть встрѣтите вы жизнеописанія, которыя гораздо занимательнѣе Апраксина и Головина. Крюйсъ, который уже напечатанъ, содержитъ много любопытнаго потому, что при составленіи онаго нашелъ я много иностранныхъ пособій.

Впрочемъ, ежели нить повѣствованія расположена у меня неискусно, ежели я излагаю вамъ событія самымъ простымъ и необрабошаннымъ слогомъ, то будьте снисходительны къ недостаткамъ моимъ и уважьте, во первыхъ то, что я предлагаю вамъ однѣ истины, а во вторыхъ, тотъ трудъ, который я долженъ былъ употребить для собранія оныхъ.

Окончивъ Жизнеописанія Адмираловъ, занялся я теперь новою работою: въ дѣлахъ попалось мнѣ болѣе 700 писемъ Петра I, отъ 1705 до 1725 года, къ разнымъ лицамъ, изъ коихъ весьма малое число напечатано и то съ большими ошибками. Тамъ-же нашелъ я почти столько-же писемъ къ Государю. Бумаги сіи любопытны по многимъ отношеніямъ и бывъ важнымъ историческимъ матеріяломъ объясняютъ многія событія того времени.

Весьма жаль, что люди, собравшіе письма Петра I, не обратили вниманія на письма писанныя къ Государю. Лѣтъ 50 тому назадъ, не трудно было собрать оныя, а теперь почти не возможно; развѣ попадется что нечаянно въ дѣлахъ того времени.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч.

В. Берхъ.

Декабря 8 дня,
1826 года.
С. Петербургъ.

Письмо Г-на Классена къ Издателю Телеграфа.

Милостивый Государь!

Читавши 12-й No издаваемаго вами Телеграфа, я весьма удивился, найдя въ ономъ сознаніе ваше, что вамъ не извѣстно состояніе Московск. Практ. Коммерч. Академіи, заведенія, существующаго около двадцати лѣтъ и поддерживаемаго приношеніями купеческаго общества: какъ члену общества, вамъ это грѣшно, какъ журналисту, непростительно!

Кто не имѣетъ свѣдѣнія объ усердіи, приношеніяхъ и усиліяхъ покойнаго Алексѣя Алексѣевича Куманина, къ положенію основанія сему заведенію? Кому не извѣстны сдѣланныя въ пользу онаго пожертвованія Зоемъ Павловичемъ Зосимою, простирающіяся суммою за 150,000 рублей?

Вслѣдъ за таковымъ вашимъ сознаніемъ говорите вы о Рѣчи, произнесенной мною въ сей Академіи. Мысль, въ оной изложенная, кажется вамъ худо разкрытою потому, что я, указуя на средства, служащія къ поддержанію торговли, не всѣ оныя перечелъ: но я и въ самомъ заглавіи рѣчи говорю только о *нѣкоторыхъ*; сверхъ того я замѣчаю, что вы упустили въ семъ случаѣ изъ виду, что рѣчь, произносимая между многимъ другимъ на торжественномъ актѣ, хотя можетъ, но не должна быть пространною; ибо въ противномъ случаѣ, когда-бы всѣ говорившіе рѣчи во время акта, распространялись въ подробности, каждый о своемъ предметѣ, то самый актъ невольнымъ образомъ продолжался-бы, можетъ быть, часовъ семь, утомленные посѣтители начали-бы оставлять собраніе и цѣль таковыхъ празднествъ, на которыхъ мы стараемся соединить пріятное съ полезнымъ, совершенно была-бы потеряна. Однако-жь я признаю, что сія краткость содѣлалась-бы тогда непростительною, когда-бъ это было какое-нибудь полное сочиненіе или диссертація, или если-бы такая рѣчь не была однимъ изъ 17-*ти разныхъ сочиненій*, произнесенныхъ на актѣ.

Для большаго объясненія краткости рѣчи моей, я почитаю нужнымъ вновь обратиться къ средствамъ поддерживающимъ торговлю. Нѣтъ

сомнѣнія, что никто не станетъ оспоривать того мнѣнія, что просвѣщеніе есть главный источникъ всякаго блага человѣчества, что, въ немъ родятся и изъ него исходятъ всѣ другія средства, отдѣльно дѣйствующія къ достиженію общей цѣли: народному благосостоянію; но едва-ли станетъ также кто прекословить, что тоже самое просвѣщеніе, при злоупотребленіи онаго, дѣлается мечемъ обоюду острымъ; что оно служило многимъ народамъ средствомъ къ счастію, но было также орудіемъ собственной гибели въ рукахъ Французовъ 18 го вѣка! И такъ, кажется, достаточно-бъ было того замѣчанія, что направленіе просвѣщенія, примѣненіе онаго къ разнымъ классамъ народа и разныя степени, посему для него назначаемыя, должны быть цѣмъ для управляющаго онымъ, чѣмъ полярная звѣзда для мореходца. А посему, все прочее, сказанное мною относительно поддержанія торговли, я почиталъ уже излишнимъ въ рѣчи моей, и не упомянулъ-бы объ ономъ ни слова, если-бъ не хотѣлъ тѣмъ указать на цѣль и права самой Академіи. Что-же относится до мнѣнія объ иностранныхъ товарахъ, то конечно слѣдовало-бы раздѣлить мнѣ ихъ на классы и показать, которые изъ нихъ должны быть ввозимы совершенно безъ пошлинъ, которые-же съ пошлиною, болѣе умѣренною или болѣе высокою, и впускъ коихъ въ Россію совершенно долженъ быть запрещенъ, если-бъ я имѣлъ намѣреніе говорить о цѣли и пользахъ таможенъ; но я въ семъ случаѣ имѣлъ только въ виду пословицу весьма многихъ гражданъ: „*Я куплю дешевле, да лучше, да притомъ не Русское*,“ пословицу, которую, большею частію, употребля-

ютъ тогда, когда имъ совѣтуютъ предпочесть отечественныя произведенія иностраннымъ, и въ семъ-то случаѣ я не почиталъ столь нужнымъ входить въ большія подробности и тѣмъ болѣе отдаляться отъ цѣли подобныхъ празднествъ, опасаясь притомъ, чтобы не сказали намъ приглашаемые посѣтители: »Вы празднуйте какъ хотите ваше торжество, а мы къ вамъ не пойдемъ.«

Въ заключеніе сего должно сказать, что желаніе ваше, чтобы разсуждаемо было о подобныхъ предметахъ съ большею основательностію, весьма справедливо, а потому и должно быть общимъ желаніемъ. Я сознаюсь, что я коротко писалъ, но вы говорите что средства, показанныя мною къ поддержанію торговли, далеко не всѣ; слѣдовательно вы предполагаете нужнымъ писать обо всѣхъ подробно и я съ симъ не могу согласиться, ибо хотя основательность необходима во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ, но самыя подробности оной ограничиваются разными степенями; иначе должно-бъ было въ каждомъ акросшихъ помѣщать полную біографію той особы, на чье имя онъ написанъ, въ каждомъ романсѣ цѣлый романъ, и въ рѣчи моей, полный трактатъ о торговлѣ. Да упасетъ насъ Богъ отъ нарѣканія Нѣмецкой пословицы: Er ſchreibt ein Taſchenbuch in folio. Что-же относится до откровенности, вами упоминаемой, то я не знаю, къ чему отнести таковую, почему прошу васъ покорнѣйше, напечатавъ сіе письмо въ издаваемомъ вами Журналѣ, помѣстить въ ономъ и ваше мнѣніе объ авторской откровенности и тѣмъ вывесть меня

изъ недоумѣнія на счетъ сей добродѣтели, столь любезной и необходимой въ кругу друзей и семейства.

Впрочемъ имѣю честь быть и проч.

Егоръ Классенъ.

Сентября 20 д.,
1826 г.
Москва.

Замѣчанія Издателя Телеграфа.

Наравнѣ съ вѣчнымъ движеніемъ, квадратурой круга, философскимъ камнемъ и другими донынѣ нерѣшенными и едва-ли рѣшимыми задачами, должно поставить желаніе согласить людскія мнѣнія, касательно всякаго предмета, каковъ-бы онъ ни былъ: малъ или великъ, важенъ или ничтоженъ. Изъ сего не выходятъ литтературные и ученые предметы; слѣдовательно: самая безпристрастная и основательная критика, какія ни имѣла-бы она основныя правила, всегда встрѣтитъ споры, противорѣчія и несоглашенія. Здѣсь все рѣшается только большинствомъ голосовъ, которое получаетъ названіе *общественнаго мнѣнія* или *мнѣнія публики:* и при перевѣсѣ общественнаго голоса, veto крикливыхъ спорщиковъ не должно быть уважаемо.

Но какъ поступать въ семъ случаѣ Критику? Пускаться-ли ему въ безконечное поприще антикритикъ и сражаться, пока молчаніе противника докажетъ сознаніе его въ винѣ? Или, ограничась

своимъ, однажды произнесеннымъ, приговоромъ, спокойно слушать, какъ на него возстаютъ противники, и при звукѣ ихъ оружія думать о цѣли, пользѣ критики, безполезности перекличекъ журнальныхъ, невозможности убѣдить *всѣхъ* и *всякаго* въ истинѣ?

Обратимся-ли въ этомъ сомнѣніи къ читателямъ журналовъ, мы встрѣтимъ два совершенно-различныя мнѣнія. Многіе читатели журналовъ рады читать самые вздорные споры, мало думаютъ о цѣли споровъ, готовы за острое словечко зѣвать надъ цѣлыми страницами и безпрестанно будутъ говорить журналисту: »*Что это вы мало спорите? Заводите-ка споры: право, весело читать, какъ бранятся литтераторы!*« Въ добродушномъ увѣреніи, сіи люди сливаютъ привязки авторскаго самолюбія съ критикою. Другіе читатели требуютъ напротивъ, настоящей критики, а не *антикритики*, скучаютъ журнальными перестрѣлками и негодуютъ, видя, что журналистъ или критикъ хочетъ невозможнаго: убѣжденія всякаго изъ своихъ противниковъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ я слѣдовалъ двумъ различнымъ мнѣніямъ. Въ первый годъ изданія Телеграфа, мечтая убѣдить своихъ противниковъ, я увлеченъ былъ въ журнальныя сраженія и глядя теперь на огромныя статьи, свои и чужія, вспоминая о литтературной битвѣ, которою заняты были журналы, книги и даже водевили 1825 года, признаюсь, жалѣю времени, потеряннаго на безполезный трудъ: сдѣлать невозможное возможнымъ, заставить сознаться каждаго изъ авторовъ въ справедливости замѣ-

чаній, сдѣланныхъ на его сочиненія и согласить литературныя мнѣнія разныхъ партій.

Я рѣшительно отказался отъ антикритикъ въ 1826 году; съ дюжину статей, оставшихся въ кабинетѣ моемъ отъ 1825 года и дюжины двѣ полученныхъ мною въ 1826 году и также оставленныхъ подъ спудомъ, доказываютъ, что я сдержалъ свое слово. Занимаясь не антикритикою, но настоящею *критикою*, я, кажется, имѣлъ случай доказать, что не опасеніе быть побѣжденнымъ заставляло меня молчать, но убѣжденіе въ безполезности антикритическихъ переговоровъ.

Между тѣмъ, я уже объявилъ, что присланныя ко мнѣ антикритики будутъ помѣщены въ Телеграфѣ (должно-ли было прибавлять, что тѣ только, которыя заслуживаютъ вниманіе просвѣщенныхъ читателей?), ибо сколь безполезно печатать все, что въ опроверженіе критики готово написать авторское самолюбіе, столь же не справедливо было-бы присвоивать своимъ сужденіямъ всегдашнюю непогрѣшительность и лишать авторовъ и переводчиковъ права опровергать ошибочныя разсужденія какого-бы то ни было журналиста о ихъ произведеніяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я положилъ за правило (по крайней мѣрѣ для самого себя): не вступать въ обширныя словопренія и состязанія.

Изъ множества присланныхъ ко мнѣ антикритикъ, по строгомъ разсмотрѣніи, я рѣшился напечатать письма, полученныя мною отъ В. Н. Берха и Г-на Классена, какъ заслуживающія особенное вниманіе, и отвѣчать на сіи письма, а изъ антикритикъ и антикритическихъ статеекъ и намековъ въ другихъ из-

даніяхъ, сказать нѣсколько словъ только на статью Г-на Делибюрадера (С. О. 1826 г.) и Письмо Г-на Титова (С. О. 1826 г.). Касательно всѣхъ другихъ присланныхъ ко мнѣ статей, заключающихъ въ себѣ антикритики на рецензіи Телеграфа и другихъ журналовъ, объявляю, что Г-да приславшіе могутъ печатать ихъ гдѣ угодно: въ Телеграфѣ для нихъ нѣтъ мѣста.

1-е. Изъ неоднократныхъ отзывовъ моихъ въ теченіе двухъ лѣтъ, о трудахъ В. Н. Берха, можно было видѣть, какъ дорого цѣню, и какъ много я уважаю литературныя занятія сего почтеннаго Литтератора нашего. Въ послѣднемъ отзывѣ моемъ (Тел. No XVIII, 135) я замѣтилъ только, что жизнеописанія знаменитыхъ людей, составляемыя Г-мъ Берхомъ, могли-бы имѣть достоинство не только собранія важныхъ историческихъ матеріяловъ, но историческаго сочиненія, могущаго доставить любопытное чтеніе всякаго рода читателямъ; въ примѣръ приведены были мною жизнеописанія, изданныя Г-мъ Б. К. Хотя несовершенства ихъ оспорить не возможно, но тѣмъ не менѣе, самый образъ изложенія, даетъ уже удобство читать ихъ, какъ историческое, занимательное сочиненіе. Я не требовалъ характеристики отъ Автора Жизнеописаній: о многихъ изъ тѣхъ, коихъ жизнь описываетъ В. Н. Берхъ, можно собрать извѣстія современниковъ и иностранцовъ; въ письмахъ и бумагахъ найдти и выставить черты любопытныя, по отношеніямъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, мнѣніямъ лица описываемаго, или его времени: заставить говорить его самого, дѣйствовать, жить; изобразить его, какъ государственнаго человѣка, семьянина, гражданина, и проч. и проч.

Я всегда останусь при томъ мнѣніи, что акты, подлинникомъ, должны быть *приложеніями*, а собственно жизнеописанія излагаемы отдѣльно. Впрочемъ, важность и польза труда В. Н. Берха никогда не были мною оспориваемы.

Касательно противорѣчій своимъ предшественникамъ, я думаю, что Историкъ всегда долженъ оправдываться, если онъ о чемъ нибудь историческомъ пишетъ *не-такъ, какъ до него писали;* извѣстія предшественниковъ, когда онъ можетъ доказать ихъ невѣрность, мало того, что не долженъ онъ включать въ свое повѣствованіе, но пояснять и доказывать ихъ несправедливость. Письмо ко мнѣ В. Н. Берха, на двухъ страничкахъ, сколько разрушаетъ такого, что донынѣ считалось историческою истиною и оно можетъ доказать намъ, сколько принесутъ пользы подобныя опроверженія, если на обширномъ поприщѣ своемъ и при богатствѣ матеріяловъ, Г-нъ Берхъ будетъ постоянно подвергать критическому разбору все, что до него писали о людяхъ, которыхъ жизнеописаніями онъ занимается.

2-е. Споръ съ Г-мъ Классеномъ, касаясь важнаго предмета, могъ-бы всего скорѣе вовлечь меня въ отвѣтъ обширный; но постараюсь и здѣсь ограничиться немногими словами.

Прочитаемъ заглавіе Сочиненія Г-на Классена и посмотримъ, о чемъ предполагалъ онъ говорить рѣчь свою. Первое: *О ложности положенія причинъ упадка торговли въ недостаткѣ денегъ;* второе: *О показаніи истинныхъ причинъ онаго* (т. е. упадка торговли); третіе: *О нѣкоторыхъ средствахъ могущихъ воспрепятствовать губительному вліянію ихъ* (т. е. истинныхъ причинъ упадка)

на благо народное (*). Какой обширный предметъ! Онъ еще болѣе важенъ покажется, если вспомнимъ, что Г-нъ Классенъ, Секретарь и Членъ Общества Любителей Коммерческихъ знаній, Секретарь Московской Практической, Коммерческой Академіи, говоритъ рѣчь свою въ собраніи общества и Академіи, при многочисленномъ стеченіи знатнѣйшаго купечества: здѣсь ему случай высказать существенныя истины о предметѣ, для всего собранія занимательномъ, войдши въ соображенія, извлекаемыя изъ практики и теоріи Политической Экономіи. Что-же находимъ? Сперва Авторъ излагаетъ, что деньги суть только представители произведеній: сказано справедливо, но сказано темно и не ясно: прошу безпристрастнаго прочесть рѣчь Г-на Классена. Онъ выводитъ за симъ, что недостатокъ денегъ не есть причина упадка торговли, а *доказательство упадка народной промышленности*. Хорошо; но что слѣдовало-бы доказать за симъ? Что промышленность наша (да и не промышленность, а *производность народныхъ капиталовъ* или вообще *народные капиталы*) въ упадкѣ и отъ того денегъ у насъ недостатокъ, что представлять имъ нѣчего. Напротивъ, Авторъ *не говоритъ ни слова* объ истинныхъ причинахъ упадка торговли и обращается *къ средствамъ исправленія*. Но какъ-же говорить о лекарствѣ, не означивъ болѣзни? Пойдемъ однакожъ за Авторомъ. Я виноватъ, что пропустилъ въ семъ мѣстѣ, разбирая его рѣчь, слово:

(*) См. полное заглавіе рѣчи Г-на Классена, Тел. № XII, стр. 325.

нѣкоторыхъ; но не вправѣ-ли мы требовать, чтобы подъ именемъ: *нѣкоторыхъ* средствъ, Авторъ разумѣлъ *главнѣйшія и важнѣйшія?* Г-нъ К. полагаетъ *первымъ:* образованіе ума и сердца. Совершенно согласенъ (хотя не понимаю, почему *образованіе сердца*, по мнѣнію Г-на Классена, *раждаетъ Науки, Художества и Ремесла*), и еще болѣе согласенъ, когда онъ для каждаго званія гражданъ требуетъ особеннаго, свойственнаго сему званію образованія. Кто споритъ, что ученіе купца должно различаться во многомъ отъ ученія дворянина и земледѣльца. За симъ Авторъ упоминаетъ объ образованіи чиновниковъ и объ изданіи *книгъ и журналовъ, касательно торговли и всего къ ней относящагося*, требуетъ запрещенія или ограниченія ввоза иностранныхъ товаровъ и — заключаетъ свою рѣчь похвалою отечественнымъ Меценатамъ и Смитамъ!

Спрашиваю: выполненъ-ли предметъ рѣчи Г-на Классена? Достигнута-ли цѣль рѣчи? Не вправѣ-ли былъ я, прочитавъ рѣчь его, сказать, что надобно говорить съ большею *основательностію и откровенностію;* повторяю это слово, хотя Г-нъ Классенъ не понимаетъ что значитъ: *говорить съ большею откровенностію.* Не предоставляя себѣ права учить другихъ откровенности, я подалъ уже ему примѣръ рецензіею моею и подамъ еще — *откровеннымъ* признаніемъ, повторивъ что о *состояніи Московской Практической Академіи, учебнаго заведенія, назначеннаго для особеннаго образованія купечества*, мы *не имѣемъ свѣдѣнія.* На это незнаніе наше Г-нъ К. сильно напираетъ. Онъ говоритъ въ отвѣтѣ своемъ, что *это мнѣ грѣшно и*

непростительно. Каюсь въ грѣхѣ и прошу прощенія; но почему-же мнѣ, да и вообще публикѣ, знать состояніе Практической Коммерческой Академіи? Я тщетно искалъ въ книжныхъ лавкахъ печатныхъ отчетовъ, плана, по которому ученіе молодыхъ купцовъ въ ней расположено; въ вѣдомостяхъ не вижу исчисленія *выгодъ и пользъ полученныхъ отъ Академіи купеческимъ юношествомъ.* Г-нъ К. говоритъ о *пожертвованіяхъ* Гг. Зосимы и Куманина, но *чего* она *стоила*, совсѣмъ отдѣльный вопросъ, отъ вопроса: *что принесла пользы?* Различеніе этихъ вопросовъ, Г-ну К., какъ занимающемуся Политическою Экономіею, должно быть извѣстно, а я мимоходомъ говорю это въ объясненіе: что такое значитъ: *говорить откровенно.*

Надобно-бы сказать нѣсколько словъ о мнѣніи Г-на К. касательно просвѣщенія, которое погубило, по его словамъ, Францію въ XVIII вѣкѣ; но Г-нъ К. самъ сознается, что это было *злоупотребленіе* просвѣщенія, слѣд. и спорить не о чемъ; Г-ну К. должно-бы здѣсь прибавить еще, что истинное просвѣщеніе, чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше и всегда благотворно и спасительно.

Наконецъ, Г-нъ К. оправдывается, что ему *нѣкогда* было на акшѣ говорить много, и отъ того будто-бы, онъ говорилъ не съ надлежащею полнотою и точностію о важномъ предметѣ своемъ. На что-жъ было брать предметомъ рѣчи то, что требуетъ продолжительнаго и обширнаго изложенія? Сверхъ того, можно сказать и *немного*, да *мѣтко.* Г-нъ К. боится *карманныхъ книжечекъ въ листъ*, но избави насъ Богъ и отъ карманныхъ книжечекъ, въ которыхъ будутъ кое-какъ, поверх-

ностно, излагать предметы важные, обращающіе на себя всеобщее вниманіе и требующіе глубокомысленныхъ изслѣдованій и соображеній.

Касательно мнѣнія о запрещеніи ввоза иностранныхъ товаровъ, о мнимомъ, будто-бы могущемъ отъ того быть истребленіи пристрастія къ иностранному, объ истинныхъ причинахъ упадка торговли, *въ какомъ бы то ни было государствѣ*, о средствахъ могущихъ увеличивать народныя богатства, то я не привыкъ разсуждать мимоходомъ о такихъ предметахъ; я хотѣлъ только доказать, что Г-нъ Классенъ не говорилъ объ этомъ надлежащимъ образомъ: *какъ* должно говорить, составляетъ дѣло не принадлежащее къ нашему спору.

3 е. Изъ области Политической Экономіи я принужденъ сойдти въ область Грамматики и отвѣчать В. П. Титову. Нетерпѣніе его оправдаться было такъ велико, что онъ не дождавшись помѣщенія въ Телеграфѣ присланнаго имъ ко мнѣ письма, поспѣшилъ напечатать его въ Сынѣ Отечества. Читатели благоволятъ заглянуть въ 23 и 24 № С. О. сего 1826 года.

Г. Шевыревъ, Г. Мельгуновъ и Г. Титовъ перевели книгу: *Объ искуствѣ и художникахъ*. Книга эта такъ изящна и полезна, что я просилъ Г-на Шевырева помѣстить, до изданія оной, отрывокъ въ Телеграфѣ, желая поскорѣе познакомить съ нею Русскую публику. Г. Шевыревъ исполнилъ мою просьбу, а Г. Титовъ написалъ къ сему отрывку небольшое извѣстіе о книгѣ; отзывъ мой, въ № 14 Тел. помѣщенный, самъ Г-нъ Т. называетъ *лестнымъ*, но увы! Я осмѣлился замѣтить, что Г-нъ

Т. не всегда чисто и отчетисто передаетъ Нѣмецкій подлинникъ, или стараясь сказать кудреватѣе обыкновеннаго, употребляетъ несвойственныя и странныя слова. Не умѣя хвалить того, что мнѣ кажется недостойнымъ похвалы, помня, что и въ солнцѣ бываютъ пятна, говоря со всею осторожностію; для самаго щекотливаго самолюбія, я думалъ, что не оскорблю Г-на Т., но тщетно! Мои замѣчанія все испортили — и Г-ну Тишову все уже не понравилось. Извѣстіе сдѣланное о книгѣ, по словамъ Г-на Тишова, даетъ превратное о ней понятіе; онъ утверждаетъ, что *я отвергаю опытную часть изученія Изящныхъ Художествъ*, и даже споритъ и не шутя говоритъ, что *ученики должны мѣрять циркулемъ и списывать Рафаэлевыхъ Мадоннъ и Корреджіеву ночь:* я не думаю, чтобы Г-нъ Т., знакомый съ новою теоріею Изящныхъ Искуствъ, въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, хотя онъ и уподобляетъ несогласнаго съ мнѣніемъ его — *Федровой собакѣ!* Боже мой! сказалъ я, прочитавъ письмо Г-на Т., вотъ что значитъ замѣтить юному писателю и маленькую погрѣшность въ его книгѣ, хотя бы притомъ и отдавали полную справедливость его таланту и искуству!

Вся бѣда сдѣлалась отъ нѣсколькихъ замѣченныхъ мною словъ. Я сказалъ, что переводъ книги хорошъ, но что меня *останавливали нѣсколько странныхъ словъ и выраженій.* И могло-ли быть иначе? Представляю для примѣра *одну* фразу: «Изъ соннаго искуства изсѣкателей извели для наслажденія сладкомечтающихъ художниковъ одну соединенную дѣйствительность.«

Что тутъ не страждетъ? И смыслъ, и вкусъ и слухъ, а такихъ фразъ могъ-бы я выставить полсотни. Не уже-ли это не барбаризмы?

Представляю примѣры словъ:

»*Часто поминаемый* Буонаротти.« Если позволить себѣ это, то почему-жь не написать слѣдующаго: »Въ силу таковаго восторга, рѣченный поэтъ основался на голословномъ допросѣ „Исторіи," или: »вышесказаннаго стиха въ твореніи „сего поэта не имѣется и гдѣ оный находится „неизвѣстно."

Тривѣнчанныхъ властелиновъ. Г-нъ Т. оправдывается, что онъ говоритъ правильно, ибо говоритъ о Папѣ, у котораго тіара состоитъ изъ трехъ вѣнцовъ. Но *три-вѣнчанный*, значитъ *три раза вѣнчанный*. Надобно было сказать (если уже надобно): *тривѣнечный*. Правъ-ли Г-нъ Титовъ?

„Столпы храма *богоподобно возвышались*." Прошу понять: какимъ образомъ столпъ можетъ *возвышаться подобно Богу*? Не уже-ли я и тутъ не правъ?

Описывая какую-то Италіянскую музыку, Г-нъ Т. называетъ ее *роговою*. Извѣстно, что роговая музыка изобрѣтена въ Россіи, очень недавно, и не могла быть извѣстна во Флоренціи, за нѣсколько вѣковъ. Не знаю, какое Нѣмецкое слово замѣняетъ Г-нъ Т. словомъ *роговая*, но явно что онъ ошибся.

„Надъ твоею каменною огромностію *рабо-„тѣло* цѣлое столѣтіе." Вижу, изъ дѣйствительн. глагола: *работать*, своевольно сдѣланный средній глаголъ: *работѣть*, и когда докажутъ мнѣ, что можно говорить: *дѣлѣть*, *строѣть*, *колотѣть*, я

соглашусь, что Г-нъ Т. не употребляетъ странныхъ выраженій.

Къ такимъ выраженіямъ прибавьте множество простонародныхъ, безъ всякой нужды употребленныхъ словъ, которыя давно замѣнены другими, болѣе благозвучными и болѣе выражающими словами у всѣхъ нашихъ лучшихъ прозаиковъ, прибавьте нѣсколько вновь на Нѣмецкій манеръ скованныхъ словъ (на примѣръ: *самость*) и — кажется можно согласиться, что отзывъ мой о переводѣ Г-на Т. былъ весьма умѣренный?

Я и теперь повторю, что сказалъ прежде: причиною всѣхъ странностей въ переводѣ Г-на Т. не-искусство его, но или *старанье передать* слишкомъ близко подлинникъ, даже на зло Русскому языку, или желаніе быть оригинальнымъ, которое дѣлается смѣшнымъ, когда оригинальность есть слѣдствіе усилія, а не естественныхъ причинъ. Отвѣта Г-на Т. разбирать подробно нѣтъ надобности: онъ весь состоитъ изъ вопросовъ: „По чему это не хорошо? Чѣмъ это дурно? Для чего этого не сказать?“ Всего-бы вѣрнѣе ему стараться впередъ не щеголять странностію и прилежнѣе читать образцы Русской прозы, а не силиться доказывать, что явныя ошибки его были слѣдствіе глубокаго познанія языка и большихъ соображеній.

4-е. Мы уже извѣстили читателей (Тел. Т. VIII, 122) о статьѣ Г. Дельвигорадера, которая въ No 4, 5, 6, 7 и 8 Сына Отечества, заняла около 100 *страницъ*, и хотѣли тогда-же отвѣчать на нее, но она тянулась около трехъ мѣсяцовъ и сама собою потеряла занимательность для читателей, а прочитавъ ее вполнѣ, мы увидѣли, что она не сто-

нимъ подробнаго отвѣта, почему и рѣшились въ послѣдней книжкѣ только сказать нѣсколько словъ о твореніи Г-на Делибюрадера, или того оріенталиста Русскаго, который укрылся за такимъ неблагозвучнымъ именемъ (*).

Помѣщая въ Телеграфѣ статью: *Новѣйшія изслѣдованія, касательно Восточной Литтературы и Древностей*, кромѣ удовлетворенія любопытства всѣхъ просвѣщенныхъ читателей, мы хотѣли означить для занимающихся Восточною Литтературою новыя книги по ихъ части, ибо не всякій-же изъ нихъ получаетъ иностранные журналы и можетъ имѣть сіи свѣдѣнія. Для сего выбрали мы изъ новыхъ иностранныхъ журналовъ множество фактовъ, расположили ихъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, соединяя библіографію съ археологическими, историческими и географическими извѣстіями. Мы не выдавали своей статьи за ученое произведеніе оріенталиста, а просто предложили ее какъ журнальную статью. Образъ новѣйшихъ изслѣдованій Восточной Литтературы Европейцами, извѣстія о славнѣйшихъ оріенталистахъ Европейскихъ и Русскихъ, отдѣльныя извѣстія о каждой изъ Восточныхъ Литтературъ, о Древностяхъ, Миѳологіи Востока, составляли нашу статью.

Что долженъ былъ сдѣлать Г. Делибюрадеръ? Сказать хоть *спасибо* за трудъ нашъ, за стараніе представить извѣстія о Востокѣ, которымъ, кромѣ оріенталистовъ нашихъ, столь мало занимаются наши литтераторы и наша публика, что въ журна-

(*) Пусть читатели спросятъ у знакомыхъ Татарскаго языка, что значитъ *Делибюрадеръ*.

лахъ нашихъ почти ничего не пишутъ о Восточной Литтературѣ, Исторіи и Древностяхъ; потомъ, если имѣютъ средства, дополнить нашу статью, скромно показать на ошибки въ ней находящіяся, или — написать свое другое извѣстіе, полнѣе и лучше нашего. Но нѣтъ! У насъ давно на Руси обычай: самимъ ничего не дѣлать, а только кто другой начнетъ что нибудь дѣлать, напасть на него, закричать, что онъ дѣлаетъ вздоръ, толковать, перетолковывать и — кончить ничѣмъ! Такъ поступилъ и Г-нъ Делибюрадеръ.

Что Г-нъ Д. не есть какой нибудь извѣстный или ученый ориенталистъ, этого, кажется, и доказывать не нужно, ибо доказательствъ его ориентализма нигдѣ не видимъ. Что онъ самъ очень поверхностно занимается Восточною Литтературою, замѣчаемъ изъ его статьи. Онъ ссылается на легкія учебныя книжки, Грамматики, Хрестоматіи, и всѣ разсужденія о Восточной Литтературѣ беретъ изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ и газетъ. Нѣсколько Арабскихъ буквъ, помѣщенныхъ въ его статьѣ, ничего не доказываютъ: всякій можетъ взять во Французскомъ или Нѣмецкомъ журналѣ или книгѣ, нѣсколько буквъ Санскришскихъ, Арабскихъ или Китайскихъ и помѣстить ихъ гдѣ угодно; но это хвастовство, и пустое и ненужное.

Г. Д. начинаетъ статью свою обширнымъ Взглядомъ на Восточную Литтературу вообще. »*Поэзія Восточная есть ясное зеркало природы, картины ея роскошны*« и проч. и проч. Это ни что иное, какъ сто разъ перебитыя фразы, для которыхъ факты взялъ Г-нъ Д. изъ старыхъ книгъ Гартмана, Валя и особенно Джонеса, писавшаго

лѣтъ за 50 и болѣе. Взявъ пять, шесть извѣстныхъ книгъ, мы можемъ видѣть всю сокровищницу оріенталиэма Г-на Делибюрадера, и кто-же не напишетъ общихъ мыслей о Востокѣ и можетъ быть покрасивѣе Г-на Д.? Сдѣлалъ-бы это и Изд. Телеграфа, но онъ не хотѣлъ говорить того, что было сказано и пересказано до него сто разъ. У Г-на Д. общее вступленіе, общія мысли занимаютъ 40 страницъ и только на 41 й страницѣ своего Разсужденія Г-нъ Д. оканчиваетъ предисловіе и говоритъ: *приступимъ къ дѣлу*. Онъ разбираетъ *планъ* статьи и готовъ похвалить сочинителя, но упрекаетъ: почему говорено мало о нѣкоторыхъ оріенталистахъ и для чего послѣ извѣстія о Древностяхъ и Исторіи Востока, упоминается опять о книгахъ, когда уже прежде говорено о нихъ? Мало о нѣкоторыхъ оріенталистахъ сказано потому, что сказано то, что найдено въ новыхъ иностранныхъ журналахъ, а изъ Conversations-Lexicon не хотѣли выписывать: о С. де Саси и Англійскихъ оріенталистахъ не найдено почти никакихъ свѣдѣній подробныхъ и сочинитель изъявилъ сожалѣніе свое объ этомъ (Тел. 1825 г. Т. VI. 84); о книгахъ, послѣ Древностей и Исторіи, сказано о такихъ, которыя не принадлежатъ ни къ какой Литтературѣ Восточной отдѣльно, на прим. трехъ-язычная Грамматика, каталогъ книгъ Донде-Дюпрея и т. п.

За тѣмъ Г-нъ Д. предостерегаетъ читателей, чтобы они не вѣрили статьѣ помѣщенной въ Телеграфѣ, что она поверхностна, ошибочна, что смѣшно думать будто наша публика младенчествуетъ и т. д. Не ожидаете-ли послѣ такого предостереженія, что въ Московскомъ Телеграфѣ на-

дѣлано Богъ знаетъ сколько ошибокъ? Не опасайтесь!

Въ Тел. сказано, что Авг. Шлегель *непонятенъ по своимъ талантамъ и учености*, т. е. что понять не возможно, какъ одинъ человѣкъ можетъ имѣть столько разнообразныхъ талантовъ и познаній. Г-нъ Д. недоумѣваетъ: почему кажется непонятнымъ чрезвычайное разнообразіе талантовъ и свѣдѣній Шлегеля; *тѣмъ болѣе ему чести*, говоритъ онъ. Вотъ вамъ и критика Г-на Д. — Въ Тел. сказано, что Indische Bibliothek, Шлегеля, содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія, касательно языка и Литтературы Санскритской, Г-нъ Д. говоритъ, что она прекрасная книга, но можетъ интересовать только самыхъ ревностныхъ любителей Санскритской Литтературы; но кому же, кромѣ любителей и еще болѣе, кромѣ занимающихся симъ языкомъ, могутъ быть драгоцѣнны свѣдѣнія о немъ? — Въ Тел. названіе Санскритской поэмы напечатано Русскими буквами: *Рама-яна*, а Г-нъ Д. говоритъ, что надобно было напечатать *Рамаяна*. Названіе книги Гаммера въ Тел. переведено: *Энциклопедическое обозрѣніе знаній Востока*; Г-нъ Д. переводитъ *Энц. об. Наукъ Востока*, и проч. и проч.

Изъ такихъ мелочныхъ замѣчаній, перемѣшанныхъ съ надутыми возгласами о Востокѣ, составлена критическая статья Г-на Делибюрадера, и я совсѣмъ-бы не уважилъ ее, если-бы онъ не оказывалъ въ ней, сначала до конца, какого-то недоброхотства, стараніе унизить критикуемую имъ статью и внушить недовѣрчивость ко всѣмъ статьямъ о Восточной Словесности, которыя помѣщались и будутъ

помѣщаемы въ Телеграфѣ. Онъ боится, что Телеграфъ, помѣщеніемъ о Восточной Литтературѣ, статей »невѣрныхъ, неточныхъ, наполненныхъ погрѣшностями, *размножитъ въ Россіи несчастный родъ журналоучекъ и введетъ многихъ легковѣрныхъ читателей въ заблужденіе и даже смѣшныя и нелѣпыя ошибки.*« Г-нъ Делибюрадеръ напрасно опасается. Издатель Телеграфа не клеплетъ на себя знанія Восточныхъ языковъ, подобно Г-ну Делибюрадеру; Издатель переводитъ изъ лучшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ статьи, и если въ статьѣ о Восточной Литтературѣ и есть какія ошибки, то онѣ принадлежатъ не Издателю Телеграфа, а журналамъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ (*). Издатель Телеграфа съ благодарностію принялъ-бы замѣчанія о сихъ ошибкахъ, но только не отъ Г-на Делибюрадера, которому по наслышкѣ, изъ книгъ писанныхъ Французскими, Нѣмецкими и Англійскими учеными, извѣстны Восточныя буквы и Восточная Литтература. Г-нъ Д. самъ ошибается въ своей критикѣ, и очень забавно, что при всемъ томъ онъ говоритъ съ учительскою важностію, подсмѣиваясь, напримѣръ, надъ славнымъ Сисмонди и давая разумѣть, что не Сисмонди досталось учить его, Г-на Делибюрадера. Послѣ этого Издателю Тел. можно-ли осмѣлиться думать, что онъ можетъ чему нибудь научить Г-на Делибюрадера!

(*) Такъ Бюллетень Ферюссака ввелъ его въ ошибку касательно Грамматики Персидской, изд. Г-мъ Ли. Прочитавъ въ Journ. des Savans рецензію С. де Саси (1824, Апрѣль, стр. 195), онъ сознается въ этомъ. Можно-бы означить и другія ошибки, которыя послѣ усмотрѣны сочинителемъ статьи или показаны Г-мъ Д.; но ошибки эти неважны и не стоятъ особенныхъ замѣчаній.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 г.

156. *Notice sur les végétaux fossiles du gouvernement de Moscou etc. (Замѣчаніе объ окаменѣлостяхъ растеній въ Московской губерніи*, служащее программою для приглашенія въ публичное засѣданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Испытателей природы, 4 Декабря 1826 г., въ залѣ конференціи Московскаго Университета. Соч. Готгельфа Фишера фонъ Вальдгеймъ. М. 1826 г. in 4. 24 стр., съ рисункомъ.)

Вице-Президентъ и Директоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Испытателей природы, Г. И. Фишеръ, въ теченіе многихъ уже лѣтъ занимающійся минералогическимъ обозрѣніемъ Московской Губерніи, издалъ нѣсколько небольшихъ сочиненій о нѣкоторыхъ предметахъ по сей части. Къ числу оныхъ принадлежитъ и сіе сочиненіе, имѣющее предметомъ своимъ окаменѣлости растительныя: предметъ, который обработанъ вообще гораздо менѣе Петроматогнозіи животнаго царства.

Въ началѣ сочиненія обозрѣны нѣкоторыя мнѣнія о происхожденіи сихъ окаменѣлостей и исчислены замѣчательнѣйшія о нихъ сочиненія: изъ новѣйшихъ авторовъ должно замѣтить *Паркинзона*, *Шлотгейма*, *Роде*, *Карла Марціуса*, *Сен-Фонда* и въ особенности *Штернберга* и *Броньяра*.

За симъ изложена вкратцѣ система растительныхъ окаменѣлостей, сдѣланная Броньяромъ. Окаменѣлости по оной раздѣляются на 4 класса: 1) стебли и стволы, коихъ внутреннее устроеніе еще

замѣтно ; 2) стебли или стволы, коихъ устроеніе внутреннее смѣшано, а внѣшнее удоборазличимо; 3) стебли сростшіеся съ листьями и листья отъ стеблей отдѣльные; 4) органы размноженія: *Карполиты* (окаменѣлые плоды) и *Антолиты* (окаменѣлые цвѣты). Система сія, какъ видно изъ обозрѣнія классовъ, а равно и въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ, не-естественна и неудобна даже для искуственнаго различенія.

Послѣ сего Г. Фишеръ различаетъ по тремъ отдѣленіямъ растительныя окаменѣлости Московской губерніи: 1) *Экзогениты* или окаменѣлые стволы двусѣменодольныхъ деревьевъ, весьма часто въ Московской губерніи встрѣчающіеся; 2) *Филлиты* или отпечатки листьевъ, коихъ исчислено три рода: листья ивы, ясени и клена (но отдѣленіе сіе, кажется, должно со временемъ гораздо умножиться, судя по разнороднымъ отпечаткамъ листьевъ на отломкахъ камней, въ ручьяхъ встрѣчающихся); 3) *Фукоиды* или отпечатки водорослей: не лучше-ли было назвать ихъ *Альгитами* (Algites) ?..

Въ семъ сочиненіи описано дерево съ изображеніемъ одного штуфа, найденнаго въ Звенигородѣ, который составляетъ замѣчательную рѣдкость, потому, что въ корѣ его находится *аммонитъ* (окаменѣлость раковины морской), между тѣмъ какъ до сихъ поръ, и то довольно рѣдко, попадались окаменѣлости раковинъ только рѣчныхъ. Объясненіе сего явленія, какое сдѣлалъ Г. Фишеръ, кажется намъ совершенно удовлетворительнымъ.

Изображенія Фукоидовъ и Филлитовъ будутъ при Минералогическомъ описаніи Московской губерніи, которое (какъ можно видѣть изъ программы)

Авторъ намѣренъ привесть къ окончанію: съ нетерпѣніемъ ожидаемъ скорѣйшаго исполненія сихъ полезныхъ и весьма любопытныхъ намѣреній.

W. W.

157. *Новые разговоры Россійскіе и Греческіе*, раздѣленные на сто уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться симъ языкамъ. Изданные Дмитріемъ Паппадопуломъ. Спб. 1826 г. in 8. 252 стр.

Въ нынѣшній вѣкъ читатели такъ дорожатъ временемъ, что сочинители, вѣроятно желая приманить ихъ вниманіе, принуждены означать: во сколько времени можно пройдти книгу. Это нѣсколько походитъ на объявленія дилижансовъ; но сочинителямъ до сходства дѣла нѣтъ: однимъ почеркомъ пера вмѣщаютъ они изученіе какого нибудь языка въ краткій періодъ 24-хъ уроковъ Есть даже курсы Астрономіи, по которымъ можно въ 12 уроковъ выучиться сей трудной наукѣ! Г. Паппадопуло не такъ опрометчивъ былъ въ своихъ выкладкахъ. Онъ зналъ, какъ трудно изучить даже начала языка и раздѣлилъ свою книгу на 100 уроковъ. Она написана хорошо, предметы разговоровъ удачно выбраны; жаль однакожь, что при составленіи оныхъ Авторъ не слѣдовалъ методѣ Перина (*), которая, кажется, до сихъ поръ лучшая: разговоры по ней такъ расположены, что изучившій оные можетъ очень легко составлять самъ новыя рѣченія, въ коихъ ему встрѣтилась необходимость. Ново-

(*) The elements of English conversation, by John Perrin, a new edition revised by Fain.

Греческій языкъ съ нѣкотораго времени сталъ входить мало помалу въ употребленіе. Славныя дѣла Грековъ внушаютъ многимъ желаніе научиться языку сего мужественнаго и вмѣстѣ несчастнаго народа.

Въ Россіи еще въ 1783 году появился Словарь простаго Греческаго языка. Онъ собранъ былъ въ Троицкой Семинаріи и изданъ иждивеніемъ Н. Новикова. Въ 1795 г. изданъ былъ другой Словарь, Меѳодіемъ; при обоихъ есть краткія Грамматики, въ которыхъ изложены основанія языка, только поверхностно и даже не совсѣмъ правильно.

Въ 1811 году, въ Москвѣ, напечатанъ хорошій Словарь Греко-Россійско-Французскій, сочиненный Іеромонахомъ Досиѳеемъ Комою. При разсмотрѣніи его видно, что Сочинитель пользовался, составляя оный, очень хорошимъ Словаремъ простаго Греческаго языка, сочиненнымъ Вентоти и изданнымъ въ Вѣнѣ, въ 1790 году, подъ покровительствомъ и съ помощію Господаря Молдавіи и Валлахіи, Князя Александра Маврокордато, извѣстнаго по своему патріотизму, уму, образованности и совершенному знанію отечественнаго языка, на которомъ писалъ онъ прекрасные стихи.

Дабы составить небольшую библіотеку для учащагося, надобно къ сему Словарю присоединить Азбуку, изданную иждивеніемъ братьевъ Зосимъ, въ которой заключается нѣсколько легкихъ повѣстей для перевода; Разговоры Г. Паппадопула; переводъ Павла и Виргиніи (изданный недавно въ Парижѣ);

Граммашику Давида (*); Пѣсни Клефтовъ, прекрасно переложенныя на Русскій языкъ Гнѣдичемъ.

По словамъ одного выходца изъ Греціи, Байронъ, передъ отправленіемъ своимъ въ Миссолунги, съ острова Тссаки (древней Итаки), заставлялъ Грековъ пѣть народныя пѣсни; и слушалъ ихъ съ восторгомъ. Изъ Клефтическихъ ему болѣе всѣхъ нравилась пѣсня: *Послѣднее прощаніе Клефта.* Вотъ очень удачный переводъ оной Гнѣдича:

Бросайся, пускайся, на берегъ противный плыви,
Могучія руки раскинь ты на волны, какъ весла,
Грудь сдѣлай кормиломъ, а гибкое тѣло челномъ.
И если даруетъ Господь и Пречистая Дѣва,
И выплывешь, и видѣть и станъ нашъ и сборное мѣсто,
Гдѣ, помнишь, недавно Томбрійскую козу пекли;
И если товарищи спросятъ тебя про меня,
Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный!
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
Что стала несчастному черна земля мнѣ женой,
И вещею камень, а братьями остры кремни!

Чувствовалъ-ли тогда Байронъ, полный силы, здоровья и великихъ надеждъ, что скоро и для него

(*) Méthode pour étudier la langue Grecque moderne, par. J. David. Paris, 1821. Г. Паппадопуло оказалъ-бы большую услугу для Русскихъ, занимающихся новымъ Греческимъ языкомъ, если-бы онъ, вспомоществуясь Граммашиками Давида и Клонареса, издалъ намъ хорошую Граммашику, въ которой недосташокъ шакъ чувсшвишелень. Русскій языкъ ближе къ Греческому, чѣмъ Франпузскій, и изданіе на ономъ Граммашики несравненно было-бы удобнѣе.

ударитъ часъ смерти, какъ часъ погибели Миссолунги! Памятникъ Байрона попираетъ нога музульманина . . и можетъ быть сей памятникъ уже не существуетъ!

* * *.

158. *De Phlegmatia Dolente.* Dissertatio inauguralis Medica, quam tentamini amplissimi Medicorum ordinis in Universitate Caesarea Litterarum Dorpatensis ut gradum Doctoris Medicinae obtineat, subjecit Auctore Gustavus Sellheim, administrationis Medicis plescoviensis provinciae medicus obstetricus. Дерптъ. 1826 г. in 8.

159. *De tumoribus cysticis.* Dissertatio inauguralis Medico-Chirurgica, quam pro gradu Doctoris Medicinae — elaboravit — Chirurgus I-mi ordinis Theodorus Sabinin. M. 1826 г. in 8. 70 стр., съ рисункомъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Письмо Г-на Вилльнёва *къ Издателю Телеграфа* (*). Я служилъ въ Греческихъ войскахъ и слѣдовательно могъ узнать главнѣйшихъ полководцовъ, прославившихся своими подвигами, своимъ патріотизмомъ и благороднымъ безкорыстіемъ. Прошу васъ помѣстить письмо сіе въ вашемъ Журналѣ.

(*) Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ это письмо Г-на Вилльнёва, отставнаго кавалерійскаго Офицера Французской службы, который былъ свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ достопамятныхъ происшествій въ Греціи, въ 1825 году. Съ позволенія Г-на де В., мы представимъ читателямъ Телеграфа нѣсколько отрывковъ изъ его любопытныхъ Записокъ, которыя будутъ изданы со временемъ вполнѣ на Французскомъ языкѣ. *Изд.*

Смѣю надѣяться, что мои чувства не будутъ непріятны истиннымъ филантропамъ, истиннымъ друзьямъ народа-героевъ, столь долго и столь жестоко ущесняемаго. Напрасно старались очернить въ разныхъ сочиненіяхъ возвышенный характеръ сыновъ Аттики и Пелопоннеза, напрасно и нынѣ еще выступаютъ нѣкоторые со своими пристрастными сужденіями. Пусть говорятъ поносители неустрашимости славнаго народа: мы, Филеллины, раздѣлявшіе опасности и славу героевъ новой Греціи, мы орошали нашею кровью и слезами гробницы Ѳемистокла, Мильтіада, Леонида, мы будемъ отвѣчать имъ. »У Грековъ нѣтъ ни мужества, ни патріотизма!« восклицаютъ они. Ахъ! для чего не могу я привести ихъ на окровавленныя развалины Миссолунги! Для чего не могу я стать передъ ихъ лицомъ, говорить имъ о Леондари и Милузи! Я сказалъ-бы имъ: *я былъ тамъ!* Юный Колокотрони, съ 800 человѣкъ, цѣлый день сражался противъ 4000 Арабовъ; Дм. Ипсиланти, съ 150 воинами, храбро защищался противъ 800 непріятелей. Я сказалъ-бы имъ о рѣшительности безстрашнаго Константина Канари: сжечь Египетскій флотъ, въ самой гавани Александріи и о трогательномъ прощаніи его съ Идріотами, которымъ ввѣрялъ онъ свою жену и сына. »Товарищи моихъ благородныхъ подвиговъ!« говорилъ онъ имъ: »Вамъ оставляю я жену мою и сына. Если погибну совершая свое предпріятіе, дайте имъ оружіе и пусть умрутъ они, поражая тирановъ!« Я разсказалъ-бы имъ о высокихъ военныхъ подвигахъ стараго Колокотрони, Гуры, Никиты и Каранскаки и прелестной Мадо Маврогени, которая посвящаетъ бившимъ свою жизнь, казалось, назна-

ченную для любви и наслажденій. Но не довольствуясь тѣмъ, что унижаютъ Грековъ, робкіе обвинители устремляютъ свои стрѣлы и на храбраго Полковника Фавье: они обвиняютъ его въ безмѣрномъ честолюбіи. . . Но если-бы они знали о блестящихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Сенатомъ, на которыя онъ отвѣчалъ скромнымъ и благороднымъ отказомъ, они, безъ сомнѣнія, образумились-бы и стали справедливы! »*Я счастливъ, служа вамъ*,« отвѣчалъ Полковникъ Фавье начальникамъ Эллиновъ, »*не честолюбіе есть цѣль моя; не желаю ни чиновъ, ни почестей!*« Простой, доступный всякому, безкорыстный, ни чѣмъ неустрашимый, храбрый, извѣстный въ нашихъ Французскихъ войскахъ своими талантами: таковъ сей отличный воинъ, поднявшій оружіе на защиту Греціи — и его возвышенной преданности не уважаютъ! »Арабы завоевали почти всю Морею!« гласятъ единомышленники Ибрагима, »вотъ неопровергаемое доказательство малодушія Грековъ!« Такъ, Арабы заняли многіе оставленные города и превратили ихъ въ пепелъ; они опустошили прекрасныя долины Аркадіи; они дошли даже до развалинъ Лакедемона, но здѣсь встрѣчены были Спартіатами, которые заставили ихъ расплатиться за оскорбленія. Желѣзо Майнотовъ скосило ихъ Абиссинскія орды и только постыдное бѣгство спасло предводителя безразсуднаго и дерзкаго. Наполи ди Романія, Наполи ди Малвазія и Коринѳъ въ рукахъ Грековъ. Сіи три мѣста, укрѣпленныя природою и искуствомъ, съ изобильнымъ запасомъ жизненныхъ припасовъ и аммуниціи, равно презираютъ и внезапное нападеніе и осаду. Они суть надежда христіанъ,

и не будемъ сомнѣваться, что у подножія ихъ укрѣпленій падутъ невѣрные.

Имѣю честь быть и проч.

Де Вилльнёвъ, отставной кавалерійскій Офицеръ.

Москва. 20 Декабря, 1826 года.

Египетскія древности въ Римѣ. Въ Лейпцигской Литтер. Газетѣ (1826 г. 11 Ноября, No 278) помѣщено письмо Профессора Зейфарта, изъ Рима. Извѣстно, что онъ оспориваетъ открытіе Шампольіона, утверждая, что Шампольіонъ ошибается въ своей системѣ чтенія. Теперь увѣдомляетъ онъ, что самъ Шампольіонъ, находящійся въ Римѣ, во многомъ признаетъ себя несправедливымъ и что новыя изслѣдованія о Египетскихъ древностяхъ подкрѣпляютъ его противниковъ. Оставляя доказательства Г-на З., выписываемъ разныя любопытныя подробности. *Римъ*, пишетъ онъ, чрезвычайно богатъ теперь сокровищами Египетскихъ древностей и хотя большаго, особеннаго Египетскаго Музея донынѣ не устроено, за то частныхъ, небольшихъ собраній столь много, что они, взятыя вмѣстѣ, составляютъ одинъ изъ величайшихъ и удивительнѣйшихъ въ цѣломъ свѣтѣ. Музеи: Ватикана, Капитоліи, дворца Консерваторі, Пропаганды, Виллы Альбани, Г-дъ Кестнера, Пассежіо, Торвальдсена, Д'Эста, Лауница, Риччи, Гелля, Весковали, Дотвелля, Штакельберга, Бартольди, Италинскаго и проч. содержатъ въ себѣ безчисленное множество важныхъ Египетскихъ древно-

стей и ежедневно получаютъ значительныя приращенія. Вообразите, что здѣсь теперь *тринадцать* обелисковъ! Они срисовываются и будутъ выгравированы подъ моимъ руководствомъ и смотрѣніемъ. При великомъ участіи, которое здѣсь, болѣе, нежели гдѣ-либо, оказываютъ къ возстановленію Египетской Литтературы, я воспользовался всѣми Музеями и открылъ въ нихъ любопытнѣйшіе предметы. Многочисленнѣе прочихъ тѣ древности, которыя, будучи безъ надписей, служатъ къ исторіи Искуствъ. Къ сему должно причислить множество маленькихъ статуй, изъ металла, камня, дерева, глины, также много домашней посуды: ложекъ, желѣзныхъ вещей, каноповъ, сосудовъ, скарабеевъ и т. п. величайшей красоты. Большія статуи (отчасти колоссы, подобные Турискому) изъ песчанаго камня, синита, гранита, известковаго камня, также довольно многочисленны и надписями своими и присоединеніемъ именъ, въ такъ называемыхъ *царскихъ рамахъ*, возбуждаютъ особенное вниманіе. Папирусы здѣсь малочисленнѣе, особливо такіе, которые не были-бы списками одного текста. Между здѣшними, собственно Египетскими рукописями, отличаются однакожъ многія историческія, контракты, росписки, счеты, учрежденія о мѣрахъ и т. п. Ученый Оріенталистъ Ланчи скоро обнародуетъ любопытный Финикійскій Папирусъ съ нѣкоторыми другими памятниками, найденными въ Египтѣ. Къ особеннымъ достопримѣчательностямъ должно причислить: нѣсколько большихъ историческихъ скарабеевъ, нѣсколько историческихъ камней, створчатыя двери, временъ Фараоновъ, съ точнѣйшимъ означеніемъ года, мѣся-

ца, дня; урны съ Египетскими богами, гіероглифическими символами и съ Латинскими надписями. Сіи послѣднія принадлежатъ ко временамъ Адріана, который введеніемъ Египетскаго богослуженія хотѣлъ предупредить разрушеніе прежней государственной религіи; это разливаетъ нѣкоторый свѣтъ на распространеніе христіанства въ Италіи. Я долженъ предувѣдомить васъ, что охота къ Египетскимъ древностямъ, вездѣ возбужденная въ наше время, произвела уже многихъ искусныхъ спекулянтовъ и поддѣлывателей. Для покупки Египетскихъ древностей скоро должны мы будемъ употреблять столько-же предосторожностей, сколько употребляется при покупкѣ древностей Греческихъ и Римскихъ. Вотъ примѣръ: одинъ папирусъ, превосходно закатанный и гермегически запечатанный, былъ почитаемъ за чрезвычайно рѣдкій и настоящій; но когда развернули его, нашлось, что онъ состоитъ изъ множества лоскушковъ четырехъ различныхъ папирусовъ, и что сіи лоскутки были намочены, потомъ скатаны, обожжены на концахъ, словомъ: всѣ признаки древности были поддѣланы. Пусть это послужитъ предостереженіемъ для тѣхъ, которые поручаютъ покупку Египетскихъ папирусовъ людямъ несвѣдущимъ. Я былъ столь счастливъ, что нашелъ памятники почти изъ всѣхъ династій Египетскихъ царей, начиная отъ Менеса, до временъ Римлянъ, напр., памятники въ честь *Птолемея Филадельфа*, *Псамметиха*, *Камбиза*, *Аменофиса*, *Сезостриса*, *Рамзеса*, *Мелнона*, *Озириса*, *Менеса*. Сверхъ того, много сохранилось статуй царицъ, при статуяхъ супруговъ своихъ. Исторія мало сохранила намъ именъ царицъ Египетскихъ, слѣд., изъ мону-

ментовъ сихъ, на которыхъ написаны ихъ имена, можно значительно дополнять исторію Египетскую. Всѣ сіи монументы были донынѣ неизвѣстны или извѣстны подъ другимъ значеніемъ, имъ несвойственнымъ. Въ Ватиканѣ находится папирусъ изъ временъ Птолемея Филадельфа и Арсинои (одной изъ древнѣйшихъ династій Птолемеевъ), который касается до первосвященника Ора въ Ѳивахъ, изъ фамиліи Кхольхитовъ, слѣдственно мы имѣемъ теперь новый документъ о фамиліи Оръ, о которой найдено много актовъ въ Берлинѣ и Туринѣ. Открытіе царской рамы Озириса тѣмъ болѣе счастливо, что изъ нее видно, что Озирисъ былъ не-идеальное, а дѣйствительное, историческое лицо, одинъ изъ древнѣйшихъ царей Египта. Еще должно сказать вамъ объ одной Мексиканской рукописи, въ Римѣ находящейся, которая, будучи единственнымъ памятникомъ въ своемъ родѣ, можетъ сдѣлаться весьма важною для исторіи. Сія рукопись in 4, около четырехъ дюймовъ толщиною, изъ оленьей кожи, по мѣловому грунту, исписана Мексиканскими гіероглифами. На первой страницѣ находится Мексиканскій Зодіакъ, съ двѣнадцатью небесными знаками: первый, который узнаемъ мы послѣ Болонскаго. Далѣе находится изображенія боговъ, подобныя Египетскимъ: Озирисъ съ своими принадлежностями, Изида, Горусъ, мщеніе Горуса, Пріапъ и т. д. Давно извѣстно, что въ Мексикѣ строили пирамиды, такъ какъ въ Египтѣ; что оба народа принадлежали къ одному поколѣнію, оба писали гіероглифами и если откроется, что оба сіи народа имѣли одинакую вѣру, тогда не ясно-ли будетъ, что въ глубокой древности, Египетъ и Мексика имѣли между собою связи

или сношенія ? Какой новый и богатый матеріялъ для историческихъ и археологическихъ изысканій !«.

Одиссей, полководецъ Греческій (отрывокъ изъ Записокъ Г-на Вилльнёва). Знаменитый Одиссей воспитывался при дворѣ Паши Яннинскаго. Онъ оставилъ Пашу, когда тиранъ сей хотѣлъ лишить его жизни ; съ того времени Одиссей сдѣлался ужасомъ Турковъ. Почти за мѣсяцъ до прибытія моего въ Аѳины, сей Греческій вождь былъ удавленъ въ Аѳинской крѣпости. Богатствомъ, храбростью и предпріимчивымъ характеромъ своимъ, Одиссей давно возвысился надъ Правительствомъ, которое послало нѣсколько человѣкъ умертвить его. Посланные были открыты и повѣшены. Тогда Одиссей увидѣлъ, что онъ не безопасенъ между Греками. Столь-же мстительный, сколько храбрый, онъ поклялся отплатить врагамъ своимъ, оставилъ Грековъ и отправившись въ Негропонтъ, предложилъ тамошнему Пашѣ свои услуги, увѣряя его, что если онъ дастъ ему 1000 человѣкъ, то онъ овладѣетъ Аѳинами. Паша принялъ Одиссея очень ласково, обѣщалъ исполнить все, чего онъ требовалъ и тотчасъ отнесся въ Константинополь. Султанъ не повѣрилъ словамъ Одиссея и опасаясь какой-либо измѣны съ его стороны, прислалъ повелѣніе умертвить его. Одиссей счастливо избѣжалъ и отъ сей опасности, возвратился въ Аттику и скитавшись нѣсколько времени въ горахъ, достигъ до своего убѣжища, пещеры, находящейся на вершинѣ горы Парнасса. Пещера сія, укрѣпленная самою природою, неприступна. Она была нѣсколько времени жилищемъ

всего семейства Одиссеева. Здѣсь нашелъ онъ свою мать, жену, дочь, зятя, шестерыхъ вѣрныхъ друзей и всѣ свои сокровища. Съѣстныхъ и военныхъ припасовъ было у нихъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 15 или на 20. Одиссей могъ-бы спокойно кончить здѣсь жизнь свою, не подвергаясь никакой опасности; но онъ дышалъ только битвами и бездѣйствіе было для него тяжелѣе самой смерти. Онъ снова оставилъ убѣжище, котораго не увидѣлъ уже болѣе, и сошелъ въ долины, гдѣ въ скоромъ времени собралъ отъ семи до 800 воиновъ. Торлони, зять его, молодой Англичанинъ, знатной фамиліи, остался на горѣ, для охраненія пещеры. Тогда Греческое Правительство распустило слухъ, что Одиссей хочетъ предать воиновъ своихъ Туркамъ, и сообщники Одиссея, повѣривъ симъ ложнымъ слухамъ, совершенно его оставили. Одиссей и тогда не возвратился къ своему семейству. Генералъ Гура убѣдилъ его отдаться въ волю Правительства, увѣряя, что ему не будетъ сдѣлано никакого зла. Одиссей повѣрилъ, отдался Грекамъ и былъ отведенъ въ темницу Аѳинскаго Акрополиса. Между тѣмъ, нѣкто Финтонъ, Ирландецъ, имѣвшій тайное препорученіе отъ такого человѣка, котораго я не могу назвать, явился у пещеры Одиссея, видѣлся съ Торлони и изъявилъ ему желаніе раздѣлять съ нимъ судьбу его. Англичанинъ, обрадованный предложеніемъ и не предполагая, чтобы его соотечественникъ имѣлъ злодѣйскія намѣренія, принялъ его съ живѣйшею признательностію. Финтонъ поселился въ пещерѣ и почитаемъ былъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ Одиссееву семейству. Правительство не смѣло осудить Одиссея, ибо всѣ жители Аѳинъ

были къ нему привязаны; но оно не хотѣло также и освободить его. Въ такой нерѣшимости прошло два или три мѣсяца и когда наконецъ народъ, скучая заключеніемъ Одиссея, сталъ громко требовать его освобожденія и возвращенія ему всѣхъ правъ, тогда извѣстили, что Одиссей убился, хотѣвши убѣжать ночью изъ темницы, показали народу трупъ Одиссея при подошвѣ крѣпости и веревку, по которой, какъ говорили, онъ хотѣлъ спуститься и которая не могла сдержать его. Народъ повѣрилъ сему обману; но въ самомъ дѣлѣ, несчастный Одиссей былъ удавленъ и сброшенъ со стѣнъ Акрополиса.

Около того-же времени, Финшонъ рѣшился убить Торлони. Онъ выстрѣлилъ въ него изъ карабина, заряженнаго двумя пулями и весьма опасно ранилъ его. Съ звѣрскимъ удовольствіемъ взиралъ измѣнникъ на текущую кровь того человѣка котораго онъ называлъ своимъ другомъ, но адское удовольствіе его было мгновенно, какъ молнія Схваченный друзьями Торлони, онъ признался въ причинахъ, побудившихъ его къ совершенію столь ужаснаго злодѣянія, тотчасъ былъ изрубленъ и еще трепещущіе члены его сброшены были съ горы. Такъ погибло чудовище, употребившее священное имя дружества для учиненія смертоубійства, такъ да погибнутъ всѣ люди, дерзающіе безславить небесное чувство дружбы! Какъ ужасна была горесть дочери Одиссея, когда она увидѣла, что ея супругъ, единственный покровитель ея, плаваетъ въ крови при послѣднемъ дыханіи! Богъ умилосердился

на слезы невинности, и раны Торлони, освѣжаемыя и лечимыя рукою любви, мало помалу закрылись. Англійскій Адмиралъ Гамильтонъ, узнавъ обо всемъ происходившемъ въ пещерѣ, получилъ отъ Греческаго Правительства ордеръ, съ которымъ Торлони могъ выйдти безъ всякой опасности. Тотчасъ посланъ былъ фрегатъ, для перевезенія его, куда ему заблагоразсудится. Я видѣлъ сего Англичанина въ Аѳинахъ; съ нимъ была его молодая супруга; ей едва только 13 лѣтъ, но она прелестна и носитъ подъ сердцемъ своимъ залогъ любви, который долженъ привязать къ ней Торлони на всю жизнь. Молодая Гречанка сія говоритъ по-Англійски съ удивительною легкостію.

Торлони разсказалъ мнѣ все, что я описалъ здѣсь. Онъ хотѣлъ отправиться въ Занти, для совершеннаго излеченія ранъ своихъ, которыя еще очень его безпокоятъ; потомъ возвратиться въ свою пещеру, изъ которой рѣшился онъ не выходить до того времени, пока съ совершенною безопасностью можетъ вывезть свои сокровища, своихъ друзей и остальное семейство своего шестя. Торлони служилъ офицеромъ въ Индіи; въ Грецію прибылъ онъ съ Лордомъ Байрономъ; по смерти сего Поэта-воина, онъ соединилъ судьбу свою съ участью Одиссея и пребылъ всегда ему вѣренъ. Въ то время, когда Одиссей блуждалъ какъ изгнанникъ, Торлони женился на его дочери. Графъ Гамба, также пріѣхавшій въ Грецію съ Лордомъ Байрономъ, увѣрялъ меня, что Торлони человѣкъ съ большими дарованіями и что онъ храбрый офицеръ, но только слишкомъ вспыльчивъ.

Разсказываютъ объ Одиссеѣ, что онъ могъ бѣгать такъ скоро, что на лучшей лошади не могли догнать его. За два года передъ симъ, когда Одиссей занималъ Термопильскія тѣснины, Паша явился съ 30,000 человѣкъ войска. Замѣшательство Паши было чрезвычайно. Онъ велѣлъ предложить 500 тысячъ піастровъ Одиссею, если онъ свободно пропуститъ его. Одиссей принялъ предложеніе и Турки прошли сквозь Термопильскія тѣсницы. Пришедъ на равнину Аргосскую, они вскорѣ окружены были со всѣхъ сторонъ Греками, которыхъ между тѣмъ извѣстилъ Одиссей. У Турковъ оказался большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, множество людей умерло съ голоду или погибло въ тѣснинахъ Мавролитори, подъ мечами Колокотрони и храбраго Никиты. Остальное войско Турецкое, избѣгнувшее отъ пораженія, достигло до Термопилъ, надѣясь, что не встрѣтитъ тамъ никакого препятствія, но весьма обманулось. »Правда,« отвѣчалъ Одиссей на ихъ требованіе, »я получилъ »деньги отъ вашего Паши за то, чтобы впус»тить васъ, но не получилъ за то, чтобы впу»стить васъ обратно.« Съ сими словами онъ напалъ на нихъ и разбилъ совершенно.

Одиссей, столь несчастный въ послѣдствіи, былъ храбрѣйшій изъ Грековъ: въ сраженіяхъ онъ всегда бросался первый на непріятеля. Онъ былъ столь славенъ, что одно имя его приводило въ трепетъ Турковъ; но будучи воспитанъ при дворѣ Яннинскомъ, онъ въ характерѣ своемъ сохранилъ жестокость Али-Паши, и часто за одно слово

самъ умерщвлялъ своихъ подчиненныхъ. Не взирая на это, онъ любимъ былъ своими солдатами, которые изъявляли о смерти его живѣйшее сожалѣніе. Если-бы воспитаніе Одиссея соотвѣтствовало его храбрости и безстрашію въ опасностяхъ, онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался-бы первымъ человѣкомъ Греціи.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Журналы и Критика.

(Сочиненіе Дюссо.)

Доказывать, что критика необходима, значитъ изслѣдывать давно рѣшенный вопросъ. Но стараться согласить авторское самолюбіе со строгостью критики, все равно что думать объ *Утопіи* новаго рода: это предпріятіе столь же необдуманно, какъ проэктъ Аббата Сен-Пьера; столь же невозможно и безшѣлесно, какъ республика Платонова. Алхимисты хотѣли открыть тайну дѣлать золото, математики сыскать квадратуру круга — и, воля ваша, милостивые государи! въ этомъ случаѣ они были право не безразсуднѣе тѣхъ людей, которые трудятся надъ сочиненіемъ уложенія, *во силу коего*, вѣчный и всеобщій миръ воцарится въ литтературной республикѣ и снова оживетъ золотой вѣкъ для народа-писателей. Эти господа удивительно походятъ на нашихъ покойныхъ законодателей (революціонныхъ), которыхъ великолѣпныя теоріи имѣли одно

неудобство: ихъ не возможно было исполнить. По виду, авторы составляютъ между собою особенный корпусъ, держася за руки другъ съ другомъ, помогаютъ одинъ другому; но въ самомъ дѣлѣ, они-то другъ для друга и самые ужасные, самые злые критики, всравненіи съ тѣми, противъ кого соединяются и декламирующъ хоромъ: каждый изъ нихъ очень охотно-бы согласился, чтобъ критика сдѣлалась еще дѣятельнѣе и строже противъ его соперниковъ, да никогда-бы не задѣвала его самого.

И такъ, кажется, надобно отказаться отъ всѣхъ этихъ ежедневныхъ восклицаній, отъ всѣхъ колкихъ критикъ, устремленныхъ противъ тѣхъ, кого обвиняютъ, что онъ пишетъ одни восклицанія, одне колкости.

Недавно (теперь уже это *давно*) двѣ колонны въ одномъ журналѣ были посвящены объясненію *слѣдствій, какія должны произойдти отъ системы унижать, принятой* (будто-бы) *нѣкоторыми журналистами.* Ясно, что Авторъ сей статьи не побоялся самымъ названіемъ означить, въ чемъ состоитъ дѣло и по этому названію можно уже судить о тѣхъ прелестныхъ разсужденіяхъ, которыя онъ кидаетъ въ публику для доказательства своего положенія. Единожды принимая существованіе *системы унижать*, послѣдствія происшекаютъ изъ источни-

ка и картина неудобствъ, сопутствующихъ этой системѣ, развивается и раскладывается сама собою подъ перомъ Автора. Но если *система* и *униженіе* существуютъ только въ его воображеніи, что-же будетъ съ этою толпой соображеній нравственныхъ, литературныхъ и даже политическихъ, которыя основаны только на одномъ важномъ предположеніи? Видимъ, что по смыслу сего писателя, слово *система* есть синонимъ *заговора*, слова, такъ справедливо употребленнаго другимъ непріятелемъ критики; и какъ совсѣмъ не нужно доказывать, что согласіе нѣсколькихъ литераторовъ, соединившихся между собою для нападенія на дурныя правила и на дурныхъ авторовъ, совсѣмъ не есть заговоръ, то не нужно доказывать и несуществованія системы. Что касается до слова: *унижать*, оно въ модѣ у извѣстныхъ людей, которые согласились называть *униженіемъ* то самое, что всегда называлось *критикою*. На примѣръ, если замѣчаютъ, что стихъ такого-то автора дуренъ, что проза его водяна, онъ говоритъ, что его *унижаютъ* и почитаетъ себя *унижаемымъ*, а это значитъ только одно: онъ очень сердитъ на критику и его задѣли за живое; молва о родимомъ талантѣ столь-же дорога ему, какъ добрая слава о хорошей нравственности и правдивости, потому что только съ этими двумя качествами клеит-

ся слово *унижать*. Пусть несчастный поэтъ, прочитавъ критику на свое произведеніе, съ досадой кидаетъ листокъ, гдѣ напечатанъ приговоръ и въ первомъ порывѣ гнѣва восклицаетъ: *меня унижаютъ!* Это значитъ: страсти не вдругъ находятъ настоящія слова. Но если хладнокровно, съ размышленіемъ принимаютъ слово, внушенное взбунтовавшимся самолюбіемъ, принимаютъ за текстъ для продолжительной диссертаціи, это показываетъ явное намѣреніе самому *унижать* тѣхъ, которыхъ обвиняютъ въ *униженіи* другихъ, это открываетъ рѣшительный планъ, настоящую *систему*.

Различныя примѣненія этого новомоднаго словечка тѣмъ не меньше забавны. Если въ самыхъ безличныхъ размышленіяхъ, гдѣ не льзя подозрѣвать никакой сатиры, нападаютъ на роскошь новыхъ богачей, на роскошь излишнюю и чрезмѣрную, если совѣтуютъ возвратиться къ простотѣ: вотъ всѣ нечистые совѣстью, вновь выпеченные милліонщики, въ одинъ голосъ съ дурными поэтами и обшиканными авторами твердятъ, что ихъ *унижаютъ*. Если кто позволяетъ себѣ нападать на испорченность нѣкоторыхъ частей воспитанія, на вздорныя методы, на нелѣпые способы ученія: содержатели и содержательницы учебныхъ заведеній, учители риторики и танцованія,

профессоры *еавота* и преподаватели грамматики соединяются съ несчастными риѳмотворцами и подозрительными богачами для смѣшнаго крика: *насъ унижаютъ.* Является-ли какой нибудь геній, который сдѣлалъ открытіе для лучшаго хода ума человѣческаго, который узналъ *секретъ* выучить Латинскому языку въ три недѣли, Исторіи въ одинъ мѣсяцъ, правописанію въ восемь дней: это новыя жертвы *системы униженія*, которая не пропуститъ ничего достойнаго осмѣянія, никакой глупости, никакого шарлатанства и плутовства. Даже — нѣчего таиться — между журналистами есть люди, признающіе эту *всеобщую систему униженія*: она состоитъ въ томъ, что имъ указываютъ иногда на просмотры и ошибки; но всего болѣе унижаетъ ихъ то, что имѣетъ на своей сторонѣ болѣе голосовъ: тутъ-то сочиняются или заказываются спасти, въ которыхъ нападаютъ на систему униженія. Подумайте отвѣчать — это опять новое слѣдствіе *системы униженія:* почему не согласились на нелѣпыя обвиненія? По счастію, имена не перемѣняютъ природы вещей и могутъ только ослѣпить людей предубѣжденныхъ, поверхностныхъ. Три главныя жалобы служатъ основаніемъ защитительной рѣчи адвоката унижаемыхъ: онъ упрекаетъ нѣкоторыхъ журналистовъ въ томъ, что они не довольно уважаютъ Академію, ста-

раются унижать высокую славу великихъ писателей Французскихъ и стремятся повредить самой Литературѣ. Жаль, что пространство этой статьи не позволяетъ мнѣ выписать собственныхъ выраженій обвинителя: въ нихъ видны порывы надутости и ожесточенія, стоющіе замѣчанія и которые, при внимательномъ взглядѣ на нихъ, сами себѣ служили-бы лучшимъ опроверженіемъ.

Желалъ-бы я знать: кто эти великіе писатели, которымъ журналисты отказываютъ въ справедливомъ уваженіи и даже удивленіи? Кто осмѣлился говорить неуважительно о сочиненіяхъ Корнеля и Расина, Паскаля и Лабрюйера, Боссюэта и Фенелона, Мольера и Лафонтена, Буало и Ж. Ж. Руссо? Монтескьё, Руссо, Бюффонъ, свергнуты-ли съ той высоты славы, на какую возведены своимъ геніемъ? Скажемъ откровенно: дѣло шло о Вольтерѣ, и надобно сказать, сочиненія его часто подвергались критикѣ сильной. Но справедливо-ли? Пусть судитъ объ этомъ публика. Какая безразсудность заставитъ насъ не видѣть несовершенствъ писателя великаго, но который съ рѣдкими красотами соединялъ страшныя погрѣшности? Говорятъ *о нравственной памяти*, которую *унижали не меньше его таланта.* Нравственная память! Чья? Автора Дѣвственницы или Автора des Bijoux indiscrets? По

невольѣ попадешся въ несообразности, защищая неправое дѣло.

Упрекъ въ стараніи унизить Литтературу тѣмъ страннѣе, что онъ относится къ людямъ, которыхъ въ тоже время обвиняютъ въ желаніи возвысить Литтературу передъ науками: такимъ образомъ, съ какой угодно стороны, вы встрѣтитесь съ обвиненіемъ. Если частно разсматриваете сочиненіе одного автора, вы *унижаете* его; если разсуждаете о вопросѣ общемъ, относительно наукъ, Литтературы, нравственности, васъ обвинятъ вдругъ за желаніе повредить Литтературѣ, наукамъ и своему вѣку. Было время, когда одинъ оранжеръ нападалъ на науки и вмѣстѣ на ученыхъ, на Литтературу и на литтераторовъ, и современники рукоплескали ему; Академія увѣнчала его *горькое* обвиненіе; весь Парижъ бѣгалъ за авторомъ; его рѣчь опровергали соблюдая приличія и умѣренность; даже одинъ Король сталъ въ ряды ратоборствовавшихъ, для битвы съ противникомъ наукъ, но никто не обвинялъ его въ злословіи и не было слова объ *униженіи*. Въ то время, когда Литтература сохраняла болѣе важность свою, нежели нынѣ, онъ мирно наслаждался своею славою. Да и въ существѣ своемъ, эти вопросы предоставляются различію мнѣній, изслѣдованіямъ, спорамъ: критика есть пробный камень Литтературы. Все-

вать съ ничтожествомъ тѣхъ, которые унижаютъ собою Литтературу, безпрестанно указывать имъ вѣрныя правила, на которыхъ она основывается, нападать на дурной вкусъ, на дурныя нововведенія, поставлять въ примѣръ великіе образцы, развѣ это значитъ стараться вредить Литтературѣ? Не значитъ-ли это, лучше, трудиться для возстановленія ея, заботиться о ея славѣ? И если-бы здѣсь можно было исчислить благія слѣдствія, какія уже произвела критика, для многихъ предметъ ненависти и осужденій, сколько могли-бы мы сказать правды?

Если *нѣкоторые журналисты* не уважаютъ Академіи, они дѣлаютъ очень дурно. Не льзя довольно уважать ученое общество, въ которомъ засѣдаютъ люди съ величайшими достоинствами во всѣхъ родахъ; но не льзя-ли, не переставая питать уваженія къ цѣлому обществу, подвергать критикѣ сочиненія одного изъ его членовъ? Развѣ запрещено разбирать литтературныя сужденія, критиковать выборъ и дѣйствія общества, писать замѣчанія на Труды, издаваемые имъ отъ своего имени? Почти всѣ несчастные писатели, которыхъ Буало столь жестоко заставилъ пожить въ своихъ сатирахъ много лишняго времени, были членами Французской Академіи. Имя *Академика* никогда и никому не служило защитою отъ литтературной цензуры, также

какъ и первокласные чины и титулы никого не спасутъ отъ литературнаго суда. И не смѣшно-ли было-бы, если-бъ Академія сдѣлалась убѣжищемъ, гдѣ ничтожество можетъ спокойно жить, подъ покровительствомъ знаменитыхъ именъ, въ товарищи къ которымъ его не рѣдко приводятъ происки, прихоти и частное покровительство? Какъ, глупость, безвкусіе, незнаніе языка сдѣлаются священными, если процвѣтутъ въ сочиненіяхъ писателя, который принадлежитъ къ обществу, учрежденному для поддержанія здраваго ученія во всѣхъ родахъ, искусства, языка, вкуса! На какое право обопрутся академики, требуя подобнаго исключенія, если самые знатнѣйшіе люди не могутъ его требовать? И если дать такую смѣшную привиллегію Академіи Парижской, то не вправѣ-ли будутъ просить ея всѣ провинціяльныя Академіи, Ѳеатры, Музеи? Каждое изъ сихъ заведеній потребуетъ права неприкосновенности, и Академіи, учрежденныя для чести и успѣховъ просвѣщенія и наукъ, сдѣлаются хранительницами невѣжества и безталантности! Когда Монтескьё, въ своихъ Персидскихъ Письмахъ смѣялся надъ Французскою Академіею, обвиняли-ль его въ намѣреніи *унижать науки* и не поспѣшила-ль Академія принять его въ число своихъ членовъ? Грѣшатъ и въ Академіяхъ, также какъ внѣ Академій:

Ijiacos intrà muros peccatur et extrà.

И критика, внимательно преслѣдуя все смѣшное и вздорное, проникаетъ съ своимъ мстительнымъ оружіемъ во внутренность храмовъ наукъ и заставляетъ даже на академическихъ креслахъ трепетать невѣжество, украшенное литературными шиплами и глупость, окруженную незаконными почестями.

Журнальная критика, нѣкоторыхъ журналистовъ, восклицаютъ противники, *истребила критику литературную!* Почему же? Потому, что журнальныя статьи по необходимости кратки. Но, видно, они не замѣтили, что краткость часто замѣняется числомъ статей: что въ журналахъ часто пишутъ двѣ, три, четыре статьи объ одномъ сочиненіи. *Многіе*, прибавляютъ противники, *воображаютъ, что проходятъ Курсъ Литературы, читая дневные листочки.* Курсъ Литературы: это много, милостивые государи! Но каковъ-бы ни былъ этотъ курсъ, все онъ лучше курсовъ, слушаемыхъ во многихъ Музеяхъ и Аѳенеяхъ. Наконецъ, противникъ заключаетъ свою длинную и жалобную диссертацію слѣдующимъ замѣчательнымъ выраженіемъ: »Всего болѣе, Литературѣ нашей недостаетъ публики: это »становится чувствительно и черезъ нѣ»сколько лѣтъ будетъ еще виднѣе.« Такъ точно, милостивые государи! Безъ сомнѣнія, недостаетъ публики для вашей Литературы и долго будетъ недоставать,

потому, что нынѣ совершенно освободились отъ всѣхъ вздорныхъ идей, отъ всѣхъ ложныхъ системъ; потому, что возвратились къ здравому смыслу и чистому вкусу; потому, что нелѣпости всѣхъ родовъ вышли изъ моды; потому, что владычество ума и истинной философіи началось и обѣщаетъ здравствовать многіе годы.

Святочные разсказы.

(Продолженіе.)

Вы слыхали про Новгородъ? Тотъ былъ *городокъ*, *Москвы уголокъ*: огромный, могучій и привольный! Ганзейцы и Мурмане заглядывались на его широкія улицы, на золоченыя главы его церквей и называли его *Великимъ*. Одинъ пугливый Лапинскій лѣтописецъ даже и намъ передалъ старую поговорку: *Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?* Говорятъ, такова была похвальба и присловье Новогородцевъ. Князья Московскіе и Литовскіе часто доказывали Новогородцамъ, копьемъ и огнемъ, что пословица ихъ не говорила правды; да гдѣ сладить съ Новогородцомъ! Отхлынетъ бѣда: опять Новогородецъ надвинетъ шапку на ухо, пойдетъ козыремъ и гоголемъ споритъ съ Княземъ Мо-

сковскимъ о *самосудѣ* (*), а Литовскому послу указать путь дорогу изъ Новагорода. Удалыя дружины Новогородскія не боялись грозы Московской; то и дѣло пускались внизъ по Волгѣ; куда пришли, шутъ и гости: въ Кострому-ли, въ Ярославль-ли, въ богатую-ли Астрахань, вольница Новогородская не струситъ! Давай серебра и золота, выкатывай бочки годовалаго меда, а какъ дойдетъ до расплаты, разсчитаются желѣзомъ, да каленымъ стрѣлами, и хозяева рады радехоньки, что уши уцѣлѣли.

Въ Москвѣ княжилъ Князь Дмитрій Ивановичъ и Новгородъ съ нимъ не ладилъ: войны не было, да и миръ не походилъ на миръ. Такая-же дула погода, какъ на Ильменѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ: то дождь, то снѣгъ, то свѣтло, то ясно. Сколько ни говорилъ Князь Московскій Новогородцамъ, вольный городъ не унимался, шумѣлъ, какъ молодая брага. »Не впервые Новугороду слышать немилостивое слово!« кричали Новогородцы. »Отъ Московскаго Князя недождешься ни хлѣба, ни соли; ошсыпайся золотомъ въ мирѣ, да готовься на желѣзную баню. Далеко Москва отъ Новагорода, а сердце Московскаго Князя еще дальше. Намъ и съ своими Князьями жилье было горе, а съ чужимъ Княземъ и погошово!«

(*) Право: имѣть собственную управу, независимо отъ Великихъ Князей Русскихъ.

Вотъ что кричали въ Новѣгородѣ и на Софійской и на Торговой сторонѣ. Народъ собирался къ Святой Софіи: день и ночь держали вѣче; казалось, забыли Новогородцы, что въ праздникъ дѣла не дѣлаютъ. Вечера были святочные, а посадникъ къ посаднику, тысячскій къ тысячскому, пріѣзжали не-Христа славить, не вина пить, а толковать, да шумѣть о черной дани, о разметной грамотѣ Московскаго Князя, о Заволочской сварѣ. Всякой говорилъ и толковалъ и часто не зналъ самъ, что говоритъ. Вѣдь и въ нынѣшнее время эта притча изъ народа не вышла.

Но чему дивились и Литовцы и Ганзейцы, привыкшіе пить и бражничать о святкахъ у посадника Ѳеодора Тимоѳеевича, что у этого посадника не было ни пира, ни бесѣды. »Задурѣлъ Новгородъ,« поговаривали собесѣдники, поглядывая на домъ посадника, »быть бѣдѣ, коли и посадникъ Ѳеодоръ не гуляетъ на святкахъ. Смотрите плотники, не состроитъ-бы вамъ себѣ лиха (*).«

Домъ посадника Ѳеодора стоялъ въ Славянскомъ концѣ, на улицѣ Рогатицѣ. Одинъ Нѣмецкій письменной человѣкъ, словоохотливый, какъ котъ-баюнъ въ Русскихъ сказкахъ, называлъ этотъ домъ мудренымъ Нѣмецкимъ именемъ и гова-

(*) Новогородцовъ дразнили названіемъ плотниковъ.

ривалъ, что Новгородъ можно купить на то, что лежитъ въ этомъ домѣ, въ кованыхъ сундукахъ посадника. Доброму молодцу не перестрѣлить-бы стрѣлою съ одной стороны дома на другую. За то и крѣпко жилъ посадникъ. Желѣзные ставни запирались у посадника желѣзными крючьями и пять цѣпныхъ собакъ бѣгали по векшамъ во всю ночь. Днемъ, иное дѣло: широкія ворота были у него настѣжь растворены. Милости просимъ съ дѣломъ и съ бездѣльемъ! Дорогой гость садись на лавку подъ святые и бѣдному дверь не заперта. Не чарка вина, такъ ласковое слово; придешь съ горемъ, а уйдешь съ весельемъ.

Не даромъ говорили теперь бесѣдники посадничьи, что Ѳеодору не до гулянья. Во всѣхъ окнахъ его дома былъ свѣтъ, на посадничьемъ дворѣ было саней, что и не перечтешь, да видно, что были не гости. То и дѣло пріѣзжали къ нему и уѣзжали отъ него дѣльцы, писцы, житые люди. Ни одинъ изъ нихъ, сходя съ крыльца, не обтиралъ бороды: видно, круговая чара лѣнилась сойдти на посадничій столъ съ горки, гдѣ покоились дѣдовскія чары и погары. Дѣльцы останавливались у фигурныхъ воротъ посадничьяго дома и рожи ихъ были длинны, какъ шпиль на заспрѣльной башнѣ.

Но не всѣ-же въ Новѣгородѣ думали о дѣлѣ; оставалось еще довольно гуляк.

По улицѣ Рогатицѣ шли дѣвичьи хороводы; пѣли пѣсни; много народа тихонько пробиралось подлѣ самой стѣнки, видно, боясь измѣнить пословицѣ: Новогородецъ хошь пьянъ, а все на ногахъ держится.

Вдругъ, среди шума и волненія, покатился по улицѣ поѣздъ: саней десять съ колокольчиками и побрякушками, на выписныхъ лошадяхъ, ѣхали по Рогатицѣ. Веселыя, залетныя пѣсни раздавались такъ громко, что у прохожихъ въ ушахъ звенѣло, да видно и у разгульныхъ поѣзжанъ въ головѣ было не пусто. Вотъ, подлѣ самаго посадничьяго дома остановились первыя сани. Съ нихъ соскочилъ лихой удалецъ, Буслай, сынъ посадника Григорья Якуновича. »Поѣзжайте, Бояры, я догоню васъ!« закричалъ онъ своимъ поѣзжанамъ. Съ шумомъ покатился мимо веселый народъ, а Буслай сложа руки, сталъ подлѣ лавки у воротъ, на которой сидѣлъ задумавшись Владиміръ, сынъ посадника Ѳеодора Тимоѳеевича.

»Что съ тобой сдѣлалось, товарищъ?« спросилъ его Буслай. »Спишь не спишь, аль думу думаешь? Такъ раздумаемъ вдвоемъ.«

— Отстань отъ меня! отвѣчалъ Владиміръ, у тебя на умѣ веселье, а у меня на сердцѣ нерадостно.

»Зазноба что-ли какая? Такъ, не тебѣ, такому молодцу, сгинуть отъ дѣвичьихъ глазъ! Казны что-ли нѣшь? Да у тво-

его отца, изъ одного ларца, до Хушыня, можно дорогу помостить!«

— Черезъ золото слезы текутъ. У тебя только такая буйная голова, что хоть все пропадай: а меня и чужая бѣда печалитъ.

»Полно, братъ, успѣешь и на свой пай нахлыкаться; вѣдь намъ съ тобой еще вѣкъ жить. Богъ знаетъ, за что я люблю тебя, за что мы помѣнялись съ тобой крестами! У тебя не мой нравъ: я всегда веселъ, а у тебя веселье, какъ дождикъ весной: чуть перепадетъ, ужь и высохъ. Каждая красная дѣвица кружитъ мнѣ голову, а на тебя сколько ни глядятъ ихъ бѣглыя глазенки, все тебѣ нужды нѣтъ.«

— Слушай, Буслай, сказалъ Владиміръ, вставая со скамьи, если ты пришелъ балагурить со мной, мнѣ право не до того! Прощай!

»Нѣтъ, Владиміръ,« отвѣчалъ Буслай, »не тебѣ это говорить и не мнѣ слушать. Ты не вѣришь моей головѣ, такъ повѣрь рѣпивому: оно бьется у меня не хуже твоего. Я люблю веселье, да за что-же ты полюбилъ меня? Развѣ за то, что Буслай ходитъ одинъ на цѣлую сѣчну въ кулачномъ бою, или за то, что онъ умѣетъ спѣть залетную пѣсню лучше другаго?«

Владиміръ остановился. Охъ ты, горячая голова! сказалъ онъ. Не уже-ли ты думаешь, что я тебя не знаю? Вотъ тебѣ мое слово, что когда дойдешь до дѣла,

такъ я къ первому тебѣ приду и скажу: Буслай! пойдемъ, братъ, со мной! И ты пойдешь со мной въ огонь и въ воду; но я не скажу тебѣ, о чемъ теперь думаю: твоя голова на это не годится.

»Такъ ты мою голову считаешь добрымъ кистенемъ, которымъ пробиваютъ стѣну, а потомъ бросаютъ его подъ лавку? Спасибо, дружище!« Буслай снялъ шапку и поклонился Владиміру.

— Не сердись, Буслай!

»За что сердиться! Ты умница, разумница; сего года твой отецъ посадникомъ, а на тотъ годъ и ты туда-же мѣтишь. Куда мнѣ за тобой тянуться? Только смотри, Владиміръ! въ большомъ чинѣ быть, что по крутой кровлѣ ходить: ударишся о земь и поддержать будетъ нѣкому.«

— Братъ Буслай! дай мнѣ свою руку и не сердись!

»Ты также говорилъ, когда, помнишь, я выхватилъ тебя изъ толпы Чуди и обнимая тебя, плакалъ какъ баба! Похоже на это ты сказалъ и тогда, какъ на Невѣ озерѣ я вплавь пустился и выхватилъ тебя изъ омута, гдѣ чуть самъ не захлебнулся.«

— За чѣмъ-же теперь хочешь, чтобы я бросилъ тебя въ омутъ, изъ котораго я и самъ, не знаю выплыву-ли? Буслай! если крестовый братъ твой любитъ тебя,

меньше твоего, такъ пусть не увижу я сей часъ Божьяго свѣта!

»Садись, Владиміръ, и послушай. Я не умѣю такъ красно говорить, какъ ты, и право не знаю, какъ тебѣ высказать, что вотъ тутъ у меня вертится.« Онъ указалъ на голову. »Я слыхалъ, что когда-то жилъ былъ на святой Руси мудрый человѣкъ, Данило Заточникъ: и книженъ и уменъ и словесенъ. Что-жъ ты думаешь? При княжескомъ дворѣ онъ не сдержался. Злые люди надули на него Князю и Данилу, не спрося, услали на холодное море, нѣтъ, на Бѣло-Озеро: Богъ знаетъ куда! Вотъ тебѣ и умъ и разумъ: сидитъ Данило въ кельѣ, да плачетъ; посылаетъ грамошку, перехватятъ; попросилъ-бы добраго человѣка поговорить за себя, да вѣдь добраго человѣка со свѣчой поискать и у Князя при дворѣ, а не только въ другомъ мѣстѣ. Что дѣлать! Пришелъ къ нему рыбакъ, простой рыбакъ, принесъ въ келью рыбу, да выдумалъ лучше его. Напиши, сказалъ онъ Данилѣ, грамошку, а я ужъ знаю, какъ ее сбыть. Тому ума не занимать стать: написалъ грамошку, какъ жемчугомъ вынизалъ; рыбакъ взялъ ее, закаталъ въ воскъ и бросилъ въ Бѣло-Озеро; рыба проглотила ее, а рыбу поймали для Князя: вынули грамошку Данилову, прочитали, заговорили, отдали Князю, а тотъ прочелъ, задумался, да вмѣсто рыбы велѣлъ бросить въ озеро

клеветниковъ. Что братъ, Владиміръ! кто умнѣе былъ: рыбакъ, или Данило Заточникъ? Ты пригожъ молодецъ, да и братъ твой Буслай думу сдумать умѣетъ.

— Умѣетъ, да я люблю его столько, что не захочу тащить съ собою въ ту пучину, въ которой, можетъ, и самъ погибну!

»Любишь! Знаешь-ли ты, куда я ѣхалъ? Къ суженой моей невѣстѣ на вечеръ, къ дочери тысячскаго Богдана Аввакумовича, Машѣ, моей милой, дорогой Машѣ. Ты не любилъ еще: гдѣ тебѣ знать, какъ хочется молодецкому сердцу обнять поскорѣе свою невѣсту, по сердцу выбранную! Ѣду, лечу: вижу брата Владиміра грустнаго; полно думать о невѣстѣ! Слушай: если-бы кто вѣсомъ съ меня далъ мнѣ слитокъ золота, я не отдалъ-бы сегодняшняго вечера за это золото, а для тебя... Скажи, куда мнѣ идти? Не простясь съ моей Машей, сяду на коня и поѣду за тобою...«

Владиміръ, вмѣсто отвѣта, крѣпко обнялъ Буслая и тихо сказалъ ему: Спрашивай, я все скажу тебѣ. Богъ знаетъ, добро-ли, худо-ли я дѣлаю, что не ушаиваю отъ друга тайны тяжелой, но ты хочешь и суди меня самъ! Злая мысль, какъ язва пристанетъ и къ тебѣ.

Буслай молча поправилъ горлатную шапку свою, Владиміръ продолжалъ:

»Я росъ не такъ, какъ ты, Буслай! Рано узналъ я то, что узнаютъ въ старости. Мои первые годы провелъ я не въ

Новѣгородѣ. Помнишь, что отецъ мой долго управлялъ Вотскою пятиною. Ребенкомъ лелѣяли меня волны Варяжскаго моря; подъ шумомъ ихъ я засыпалъ въ ладьѣ, подлѣ отца моего и часто кличъ на битву съ Чудью или Ямью пробуждалъ меня. Такъ укрѣплялось мое тѣло на битвы и умъ на совѣты. Отецъ и степенные люди, юнаго, призывали меня въ свои совѣщанія. Возвратясь въ Новгородъ, я узналъ всѣ тайны правленія Новогородскаго; съ юности изучилъ нравы и обычаи каждаго изъ Новогородскихъ знаменитыхъ людей. Ты счастливъ Буслай, что невѣдѣніе скрываетъ отъ тебя это смрадное болото, которое называютъ Новогородскимъ вѣчемъ. Ты слышишь звонъ вѣчеваго колокола, какъ голосъ вольности Новагорода, богатаго и сильнаго; я слышу его, какъ набатъ, возвѣщающій близкую кончину народа добраго, но буйнаго; достойнаго счастія и влекомаго къ погибели страстями низкими и недостойными ни крови, ни бѣдствій, которыхъ не жалѣютъ за нихъ Новогородцы.«

— Владиміръ! я бьюсь за мою сторону, когда мнѣ велятъ биться; не жалѣю ни руки, ни головы въ сѣчѣ за мою родину и не могу слушать твоихъ рѣчей, не хочу слушать ихъ.

»Не хочешь! За чѣмъ-же ты спрашивалъ меня? Хорошо, посмотри вокругъ себя: ты видишь этого коварнаго Липовца,

этого Князя Патрикія Наримантовича въ Новѣгородѣ, съ удѣломъ, съ почестями; видишь раздоръ нашъ съ Московскимъ Княземъ, наши волненія, бѣготню нашихъ дѣльцовъ и ничего не страшишся?«

— Не почти хвастовствомъ, когда я скажу тебѣ, что и бояться нѣчего. Мы ужъ привыкли къ такимъ сумятохамъ: онѣ веселятъ сердце вольнаго Новогородца. И какъ часто вижу я, что самые бѣдные Новогородцы, собравшись подлѣ Святой Софіи, поговариваютъ между собою: »Что-то давно не звонятъ въ вѣчевой колоколъ; мы залежались на печахъ.

»Безумные люди! Чего вы требуете!«

— Да, коли правду сказать, такъ у твоего отца, да у моего, надобно объ этомъ спрашивать. Не они-ли запѣяли все въ Новѣгородѣ? Жить-бы, да жить, какъ жилось прежде. Свѣтъ-то наши бывшіе посадники: Іустинъ Молчальникъ, да Филиппъ Постникъ. Они строили церкви и ни съ кѣмъ не ссорились. Мой отецъ ввелъ этого Патрикія Наримантовича въ Новгородъ, твой уговорилъ Новогородцовъ отложиться отъ суда Князя Московскаго, а теперь вы думаете и сами не придумаете. Старинное присловье: Русакъ заднимъ умомъ крѣпокъ.

»Буслай! Буслай! Для чего не могу я сказать тебѣ всего. . . Но нѣтъ! Обвиняй лучше меня и другихъ, но не прощайся со своимъ счастіемъ! Твоя грудь не вы-

несетъ всей тайны: она, какъ палящій огонь, созжетъ ее. Я не хочу никого оправдывать: что сдѣлано, того не воротишь; но если ты хочешь знать печаль твоего брата и друга, я раскрылъ тебѣ причину и ты видишь, что бѣды Новагорода терзаютъ мою душу: я думаю, ищу и не нахожу нигдѣ средствъ.

— Они сами найдутся, мнѣ кажется. Бывали времена и хуже нашего, и вѣрь мнѣ, Владиміръ! будетъ можетъ быть и то время, когда живые позавидуютъ мертвымъ.

»Да! Седьмая тысяча, седьмая седмица грозитъ приближеніемъ (*)! Господи! умилосердись надъ нами! Но и наше время, Буслай, не золотое: Новогородцы не то, что были прежде и сосѣди ихъ не то стали. Литовскій Князь, какъ воронъ сидитъ на трупахъ дяди и братьевъ и востритъ когти на Новгородъ; Московскій, какъ соколъ подымается и стережетъ насъ, какъ цаплю болотную, а мы, съ усобицами, съ упадкомъ храбрости, съ привычкой богатѣть не-добромъ, сами на себя накликаемъ бѣду!«

— Но Московскому соколу, кажись, подшибено крылышко: еще и пяти лѣтъ не прошло, какъ Татары головней покашили его Москву и соколенокъ засѣлъ у нихъ въ

(*) 7-я тысяча, отъ с. м., чего страшились въ Россіи, ожидая пришествія звѣря.

когтяхъ (*): ему не до насъ; пускай строитъ себѣ свой дѣтинецъ (**), а на Новгородъ онъ только что грозится.« —

»Нѣтъ! И всего-бы лучше намъ ждать мира отъ Князя Московскаго: онъ въ самомъ дѣлѣ *Великій* Князь. Я видѣлъ его въ славную годину, когда полки Новогородскіе, нежданные, пришли на Куликово поле. Тамъ все было забыто: и вражды и усобицы: темное царство Татаръ, какъ шуча, затмило солнце и всѣ гады спряталисъ въ норы отъ близкой грозы, но не задохлись тамъ и снова выползли, когда солнышко пригрѣло ихъ! Я помню, я видѣлъ, какъ Димитрій, послѣ благословенія пастырскаго, отпускалъ насъ съ побѣдой и говорилъ намъ: »Живите правдой, Новогородцы, я не забуду васъ.« Но гдѣ Новугороду успокоиться! Мнѣ душно стало теперь въ собраніи посадниковъ нашихъ; слышишь, какъ шумятъ они: тамъ нѣтъ простора ни уму, ни правдѣ! Содрогаюсь при видѣ бѣдствій нашихъ и черныя думы бродятъ въ душѣ моей. Это не даромъ; я чувствую, что врагъ человѣковъ поймалъ меня въ свои сѣти. . . .«

— Владиміръ! перекрестись! Что ты думаешь, что ты хочешь сдѣлать?« —

(*) Князь Василій Димитріевичъ былъ заманенъ въ Орду.

(**) Кремль. Дѣтинцами назывались крѣпости.

»Не знаю самъ! И что мнѣ въ здѣшнемъ свѣтѣ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ ничто не веселитъ меня! Слушай, Буслай! я видѣлъ каменистую страну за Варяжскимъ моремъ; былъ въ дремучихъ лѣсахъ ея и видѣлъ, чего не хотѣлъ-бы видѣть! Тамъ видѣлъ я тѣхъ злыхъ кудесниковъ, которые обмораживаютъ человѣка своими обаяніями, и вчера, когда я не зналъ самъ, что мнѣ дѣлать, когда страшилища, казалось мнѣ, ходили вокругъ меня, тотъ кудесникъ, котораго я видѣлъ въ лѣсахъ Карельскихъ, явился передо мною. . . .«

Буслай невольно запрепеталъ, вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать и остановился. — Что ты хочешь дѣлать, Владиміръ?

»Ничего,« отвѣчалъ Владиміръ съ горькою улыбкою, »я хочу гадать о будущей судьбѣ моей.«

— Ради Бога, удержись. . . .

»Не могу; я далъ ему обѣщаніе, я долженъ идти куда онъ велѣлъ и. . . .«

Какъ два угля сверкнули во мракѣ два глаза дряхлаго старика, который подошелъ въ это время къ друзьямъ. Буслай хотѣлъ перекреститься, рука его не поднималась: онъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

»Аль душа робѣешь?« сказалъ имъ старикъ. »Чего-жь трусить удалымъ Новогородцамъ? Владиміръ! пора: пушь не близокъ

и не легокъ. Коли ты молодецъ, такъ услышишь добрую вѣсточку.«

Владиміръ всталъ молча, пожалъ руку Буслая и только промолвилъ: »Прощай, пріятель!«

Буслай опомнился, огланулся; старика уже не было. Решивые кони Буслая прозябли отъ холода и били копытами; но Буслай не думалъ о нихъ, ухватилъ за руку Владиміра и — Куда ты идешь? вскричалъ онъ, »я съ тобой, и не разстанусь никогда! Вмѣстѣ жить и умирать! —

»Я скажу тебѣ, Буслай,« отвѣчалъ Владиміръ, »но знай что ты можешь идти со мною только тогда, когда захочешь: безъ того моя дорога не доведетъ тебя ко мнѣ. Ты знаешь Бѣсово городище, на берегу Волхова, тамъ, гдѣ стоитъ избушка, опустѣлая съ давнихъ поръ, откуда въ полночь бѣжитъ всякая живая душа, гдѣ утонулъ Волховецъ? Тамъ скрывается теперь Карельскій кудесникъ; къ нему иду я! Прощай. . . .«

Не успѣлъ Буслай отвѣчать на слова Владиміра, какъ Владиміръ былъ уже далеко. »Постой, постой, я за тобою!« вскричалъ Буслай, бросился въ сани и помчался за своимъ другомъ.

»Видно, Буслай Григорьевичъ не будетъ сегодня,« говорила няня, снимая со свѣчекъ и обращаясь потомъ къ дочери

тысячскаго Богдана Аввакумовича, невѣстѣ Буслая.

— Видно, что не будетъ, няня, отвѣчала печально невѣста, а безъ него мнѣ нерадостно.

»Полно, подруга, печалишься! За чѣмъ ты ушла отъ насъ?« сказала ей молодая дѣвушка. »Пойдемъ допѣвать подблюдныя пѣсни. Тебѣ вынули на добрую пѣсню: *Щучка шла изъ Новагорода:* вотъ твое кольцо.«

— Посмотри! оно распаялось! Обручальное кольцо мое распаялось! Буслая еще нѣтъ! вскричала Марія и слезы градомъ потекли по блѣдному лицу ея.

»Полно, моя родимая,« отвѣчала няня, »это такъ. . .«

— Ахъ! няня, и несчастье развѣ не такъ приходитъ? Милая подруга! я приду къ вамъ: поди туда, дай мнѣ вздохнуть на свободѣ.

»Что-то нерадостно эта свадьба идетъ,« шептала дѣвушка, возвращаясь отъ невѣсты къ подружкамъ.

— Няня! дай мнѣ свѣжей воды умыть глаза: не хочу, чтобы гости замѣтили, что у меня глаза покраснѣли отъ слезъ.

»Да вотъ, матушка, и подблюдныя пѣсни у нихъ видно кончились. Слышишь: золото хоронятъ. . .«

— Хоронятъ! вскричала Марія, кого хоронятъ, няня? Что ты говоришь?

»Что тебѣ мерещится, мое дитятко! Золото хоронятъ, а ты, прости Господи, и ни-вѣсь что думаешь; да вонъ ужь дѣвушки и другую пѣсню запѣли. Экія лепетуньи!»

— Золото! Пропадай все золото на свѣтѣ! говорила Марія, былъ-бы мой милый здоровъ, да счастливъ. Ахъ, няня! слышишь, какую пѣсню запѣли подружки!

Въ это время раздавалась Новогородская пѣсня:

Въ славномъ было Новѣгородѣ,
На большой Славковой улицѣ,
Въ высокомъ теремѣ посадничьемъ,
Сидитъ пригорюнясь красна дѣвица,
Глядитъ она въ окошечко косящето,
Грусть, тоска горе-горькая
Змѣей сосетъ сердце дѣвицы!
По щекамъ ея горючи слезы
Жемчугомъ перекатнымъ покатилися.
Не мила ей сторонка родимая:
Изъ Москвы къ Новугороду
Вѣсть нерепала недобрая!
Прокатилась звѣзда по поднебесью,
Въ тучу палъ свѣтелъ мѣсяцъ. . .

»Ну, ужь пѣсню выбрали, право ксташи,« сказалъ отецъ Маріи, тысячскій Богданъ, входя въ комнашу, гдѣ сидѣли поѣзжане Буслая и хоръ дѣвущекъ пѣлъ пѣсню. »Алъ и красныя дѣвушки о томъ-же думаютъ, о чемъ прожужжали намъ уши у посадника?«

— Нѣтъ, Богданъ Аввакумовичъ! (вскричалъ одинъ изъ поѣзжанъ, веселый старикъ) грѣшный человѣкъ! я упросилъ ихъ спѣшь ее: она моя любимая.

»Э! сосѣдъ, на свадьбѣ можно забывать о Москвѣ! Милости просимъ, сватушка,« сказалъ онъ обращаясь къ дверямъ, въ которыя входилъ въ это время посадникъ Григорій Якуновичъ, отецъ Буслая, »а вотъ невѣста, на лицо,« прибавилъ онъ указывая на дочь свою Марію, въ это время вошедшую съ няней.

Посадникъ помолился иконамъ, поклонился на всѣ стороны и съ радостью поглядѣлъ на прелестную невѣсту своего сына. Поцѣловалъ-бы я тебя, моя милая, сказалъ онъ улыбаясь, если-бъ не побоялся захолодить твое бѣлое лицо замерзлою моею бородою!

»А вотъ мы ее разогрѣемъ братиною меду,« отвѣчалъ Григорій. »Дѣвушки! пѣсенку заздравную, а ты, няня, добраго медку съ холодку. Садись-ка, сватушка.«

Лейся медъ въ чашу золотую,
Обходи кругомъ, братина круговая!

Гости зашумѣли. Русское сердце готово выпрыгнуть на ладонь, когда въ головѣ шумно. Но радость посадника и тысячскаго перемѣнилась въ изумленіе, когда они увидѣли, что жениха не было между боярами.

— А гдѣ-жъ Буслай? вскричалъ Григорій.

»Не знаемъ,« отвѣчали поѣзжане, »мы чаяли, что онъ съ тобой пріѣдетъ. Когда поравнялись мы съ дворомъ посадника Ѳеодора, онъ остановился у воротъ, велѣлъ намъ ѣхать и хотѣлъ догнать насъ; мы ждали его здѣсь. . .«

Сердце посадника вспыхнуло. — Охъ вы бражники, гуляки! Да что-жъ вы безъ него, какъ стрѣлы безъ лука! Гдѣ Буслай? вскричалъ онъ громко; дѣвушки замолчали и невѣста поблѣднѣла, какъ полотно. — Я не видалъ его у Ѳеодора, да и что ему тамъ дѣлать!

»Да! онъ не спѣшитъ къ невѣстѣ,« сказалъ съ насмѣшкою тысячскій Богданъ. »Смотри, свашъ, не за старое-ли взялся Буслай.«

— Свашъ! не коли мнѣ глаза ложкой, которой кормишь. Буслай удалая голова, да ретивое у него доброе; иной и смиренъ, да черна душа его! И быстрый взоръ посадника обратился на Родислава, браша невѣсты.

»Да гдѣ-жъ загулялся твой Буслай?«

— Загулялся? Можетъ быть .... Охъ! вѣщее, вѣщее! сильно ты бьешся! сказалъ посадникъ, сѣлъ на лавку и закрылъ лицо руками. Всѣ молчали.

»Свашъ! не сердись,« сказалъ добродушно посадникъ, протягивая руку къ Богдану. »Стараго не поминашь: было

не было! Человѣкъ въ рукѣ Божіей. Эта охота до лихихъ коней... можетъ быть... я боюсь . . . Буслай не-даромъ не [при-шелъ. . .«

Какъ ни осторожно сказалъ эти слова посадникъ, но Марія слышала ихъ: ноги ея подкосились и она безъ чувствъ упала на руки нянѣ; дѣвушки бросились помогать ей.

— Прощай, свашъ — сказалъ посадникъ Григорій и, схвативъ шапку свою, спѣшилъ вонъ. За нимъ въ безпорядкѣ поскакали поѣзжане, а отецъ невѣсты задумчиво сѣлъ на лавку и не говорилъ ни слова. Густыя брови его закрыли глаза и мрачныя думы спѣснились въ душѣ.

Но гдѣ-же Буслай? За чѣмъ онъ забылъ, оставилъ невѣсту? За чѣмъ допустилъ слезамъ катиться изъ ея прекрасныхъ глазъ?

Быстро помчался Буслай за другомъ своимъ Владиміромъ. Ему казалось, что онъ видитъ его передъ собою, что Владиміръ идетъ отъ него невдалекѣ; но напрасно борзые кони, понуждаемые сильною рукою, скакали во весь опоръ: Владиміръ все казался впереди. Вотъ повѣялъ вѣтеръ, поднялъ перелетный снѣгъ по дорогѣ, становился сильнѣе, сильнѣе и началъ взвивать мятелицу вокругъ Буслая. Кони его пышутъ, скачутъ; Буслай хочетъ остановить ихъ; нѣтъ, они бѣгутъ,

не по дорогѣ, изъ сугроба въ сугробъ: домы мелькаютъ мимо, Божьи церкви застилаетъ вихрь, взвѣваемый сильнымъ вѣтромъ. Буслай не робѣетъ. Вотъ онъ видитъ себя на берегу Волхова; кони несутъ его въ рѣку; съ крутаго берега покатились сани прямо на ледъ и полетѣли вдоль рѣки. Буслай не узнаетъ мѣста. Съ одной стороны лѣсъ; на луговой сторонѣ разстилается снѣговое поле: ни жилья, ни домика! То, какъ холмы, воздымаются предъ Буслаемъ снѣговые сугробы; то онъ падаетъ съ конями въ ухабы; холодъ проникъ въ молодецкую грудь: Буслай спрыгнулъ съ саней, идетъ подлѣ, хлопаетъ рукавицами, желая согрѣться и каждый ударъ глухо отзывается въ лѣсу. Но вотъ, онъ смотритъ: стоитъ на берегу избушка, въ ней свѣтится огонекъ: туда, туда, обогрѣться у добрыхъ людей. Буслай беретъ подъ уздцы своихъ коней, которые въ пѣнѣ, выбившись изъ силъ, едва идутъ, едва переступаютъ по глубокому снѣгу.

Избушка совсѣмъ опустѣлая. Кругомъ заборъ обвалился, дворъ разгороженъ, крышка упала; огонекъ въ окошкѣ, то мелькнетъ, то пропадетъ. Буслай хочетъ постучаться въ двери, останавливается; въ избушкѣ тихо, въ лѣсу тихо. Вдругъ изъ за лѣса, какъ отдаленный вздохъ времени, раздался гдѣ-то, вдали, звонъ коло-

кола, точно по похоронному. Одинъ ударъ... и все замолкло!

»Думалъ-ли я,« сказалъ Буслай, »быть этотъ вечеръ въ такой глуши! Да чего-жъ бояться? Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать!« и сильно ударилъ онъ въ двери . .

— Кто тамъ? раздался грубый голосъ.

»Отвори,« закричалъ Буслай, и не съ другаго толчка дверь заскрыпѣла, точно какъ немазанное колесо.

Чуть мелькаетъ ночникъ на столѣ, а на лавкѣ за столомъ сидитъ старикъ и — точитъ ножикъ на брускѣ.

Ни добраго слова, ни ласковаго привѣта, молчитъ да точитъ. Устремивъ глаза на старика, остановился Буслай.

»Что ты человѣкъ, аль бѣсъ?« сказалъ онъ старику. Тотъ молчитъ и сидитъ.

»Говори, старый хрычъ, на что ты точишь ножикъ, а не то. . . .« Буслай поправилъ рукавицу на правой рукѣ.

Старикъ сверкнулъ на него глазами и уродливо захохоталъ. — Тебѣ подаришь! — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

»А ты кто, старое чудище?«

— Возьми мой подарокъ, такъ я скажу тебѣ! Видишь, какой булатный ножикъ; каково лезвее? — Старикъ дернулъ по бруску: такъ и брызнули искры!

»Душегубецъ! кто даритъ добраго человѣка ножемъ? Я тебя узнаю поближе. . . .«

И перекрестившись, Буслай размахнулся съ богатырскаго плеча.

Вдругъ пронзительный, страшный хохотъ раздался по лѣсу, половина избушки повалилась, огонь исчезъ, старикъ пропалъ, сквозь полое окно задулъ свѣжій вѣтерокъ и лучи мѣсяца освѣтили опустошенную избушку на Бѣсовомъ городищѣ!

Еще разъ перекрестился Буслай. Онъ ищетъ дверей, но какія двери! Косяки вывалились, ставня нѣтъ! Скорѣе на свободу, на Божій свѣтъ! Буслай идетъ, и передъ нимъ стоитъ человѣкъ блѣдный, дрожитъ, какъ осиновый листъ: это Владиміръ!

»Братъ Владиміръ!« вскричалъ Буслай, »ты-ли это, или еще бѣсовское обаяніе со мною?«

— Я! отвѣчалъ Владиміръ слабымъ голосомъ. Ради Христа! выведи меня. Я погубилъ свою душу. . . .

»Братъ! что ты говоришь? Съ нами крестная сила! Пойдемъ отсюда. Мы недалеко отъ Новагорода.«

Свѣжій вѣтеръ обвѣялъ Владиміра, когда они вышли изъ избушки и Владиміръ вздохнулъ свободно. Буслай сжалъ его въ своихъ объятіяхъ.

»Владиміръ!« сказалъ онъ робко, »боюсь не за себя, а за тебя. Мудрость человѣческая близка къ безумію. Что ты сдѣ-

лалъ съ собою? Не предалъ ли ты себя врагу людей и Бога?«

— Нѣтъ! нѣтъ! Но страшно мнѣ видѣлось .... я не помню всего! Черный котъ бѣжалъ передо мною до самой избушки и вскочилъ прямо въ нее. Я взялъ три камня съ каменки: передо мною забѣгали чудища. ... Вѣнецъ. ... саванъ.... гробъ! Я очнулся отъ твоего богатырскаго голоса. ... Ты спасъ меня!

Они свели сани Буслая на Волховъ и поѣхали въ Новгородъ. Буслай не спрашивалъ своего друга и только погонялъ коней.

Уже былъ третій часъ дня (*). Народъ толпами валилъ съ Софійскаго вѣча и дорогою шумно разговаривалъ о томъ, что было рѣшено на вѣчѣ. Тихо, сложивъ руки, шелъ на дубовое крыльцо своего дома посадникъ Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ. Сумрачное неудовольствіе изображалось на лицѣ его. Первый, кто встрѣтился ему, только что онъ отворилъ дверь, былъ посадникъ Григорій, отецъ Буслая.

Съ горестью покачалъ головою Ѳеодоръ. »Богъ тебѣ судья!« сказалъ онъ, »до чего ты довелъ меня на старости! Позоръ землѣ Новогородской! Старѣйшій посадникъ неволею принужденъ къ дѣлу, про-

---

(*) Часы считали тогда съ восхожденія солнца.

тивному его совѣсти. Новогородцы! Новогородцы! Горе вамъ, по Божію слову, когда старый другъ мой забылъ меня. . .«

— Нѣтъ, сказалъ Григорій, рука Божія тяготѣетъ надъ Новгородомъ; но не упрекай меня, Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ! Когда-бы ты зналъ, что доспѣлось со мною въ послѣднее время, ты-бы не упрекалъ меня! Я сниму тебѣ со стѣны икону, что я не виноватъ въ перемѣнчивости, въ буйствѣ Новогородцовъ. Выслушай меня. . .

»Выслушай, узнай сперва, что послы Князя Московскаго нежданно и гордо явились сегодня на вѣчѣ, что они высказали всѣ жалобы Князя на Новгородъ и не дожидаясь отвѣта, бросили народу крестоцѣловальныя наши грамоты. Они грозили намъ огнемъ и мечемъ: и тѣ люди, которые вчера, пуще другихъ, храбрились на совѣтѣ, замолкли, побѣднѣли . . . Рука Москвы явно высится надъ нами; Новгородъ падаетъ. Напрасно вышелъ я говорить съ ними: прошивъ меня возстали всѣ; напрасно твердилъ я имъ о силѣ нашей, о честныхъ условіяхъ съ Княземъ Московскимъ; говорилъ, что самосудъ нашъ долженъ быть уваженъ Княземъ: покорность безъ условій или погибель! былъ отвѣтъ Московскихъ пословъ и народъ принялъ все! Князь Патрикій и не явился на вѣче! Тебя не было . . . Гдѣ ты былъ? А свашъ твой, тысячскій Богданъ, первый склонился на сторону Москвичей

и мнѣ, посаднику Новагорода, міромъ опредѣлено ѣхать въ Заволочье, сбирать дань, самому отвезти ее въ Москву и молить Князя помиловать насъ!« . . . Посадникъ поднялъ руки къ образу и слезы потекли изъ глазъ его.

— Тяжело твое страданіе, но не вини меня! Я потерялъ вчера моего сына, моего удалаго Буслая. Онъ ѣхалъ къ невѣстѣ своей и Богъ знаетъ куда пропалъ! Мы размолвили со сватомъ и всю ночь, какъ полоумный, бѣгалъ я по Новугороду: Буслая нигдѣ не было! Когда заблаговѣстили къ заутрени, и я самъ не зналъ что дѣлать, у воротъ стукнули въ кольцо: это былъ Буслай, на любимыхъ коняхъ своихъ, весь въ снѣгу, какъ полусонный: кони его были въ пѣнѣ, измучены и пали посреди двора, а онъ не поклонился и отцу своему, не сказалъ словечка: спитъ и теперь безъ пробуду и Богъ знаетъ, что съ нимъ будетъ! Онъ еще не знаетъ своего горя: рано поутру сватъ Богданъ прислалъ ко мнѣ сказать, что не хочетъ уже отдать своей Маши за моего Буслая, за буяна, за пьяницу, который прогуливаетъ ночи ни-вѣсь гдѣ! Буслай спалъ, да выспалъ горе! Маша не переживетъ этого; да что отцу ея до горя дочери! . . . Вини меня послѣ этого, что я не былъ на вѣчѣ.«

Ѳеодоръ успокоился, началъ утѣшать своего друга: »Все минется,« говорилъ онъ,

»подумаемъ о судьбѣ Новагорода; не Новогородецъ тотъ, кто помнитъ о своей бѣдѣ, когда бѣда виситъ надъ вѣчемъ Новогородскимъ! Еще не все погибло. . .«

Они ушли въ тайную каморку.

Между тѣмъ Новгородъ былъ въ волненіи. И было отъ чего: дѣла Новогородцовъ никогда еще не достигали до такого стѣсненнаго положенія. Еще сто лѣтъ послѣ сего времени Новгородъ называлъ себя вольнымъ городомъ, но, мощною рѣшительностію Димитрія, Москва въ первый разъ колебала такъ сильно основанія силы Новогородской.

Побѣда на берегахъ Дона возвысила Димитрія передъ всѣми Князьями Россіи. Тверь и Нижній-Новгородъ, склоненные предъ его могуществомъ, граница Московскаго Княжества, далеко заброшенная на сѣверъ, униженіе Рязани, нерѣшительная борьба Ольгерда Литовскаго съ Димитріемъ, все давало мужественному Князю первенство послѣ его славнаго подвига. Новогородцы, всегда готовые на дѣло славное и великое, сами пришли къ Димитрію на Куликово поле: кровь гражданъ Новогородскихъ и посадника ихъ залила бѣшеную ярость Монголовъ, но не взрастила счастія для Новагорода! Черезъ два года Москва сдѣлалась пепелищемъ отъ руки Тохтамыша. Тяжкая дань обременила всѣ княжества Русскія; гордый

Новгородъ, готовый дать руку на брань, не хотѣлъ нести дани Татарамъ. Новогородцы думали, что съ паденіемъ Москвы ударилъ часъ ихъ свободы.

Посадникъ Ѳеодоръ явно потребовалъ на вѣчѣ отреченія отъ зависимости Князю Московскому: Посадникъ Григорій, призванія въ Новгородъ Литовскаго Князя Патрикія, воина смѣлаго и человѣка хитраго. Новогородцы согласили оба предложенія, объявивъ свой самосудъ отъ Москвы и призвавъ Князя Патрикія: Ольгердъ обѣщалъ имъ защиту; но Патрикій пріѣхалъ въ Новгородъ не защищать его. Новгородъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ начало гибельной усобицы: приверженцы Москвы, съ тысячскимъ Богданомъ, свободные Новгородцы и сообщники Патрикія крамольничали и вадили другъ на друга.

Не знаю: о томъ-ли говорили между собою посадники Ѳеодоръ и Григорій; но на другой день Ѳеодоръ отправился съ дружиною въ Заволочье, а сынъ его Владиміръ поспѣшно собрался и отслуживъ молебенъ въ Соборной церкви, бросился въ сани и поскакалъ поспѣшно изъ Новагорода.

Чуть брезжился востокъ раннимъ разсвѣтомъ и Владиміръ задумчиво смотрѣлъ на домы и церкви Новогородскія, которыя въ темнотѣ мелькали мимо его. На улицахъ не было ни одной живой души. Онъ поровнялся съ жилищемъ Ганзейскихъ куп-

цовъ, когда изъ подъ темнаго подъѣзда этого обширнаго зданія выбѣжалъ человѣкъ и крѣпкою рукою остановилъ коней Владиміра.

»Стой, бѣглецъ!« закричалъ неизвѣстный, »не простясь, добрые люди не ѣздятъ въ дорогу.«

— Буслай! ты-ли это? вскричалъ Владиміръ и бросился въ объятія своего друга.

»Заворотни коней во дворъ!« сказалъ Буслай, »тамъ весело!«

Владиміръ поглядѣлъ на своего друга. На немъ не было шапки; на распашку кафтанъ, кушакъ который волочилъ онъ на землѣ, удивили Владиміра. Буслай! что ты дѣлаешь? сказалъ онъ.

»Гуляю! Мнѣ надоѣли ваши постныя рожи. Смотри: какое веселье у нашихъ Нѣмцовъ. Пойдемъ, пойдемъ!«

Съ грустью пошелъ за нимъ Владиміръ. Они вошли въ обширную комнату, гдѣ все доказывало, что разгульные товарищи пируютъ съ самаго вечера. Нѣсколько Нѣмцовъ и молодыхъ Новогородцовъ пѣли, плясали, переодѣтые, въ харяхъ (*); разбитые рюмки и стаканы, разбросанныя одежды, чаши, смѣсь Нѣмецкихъ и Русскихъ пѣсенъ, смѣхъ, хохотъ, звуки гуслей показали Владиміру дикое ве-

(*) Такъ называли тогда маски. Русскіе почитали за грѣхъ надѣвать ихъ.

селье, какому предавались Буслай и его товарищи.

Остановясь у порога и съ ужасомъ смотря на буйство друга, Владиміръ не понималъ: во снѣ, или на яву онъ это видитъ?

»Трусъ!« вскричалъ Буслай, »чего ты испугался? Это вѣче Новогородское: все будущіе посадники, и также славно управятся съ Великимъ Новгородомъ, какъ управляются теперь съ чашами.«

— Буслай! такъ-ли дѣлаютъ добрые люди. . .

»Убирайся съ добрыми людьми! Пей прощальную чашу; я не прошу тебя пировать съ нами: поѣзжай вольный Новогородецъ бить челомъ боярамъ Московскимъ.«

— И какіе товарищи съ тобою?

»Тѣже, какихъ мы видѣли съ тобой на Бѣсовомъ городищѣ! Тамъ они сердились, здѣсь веселятся, а до христіанской души они и здѣсь также охочи: того и смотрятъ, какъ-бы подцѣпить. . .«

— Буслай! вскричалъ Владиміръ, схватя его за руку, ты губишь себя.

»Нѣтъ! эту работу приняли на себя другіе! Твой, да мой отецъ, хитрили, ладили и привели Новгородъ на стыдъ и посрамленье, а тысячскій Богданъ, да добрые люди тоже сдѣлали съ Буслаемъ; да

нѣтъ! Буслай покрѣпче Новагорода. . . Товарищи! качнемъ гулевую.«

— Ради Бога! вскричалъ Владиміръ, если ты еще меня любишь, дай мнѣ поговорить съ собою.

Буслай замолчалъ. Владиміръ попащилъ его изъ комнаты; они вышли за вороша.

— Ты гибнешь, Буслай, сказалъ Владиміръ, и знаешь самъ, что гибнешь! Я хочу спасти тебя . . . . .

Презрительно улыбнулся Буслай. »Ты? меня? Спасибо за доброе намѣреніе, да трудно, братъ, сдѣлать, что ты сказалъ: кто отдастъ старую честь Новугороду? Кто смоетъ посрамленіе съ самого меня? Кто отдастъ мнѣ мою Машу? Машу!...« Слезы насильно брызнули изъ глазъ Буслая, онъ упалъ въ объятія Владиміра и зарыдалъ громко.

— Другъ и братъ! Богъ помощникъ, не губи только себя.

»Нѣтъ! прошли мои радости и погибли навсегда! Другъ! Машу отдаютъ за какого-то Московскаго воеводу: ей не пережить этого, да и мнѣ не къ чему оставаться на бѣломъ свѣтѣ! Когда-бы не побоялся погубить себя и въ томъ свѣтѣ, тогда, суди-бы меня Богъ! наложилъ руки на себя! . . .

— Но подумай о своемъ отцѣ! Такое-ли утѣшенье ему на старости?

»Эхъ, Владиміръ! чужую бѣду я и самъ руками разведу. . . . Да, брось меня, что тебѣ! Куда ты? въ Москву?«

— Въ Москву, отвѣчалъ Владиміръ, потупляя взоры, тамъ есть у Димитрія такая заноза. . . .

»Сынъ тысячскаго Вельяминова? И ты, Новогородецъ, ѣдешь спакаться съ возмутителемъ? Это-ли совѣты отца твоего? Такъ-ли дѣлать надобно?«

— Я не хочу съ нимъ спакаться; мы просимъ только его совѣта: онъ человѣкъ бывалой, знающій, онъ можетъ пособить Новугороду. Ты слышалъ, что отецъ мой поѣхалъ за данью. . . .

»Такъ прощай-же, вольный Новогородецъ, пока ты еще не платилъ дани!« вскричалъ Буслай. Онъ оттолкнулъ отъ себя Владиміра и захлопнулъ ворота за собою. Слышно было, какъ запѣлъ онъ веселую пѣсню, всходя на крыльцо.

Москва, и не сожженная Татарами, тогда не была еще бѣлокаменною, а Владиміръ засталъ едва остывшій пепелъ ея. Кромѣ каменныхъ стѣнъ Кремля, чернѣвшихся среди обширнаго пожарища, кромѣ рядовъ, кое-какъ построенныхъ, только одинъ посадъ былъ застроенъ. Въ Загородьѣ были землянки и бѣдные домы, гдѣ укрывались отъ холода жители; Зарѣчье

было кое-гдѣ забросано дворами. Вездѣ торчали обгорѣлыя печи, вереи, столбы, замѣтны были груды, завѣянныя снѣгомъ и посреди всего сиротѣющія, обгорѣлыя и ограбленныя церкви. Вспомнивъ о великолѣпномъ Новѣгородѣ, невольно подумалъ Владиміръ: »И этотъ бѣдный городъ побораетъ нашъ Великій Новгородъ? . . .«

Иванъ Вельяминовъ, котораго всѣ привыкли называть тысячскимъ, былъ только сынъ послѣдняго тысячскаго Московскаго, Василья Васильевича Вельяминова. Привыкнувъ уважать отца, народъ Московскій уважалъ и сына тысячскаго, еще болѣе заставлявшаго любить себя за веселый нравъ, умъ хитрый и богатство, котораго онъ не жалѣлъ для веселья другихъ. Бояры часто засыпали у Вельяминова, любившаго угостить вдоволь. Бѣдные люди дрались за пригоршни денегъ, которыя онъ кидалъ въ ихъ толпу, когда собравшись подъ окнами его дома, они напѣвали ему заунывную пѣсню о бѣдномъ Лазарѣ. Честолюбіе снѣдало Вельяминова. Онъ дѣлалъ добро не для добра, но люди не смотрятъ для чего что дѣлается и Вельяминовъ былъ важный человѣкъ въ Москвѣ, такъ, что когда во время войны съ Тверью, онъ перешелъ къ врагамъ Димитрія, ѣздилъ въ Орду отъ Тверскаго Князя и послѣ мира съ Тверью возвратился въ Москву, Димитрій не хотѣлъ, можетъ быть не

смѣлъ наказать его дерзости и бояре и гостиные люди издалека снимали шапки передъ Вельяминовымъ. Таковъ былъ человѣкъ, къ которому явился Владиміръ. Вельяминовы издавна торговали съ Новогородцами и Ѳеодоръ, старый другъ отца тысячскаго Василья, зналъ всѣ тайные помыслы молодаго Вельяминова.

Тамъ, на Лубянкѣ, гдѣ послѣ возвышался домъ храбраго Князя Пожарскаго, выстроенъ былъ тогда новый домъ Вельяминова. Владиміръ стукнулъ мѣднымъ кольцомъ у воротъ. Старый дворникъ отворилъ ему и видя простой нарядъ Владиміра, едва позволилъ ему войдти во дворъ. Хозяина не было дома. Каждый день онъ ходилъ къ заутрени и обѣдни и тогда еще не возвратился изъ церкви. Владиміръ просилъ позволить ему подождать. Дворникъ указалъ ему на крыльцо и велѣлъ тутъ дожидаться. Владиміръ остановился у рѣзнаго столба, задумался и не примѣтилъ, что вокругъ его дѣлалось. Вдругъ по снѣгу заскрыпѣли сани и остановились передъ крыльцомъ; вверху двери растворились: явилась старушка, въ лисьей шапкѣ, въ длинной шубѣ, и перекрестившись, начала переступать со ступеньки на ступеньку, кряхтя при каждомъ шагѣ. Вдругъ Владиміръ невольно вскрикнулъ и поблѣднѣлъ: что онъ увидѣлъ? чего испугался?

Прелестная дѣвушка вышла изъ сѣней и побѣжала по ступенькамъ. Крикъ Влади-

міра останавливаешъ ее: она глядитъ на него . . . Вдругъ лицо ея вспыхнуло, потомъ побледнѣло; она задрожала, какъ осиновый листъ, забыла поклониться незнакомцу и бросилась къ старушкѣ, почти безъ чувствъ. »Что ты, моя кормилица? что ты, моя голубушка?« говорила старушка. Владиміръ не слыхалъ, что шептала ей въ отвѣтъ дѣвица и вниманіе его привлекъ высокій, статный мущина, который въ это время шелъ отъ воротъ на крыльцо.

»Зачѣмъ ты здѣсь, сестра?« спросилъ онъ недовѣрчиво. — Мы ѣдемъ къ тетушкѣ, прошептала робко дѣвушка. Незнакомецъ обратился къ Владиміру: »А ты зачѣмъ здѣсь, добрый молодецъ?« спросилъ онъ. Это былъ самъ Вельяминовъ.

Отвѣтъ Владиміра прояснилъ лицо его. »Добро пожаловать!« молвилъ онъ ласково и хотѣлъ съ Владиміромъ идти въ сѣни, вдругъ, откуда ни возьмись, черный котъ, фыркнулъ и прямо съ одной стороны крыльца перескочилъ между ними и пропалъ. Какъ варомъ обдало Владиміра! Вельяминовъ смѣшался, но протянулъ руку и повелъ гостя вверхъ. Они вошли въ сѣни и потомъ въ особую комнату съ старинными образами въ золотыхъ ризахъ, съ каменьями. Сѣли; Вельяминовъ спрашиваетъ вѣстей у Владиміра.

Но Владиміръ не зналъ, что говорить: онъ мѣшался, краснѣлъ, заикался и Вельяминовъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Новогородца, которому слыхалъ онъ столько похвалъ за умъ и разумъ его.

Чего испугался Владиміръ? Кошки? Не знаю, только Вельяминовъ ничего не понялъ изъ рѣчей его, ходилъ съ досадою по комнатѣ, проспался очень холодно съ своимъ гостемъ и просилъ его пожаловать завтра.

Долго бродилъ по Москвѣ Владиміръ, самъ не зная гдѣ и очутился на Тверской. Здѣсь толпы народа кипѣли дѣятельностію; домы строили не смотря на зиму; вездѣ было веселье, пѣсни и работа; только въ душѣ Владиміра не было веселья и онъ безъ мыслей ходилъ изъ улицы въ улицу. Вдругъ, смотритъ онъ, скачутъ сани, другія, третьи; знакомыя лица! Такъ, онъ не ошибается: это Новогородцы, это сынъ тысячскаго Богдана, вотъ дѣлецъ судной избы его, вотъ еще нѣсколько отъявленныхъ враговъ посадника Ѳеодора! Владиміръ скрылся отъ нихъ, сани пролетѣли мимо и исчезли въ толпѣ народа.

Назавтра поспѣшилъ Владиміръ къ Вельяминову: его нѣтъ дома. Онъ уѣхалъ изъ Москвы, говорятъ Владиміру и возвратится черезъ три дня.

Печально, запершись въ небольшой комнатѣ, сидѣлъ Владиміръ и при свѣтѣ лампадки, вечеромъ, читалъ Псалтирь. Вдругъ на улицѣ, подлѣ его окошка, забрянчало оружіе, слышанъ говоръ людей, слышно, какъ крѣпко стучатъ въ ворота, ломятся въ двери. Владиміръ видитъ бѣду свою и ждетъ ее: онъ отворилъ дверь своей горенки; толпа вооруженныхъ схватываетъ его, куетъ въ желѣзы и ведетъ вонъ. »Новогородецъ! измѣнникъ!« слышны восклицанія непокорыхъ, и Владиміра ведутъ окруженнаго воинами по Московскимъ улицамъ.

»Что за шумъ на улицѣ?« сказала Настасья, сестра Вельяминова, »смотри няня, какая куча народа!« — Ахъ! матъ моя, это ведутъ разбойника, злодѣя, Новогородца! — »Новогородца!« вскричала Настасья, »какого Новогородца?« — А помнишь, мы видѣли его, когда ѣздили къ тетушкѣ твоей Аѳимьѣ Дмитревнѣ, и какъ тебя испугалась!

Въ то время выѣзды дѣвушекъ были рѣдки: они составляли важныя эпохи въ ихъ тихой, уединенной жизни; полгода разговаривала потомъ дѣвушка со своей няней о томъ, что видѣли онѣ въ свой проѣздъ по Москвѣ, кто встрѣчался имъ, что онѣ слышали.

»Няня! что ты говоришь! Онъ разбойникъ? Онъ злодѣй?« вскричала На-

стасья; »нѣтъ! нѣтъ! онъ добрый человѣкъ! Я знаю его.« — Что ты бредишь, моя радость! Какъ тебѣ знать его? — »Я видѣла его. . .« — Ты? Одинъ разъ и то испугалась. — »Нѣтъ, не одинъ разъ, но много разъ: во снѣ его лицо показывалось мнѣ, онъ чудился мнѣ на яву; я его видѣла въ зеркалѣ, когда гадала о своемъ суженомъ, вотъ на послѣднихъ святкахъ!« Настасья заплакала, бросилась къ своей нянѣ и обнимая ее, говорила: »Нянюшка, милая! онъ не злодѣй! Не его провели теперь! Скажи что не его. я подарю тебѣ парчевой повойникъ. . .« Изумленная няня крестилась, творила молитвы и не знала, что отвѣчать, чѣмъ утѣшать Настасью, которая плакала и говорила, какъ помѣшанная.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Кто на свободѣ ходитъ, тотъ не знаетъ, какъ тихо проходятъ часы, дни и недѣли для того, кто не дышетъ свободнымъ Божьимъ свѣтомъ, кто запертъ въ тюрьму, куда и солнышко, кажется, входитъ украдкой, а люди и заглянуть не смѣютъ.

Уже прошла зима, трава зазеленѣла въ полѣ, рѣки потекли безъ оковъ, а Владиміръ все въ тюрьмѣ, да въ оковахъ; прошло лѣто, пошелъ осенній дождь; темныя ночи, темнѣе воронова крыла наступили, а Владиміръ все въ тюрьмѣ.

Или Богъ судилъ ему положить голову за Новгородъ? Видно что такъ! Вотъ на Кучковомъ полѣ, въ Загородьѣ, собралась толпа народа, вотъ очистили мѣсто, народъ зашумѣлъ вокругъ Владиміровой темницы, загремѣли темничные запоры, отворились тяжелыя двери и добраго молодца вывели изъ тюрьмы. Народъ смотритъ на Владиміра: онъ слышитъ, какъ жалѣютъ его молодости и склонивъ голову на грудь, идетъ между рядами стражи.

Но что это! зазвонили въ набатъ? На одной, на другой, на третьей колокольнѣ! Смотрятъ: черный дымъ поднялся на улицѣ, вспыхнулъ домъ, горитъ; вотъ другой, вотъ третій! Ударили въ трещотки; народъ всходился, начался шумъ, крикъ; стражу минутъ, толкаютъ; дымъ разстилается облаками: всѣ бѣгутъ на пожаръ; воины скачутъ, кричатъ .... »Господи, благослови!« крикнулъ кто-то подлѣ Владиміра и одинъ изъ стражей хлопнулся съ разрубленной головой; другой бѣжитъ, третьяго бьютъ. ... Толпа, смятеніе увеличиваются! «Бунтъ! пожаръ!« кричатъ повсюду и вотъ сильная рука выхватила Владиміра изъ толпы: это Буслай!

»Бѣги, скорѣе!« вскричалъ Буслай Владиміру, выдвинувъ его впередъ. Не опомнясь отъ изумленія, Владиміръ бѣжитъ, самъ не зная куда, съ нимъ Буслай и его товарищи: они бросаются въ самое пожа-

рище, бѣгутъ черезъ дворы, черезъ огороды, околицей, но уже слышанъ отвсюду крикъ: народъ, воины скачутъ, бѣгутъ; да гдѣ Москвичу сладить съ Новогородцомъ! Пожаръ усилился, народъ бросился тушить, а Новогородцы поворотили назадъ, обманули преслѣдователей, засѣли между плетнями и тихонько начали пробираться. Но въ темнотѣ, въ смятеніи, они ошиблись дорогой, опять попали въ толпу и что увидѣли!

Прямо передъ ними домъ Вельяминова: ворота растворены, дворъ полонъ народа и сынъ послѣдняго тысячскаго Московскаго, богатый, гордый Вельяминовъ, связанный, блѣдный, идетъ между стражею: его ведутъ на Кучково поле! Народъ ломаетъ окна, двери; кладовыя, погреба разбиты: тамъ дѣлятъ деньги; здѣсь пьютъ медъ и вина изъ полуразбитыхъ бочекъ; тутъ рвутъ парчи, богатыя шкани, сукна, шпофы, ковры. Владиміръ затрепеталъ и упалъ безъ чувствъ въ руки Буслая.

Онъ опомнился и самъ не зналъ гдѣ онъ. Все прошедшее казалось ему мечтою, сномъ: онъ хочетъ подумать, сообразить что съ нимъ было; видитъ вокругъ себя незнакомыхъ людей. Мысли его смѣшаны, бѣшенство кипитъ въ его груди: онъ опять безъ памяти.

Оставимъ Владиміра и посмотримъ, что сдѣлалось въ то время, пока онъ былъ въ тюрьмѣ, что было послѣ того.

Тысячскій Богданъ узналъ, черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Владиміра, о посылкѣ его въ Москву. Онъ спѣшилъ отправить въ Москву своего сына, съ друзьями, желая подслужиться Князю Московскому. Тогда-же Буслай и нѣсколько молодыхъ удальцовъ пропали въ Новѣгородѣ: никто не зналъ, куда они дѣвались. Посланные Богдана донесли Московскимъ боярамъ, что въ Москвѣ живетъ тайно сынъ посадника Ѳеодора. Владиміръ былъ схваченъ. Между тѣмъ, какъ Ѳеодоръ собиралъ дань въ Заволочьѣ, Новгородъ прислалъ отъ себя пословъ просить у Князя Московскаго мира и милости. Униженіе Новогородцовъ казалось рѣшительнымъ. Московскіе бояри отказали во всѣхъ условіяхъ и требовали покорности безъ всякихъ отговорокъ. Послы поѣхали обратно. Вдругъ получена въ Москвѣ вѣсть, что снова ватаги Новогородцовъ появились на Волгѣ, опустошаютъ селенія и города: Ярославцы, Костромитяне съ трепетомъ повторяли имя Буслая. Тогда-же извѣстились о помощи Новугороду, которую обѣщалъ Ягайло, сынъ Ольгерда, Князь Литовскій. Разгнѣванный Великій Князь велѣлъ схватить Вельяминова: у него нашли грамоты Ягайлы, Новогородцовъ, Тверскаго Князя, и Димитрій опредѣлилъ, чего до того вре-

мени не слыхивали въ Москвѣ: казнить смертною казнію Вельяминова и Новогородскаго посланника (*)! Вельяминовъ запечатлѣлъ кровью ненависть свою къ Великому Князю; но Владиміръ спасенъ былъ отвагой Буслая и товарищей его.

Тогда-же объявлена была война Новугороду. Уже никакія предложенія Новогородцовъ не могли защитить ихъ. Димитрій объявилъ, что *будетъ говорить о мирѣ на Новогородскомъ вѣчѣ*. Со временъ Куликовской битвы не видали такого грознаго ополченія. Области подвластныя Москвѣ, отъ Стародуба до Костромы, отъ Можайска до Мещеры, союзники, даже подданные Новагорода: Торжковцы и Вологжане, все соединилось подъ хоругвію Димитрія. Великіе духомъ умѣютъ одушевить, слить въ одно желаніе сердца всѣхъ. Димитрій, побѣдитель Мамая, могъ и умѣлъ показывать силу великихъ талантовъ, какими одарилъ его Богъ для счастія Руси, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ предавался сильной, порывистой волѣ своей и не боялся обстоятельствъ, не слушалъ совѣтовъ другихъ. Такъ онъ разбилъ Бегича на Вожѣ, такъ усмирилъ Тверь, такъ разсѣялъ Мамаевы полчища: и потомъ же Димитрій бѣгалъ отъ Тохтамыша, унижался предъ Ольгердомъ. Но не мое дѣло

(*) Это была первая смертная казнь въ Москвѣ. См. *Ист. Гос. Росс.* Т. V, стр. 44.

разгадывать тайны исторические: я сказываю вамъ, что было. Теперь, Димитрій не слушался робкихъ бояръ своихъ; въ самый Рождественскій сочельникъ, онъ поклонился Московскимъ чудотворцамъ, простился съ Княгинею Евдокіею и черезъ Фроловскія ворота (*) повелъ войско многочисленное и храброе. Князь Владиміръ Андреевичъ, мудрый Димитрій Волынецъ и самъ Димитрій предводили имъ. Оно, какъ огненная рѣка, пошло по областямъ Новогородскимъ: удальцы Новогородскія рѣзались съ нимъ при Торжкѣ, но были разбиты и принесли вѣсть о походѣ Димитрія въ Новгородъ. Въ день Богоявленія Димитрій заслышалъ благовѣстъ Новогородскихъ церквей и велѣлъ остановишься.

Въ это время Новгородъ подобился черной тучѣ, богатой громами и молніями и повисшей вдали на краѣ неба. Рускій боится грозы, пока она не наступила и безстрашно терпитъ бурю и громы, когда они разразились надъ его головою. Всѣ пять Концовъ Новогородскихъ сошлись на главное вѣче въ Ярославлемъ дворѣ. Робкіе умолкли при голосѣ храбрыхъ. Всѣ ждали съ часу на часъ, что прискачетъ къ нимъ гонецъ отъ Ягайлы Литовскаго. Посадникъ

(*) Такъ называли тогда Спасскія ворота.

Феодоръ, посадникъ Григорій говорили народу и всѣ тихо слушали почтенныхъ сановниковъ. Вдругъ видятъ Князя Патрикія Наримантовича, скачущаго на конѣ: онъ всходитъ на вѣче и говоритъ народу, что грамота отъ Ягайлы получена. Ягайло идетъ къ намъ на помогу! вскричали тысячи голосовъ.

»Нѣтъ!« отвѣчалъ Патрикій и мертвое молчаніе ужаснуло всѣхъ. »Ягайло пишетъ Новугороду, что онъ станетъ уговаривать Князя Московскаго помиловать Новогородцовъ, совѣтуетъ вамъ покориться, говоритъ, что ему недосугъ помогать вамъ: онъ теперь въ Вильнѣ; онъ женился на Ядвигѣ, Королевѣ Польской, принялъ Латинскую вѣру, креститъ своихъ Литовцовъ и желаетъ Новугороду здравія и душевнаго спасенія!« Патрикій отдалъ грамоту посадникамъ и печально сѣлъ вспоронѣ; всѣ молчали: никто не смѣлъ высказать другому своего горя и ужаса.

Вдругъ раздвинулся народъ: съ Старо-Русской дороги скачетъ отрядъ воиновъ. Они сходятъ съ коней, идутъ на вѣче и посадникъ Григорій, съ горестнымъ изумленіемъ узнаетъ Буслая и удалую дружину его, храбрыхъ Новогородцовъ. Буслай кланяется въ ноги отцу, кланяется въ поясъ всему народу и подходитъ подъ благословеніе Архіепископа Алексія, который тутъ-же засѣдалъ съ посадниками и ты-

сячскими. »Государь батюшка!« говоритъ Буслай, »прости своего сына за его непослушаніе къ тебѣ! Народъ Новогородскій, прости своего соотчича, что онъ на перекоръ вѣчевой думѣ бился съ Москвичами! Владыко! благослови меня на слово къ народу!«

Какъ легкомысленъ бываетъ народъ, какъ быстро переходитъ онъ отъ уныніи къ яростіи, какъ сильно дѣйствуетъ на него примѣръ рѣшительности и храбрости! Тѣже Новогородцы, за одно мгновеніе молчавшіе, какъ старая могила, оживились и громко воскликнули: »Говори, Буслай Григорьевичъ! Новгородъ слушаетъ тебя.«

»Говоритъ много нѣчего, вольные Новогородцы! Заварили мы кашу, такъ не надобно жалѣть масла! Нашъ Литовскій храбрецъ сидитъ пнёмъ на вѣчѣ (онъ указалъ на Патрикія); Князь Московскій въ двадцати верстахъ; посадники думали, когда бѣда была за горами, а не знаютъ что дѣлать, какъ она спала за плечами. Скажите, Новогородцы: правы-ли мы были тогда, какъ объявили самосудъ отъ Князя Московскаго?«

— Правы! правы! кричали всѣ.

»Гласъ народа, гласъ Божій; но мы не правы были, когда мы сносились съ Литовцами, когда приняли къ себѣ Князя Литовскаго и дали ему удѣлъ; мы не правы были, когда жгли города и посады Ди-

мандрія, когда не хотѣли платишь ему законной дани. Слушайте, Новогородцы: часъ суда Божія наступаетъ! Станемъ за правое, откажемся отъ неправаго. Намъ нѣкогда и нѣчего думать. Пошлемъ еще къ Князю Московскому: благо, онъ теперь недалеко, но пошлемъ не серебромъ подкупать его бояръ, а сказать самому Князю: мы согласны заплатить тебѣ за все, только не трогай нашихъ правъ, нашей вольности! Мы вышлемъ Литовцевъ въ одну сторону, да и ты ступай въ другую. Мы будемъ подвластны тебѣ, да и ты будь намъ не врагомъ, а другомъ. Согласится онъ: чего-же хотѣть болѣе! Не согласится: умремъ за Святую Софію! Пойдемъ рѣзаться въ станъ его: ждать нѣчего и нѣкогда! Сами запалимъ Великій Новгородъ! Все равно: и безъ того, Димитрій оставитъ на мѣстѣ его одни головни, какъ оставилъ на мѣстѣ Торжка!«

— Умремъ за Св. Софію! закричали всѣ Новогородцы! Право слово Буслая!

»Но кто-же пойдетъ къ Князю Московскому?«

Молчаніе снова. Буслай кланяется Архіепископу. »Владыко Новогородскій! Кому говорить съ Княземъ, кромѣ тебя! Иди, а насъ благослови умереть за великій нашъ Новгородъ.«

Дряхлый старецъ всталъ, благословилъ Буслая, поднялъ очи и руки къ небу

и произнесъ столько: »Иду! буди воля Господня!«

— Да будетъ тако, да будетъ тако! восклицалъ народъ, умремъ за Св. Софію! Посадникъ Григорій обнялъ своего сына и заплакалъ.

Рано поутру у всѣхъ церквей Новагорода зазвонили во вся. Молодые спѣшили съ оружіемъ на площади и за городъ; старцы, жены, дѣти въ Божіи храмы, со слезами молиться за отчизну. Огни загорѣлись вокругъ города и воины Новогородскіе ждали торжественнаго шествія.

Московскій станъ стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ. Уже удальцы съ обѣихъ сторонъ выскакивали въ поле, бились, зачинали драку. Звонъ колоколовъ, толпы народа около города, все показывало нѣчто необыкновенное. И вотъ видятъ: по Московской дорогѣ валитъ народъ, остановился, отъ него отдѣляется толпа иноковъ, священниковъ: самъ Архіепископъ впереди ихъ, съ хоругвями и иконами, при торжественномъ пѣніи: *Спаси Господи люди твоя!* идетъ тихо, медленно, величественно: всѣ Московскіе воины высыпали изъ табора, смотрятъ, дивятся. Духовенство, избранные Новогородцы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ воиновъ вступаютъ въ таборъ; ихъ ведутъ въ ставку самого Димитрія.

»Новгородъ! Новгородъ! что съ тобою будетъ!« думалъ Буслай, опершись на сѣкиру и неподвижно смотря на Московскій таборъ. »Или пробилъ часъ твой? Или ты запустѣешь подъ мечемъ Москвы и только груды развалинъ будутъ означать мѣсто, гдѣ ты красовался своими дѣвами, славился юношами и гремѣлъ богатствомъ и честію!«

— По дорогѣ Московской пыль! закричалъ сторожевой. »Станъ Московскій зашевелился!« кричитъ другой. Всадники Новогородскіе скачутъ назадъ! проговорилъ конникъ, мчась во весь опоръ въ городъ. »Что? что?« спрашиваютъ его со всѣхъ сторонъ. — Погибель Новугороду! отвѣчаетъ онъ — все напрасно! Разгнѣванный Князь не беретъ дани, нейдетъ на договоры! — »Чего-жъ хочетъ онъ?« спрашиваетъ нетерпѣливый Буслай. — Твоей головы, всѣхъ зачинщиковъ бунта въ свою волю, уничтоженія самосуда или — погибели Новугороду!

»Такъ погибни-же Новгородъ!« вскричалъ одинъ Новогородецъ и схватя головню изъ разведенныхъ огней, кинулъ на соломенную крышку своего дома! »Погибни!« закричали другіе — и все предмѣстіе вспыхнуло: красный огонь зашумѣлъ столбомъ и багровое зарево освѣтило таборъ Московскій. Въ городѣ начался шумъ, всѣ въ отчаяніи бросились къ оружію: »Въ таборъ Московскій!« кричалъ народъ, »ум-

ремъ за Святую Софію!« — Гдѣ Буслай? спрашивали воины и воеводы передоваго отряда. Ему поручено было начальство, но Буслай уже былъ далеко!

Онъ и удалая дружина его, неотстававшая отъ него, прискакали уже въ станъ Московскій, бросили оружіе и требовали свиданія съ Княземъ Московскимъ. Ихъ повели въ ставку Димитрія, между рядами воиновъ, готовыхъ на брань.

Что увидѣлъ тамъ Буслай! Великій Князь Московскій, въ бархатномъ кожухѣ, съ золотыми петлями, въ вѣнцѣ, стоялъ по срединѣ. Высокій, дородный, съ быстрыми, свѣтлыми очами своими, окруженный безмолвнымъ сонмомъ князей и бояръ, онъ казался грознымъ судіею. Предъ нимъ, съ потупленными взорами стояли Владыко, посадники и житные люди Новагорода и на колѣняхъ Владиміръ, сынъ посадника Ѳеодора. Онъ прискакалъ изъ Москвы, не явился въ Новгородъ, узналъ всѣ происшествія и спѣшилъ предать себя въ руки Князя, какъ преступникъ, уже осужденный имъ на смерть.

»Кто вы, буйная толпа?« спросилъ гнѣвно Димитрій, видя входящую дружину Буслая.

— Надежа Государь! отвѣчалъ Буслай, низко преклоняясь, »ты видишь Буслая, который жегъ и грабилъ Ярославль, когда вѣче опредѣлило уже покориться тебѣ, ты видишь виновника Московскаго

смятенія, видишь Новогородца, котораго головы ты требовалъ, и я приношу тебѣ мою голову! Юноша, сынъ посадника Ѳеодора, невиноватъ. Онъ былъ посланъ отъ Новагорода умилостивить тебя: я спасъ его отъ плахи! Вотъ и всѣ мои товарищи!

Изумленный Димитрій быстро посмотрѣлъ на Буслая. »Много-ли у тебя въ запасѣ головъ, что ты такъ милостиво даришь ими! Измѣнникъ! что побудило тебя на раззореніе и погибель?«

—За Новогородцовъ, Государь, я жегъ твои города и за нихъ умру теперь! Бери сколько хочешь казны и оставь Новгородъ на его судѣ! Мы отказываемся отъ Литвы, мы будемъ тебѣ покорны! Не то, смотри что дѣлаютъ Новогородцы! Онъ откинулъ полу шатра Княжескаго: вдали видны были полки Новогородскіе, готовые въ бой и пламень пожара окровавлялъ пасмурное небо.

Димитрій задумался. Въ это время, сѣдовласый владыка Новагорода, старецъ Алексій, упалъ на трепещущія колѣна свои и воскликнулъ: »Сердце царево въ рукѣ Божіей! Господи! вложи ему мысль благую и милостивую!« И добрый Князь Димитрій умилился: онъ заплакалъ самъ, обратился къ образу. »Боже великій!« сказалъ онъ, »Ты слышишь человѣка, въ день печали его, да не до конца погибнетъ! Новогородцы!« воскликнулъ онъ . . . остановился на

мгновеніе и прибавилъ тихо: »да проститъ васъ Богъ, какъ я васъ прощаю! О если бы вся Русь была такъ сильна духомъ, какъ вы, не тяготѣло-бы иго темнаго царства надъ православными!«

Всѣ пали къ ногамъ его, всѣ, кромѣ Владиміра, Буслая и друзей его: они стояли, какъ осужденные. »Великъ и милостивъ Князь всея Руси!« воскликнули Новогородцы и бояры Московскіе, но они умолкли. Димитрій задумался, обратился къ Буслаю. »Буслай!« сказалъ онъ, »скажи мнѣ правду, какъ передъ страшнымъ престоломъ Божіимъ: не запятналъ-ли ты рукъ кровью Христіанскою?«

— Нѣтъ! сказалъ Буслай, я былъ не убійца, не тать! Честнымъ боемъ сражался я и не позорилъ имени Новогородскаго убійствомъ!

»И такъ, да судитъ тебя Богъ! Я прощаю всѣхъ васъ! Тушите пожаръ и ждите меня въ Новгородъ, какъ званаго гостя!«

Радость разлилась по табору. »Пощада, милость Великаго Князя Новугороду!« Эти слова понеслись вихремъ въ городъ. И старцы, жены, дѣти со слезами встрѣтили владыку Алексія, посадниковъ и Буслая съ дружиною. Всѣ цѣловались, обни-

мались, какъ братья; богатые прощали долги бѣднымъ; дѣти лепетали: Князь Московскій не сердится!« и Московскіе воины помогали тушить пожаръ.

Съ горя пьетъ Рускій, какъ не выпить съ радости! Поблагодаривъ Бога въ соборномъ храмѣ Свят. Софіи, толпа повалила къ посаднику Григорію, который жилъ близко. Выкатили бочки меду и Сентябрьскаго пива, роздали ковши и пошла гульба!

Посадники обнимались, радовались, когда вошелъ смиренно и сталъ подлѣ дверей тысячскій Богданъ. »Добрые люди,« сказалъ онъ, кланяясь имъ низко, »простите меня грѣшнаго! Покривилъ душею: не помяните стараго! Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ! Григорій Якуновичъ.«

Кто помнитъ обиду, когда сердце хочетъ выскочить отъ радости! Всѣ обнялись и Буслай вспрыгнулъ съ лавки и бросился въ ноги къ отцу, когда тотъ потребовалъ у Богдана руки дочери его своему сыну. Черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ Богдана застучали въ тазы и сковороды (*). »Братъ Владиміръ обними меня,« сказалъ Буслай, »да не кручинь-

(*) Такъ всегда дѣлывалось прежде въ томъ домѣ, гдѣ просватывали дѣвушку.

ся! Твоя зазноба въ Новѣгородѣ,« сказалъ онъ ему шопотомъ. »Настасья Вельяминова уѣхала изъ Москвы съ матерью, когда узнали онѣ, что близко погибель тысячскаго Московскаго: у нее осталось еще животовъ столько, что есть чѣмъ позвенѣть въ уши отца твоего. Но поѣдемъ поскорѣе къ Машѣ: у меня рѣшивое изныло съ горя!«

На другой день Князь Димитрій пріѣхалъ въ Новгородъ. Его приняли какъ отца, вынули изъ Софійской казны 3000 рублей, да поднесли ему на серебряномъ блюдѣ, а 5000 собрали послѣ и послали въ Москву, вмѣсто гостинца. Новгородъ остался по старому, а за то, на отъѣздѣ добраго, милостиваго Князя, Новогородцы гуляли, какъ гуляютъ Рускіе. А тамъ что-же? Богатымъ не пиво варить, не вино курить: Буслай какъ соколъ поѣхалъ съ Машей къ вѣнцу, а потомъ, возвратясь домой, засѣли за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы медвяныя: и старухи пошли плясать, когда дружка доложилъ, что на столъ поставили куря, съ калачемъ и съ солонкой. Гости усмѣхнулись и съ шумомъ выпили за здоровье жениха съ невѣстой по доброй братинѣ заморскаго вина.

Далѣе нѣчего сказывать, примолвилъ Шумиловъ улыбаясь, а тамъ былъ, медъ

вино пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало. Нравится-ли вамъ моя старинная быль?

Это могу спросить у читателей: если Святочные разсказы понравятся имъ, я готовъ пересказать все, что еще слышалъ отъ Шумилова и моихъ старыхъ друзей: были, небылицы, Русскія сказки и присказки. Иначе, могутъ читатели вначалѣ спанья, вмѣсто: *продолженіе*, поспанинъ: *окончаніе*. Н. П.

Парижскія моды.

Aux concerts et aux soirées, les jeunes personnes portent des robes de crêpe, de barèges ou de cot-pali, dont le corsage est drapé ou plissé. Un ruban de gaze satiné, rayé ou à carreaux, ou bien broché en or ou en argent, suit les contours du corsage, forme boucle sur chaque èpaule, et rosette sur chaque mancheron. Trois longs bouts de ce même ruban sont disposés en éventail et descendent depuis la ceinture jusqu'au bas de la robe, où trois rosettes les agrafent.

On voit quantité de bérets en velours plain, bleu, vert, violet ou oreille d'ours, rayé de filets d'or: les uns, très-élevés par devant, ont pour accessoires, de grosses touffes de cheveux, tandis que les autres, très-bas et avançant jusque sur les sourcils ne laissent voir, ur les tempes, que des cheveux lisses.

Въ концертахъ и на вечерахъ, молодыя особы являются въ платьяхъ креповыхъ, барежевыхъ или изъ коттали, у которыхъ корсажъ драпированъ, или въ складкахъ. Газовая атласистая лента, полосатая или съ квадратами, или вышканная золотомъ, а иногда серебромъ, обхватывая округлости корсажа, образуетъ на обоихъ плечахъ вишки и на обоихъ рукавчикахъ по розеткѣ. Три длинные конца той-же ленты расположены вѣеромъ и простираются отъ пояса до низу платья, гдѣ ихъ прикрѣпляютъ тремя розетками.

Замѣтили много беретовъ изъ гладкаго бархата, голубаго, зеленаго, фіолетоваго, или цвѣта медвѣжьяго ушка, полосатыхъ золотою сѣткою; одни изъ сихъ беретовъ бываютъ высоко подняты спереди и уборка волосовъ бываетъ при нихъ въ большихъ пукахъ; другіе, очень низкіе, бываютъ надвинуты до бровей, и на вискахъ видны приглаженные волосы.

На приложенныхъ картинкахъ

1. Тюлевое платье, убранное атласными блондами, тюлевыми буфами и букетами.

2. Суконный фракъ. Плащъ, подбитый плюшемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стран.

Исторія.

О торговлѣ и сношеніяхъ древнихъ народовъ Средней Азіи (соч. Геерена). - - 5

Географія.

Вейскій мостъ. - - - - - - 65

Юриспруденція.

Нѣчто о происхожденіи законовъ (Ѳ. Н. Глинки). - - - - - - - 71

Путешествія.

Путешествіе Англійскаго флота Капитана Кохрена, пѣшкомъ, изъ Петербурга въ Камчатку. - - - - 129 и 213

Отечественныя древности.

Письмо къ Издателю. - - - - 234

II. КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

A practical Treatise on rail-roads, etc. (*Практическое изслѣдованіе о желѣзныхъ дорогахъ*) — A practical Treatise on rail-roads and carriages, etc (*Практическое изслѣдованіе о желѣзныхъ дорогахъ и тѣлегахъ*) — Observations on a general iron-rail-way, etc. (*Замѣ-*

Стр.

ваніи о желѣзныхъ дорогахъ вообще и проч.). 28
Discours sur les révolutions de la surface du globe, etc. (*Разсужденіе о перемѣнахъ земной поверхности и проч.*), соч. Барона Г. Кювье. Парижъ 1825 г. - - 84 и 151
Сочиненія въ прозѣ В. Жуковскаго. Изданіе второе, пересмотрѣнное и умноженное. Спб. 1826 г. - - - - - 169
Письмо В. Н. Берха къ Издателю Телеграфа. 237
Письмо Г-на Классена къ Издателю Телеграфа. 242
Замѣчанія Издателя Телеграфа. - - 246

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1825 и 1826 годовъ. - - - 43, 104, 122 и 263

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Путешествіе Капитана Веддела къ южному полюсу — Государство Халдеевъ — Путешествіе на Монблан — Каналъ для соединенія Атлантическаго моря съ Южнымъ Океаномъ — Извѣстія о В. Скоттѣ — Ученыя общества въ Соединенныхъ Штатахъ. - - - - - 58
Новое пріобрѣтеніе Коленгагенскаго Университета — Минхенскій Университетъ — Доходы и расходы Мексики — Разныя извѣстія о Сѣверной Америкѣ. 117
Состояніе Восточнаго Индійскаго полуострова — Новая комета — Извѣстія изъ Сѣверной Америки. - - - 201
Письмо Г на Вильнёва къ Издателю Телеграфа — Египетскія древности въ Римѣ — Одиссей, полков. Греческ. - - 268
Некрологія: *Антоній Александръ Барбье — Іенсъ Баггезенъ — В. М. Севергинъ — Францъ Антоній Графъ Буасси д'Англа — Іоаннъ Элертъ Боде.* - - 62, 120 и 207
Объявл. отъ Делярт. Внѣш. Торговли — Объ изданіи Р. П. на 1827-й годъ. 123 и 128

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

		Стр.
Вяземскаго, Князя П. А. —	Эпиграмма. -	7
Глинки Ѳ. Н. —	Воззваніе души.	3
———	Солнце. -	49
Барона Розена. —	Мой идеалъ. -	4
. . . . . —	Романсъ. -	49

Проза.

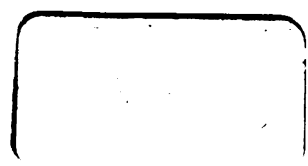
Графъ Сенъ-Жерменъ. - - - - - 7
Баккалавръ Саламанкскій (повѣсть Ирв. Вашингтона). - - - - 14 и 66
Письмо изъ Парижа (извлеченіе). - - 51
Сумасшедшій честолюбецъ. - - - 90
Святочные разсказы (Н. П.). - - 103 и 139
Журналы и Критика (соч. Дюссо). - - 129

II. СМѢСЬ.

Выдержки изъ записной книжки (Кн. П. А. Вяземскаго). - - - - - - - 37
Недомолвки. - - - - - - - 42
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - - 46, 85, 124 и 193

Къ сей части принадлежатъ: *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ и *изображеніе Вѣнскаго моста.*

3 2044 051 719 672



AC
12.99